UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00640632 6

KRUH PŘÁTEL RUSKÉHO DOMOVA
PRAHA II., MYSLIKOVA 6.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

22

Я. ГРОТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

[pt 2]

[p. 305-627]

ТРЕТЬЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1848.
ČSR

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

LIBRARY
NOV 6 1918
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
2027
G7
1885a
t.1
pt.2

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ: «О произношеніи буквъ *э*, *е*, *ѣ*» было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ɛ (на письмѣ э, е, ѣ) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бётлингъ въ своей статьѣ: «Beiträge zur Russischen Grammatik», напечатанной въ академическомъ «Бюллетенѣ»[1], остановился между прочимъ на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бётлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ припискѣ къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ[2].

Но у г. Бётлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкой буквой подвергается не только звукъ ɛ, но и другія гласныя: *а*, *о*, *у*, *і*, *ы*. Объ этомъ говорится и въ самой его статьѣ, и въ припискѣ къ ней. «Звукъ *а* въ словѣ *бани*» — сказано въ статьѣ

[1] Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, № 195, 196. T. IX, № 3, 4. Впослѣдствіи та же статья, въ русскомъ переводѣ, напечатана въ *Ученыхъ Запискахъ I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 58.

[2] См. тамъ же, стр. 90.

г. Бётлинга — «гораздо мягче, нежели *а* въ словѣ *бабы*, среднее *о* въ *мололи* мягче, нежели въ *молола*; такое же различіе замѣчается въ произношеніи буквы *ы* въ словахъ *была* и *были*, звука *и* въ *била* и *били*, наконецъ звука *у* въ *дула* и *дули*. Кому ухо въ этомъ случаѣ измѣняетъ, тотъ пусть наблюдаетъ положеніе рта, которое при произношеніи одного и того же слова (ба, ло, бы, би, ду) бываетъ очень различно, смотря по тому, слѣдуетъ ли за гласною мягкая, или твердая согласная. Тотъ же звукъ, какой имѣютъ *а*, *о*, *у* передъ умягченными согласными, слышится также въ двугласныхъ: ай (напр. въ *дай*), ой (напр. въ *мой*) и уй (напр. въ пожалуй). А, о, у съ предшествующими имъ умягченными согласными или по русскому правописанію: я, ё, ю, при означенныхъ условіяхъ, также измѣняются въ произношеніи: *я* въ словѣ *мяло*, если примемъ въ разчетъ умягченіе предыдущей согласной, звучитъ совершенно такъ же, какъ *а* въ *бабы*, *я* въ *мяли* — какъ *а* въ *бани*; *ё* въ *зелёный* — какъ среднее *о* въ *молола*, *ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *мололи*; *ю* въ *мото* — какъ *у* въ *дула*, *ю* въ *люди* — какъ *у* въ *дули*»[1]. При всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между *э* и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи тоже искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ[2]. Въ приведенныхъ г. Бётлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе. Конечно, г. Бётлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ несходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень неявственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмо-

[1] Русскій переводъ выписываемыхъ въ моей статьѣ мѣстъ изъ изслѣдованія г. Бётлинга сдѣланъ мною еще до напечатанія полнаго перевода въ *Уч. Запискахъ* и потому въ выраженіяхъ обоихъ переводовъ неизбѣжна нѣкоторая разница, хотя, разумѣется, смыслъ обоихъ тотъ же самый.

[2] Или если и существуетъ, то развѣ только едва замѣтно и почти неуловимо.

трѣлъ подробно только двоякій выговоръ звука ε, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и притомъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а*, *о*, *у*, *і*, *ы*. Ниже надѣюсь представить ясное доказательство, что буква *е* въ приведенномъ законѣ произношенія не подходитъ подъ одну категорію съ прочими гласными.

Для этого необходимо изслѣдовать то вліяніе, какое мягкія согласныя имѣютъ на умягченіе предыдущихъ согласныхъ же; но прежде, нежели займемся такимъ изслѣдованіемъ, взглянемъ на общее содержаніе статьи г. Бѣтлинга и остановимся въ ней на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Она содержитъ въ себѣ два отдѣла: I. *Какіе звуки знаетъ нынѣшній русскій языкъ?* и II. *О вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную*. Въ обоихъ отдѣлахъ авторъ часто оспариваетъ мнѣнія русскихъ филологовъ, и особливо Павскаго; но касательно несогласія съ послѣднимъ самъ онъ оговаривается въ выноскѣ (стр. 44), отдавая полную справедливость трудамъ нашего ученаго. «Я бы вообще совсѣмъ не сталъ выставлять слабыхъ сторонъ *Филологическихъ наблюденій* (сказано тамъ же), если бъ это сочиненіе по своимъ достоинствамъ не занимало такого высокаго мѣста въ грамматической литературѣ Русскихъ. Чѣмъ сильнѣе авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно оспаривать цѣлыя теоремы и частныя объясненія, которыя не могутъ выдержать строгой критики». Здѣсь Павскій не въ первый уже разъ встрѣчаетъ возраженіе на нѣкоторыя изъ своихъ мыслей. Особенно рѣзкую критику на многія мѣста «Филологическихъ наблюденій» находимъ мы въ книгѣ кіевскаго ученаго, Костыря: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». Хотя это сочиненіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, однакожъ въ немъ есть очень вѣрныя, остроумныя замѣчанія. Г. Бѣтлингъ, которому, какъ надобно думать, неизвѣстна была книга Костыря, сходится съ нимъ иногда въ своихъ сужденіяхъ. Приводя объясненіе Павскаго, будто въ глаголахъ

мыть, *крыть* и т. п. буква.*о* въ настоящемъ времени явилась для замѣны *ъ*, который, ставъ на мѣсто *ы*, не могъ устоять въ серединѣ слова, г. Бѣтлингъ говоритъ: «На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ ничто (ъ), а чтобы соединиться съ личнымъ окончаніемъ, это ничто получаетъ въ помощь гласную *о*». Это замѣчаніе напомнило намъ «нигилизмъ еровъ» у Костыря, который въ § 9 первой части своего труда подробно разсматриваетъ придуманный Павскимъ законъ и приходитъ почти къ тому же заключенію.

Разсматривая вопросъ, въ какой мѣрѣ русское письмо дѣйствительно соотвѣтствуетъ живой рѣчи, г. Бѣтлингъ основательно замѣчаетъ, что въ нашей азбукѣ для гласныхъ по-настоящему слишкомъ много знаковъ, а для согласныхъ слишкомъ мало. Къ этой мысли приводитъ его наблюденіе, что такъ называемыя мягкія гласныя: и, я, ю, ѣ, е (ё) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласною, то собственно смягчается она, а вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя: такимъ образомъ, если разложить слова: *пуля*, *морю* на дѣйствительно находящіеся въ нихъ звуки, то выйдетъ, что надобно бы писать ихъ: *пулъа*, *моръу* или *пул'а*, *мор'у*, какъ пишетъ г. Бѣтлингъ, принявъ польскій способъ означенія мягкихъ согласныхъ. Та же самая мысль была уже прежде выражена русскимъ филологомъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года (Т. XXXV) остроумный критикъ «Филологическихъ Наблюденій», Н. Н. (Надеждинъ), упоминая о системѣ азбуки, предложенной Сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стефановичемъ, въ которой буквы *я* и *ю* вовсе отброшены, а вмѣсто ихъ пишутся твердыя гласныя *а* и *у* съ предыдущимъ *ь*, примѣняетъ этотъ способъ правописанія и къ русскому языку. «При употребленіи буквъ *я* и *ю*» — говоритъ онъ между прочимъ — «мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на *ъ* и на *ь*, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*.

При системѣ правописанія Вукова, тутъ не требовалось бы никакихъ оговорокъ и различеній: ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ*: коня, коню, коньомъ, коні, коньами т. д.». Совершенно къ тому же заключенію приходитъ и г. Бётлингъ въ концѣ перваго отдѣла своей статьи. Исключивъ такимъ образомъ мягкія гласныя и введя, на мѣсто ихъ, мягкія согласныя, г. Бётлингъ представляетъ слѣдующую таблицу звуковъ:

I. Гласныя.

а) *Одногласныя.*

1. а, о, у.
2. і, ɛ, ä (ɛ выражаетъ у него сжатый звукъ первой гласной въ словахъ: шея, сѣли, эти, а ä — широкій звукъ въ словахъ: шестъ, ѣхать, этотъ).
3. ы.

б) *Двогласныя.*

аі, оі, уі, ɛі (передъ й наши буквы е, ѣ, э никогда не могутъ имѣть широкаго звука ä, вотъ почему мы и не находимъ здѣсь сочетанія äі).

II. Согласныя.

а) *Простыя:*

Нѣмыя (Mutae) { твердыя: к, т, п. мягкія: г, д, б.

Носовыя (Nasales): н, м.

Придувныя (Spirantes) { полугласная: j. твердыя: х, с, ш, Ф. мягкія: ȝ, з, ж, в (ȝ означаетъ мягкое г въ словахъ: Господь, благо).

Звуки л, р.

б) *Сложныя:*

α) т + с : ц.

β) т + ш : ч (щ вышущено, какъ буква составная).

γ) умягченныя посредствомъ j согласныя:

к' т' п'
г' д' б'
н' м'
х' с' ш' ф'
ꙁ' з' ж' в'
л' р'.
ц' ч'.

Ошибочно было бы однакожъ думать, будто г. Бэтлингъ отдаетъ этой азбукѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, преимущество предъ общеупотребительною: онъ свою схему считаетъ только удобнѣйшею для теоретическихъ изслѣдованій языка; что же касается азбуки кирилловской, то онъ сознается, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, который такими малыми средствами можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, не оставляя никогда ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ согласная въ показанномъ отношеніи должна быть произносима. Помощію такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я* и *ю* и знака умягченія (ь) можно было обойтись безъ j (йотъ) и 20 особыхъ знаковъ для согласныхъ, которыя совершенно слились съ этимъ j». Предложивъ свою систему русской азбуки, г. Бэтлингъ разсматриваетъ отдѣльно каждую букву; остановимся на нѣкоторыхъ изъ частныхъ его замѣчаній.

О гласныхъ *i*, *ɛ*, *ä* (см. азбуку г. Бэтлинга) онъ говоритъ: «Онѣ соединяются почти исключительно съ умягченными согласными и съ j. Поэтому можно бы ихъ назвать *умягчительными* гласными. Г. Павскій полагаетъ, что *и*, *е*, *ъ* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ *к*, *г*, *х*, и съ губными буквами должны быть произносимы не мягко, а твердо. Въ переводѣ на нашъ способъ возврѣнія это значило бы, что *к*, *г*, *х* и губныя не умягчаются передъ *i*, *ɛ*, *ä*. Но моему уху слышится умягченіе *к* въ *въки*, *спки*

и *кѣмъ*, *г*—въ *бѣги*, *х*—въ *грѣхи* и *грѣхѣ*. Стóитъ только сравнить приведенное *кѣмъ* (т. е. к'äм) съ нѣмецкимъ повелительнымъ *kämm*, вмѣсто *kämme*, чтобы убѣдиться, что фонетическое различіе обоихъ этихъ словъ заключается единственно въ томъ, что въ *кѣмъ к* выговаривается умягченно, а въ *kämm'* — неумягченно. Что въ словахъ *вѣки*, *бѣги* и *грѣхи* звуки *к*, *г*, *х* умягченные, подтверждается и произношеніемъ буквы *ѣ*, зависящимъ отъ этого умягченія».—Все это совершенно справедливо. Въ подкрѣпленіе выраженной здѣсь мысли приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Съ произношеніемъ слова *далёкія* сравните выговоръ небольшого предложенія: *далёкъ и я*. Разница большая, а въ чемъ она заключается? только въ томъ, что въ первомъ случаѣ *к* мягкое (к'), а во второмъ—твердое, или, примѣняясь ко взгляду Павскаго,—что въ первомъ послѣ *к* стоитъ *и*, а во второмъ—*ы*. Сравнимъ еще въ томъ же смыслѣ слѣдующіе примѣры: *смѣхъ и слёзы*—*смѣхи*, *слезы*; *нѣгъ Италіи*—*нѣги Таліи;* здѣсь различіе произношенія обнаруживается не только на буквѣ *и*, но и на *ѣ*, согласно съ закономъ, о которомъ говорено было въ началѣ нашей статьи; если бъ буквы *х* и *г* въ этихъ примѣрахъ стояли безъ умягченія, то не было бы причины выговаривать предыдущую гласную въ словахъ *смѣхи*, *нѣги* другимъ образомъ, нежели въ словахъ *смѣхъ*, *нѣгъ*. Такъ-то законъ произношенія звука ε можетъ имѣть во многихъ случаяхъ примѣненіе, служа къ рѣшенію другихъ фонетическихъ вопросовъ. Г. Бӭтлингъ продолжаетъ: «Когда г. Павскій, въ опору своего мнѣнія, что буква *к* не смягчается въ словахъ *легкій*, *далекій* и *емкій*, ссылается на выговоръ предшествующаго ей *е* за *ё*, то противъ этого довода можно бы привести, что въ прилагательныхъ на *кій*—какъ г. Павскій самъ во многихъ мѣстахъ положительно замѣчаетъ—дифтонгъ произносится какъ *ой*, и въ этомъ случаѣ *к* естественно остается неумягченнымъ». Здѣсь г. Бӭтлингъ хотя и справедливо опровергаетъ доводъ Павскаго[1], но самъ упустилъ изъ виду, что во

[1] Фил. Набл. I, § 121, прим. 2.

множ. числѣ (*далекіе*, — *кихъ* и т. д.) буква *и* удерживаетъ свое собственное произношеніе: слѣдовательно основаніе возраженія должно быть другое. Въ словахъ *легкія* и *емкія* (беремъ нарочно множ. число) не можетъ быть рѣчи о вліяніи мягкаго звука на произношеніе *е*: потому что слоги *лег* и *ем* оканчиваются рѣшительно твердымъ звукомъ (лёхъ, ёмъ),—отъ чего бы это ни происходило: отъ того ли, что слѣдующее за этими слогами *к* дѣйствительно никогда не умягчается, или отъ того, что умягченное *к* не оказываетъ вліянія на предшествующую ему согласную. То же самое находимъ мы въ словахъ: *плёткн*, *пелёнки*, *сёмн*, *метёлки*, *ёлки* и многихъ другихъ. Перейдемъ къ слову: *далёкія*. Павскій думаетъ, что тутъ *ё* слышится потому, что за нимъ въ сущности слѣдуетъ не *ки*, а *кн* (кы). Отъ вниманія Павскаго укрылось, что звуковъ *ё* не такъ-то рѣдко кончается слогъ, за которымъ слѣдуетъ мягкій звукъ; для примѣра приведемъ слова: *тё-тя*[1], *тё-тенька*, *Лё-ля*, *рублё-вик*ъ, *конё-вой*, *Слё-нинъ*, въ *клё-нъ*, *черноэё-мъ*, *ведё-те*, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ буквы *т*, *л*, *в*, *н*, *м* оставались безъ умягченія передъ гласными *я*, *и*, *і*, *ъ*, *е*. Итакъ приведенное Павскимъ обстоятельство въ подтвержденіе мысли его, будто *и* послѣ *г*, *к*, *х*, нельзя считать за мягкую букву, не есть доказательство. Впрочемъ, и одинъ слухъ уже достаточно убѣждаетъ, что *ги*, *ки*, *хи* произносятся совсѣмъ не такъ, какъ еслибъ было написано *гы*, *кы*, *хы*,—звуки, которые можно слышать только при сліяніи *ера* въ концѣ слова съ буквою *и* въ началѣ слѣдующаго; примѣры тому мы уже представили. По нашему мнѣнію, *и* произносится какъ *ы* (или почти какъ *ы*) только послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, да и то не всегда, или другими словами, только они могутъ оставаться неумягченными передъ звуками *и*, *е*. Это видно въ словахъ *невъ-жи*, *мъ-шій*, *цифра*. Въ послѣднемъ словѣ ясно слышится *ы*, въ двухъ первыхъ присутствіе его послѣ *ж* и *ш* доказывается широкимъ выговоромъ гласной *ъ*, которая передъ *і* должна бы

[1] Въ словаряхъ находимъ: *тета*, но этому противорѣчитъ живой языкъ.

быть произносима сжато; надобно впрочемъ замѣтить, что иногда ее въ самомъ дѣлѣ такъ произносятъ въ этихъ словахъ; вотъ почему мы и говоримъ, что *ж* и *ш* только *могутъ* оставаться безъ умягченія передъ гласными *и*, *ѣ*. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія противорѣчіе, которое находимъ у Павскаго въ разсужденіи буквы *ц*. Въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 65) сказано: «хотя нынѣшнее правописаніе въ угодность уху допустило при *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* твердыя гласныя, смыслъ долженъ видѣть въ сихъ гласныхъ мягкія. Хотя пишемъ, *отецъ*, *стражъ*, *мечъ*, *юноша*, *рощу*, но долженъ воображать *отець*» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (I, стр. 91) напротивъ читаемъ: «Сказанное о небныхъ буквахъ *гкх* во всей силѣ относится и къ зубной буквѣ *ц*. И она не терпитъ послѣ себя *ъ*-я и передъ нимъ измѣняется на *ч*. Буква *ц* есть то же, что *къ* (ср. § 52). И слѣд. по приложеніи къ ней другаго *ъ*-я вышло бы стеченіе двухъ *ъ*-ей». Если такъ, то зачѣмъ же намъ вмѣсто *отецъ* воображать *отець*, которое, по 2-му изъ приведенныхъ мѣстъ, то же что *отечь*? Ссылка на § 52-й не разрѣшаетъ этого противорѣчія, хотя здѣсь авторъ «Филолог. Набл.» и признаетъ какое-то колебаніе буквы *ц*, находя, что она иногда допускаетъ послѣ себя мягкія гласныя, а иногда нѣтъ: «слоги *ци*, *це*», замѣчено тамъ, «часто видимъ на бумагѣ, а *ця*, *цю* никогда не слышны въ разговорѣ, и не показываются на письмѣ». Послѣ разсмотримъ мы подробнѣе натуру буквы *ц*, а теперь удовольствуемся предложенными замѣчаніями, такъ какъ предмета этого не возможно исчерпать до тѣхъ поръ, пока не обратимся къ взаимному соотношенію мягкихъ согласныхъ, предыдущихъ съ послѣдующими. Тогда займемся также звукомъ *ч* и увидимъ, справедливо ли Павскій утверждаетъ, будто послѣ *ч*, равно какъ и послѣ *ж*, *ш*, всегда слышится *ы* вмѣсто *и*, означаемаго на письмѣ.

Мы совершенно согласны съ г. Бэтлингомъ, что у звукосочетаній *ай*, *ой* и т. п. никакъ нельзя отнять названія *дифтонговъ*. Справедливо замѣтилъ онъ также, что русскому языку не свойственны двогласные *ый*, *ій*, которыхъ мы всячески избѣгаемъ, и что вообще языкъ не любитъ двогласныхъ въ замкнутомъ слогѣ

(in geschlossener Silbe). Сверхъ приведенныхъ имъ примѣровъ этихъ особенностей, надобно упомянуть о прилагательныхъ съ ударепіемъ на окончаніи: *кривой*, *глухой* (вм. —ый, ій), также о словахъ: *змѣй*, *соловей*, *воробей*, *Сергій*, *лей*, *бей* и др., которыя образовались у насъ изъ первоначальныхъ *змій* и т. д. Дифтонгъ *ій* сохраняется только въ словахъ *винійство*, *убійство* (— ца), *кровопійца*, да въ род. над. мн. числа такихъ именъ сред. рода, какъ *имѣніе*, *усиліе* и пр., и женскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: *стихія*, *претензія* и т. д.

Переходя къ согласнымъ буквамъ, авторъ статьи въ «Бюллетенѣ» начинаетъ свои замѣтки съ *г*. Нельзя не одобрить, что онъ отличилъ особымъ знакомъ тотъ звукъ этой буквы, который у насъ соотвѣтствуетъ греческому густому дыханію въ именахъ *Гомеръ*, *Гекторъ*, а также слышится въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ, какъ-то *Господь*, *благо* и проч. Надобность въ отличеніи этого звука признавалъ и упомянутый нами прежде критикъ «Филологич. Набл.» въ Отеч. Запискахъ, помѣстивъ въ своей схемѣ, сверхъ Г (= g), еще особое Г (= h). Г. Бётлингъ пошелъ далѣе и отмѣтилъ этотъ звукъ знакомъ ɣ[1], тѣмъ самымъ, который акад. Шегренъ ввелъ для осетинскаго языка, а самъ авторъ употребилъ впослѣдствіи для якутскаго. У насъ, за исимѣніемъ въ языкѣ латинскаго и нѣмецкаго *h*, звукъ ɣ по необходимости заступаетъ мѣсто этого *h*; но конечно г. Бётлингъ правъ, говоря, что ɣ по выговору гораздо ближе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *g* въ *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Въ соотвѣтствіе буквѣ ɣ авторъ справедливо поставилъ х. Въ доказательство этого приведу съ своей стороны, что когда слово въ именит. падежѣ кончается на *г*, имѣющее звукъ *х*, то въ косвенныхъ падежахъ онъ превращается въ ɣ, напр. *Богъ*, *Бога*; *Петербургъ*, — *га*, *гу*; *Лейпцигъ*, — *га*, точно такъ же, какъ заключительное *г*, имѣющее въ имен. падежѣ

[1] Срезневскій употреблялъ для этого звука также особый знакъ *ґ*. См. его статью: «О сродствѣ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ». Журн. М. Н. Пр., т. XLVIII. Тотъ же звукъ г. Катковъ пишетъ ĝ («Объ элем. и фор. славяно-рус. языка»).

звукъ *к*, въ косвенныхъ падежахъ слышится какъ чистое *г*: *врагъ*, *врага*, *лугъ*, *луга*[1]. Замѣчу еще, что передъ *д* буква *г* звучитъ всегда какъ ѣ, напротивъ передъ *т*—какъ *х*: сравнимъ нарѣчія *когда*, *тогда*, *гдѣ* и проч. съ именами *нощи*, *ночи*. Есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* по требованію выговора превратилась въ *г*, но приняла такое же различное произношеніе, смотря по слѣдующей согласной; эти два слова *гдѣ* (вм. кдѣ) и *мягкій* (вм. мягкій). Изъ взаимнаго соотвѣтствія буквъ ѣ и х г. Бэтлингъ вывелъ интересное заключеніе касательно истиннаго выговора *г* въ старо-славянскомъ языкѣ: такъ какъ *х* посредствомъ умягченія превращалось въ *с* и *ш*, а *г*—въ *з* и *ж*, то весьма естественно принять, «что въ этомъ языкѣ *г* было соотвѣтственнымъ мягкимъ звукомъ не *к*, а *х*, и что у Русскихъ звукъ *г* образовался уже въ позднѣйшее время изъ ѣ. Потому насъ не должно поражать, что Малороссіяне до сихъ поръ произносятъ *г* какъ ѣ». Такимъ образомъ буквѣ *к* въ старо-сл. языкѣ не соотвѣтствовало *г*, и этимъ объясняется, почему послѣднее не умягчилось въ *дз* и *дж* подобно тому, какъ *к* получило свое двоякое умягченіе *ц* (тс) и *ч* (тш). «Въ польскомъ языкѣ» (говоритъ г. Бэтлингъ), «гдѣ звукъ *г* болѣе укоренился, нежели въ русскомъ, умягченіемъ *ц* дѣйствительно является соотвѣтствующее ему *дз*: такъ слово *noga* въ дат. и мѣстномъ падежѣ имѣетъ *nodze*».

Въ одномъ примѣчаніи мимоходомъ упоминается о произношеніи гласной *о*, когда на ней нѣтъ ударенія. «Г. Срезневскій»—сказано тутъ—«считаетъ это *о* за звукъ, стоящій посреди между *а* и *о*, и отличаетъ его знакомъ â. Я—продолжаетъ г. Бэтлингъ—при всемъ моемъ стараніи, не могъ подмѣтить никакого различія между *о* безъ ударенія и такимъ же *а*». Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится и съ авторомъ «Филолог. Набл.», который также говоритъ (I, § 113), что въ произношеніи *о* безъ ударенія слышится что-то среднее между *о* и *а*: «*олень*, *говорю* и

[1] Сюда же относятся прилагательныя: благъ (х), блага, го (ѣа ѣо), нагъ (к), нага, го и др., и производныя отъ нихъ существительныя благость, нагота.

пр. Не произносимъ прямо *алень*, *говорю*, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаемъ яснаго выговора *о*». При этомъ спрашивается: тѣ, которые не признаютъ тожества выговора *о* безъ ударенія и *а*, не отъ того ли принимаютъ средній звукъ, что при повѣркѣ *о* буквою *а* они повышаютъ голосъ на послѣдней, такъ что она слишкомъ рѣзко слышится? Не имѣетъ ли *а* безъ ударенія также какого-то средняго звука, и не отъ того ли происходитъ, что природные Русскіе, у которыхъ, слѣдовательно, надобно предполагать самый утонченный въ своемъ языкѣ слухъ, нерѣдко пишутъ различно одни и тѣ же слова, напр. *расти* и *расти*, *рождать* и *раждать*, *догорать* и *догарать*, *козакъ* и *казакъ*, *олтарь* и *алтарь*. Предоставляю еще на судъ читателей рѣшить, различается ли чѣмъ-нибудь выговоръ *о* и *а* въ словахъ: *умоляю* и *умаляю*, *притворю* и *предварю*, *разорю* и *озарю*, *наколю*, и *накалю* (только надобно выговаривать, какъ всегда, т. е. умáлю, а не умáлю). Г. Бэтлингъ не останавливается, впрочемъ, на сродствѣ звуковъ *а* и *о*, о которомъ и Павскій упомянулъ только вскользь, но это сродство заслуживало бы болѣе вниманія. Замѣчательно, что *а* съ удареніемъ у насъ иногда произносится какъ *о*, и это не въ одномъ только родит. падежѣ прилагательныхъ (*молодаго*, *большаго*). Павскій, замѣтивъ только этотъ послѣдній случай, объясняетъ его «предположеніемъ, что гласная *а* для сокращенія выпала, и мѣсто ея, какъ слѣдуетъ, заняли ея мѣстоблюстители, послѣ твердыхъ согласныхъ—ъ, а послѣ ж ч ш щ—ь, которыя по всѣмъ правамъ превратились потомъ въ бѣглое *о*». Этимъ предположеніемъ не объясняются другіе случаи превращенія *а́* въ *о́*. Въ глаголѣ *платить* буква *а* принадлежитъ къ корню; но какъ скоро на нее перейдетъ удареніе, мы говоримъ: *пло́тишь*, *пло́титъ*, *заплó-чено*, хотя по упрямству грамоты и пишемъ все-же *а*. Правда, такое превращеніе въ этомъ словѣ слышится не всегда, но къ нему слухъ народный обнаруживаетъ рѣшительную наклонность: такъ точно мы въ простонародномъ быту нерѣдко слышимъ: *ко́-тишь* вмѣсто *ка́тишь*, *посóдить* вм. *посáдить*, а иногда еще *по-до́ришь*, вм. *подари́шь*, *вóлишь*, *вóришь*, *тóщишь*, вм. *вáлишь*, *ва́-*

ришь, та́щишь; слово *заря́*, при переходѣ ударенія на первый слогъ, измѣняется въ *зо́рю*; *кайма* въ род. множ. числа имѣетъ *ко́ймъ*. Бываетъ и наоборотъ, что когда *о* при видоизмѣненіи слова получитъ удареніе, то эта гласная уступаетъ мѣсто буквѣ *а́*. Такъ изъ *смотрѣть*, *удобрять*, *колоть* образовались: *разсма́тривать*, *уда́бривать*, *раска́лывать*. Случается иногда и просто, что *о́* переходитъ въ *а́:* такъ *настра́ивать* получилось изъ *стро́ить*. Всѣ эти явленія не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ тѣснымъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ родствомъ гласныхъ *а* и *о*. Замѣна ихъ одна другою встрѣчается иногда и при умягченныхъ согласныхъ, или, другими словами, *я* превращается въ *ё:* вмѣсто *тре́тьяго дня* говорятъ *третёва дня*, вм. *запря́чь — запрёчь*, вм. *затря́лся — затрёлся*. Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ еще, что иногда предлогъ *раз*, когда на *а* упадаетъ удареніе, превращается въ *ро́з*, а предлогъ *по́* въ *па́:* вм. *ра́зняли* говорятъ *ро́зняли*, вмѣсто *ра́зобрало — ро́зобрало*, вм. *ра́зсказни — ро́зсказни*, вм. *по́губа — па́губа;* въ Тамбовской губерніи земляника называютъ *па́земкой* (не *поземкой*)[1].

До сихъ поръ мы въ статьѣ г. Бётлинга касались только такихъ пунктовъ, которые болѣе или менѣе въ связи съ предметомъ нашего собственнаго изслѣдованія. Теперь мы могли бы уже перейти къ главной цѣли нашей; но, встрѣтивъ у г. Бётлинга одну весьма смѣлую этимологическую догадку, требующую ближайшаго разсмотрѣнія, мы сперва займемся ею. Говоря объ умягченіи губныхъ согласныхъ (п, б, м, в) посредствомъ звука *л*, авторъ разбираемой статьи увлекается мыслію, что *л* явилось этимъ путемъ не только въ глаголѣ *плевать*, но и въ словахъ *слюна*, въ которомъ будто бы передъ *л* выпала буква *п*, и такимъ образомъ онъ доходитъ до заключенія, что эти два слова принадлежатъ къ одному корню. Вотъ его доводы: «Латинскому глагольному корню *spu*-o соотвѣтствуетъ въ готскомъ языкѣ *speiv*-an, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *spei*-en, въ литовскомъ *spjau*-ju,

[1] Слышано мною въ селѣ Моховомъ. По-польски земляника — poziomka, poziemka.

въ латышскомъ *splau-ju*[1]. Сличая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевать* и *слюна* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню, что *сплевать* потеряло *с* въ началѣ, а *слюна* — *н* между двумя согласными (ср. *уснуть* вмѣсто *успнуть*). *Сплюна* могло составиться изъ *сплевана*, страд. причастіе жен. р. отъ *сплевать*»[2].

Что въ словѣ *плевать* буквы *пл*, каждая сама по себѣ, принадлежатъ къ корню, въ этомъ убѣждаетъ общее въ языкѣ явленіе, что губныя буквы умягчаются съ помощію *л* только въ окончаніяхъ, люблю, грабли, земля, конопля, журавль. Въ подтвержденіе своей мысли г. Бётлингъ ниже приводитъ слово *плечо* «которое» — говоритъ онъ — «едва ли можно отдѣлить отъ литовскаго pẽlis, pẽczio»; но онъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя не приняли умягченія губныхъ буквъ посредствомъ *л*, слова *плечо* и *плевать* начинаются одними и тѣми же коренными звуками *пл*; для примѣра приведемъ изъ польскаго языка *plecy* (плечи), *pluć*, *pluwać* (плевать), хотя слова: *люблю*, *грабли*, *земля*, *конопля* и *журавль* встрѣчаемъ такъ же въ формѣ: *libię*, *grabie*, *ziemia*, *konopʼ* (мн. ч. *konopie*) и *żórawʼ*. Не касаясь еще вовсе слова *слюна*, посмотримъ теперь, дѣйствительно ли глаголъ *плевать* можетъ быть отнесенъ къ одному корню съ латинскимъ *spuo* и нѣмецкимъ *speien*. Правда, и Дифенбахъ, въ своемъ сравнительномъ готскомъ Словарѣ[3], сближаетъ съ этими словами славянскія pljuą, plyvati и проч., но онъ вообще слишкомъ щедръ на сближенія часто вовсе неосновательныя, и въ этомъ случаѣ также ошибается. Spuo, speien соотвѣтствуетъ греческому πτύω, которое ходило также въ видѣ ψύω; перестановкою ps (=ψ) объясняется близкое родство этого слова съ приведенными. Славянское *плевать*, напро-

[1] Въ латышскомъ языкѣ перечеркнутое ł означаетъ не твердое *л*, какъ въ польскомъ, а напротивъ умягченное. Прим. г. Бётлинга.

[2] Bulletin, стр. 55.

[3] L. *Diefenbach*. Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, 1852. 2-ter Band. s. 295.

тивъ, есть одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ корня, который пустилъ вѣтви по всѣмъ языкамъ индо-европейскаго происхожденія. Санскритскій корень प्लु (plu, ходить, плавать, течь) является въ греческомъ языкѣ въ двухъ видахъ: какъ πλέω и какъ φλέω, которые въ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ не знающихъ буквы Ф, должны были опять возвратиться къ первоначальному единству. Такъ и въ русскомъ языкѣ мы находимъ объ эти вѣтви съ одними согласными *пл*, но въ значеніи словъ этого корня замѣтно у насъ то же раздвоеніе. Такимъ образомъ мы съ одной стороны имѣемъ *плыть* (πλέω) съ его производными, а съ другой, между прочимъ, *плакать* (flere) и *плевать*. Во взаимномъ родствѣ послѣднихъ двухъ словъ мы легко убѣдимся, если вникнемъ въ разнообразныя значенія греческаго глагола φλέω и словъ, отъ него происшедшихъ. Онъ не только значитъ *течь*, *изливаться*, *бить ключемъ*, *изобиловать* (какъ вообще, такъ и въ особенности, говоря о тѣлѣ человѣческомъ, изобиловать соками и слизями); но, какъ глаголъ дѣйствительный, выражаетъ еще слѣдующее: *лить*, *изливать*, вообще *извергать*, съ *усиліемъ изъ себя выбрасывать*, когда рѣчь идетъ объ извержепіи *кипящихъ жидкостей*, *о рвотѣ* и т. п. Изъ основного понятія: течь, изливаться, произошли латинскіе глаголы: fluo, pluo, fleo [1]. Сюда же должно отнести и наши слова *плевать* и *блевать*, которыхъ значеніе находится въ самой тѣсной связи съ заключающимися въ глаголѣ φλέω понятіями. Родство съ нимъ обоихъ русскихъ словъ тѣмъ очевиднѣе, что и въ греческомъ языкѣ производный глаголъ φλύω (почти однозначащій съ φλέω) принимаетъ иногда форму βλύω (въ доказательство происхожденія гл. плакать можно бы еще привести старо-слав. гл. плакати, lavare, и соотвѣтствующій ему по значенію чреч. πλύνειν).

Рейфъ подошелъ довольно близко къ истинѣ, поставивъ въ параллель съ нашими двумя словами греческое φλύζειν, но онъ напрасно выбралъ эту малоупотребительную форму глагола φλύω,

[1] *Passow.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1831. 2-ter Band. См. φλέω.

тогда какъ надобно было непремѣнно выставить коренное φλέω. Другую ошибку, которую указываетъ и г. Бётлингъ, сдѣлалъ Рейфъ, помѣстивъ сперва *блевать*, а уже подъ нимъ *плевать*, между тѣмъ какъ слѣдовало поступить наоборотъ: потому что *бл* есть явное усиленіе первоначальнаго звука *пл*. *Плевать* и *блевать* находятся между собой въ такомъ же соотношеніи, какъ звукоподражательныя слова: *писк* и *визг*, *прыск* и *брызг*, *свистъ* и *звизд*. Послѣднія два соотвѣтствія приняты и Рейфомъ, только опять не въ надлежащемъ порядкѣ; слова же *писк* и *визг* представлены какъ имъ, такъ и Шимкевичемъ, каждое въ видѣ особаго корня. Что касается взаимнаго родства глаголовъ *плевать* и *блевать*, то оно видно уже изъ самаго значенія ихъ, которое въ германскихъ языкахъ соединяется въ одномъ словѣ. Наконецъ, касательно φλέω, какъ ключа для обоихъ нашихъ глаголовъ, нельзя умолчать объ аналогіи его съ ερέω, обнаруживающейся тѣмъ, что въ переносномъ смыслѣ какъ тотъ, такъ и другой означаютъ: *болтать*, *врать*, *говорить вздоръ*.

Сказаннаго, кажется, достаточно для удостовѣренія, что герман. глаголъ *speien* и славянскій *плевать*, по происхожденію, чужды одинъ другому; признать между ними этимологическое соотношеніе было бы то же, что признать родство между греческими словами πτύω и φλέω, а это было бы противно всѣмъ основнымъ законамъ словопроизводства. Въ разсужденіи латышскаго spłauju замѣтимъ, что его надобно сблизить съ славянскимъ, а не съ германскимъ корнемъ, и что оно въ началѣ передъ *p* приняло прибавочное *s* — явленіе, нерѣдкое и въ другихъ языкахъ, а въ латышскомъ весьма обыкновенное[1].

---

[1] Боппъ производитъ слово sprechen отъ санскр. brav, объясняя это такъ: «durch Erhärtung des *v* und *den Vorsatz eines dem p befreundeten s*». (Vergl. Gramm., стр. 125). Вотъ примѣры латышскихъ словъ, принявшихъ въ началѣ S передъ *p*: Spigga(фига; буквы Ф нѣтъ въ латышскомъ языкѣ), Spohdrs(чистый; санскр. pûtas; латин. putus, фин. puhdas), Spizzeht (печатать), Spreddikis (проповѣдь, Predigt). Что касается литовскихъ словъ: spjauju и pẽczio, то мы на этотъ разъ удержимся отъ разсмотрѣнія ихъ, которое повело бы насъ слишкомъ далеко.

Перейдемъ теперь къ слову *слюна*. Г. Бётлингъ полагаетъ, что первоначальная его форма—*сплєвана* и что между *с* и *л* выпало *п*. Не забудемъ, что онъ признаетъ здѣсь *л* только знакомъ умягченія *п*. Это былъ бы безпримѣрный въ русскомъ языкѣ процессъ словообразованія. Да и зачѣмъ бы здѣсь выпасть буквѣ *п*? сочетаніе *спл* совсѣмъ не трудно для выговора, доказательствомъ чего можетъ служить глаголъ *сплю*, гдѣ *л* именно составляетъ необходимое умягченіе *п*. Въ примѣръ опущенія этой послѣдней буквы г. Бётлингъ приводитъ слово *ус(п)нуть*; но тутъ она выпала, какъ выпадаютъ на ея мѣстѣ и другія согласныя передъ глагольнымъ окончаніемъ *нуть*, наприм. въ *ки(д)нуть*, *дви(г)нуть*, *оку(п)нуть*, *г(б)нуть* и проч. Далѣе, какъ могло бы страдательное причастіе женскаго рода съ *усѣченнымъ* окончаніемъ явиться въ видѣ существительнаго? Это былъ бы опять единственный случай въ языкѣ. Къ попыткѣ объяснить такимъ образомъ слово *слюна* привело г. Бётлинга то, что до сихъ поръ оно было объясняемо слишкомъ неудовлетворительно. Рейфъ въ Словарѣ своемъ поставилъ при этомъ словѣ въ скобкахъ: *de соль, sel?* а Павскій полагаетъ, что въ разсматриваемомъ словѣ *н* заступаетъ мѣсто придыханія *в* и прибавляетъ: *слюна* = *Лат. saliva* (Фил. Набл. II, стр. 147). Надобно помнить, что, кромѣ приведенной здѣсь формы и другой очень употребительной въ просторѣчіи: *слю́ни*, слово это имѣетъ еще третью: *слина*, и вотъ настоящая первоначальная его форма, что́ видно изъ сравненія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что оно должно быть поставлено въ параллель совсѣмъ не съ латинскимъ *saliva*, а съ весьма сходнымъ по звукамъ и по значенію словомъ, существующимъ во всѣхъ германскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ сличимъ—

У Славянъ:	*У Германскихъ народовъ:*
слина (старо-сл.), *slina* (хорут., польск. и чеш.), *sźlina* (нижнелуж.), *ssljene* (верхнелуж.), *сли́не* (серб.), *слюна* (лит.-русск.) и проч.	*slîm*, *slîhto* (старо-нѣм.), *slim* (исл., англо-сакс. и дат.), *slem* (швед.), *schlcim* (нов.-верхнегерм.), *sliem* (нижне-герм.), *slime* (анг.) *sloom* (аллем.) и проч.

По значенію, германское *slim* весьма близко къ нашему *слина*, означая въ особенности мокро́ту, но сверхъ того и вообще влажность, отдѣляющуюся какъ изъ растеній, такъ и изъ слизистыхъ оболочекъ тѣла животныхъ. Какъ родственны между собою значенія того и другого слова, видно между прочимъ изъ того, что мы находимъ ихъ соединенными въ одномъ польскомъ словѣ, именно въ существительномъ *ślina*, заимствованномъ изъ греческаго языка, но которое, сверхъ первоначальнаго своего значенія (мокро́та), пришяло у Поляковъ еще смыслъ: «влага, слизь, вязкая матерія, слюна»[1]. То, что мы въ германскомъ словѣ слышимъ букву *м*, а въ славянскомъ *н*, не можетъ препятствовать намъ признать ихъ родство: мы знаемъ, что буквы *м* и *н* часто замѣняютъ одна другую; давно уже наше *цѣна* отнесено къ одному корню съ греческимъ τιμή, и въ собственномъ нашемъ языкѣ довольно примѣровъ тѣсной связи буквъ *м* и *н*; сто́итъ только обратить вниманіе на: *мы* и *насъ*: *мимо* и *миновать*, *простолюдимъ* и *простолюдинъ* и проч. Сближеніе имени *слюна* съ приведенными германскими ясно доказываетъ, что оно вовсе не одного корня съ глаголомъ *плевать*, въ подтвержденіе чего можно привести еще и то, что оно не у всѣхъ Славянъ имѣетъ даже и значеніе, близкое къ понятію этого глагола: такъ у Сербовъ *сли́не* соотвѣтствуетъ латинскому *mucus*[2].

Мнѣ остается, наконецъ, поговорить о вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предшествующія имъ согласныя же. Объ этомъ г. Бётлингъ замѣчаетъ: «Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такое вліяніе имѣетъ мѣсто и въ какихъ не имѣетъ. Письмо только тогда означаетъ подобное измѣненіе предыдущей согласной, когда оно въ состояніи употребить для измѣненнаго звука особый знакъ, какъ наприм. въ словахъ: *шило*, *умерщвленъ* и т. д. Когда же измѣненіе ограничивается однимъ умягченіемъ, которое мы выше отмѣтили знакомъ тонкаго дыханія, то на письмѣ оно обыкно-

[1] Словарь польско-россійскій Д. Бартошевича. Варшава, 1841.
[2] Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича. Вѣна, 1818.

ивено остается неозначеннымъ. Такъ пишутъ наприм. *есть*, *пьсня*, *мысль*, хотя произносятъ *есть*, *пьсыня*, *мысыль*. У Поляковъ въ этомъ отношеніи болѣе точности: они пишутъ: pieśń и myśl; въ jest они обѣ согласныя выговариваютъ твердо. При *л* и *н* умягченіе означается потому, что тутъ оно слышится всего яснѣе»[1]. Въ концѣ статьи авторъ возвращается къ этому предмету и разсуждаетъ о необходимости означать на письмѣ умягченіе одной согласной передъ другою, находя между прочимъ, что въ противномъ случаѣ «написанное слово слишкомъ неполно изображаетъ произносимое и можетъ легко подать поводъ къ невѣрному выговору, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всякій готовъ тотчасъ сослаться на письмо, какъ на сильный авторитетъ. Случается даже, что въ иномъ словѣ, какъ *первый*, передъ неумягченною согласной стоитъ умягченная, но которая на письмѣ не означена какъ таковая». Предвидя однакожъ, что означеніе умягченныхъ согласныхъ на письмѣ будетъ сочтено затруднительнымъ, г. Бѣтлингъ предлагаетъ, «чтобы по крайней мѣрѣ въ толковомъ словарѣ (thesaurus) и въ подробной грамматикѣ русскаго языка рядомъ съ обыкновеннымъ правописаніемъ, когда оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ произношенію, въ скобкахъ присовокупляемо было другое болѣе точное, которое разрѣшало бы всякое сомнѣніе».

Справедливость этихъ замѣчаній никто не станетъ оспаривать; но намъ кажется, что упоминаемое г. Бѣтлингомъ затрудненіе всего лучше будетъ устранено, если теорія языка опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ одинъ согласныя умягчаются передъ другими умягченными. Вмѣстѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи мы сознаемъ трудность этой задачи; но трудность не есть еще невозможность, и мы попытаемся показать здѣсь, что такое умягченіе постоянно происходитъ въ извѣстныхъ только случаяхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и постараемся исчислить.

Сравнивая одни слова съ другими, мы находимъ, что не всѣ

[1] Bulletin, стр. 56.

согласныя въ одинаковой степени подвергаются умягченію отъ вліянія стоящихъ за ними умягченныхъ. Наприм. въ словѣ *томленіе м* остается твердымъ, несмотря на то, что *л* умягчилось; напротивъ въ словѣ *если с* не можетъ быть произнесено иначе, какъ мягко (сь). Всего легче подвергается такому вліянію *р*, потомъ *н*, *з*, *с*, далѣе *д* и *т*, наконецъ губные звуки.

Въ слѣдующихъ за симъ замѣчаніяхъ знакъ ' будетъ служить отличіемъ умягченныхъ согласныхъ.

1. Общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. е. если умягчена вторая, то умягчается и первая. Такъ слова: *пльянникъ*, *аллея*, *Россія*, *итти* произносятся какъ будто бъ было написано: *плъянникъ*, *альея*, *Росьсія*, *итьти*. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и тогда, когда удвоеніе согласной оказывается только въ выговорѣ, а не на письмѣ, т. е. *д* умягчается передъ *т'*, и *з* передъ *с'*: *подтянуть*, *разсъянъ*.

2. *Умягченіе буквы* р. Прежде всего мы должны замѣтить, что произношеніе нѣкоторыхъ буквъ зависитъ не только отъ слѣдующей за ними умягченной *согласной*, но въ то же время и отъ стоящей впереди *гласной:* если передъ ними звукъ ɛ, то онѣ иногда умягчаются и въ такомъ случаѣ, когда послѣдующая согласная сама по себѣ не могла бы имѣть на нихъ такого вліянія. Къ числу этихъ буквъ принадлежитъ и *р*, а потому надобно разсмотрѣть:

а) умягченіе *р* независимо отъ предыдущей гласной,

б) умягченіе *р* послѣ звука ɛ.

а) Независимо отъ гласной, эта буква можетъ умягчаться предъ всѣми согласными, за исключеніемъ *к'*, *ж'*, *ш'*, но только ея умягченіе въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ полное, и потому не всегда даже соблюдается. Смягченіе *р* очень замѣтно въ словѣ *скорбь*, но оно шатко въ словахъ: *сгорбиться*, *армія*, *кормить*, *сварливый*, *портить*, *корзина*, *соловарня*, *спорщикъ* и пр. Напротивъ *р* вовсе не умягчается въ словахъ: горки, Турки, торжище, старшій.

б) За то предыдущіе *е* или *ъ*, особливо когда на нихъ удареніе, оказываютъ на *р* самое рѣшительное вліяніе. При ихъ участіи *р* произносится мягко:

1) передъ губными: *б'*, *п'*, *в'*, *ф'*, *м'*: Сербія, свербѣть, терпитъ, черви, верфь, Пермь, терминъ;

2) передъ *л'*, *н'*: стерлядь, сверлить, черпь, терніе;

3) передъ *д'*, *т'*: твердь, жерди, че́рти, чертить, смерть;

4) передъ *з'*, *с'*: верзило, персі;

5) передъ *ж'*, *ч'*, *ш'*: стержень, смерчь, довѣрчивъ; терцина.

Примѣчаніе. Удареніе на *е*, *ъ* усиливаетъ вообще умягченіе согласныхъ, подверженныхъ вліянію слѣдующихъ за ними мягкихъ звуковъ. Двоякое произношеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ будетъ объяснено ниже.

6) передъ *г*, *к*, *х*. Звукъ *ер* часто умягчается передъ этими тремя буквами даже и тогда, когда онѣ сами не принимаютъ умягченія. Мы выговариваемъ *р* мягко въ словахъ: *Четверг*, *церковь*, *коверкать*, *верх*, *верхом*, точно такъ же какъ въ именахъ *Сергій*, *Аверкій*. Такому же умягченію *ер* подвергается иногда и передъ губными буквами: *в*, *б*, *п*: этотъ звукъ обыкновенно произносятъ мягко въ словѣ *первый*, и еще, хотя не такъ часто, въ *верба* и *Серпухов*[1].

Особенная измѣняемость буквы *р* въ произношеніи показываетъ, какимъ вѣрнымъ тактомъ руководствовался изобрѣтатель славянской азбуки, когда онъ для наименованія знаковъ *ъ* и *ь* избралъ именно эту, а не другую какую-либо согласную. Соединивъ, въ этомъ названіи, съ буквою *р* гласную *е*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ въ своей азбукѣ различное произношеніе послѣдней, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нею твердый или мягкій звукъ: ибо это различіе нигдѣ не можетъ слышаться яснѣе, какъ въ слогахъ *ѣрг* и *ѣрь*.

---

[1] Въ Москвѣ многіе, какъ мы сами слышали, говорятъ *Серпуховскія ворота*.

3. *Умягченіе буквы н.*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, *н* умягчается:

1) передъ *д'*, *т'*: индѣ, Исландія, крендель; франтить, пентюхъ, зонтикъ;

2) передъ *ч'*, *щ'*: кончикъ, вѣичикъ, нынче; обманщикъ, женщина, деревенщина;

3) передъ *и'*: Франція, провинція, индульгенція.

б) Послѣ гласной *е* буква *н* умягчается, когда слѣдуетъ *з'* или *с'*: вензель, претензія, пенсія.

4. *Умягченіе буквы з, с:*

1) передъ *д'*, *т':* ѣздить, гвозди, груздй; расти, есть, гости;

2) передъ *л':* возлѣ, лѣзли, вязли; отрасль, гусли, послѣ;

3) передъ *н':* жизнь, изчезнетъ, козни; мясникъ, проснись, нѣсня.

4) передъ *б'*, *в':* въ избѣ, развѣ, рѣзвиться; косвенный, пресвитеръ. Сверхъ того *с* умягчается передъ *м':* осмина, присмирѣть.

5. *Умягченіе буквъ д, т:*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, эти буквы умягчаются:

1) передъ *л':* подлѣ, медлить, стыдливый; податливъ, петля, свѣтленькій;

2) передъ *н':* задній, бредни, рудникъ; братній, сотня, лѣтній;

3) передъ *ч':* переводчикъ, складчина; отчина, вядчина, клѣтчатый.

б) Послѣ звука ɛ:

1) передъ *в':* медвѣдь, четвергъ, вѣтви;

2) передъ *с':* бѣдствіе, привѣтствіе;

6. *Умягченіе губныхъ буквъ*, а также *г* и *к* встрѣчается только при помощи звука ɛ, и то не всегда:

1) *б*, *п* передъ *л'*, *р'*, *н'*, *с:* колеблю, дебри, гребни, хлѣбникъ; вепрь, великолѣпіе; молебствіе.

2) *в* передъ *н'*: древній, деревни.

3) *м* передъ *л'* *ч':* зе́мли, дремлетъ; пѣ́мчикъ.

4) *г* и *к* передъ *л'*, *р':* кегли, избѣ́гли, сѣ́кли; негритянка[1].

Почти во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ только двѣ умягченныя согласныя сряду, изъ которыхъ одна находится подъ вліяніемъ другой, но часто встрѣчаются въ такомъ же соотношеніи три и даже четыре согласныя, напр. въ словахъ: *отверстіе, слѣдствіе.* При этомъ открывается постоянный законъ, что каждая умягченная дѣйствуетъ только на непосредственно-предшествующую ей, которая въ свою очередь можетъ дѣйствовать на стоящую передъ нею и т. д., но случаи такого вліянія остаются тѣ же, какіе были выше указаны. Такъ въ словѣ: *бѣдствіе т* умягчается передъ *в'*, *с*—передъ *т'*, а *пд*—передъ *с'*; то же находимъ въ словахъ *привѣтствіе, шерсть, естественный, поздній.*

Разсмотрѣніе это дастъ возможность сдѣлать нѣсколько довольно любопытныхъ выводовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что вліянію умягченныхъ согласныхъ подвергаются, стоя передъ ними, только буквы: *р, н,—з, с,—д, т,—б, п, в, м,*—послѣднія четыре, впрочемъ, только послѣ звука ε; далѣе находимъ, что на *р* могутъ имѣть вліяніе, частью сами по себѣ, но болѣе при помощи ε, всѣ слѣдующія за нимъ умягченныя согласныя; самое большое вліяніе вообще на умягченіе предыдущихъ согласныхъ имѣетъ *н'*, за нимъ *д'*, *т'*; прочія буквы оказываютъ только частное вліяніе.

Иногда выговоръ бываетъ двоякій, наприм. одни говорятъ: *крѣпнетъ, дердовня, отвердзнетъ, твердже*, а другіе: *крѣпънетъ, дерéвъня, отвéрзънетъ, твéрже;* это происходитъ частью отъ того, что умягченіе нѣкоторыхъ буквъ въ извѣстныхъ случаяхъ колеблется, частью отъ того, что иныя согласныя могутъ, передъ такъ-называемыми мягкими гласными, то умягчаться, то оставаться неумягченными. Къ этому разряду согласныхъ принадле-

[1] Для повѣрки замѣчанія о смягченіи буквъ *г* и *к* можетъ служить выговоръ звука ε, который въ приведенныхъ примѣрахъ произносится сжато; говорятъ обыкновенно не *сѣкли*, а *сѣ́кли* и т. д.

жать особенно буквы *ж*, *ш*, *ц*. Отчего звукъ ѣ произносятъ то открыто, то сжато въ словахъ: невѣжки, прежде, бѣшеный, тверже? Оттого, что въ первомъ случаѣ надобно читать: невѣжъи, прежъде и т. д., а во второмъ: невѣж'и, прежъде и пр. Въ этомъ отношеніи *ч* составляетъ совершенную противоположность буквѣ *ш*; *ч*, по существу своему, не можетъ оставаться безъ нѣкотораго умягченія, и вотъ почему передъ нею звукъ ѣ всегда бываетъ сжатый: сравнимъ произношеніе словъ *конечно*, *сердечный*, когда *ч* въ нихъ сохраняетъ свой настоящій звукъ и когда онъ превращается въ *ш*; въ первомъ случаѣ, мы говоримъ *конéчно*, *сердéчный*, а въ послѣднемъ—*конѐшно*, *сердѐшный*. Сравнимъ еще: *бѣшенъ* и *вѣченъ*, *пѣшка* и *рѣчка* (слово *пѣшка* опять можно произнести двояко), *мечь* и *тѣшь*, *рѣчь* и *рѣжь*. Отъ мягкости *ч* происходитъ, что буквы *н*, *д*, *т* умягчаются передъ нимъ даже и тогда, когда оно соединяется съ такъ-называемыми твердыми гласными; въ словахъ *кончать*, *вѣчанный*, *клѣтчатый*, передъ *ч* слышится ъ. Причина та, что если разложить *ч* на составные звуки его *т* и *ш*, то въ немъ *т* окажется не твердое, а мягкое; *ч*=не *тш*, а *тьш*; передъ мягкимъ же *т* буквы *н*, *д*, *т* не могутъ оставаться безъ умягченія (см. выше 1 и 5). Павскій (I, § 110) находитъ, что буква *ч*, такъ же какъ *ж* и *ш*, не терпитъ послѣ себя ъ. Касательно *ж* и *ш* онъ отчасти правъ, въ отношеніи же къ *ч* приведенныя выше сравненія достаточно удостовѣряютъ въ противномъ. *Щ*, имѣя въ составѣ своемъ *ч*, находится въ одной съ нимъ категоріи: въ словахъ *мещь*, *вещи* гласная *е* произносится сжато и тѣмъ доказываетъ умягченіе слѣдующей согласной[1]. Слухъ нашъ также никакъ не можетъ убѣдить насъ,

[1] Съ помощію этихъ законовъ произношенія легко рѣшить ороографическій вопросъ: что на письмѣ правильнѣе: *мечь*, *кумичь*, *лещь*, *хрящь* или *мечъ кумичъ*, *лещъ*, *хрящъ*? Отвѣтъ находимъ мы въ сжатомъ звукѣ буквы *е* передъ *ч* и *щ*: словъ *мѐчь* и *лѐщъ* невозможно выговорить. Напротивъ, передъ *ж* и *ш*, оканчивающими слово, нельзя произнести сжатаго *е*, и потому послѣ этихъ согласныхъ слѣдуетъ писать ъ, напр. *мандежъ*, *рубежъ*. Только въ именахъ женскаго рода и въ глаголахъ, послѣ этихъ буквъ должно ставить ь, какъ знакъ характеристическій, напр. *мышь*, *пляшь*, *ржешь*, *скажешь*. При всемъ томъ обычай утвердилъ ъ во всѣхъ мужескихъ именахъ, кончащихся на шипящіе звуки.

чтобы слово *чинъ* выговаривалось, какъ *чынъ* (§ 111). Гораздо слышнѣе *ы* въ *жила* и *шило*, но и тамъ это не настоящій звукъ *ы*, а средній между *ы* и *и*.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сложный звукъ *ц*. Павскій, распространяя и на него несочетаемость съ *ь*-емъ, находитъ, что послѣ *ц* гласная *і* всегда произносится, какъ *ы*; въ примѣръ приводитъ онъ, рядомъ съ *цыфра* и *цыганъ*, слова: *порцыя*, *лекцыя*. Передъ согласными слогъ *ци* дѣйствительно выговаривается по большей части, какъ *цы* (медицина), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо передъ мягкою гласною *я*, немногіе позволяютъ себѣ такое произношеніе; по крайней мѣрѣ въ образованномъ кругу говорятъ ясно: лек-*ці*-я, провин-*ці*-я, стан-*ці*-я, Гре-*ці*-я. Это доказываетъ, что *ц* можетъ также умягчаться. Передъ такимъ *ц* буква *н* всегда подвергается умягченію: *Франція*, *индулыенція* произносятся какъ *Франьція*, *индульенція*. Въ этомъ случаѣ *ц*, бывъ разложено, равняется *тьсь*; во всѣхъ другихъ случаяхъ *ц*=*тс*, какъ видно изъ произношенія буквы *н* въ словахъ: *чужестранецъ*, *полотенце* и проч. Слоги *ця*, *цю* не появляются въ живой рѣчи потому, что они трудны для выговора: въ глагольныхъ окончаніяхъ (говорится, дѣлается и т. п.) долженъ бы слышаться слогъ *ця*, но мы его обращаемъ въ *ся*. Точно такъ же и въ нарѣчіи *отсюда*, для избѣжанія звука близкаго къ *цю*, буква *ю* произносится почти какъ *у*.

Такимъ образомъ законъ умягченія предыдущихъ звуковъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ можетъ вести къ рѣшенію, въ русскомъ языкѣ, разныхъ фонетическихъ вопросовъ. Онъ служитъ и къ уразумѣнію другихъ явленій, которыхъ иначе нельзя объяснить удовлетворительно. Авторъ «Филологическихъ Наблюденій», замѣтивъ, что передъ окончаніемъ *це* буква *л* всегда смягчается, говоритъ (II, § 70): «Передъ *це* всегда подразумѣвать надобно мягкое придыханіе *ь* (це=ьце=ице). Оттого-то *гкх* и *ц*, если бы допустили послѣ себя окончаніе *це*, должны бы были измѣниться предъ нимъ на придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*. Въ доказательство того, что передъ *це* скрывается *ь* (=и), буква *л* передъ *ц* всегда хо-

дитъ съ *ь*-емъ, и отъ него получаетъ мягкій выговоръ. Дѣло, шило, мыло измѣняются на *дѣльце*, *шильце*, *мыльце*. Когда надобно будетъ приложить *це* къ такому имени, въ окончаніи котораго находится буква *ь*, происшедшая тоже изъ *и*, тогда одинъ изъ двухъ *ь*-ей, и именно второй, перейдетъ въ свою гласную *и*, если только удареніе стоитъ передъ ними, а не далѣе ихъ. Тутъ *це* явится въ полномъ своемъ видѣ *ице*. Изъ *имѣньe*, *чтéньe*, дѣлаются уменьшительныя: *имѣньице*, *чтéньице*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ придыханіе (?) *ь*, принадлежащее окончанію *це*, выпадаетъ не оставляя по себѣ слѣда, и согласныя буквы, стоящія предъ *це*, произносятся твердо. Отъ именъ *полотно*, *волокно*, *окно*, *письмо*, произошли: *полотенце*, *волоконце*, *оконце*, *писемцо́* и *письмецо́* безъ *ь*-я. Имена, кончающіяся на *ьé*, принимаютъ *це* по этому же закону. Ихъ удареніе перейдетъ на *це* и превратитъ *це* въ *цо*. Наприм. *копьé — копьецо́*». Появленіе *ь* послѣ *л* въ уменьшительныхъ *дѣльце*, *шильце* ввело Павскаго въ ошибочную теорію касательно всего окончанія *це*. Объ измѣненіи *гкх* и *ц* въ *жчш* передъ *це* не можетъ быть рѣчи потому, что языкъ не представляетъ тому примѣровъ; но если и допустить такое превращеніе по образцу старо-славянскаго языка, то для объясненія того нѣтъ надобности подразумѣвать мягкое придыханіе или мягкую гласную передъ *и*[1]. Что касается уменьшительныхъ *имѣньице*, *чтеньице*, то правописаніе колеблется между — *ице* и *еце*[2]: *е* безъ ударенія въ произношеніи часто сближается съ *и* (наприм. въ поѣдемъ; различать формы: *ице* (въ чтеньице) и *еце* (въ копьецо)

---

[1] Павскій самъ говоритъ (I, § 123): «Есть случаи, гдѣ *е* безъ ударенія выговоромъ сближается съ *и*», и приводитъ разные тому примѣры.

[2] Г. Миклошичъ, на основаніи церковно-славянскаго языка, также считаетъ нормальнымъ суффиксъ *ьце* (Vergl. Gr. II, 314); но въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ и въ русскомъ, слѣдъ *ь*-я передъ *и* въ этомъ суффиксѣ пропалъ. Въ числѣ приводимыхъ Миклошичемъ примѣровъ изъ русскаго яз. только *дыхальцо* и *кольцо* являются съ *ерем*ь, но мною достаточно ясно показано, что *л*, въ силу общаго фонетическаго закона, умягчается и передъ другими суффиксами. Изъ всѣхъ же остальныхъ русскихъ примѣровъ, приводимыхъ Павскимъ и Миклошичемъ, только *веслецо* и *письмецо* могутъ указывать на умягчающій элементъ въ началѣ суффикса (таково же уменьш. *сере-*

на основаніи ударенія — произвольно; шаткость этого правила видимъ между прочимъ изъ того, что въ академическомъ Словарѣ помѣщено: *платьеце*, а не *платьице*, хотя тамъ же читаемъ: *имьнице*, *варенице*. Перейдемъ къ умягченію *л* передъ *це*. Буква *л* почти передъ всѣми окончаніями находится у насъ въ исключительномъ положеніи. Это видно и въ склоненіи: въ именахъ на *ецъ* косвенные падежи принимаютъ *ь* вмѣсто *е* только тогда, когда этому окончанію предшествуетъ *л*: *конецъ*, *конца*; *старецъ*, *старца*; *отецъ*, *отца*, но—*стрѣлецъ*, *стрѣльца*; *палецъ*, *пальца*. То же замѣчаемъ и въ уменьшительныхъ на *чикъ*: отъ *конецъ*, *ларецъ* образуются: *кончикъ*, *ларчикъ*, а отъ *палецъ*, *малецъ* — *пальчикъ*, *мальчикъ*. Наконецъ это умягченіе *л* повторяется и передъ окончаніями *скій*, *ство*, *ный*, тогда какъ другія буквы не только не принимаютъ здѣсь *ь*-ря, но иногда даже теряютъ его: *зверь*—*звѣрскій*, *звѣрство*; *конь*—*конскій*; *вздоръ*—*вздорный*; напротивъ: *нахалъ*—*нахальный*, *нахальство*; *столъ*—*застольный*; *генералъ* — *генеральскій*; *сало* — *сальный*. Отчего же во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ *л* умягчается? Ужели оттого, что передъ всѣми встрѣчающимися здѣсь окончаніями скрывается *ь* или гласная *и*? Такъ дѣйствительно думаетъ Павскій, основываясь на смягченіи *л* и не находя другого средства объяснить это явленіе (см. Фил. Набл. II, стр. 53, 115, также II, Отд. 2-е, стр. 61, 94). Но тщательное сравненіе множества словъ показываетъ, что изъ всѣхъ окончаній только начинающіяся небною буквою *к* не имѣютъ вліянія на умягченіе *л*, которое такимъ образомъ остается твердымъ въ словахъ: *мел-кій*, *кол-кость*, *вил-ка*, *ссыл-ка* и проч. Кромѣ этого случая, твердое *л* передъ согласною въ серединѣ слова встрѣчается у насъ только

брецо); но и это умягченіе можетъ зависѣть отъ фонетическаго требованія. Относительно женскихъ именъ на *ца* авторъ *Сравн. Грам. сл. яз.* замѣчаетъ также: «Das ь von ьca scheint zum suffix zu gehören». Но не противорѣчитъ ли этому тотъ фактъ, что даже женскія имена, оканчивающіяся на *ь*, теряютъ звукъ, имъ означаемый, передъ суффиксомъ *ца*, напр. *дверца*, *памятца*, *льница*, *дряница* (или *дрянцо*).

тогда, когда слѣдующая за нимъ буква принадлежитъ къ корню слова: *волна*, *полный*, *желтый*, *желчь*, *лба*, *молчать*, *толчетъ*, *толстый*, *молвить*, *холмъ*, *холстъ*, *долго*, *колдунъ*, *ползать*, *должать*, *толпа*. Сравните съ этими, кромѣ приведенныхъ уже словъ, слѣдующія: *гульбище*, *рисовальщикъ*, *корабельщикъ*, *земледѣльческій*, *стрѣльчатый*, *небывальщина*, *генеральша*; здѣсь опять *ь* явился передъ окончаніями, не какъ ихъ принадлежность, а какъ необходимый спутникъ буквы *л*, что̀ доказывается сравненіемъ примѣровъ: *кладбище* (не кладьбище), *ямщикъ*, *терщикъ*, *старческій*, *створчатый*, *барщина*, *аптекарша*. Если бъ передъ такими окончаніями въ самомъ дѣлѣ находилось *ь* или *и*, то не было бы ему причины скрываться послѣ всѣхъ буквъ, кромѣ *л*. Мы это видимъ въ окончаніи *ба*, которому всегда предшествуетъ *ь*: слова̀ *гоньба*, *ходьба*, *свадьба*, *борьба*, *гурьба*, *рѣзьба*, *просьба*, *женитьба*, принимаютъ передъ послѣднимъ слогомъ умягченіе точно такъ же, какъ *гульба*, *похвальба*, *мольба*[1]. Отсюда нельзя не вывести заключенія, что *л* передъ всѣми окончаніями, кромѣ *кій*, *ка*, *кость*, умягчается по закону чисто-фонетическому. Правда, этотъ законъ существенно отличается отъ того, по которому происходитъ умягченіе другихъ согласныхъ, но онъ такъ же постоянъ и очевиденъ. Только правописатели наши рѣшительно вывели букву *л* изъ ряду остальныхъ, означая всегда ея умягченіе на письмѣ. Отъ этого допущено одно только отступленіе: въ словахъ иностранныхъ, гдѣ встрѣчаются два *л* сряду и первое умягчается по вліянію послѣдняго, *ь* между ними не пишется (Галлія, Валлисъ[2]). Такому отличію разсматриваемая буква обязана тѣмъ, что между твердымъ и мягкимъ *л* болѣе замѣтное и рѣзкое различіе, нежели между обоими видоизмѣненіями другихъ соглас-

[1] Этому окончанію соотвѣтствуетъ латышское *iba*: ween-iba, единство, walst-iba, царство; baggat-iba, богатство; laul-iba, женитьба; leel-iba, похвальба. Только у насъ окончаніе *иба* нѣсколько сократилось и получило болѣе ограниченный смыслъ.

[2] Есть два русскія слова, въ которыхъ также находятся два мягкія *л* сряду: *гульливый* и *шальливый*. Эти слова пишутся различно. Сложныя слова: *полмиска*, *полмолота* и т. п., равно какъ и *пол-день*, сюда не относятся.

ныхъ. Между послѣдними при буквѣ *н* чаще нежели при прочихъ умягченіе означается на письмѣ; такъ почти всѣ уже пишутъ: *раньше*, *тоньше*, *меньше*, *уменьшать;* однакожъ и при *н* знакъ *ъ* нерѣдко подразумѣвается, наприм. въ словѣ *благоденствіе*, гдѣ *ъ* ясно слышится передъ окончаніемъ *ствіе* по требованію послѣдующихъ согласныхъ. Этотъ послѣдній законъ по большей части такъ опредѣлителенъ, что иногда другой, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ, ему уступаетъ. Извѣстно, что обыкновенно гласная *е* въ замкнутомъ слогѣ передъ мягкимъ звукомъ не произносится какъ ё (наприм. *ель*, а не *ёль*); но если ей придется стоять передъ звукомъ, умягченнымъ по означенному закону, то такое произношеніе допускается, наприм. въ словахъ: *сплетни*, *переплетчикъ*, *клеенчатый*, которыя обыкновенно произносятся: *сплётни*, *переплётчикъ*, *клёнчатый*. Первыя два слова слышатся иногда, впрочемъ гораздо рѣже, и въ такомъ видѣ: *сплéтни*, *переплéтчикъ*, но умягченіе *т* передъ *н* и *ч* все же остается въ своей силѣ.

Наконецъ возвратимся къ тому значенію, какое звукъ ɛ имѣетъ, какъ нами показано прежде, при умягченіи слѣдующихъ за нимъ согласныхъ. Мы видѣли, что буквы *р*, *н*, *д*, *т*, а также и губныя принимаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое умягченіе только тогда, когда имъ предшествуетъ гласная *е* или *ъ*. Наприм. *ъ* слышится въ серединѣ словъ *стебль* (бьль), *вьтви* (тьви), *гребля* (бьля), но не слышится послѣ тѣхъ же согласныхъ въ *корабль*, *жатвь*, *грабли*. Эта особенность буквъ *е*, *ъ* находится въ тѣсной связи съ ихъ свойствомъ сообразоваться въ произношеніи съ слѣдующимъ за ними звукомъ. Такимъ образомъ мягкій выговоръ промежуточной согласной часто опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго ɛ и послѣдующей согласной. Этимъ окончательно опровергается упомянутое выше положеніе г. Бэтлинга, будто двоякое произношеніе, приписанное мною буквамъ *е*, *ъ*, *э*, наравнѣ съ ними свойственно и всѣмъ прочимъ гласнымъ. Если бъ такъ было дѣйствительно, то другія гласныя раздѣляли бы также вліяніе звука ɛ на умягченіе одной согласной передъ

другою. Если бы *а* могло получить болѣе мягкій звукъ передъ *лъ*, нежели передъ *лъ*, то въ словѣ *корабль б* произносилось бы съ такимъ же умягченіемъ, какъ въ словѣ *стебль*, между тѣмъ мы видимъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ именъ *б* вовсе не подчиняется вліянію послѣдующаго *лъ*, которому по тому самому такъ трудно удержаться, что оно въ произношеніи охотно скрывается, и тогда *б*, какъ послѣдняя буква, принимаетъ звукъ *п*. Сло́ва *стебль* напротивъ никто не произнесетъ *степъ*.

Удерживаясь отъ дальнѣйшихъ подробностей по предмету нашего разсмотрѣнія, будемъ довольствоваться и тѣмъ, если намъ удалось указать въ системѣ русскихъ звуковъ нѣкоторые общіе законы, которые до сихъ поръ еще не были изслѣдованы.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія* я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, какъ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи, или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды. Такова между прочимъ ихъ теорія о согласной натурѣ звука *й*, теорія, на основаніи которой они принимаютъ начертанія: *бойъ*, *гнойъ* и т. п.

Изъ словъ Шлейхера Kirchensl. Formenlehre, стр. 85, видно, что главнымъ основаніемъ этихъ искуственныхъ формулъ служатъ косвенные падежи (*бой-а, бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно

ъ въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой ороографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный назвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается болѣе или менѣе открытымъ, для артикуляцій же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ тѣсненіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*i*) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и* (*i*), какъ напр. въ англ. словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется) языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ[1]; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ соста-

[1] Въ этомъ случаѣ можно согласиться, что звукъ *й* становится дѣйствительно *йотомъ* (j) и принимаетъ натуру согласнаго.

вляетъ только бо́льшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и:* звуковое различіе между *край* и *краи* заключается единственно въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, къ *и* приравниваютъ звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word [1], или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отвергается въ *в*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ*, *аврора*, *евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта*, *цейхгаузъ*, *шлагбаумъ*, *у* и у насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (*я*), *йэ* (*е*, *э*), *йо* (*ё*), *йу* (*ю*) и *ай*, *эй*, *ой*, *уй* [2].

---

[1] Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

[2] Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй*, *ей*, *юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

Къ недоразумѣнію относительно натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орфографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ дифтоговъ *йа, йэ, йо, йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія ѣ, е въ *я, е*, и вмѣсто *йо, йу* начертывая *е, ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія полугласнаго *й* въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркъ, майоръ*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *і* вмѣсто *й*, напр. *Іорданъ*, или даже ставятъ лишнее *і* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Іерусалимъ, іюнь, іюль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи краткаго i: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; Англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; Шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ дифтонга дѣйствительно получаетъ значеніе (*функцію*) согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йотѣ названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, вслѣдствіе сейчасъ объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный авто-

[1] Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

ритетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91) что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный i, но слышатся одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II², стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступившій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія i усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго i, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признается г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ (стр. 88), можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также,

что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ, наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія a͡i, o͡i, a͡u и т. д. разсматриваются совершенно иначе, нежели i͡a, i͡o, u͡a и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la». Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, что гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во франц. roi, lui). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и вслѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ вышесказанному, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и u, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ»

(Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, установляемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для бо́льшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда сиитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *i* и *y* нисколько не измѣняетъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, что́ я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ ai и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «j вокализируется», когда оно должно означать различіе между aj и одно-

сложнымъ ai, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ oи, aи, eи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же что oи, aи, eи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго *и*. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *i*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то назвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя искомую особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ but), французское e muet или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго назвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)[1]. Отличаемая зна-

[1] У насъ по большей части представляютъ себѣ букву *э* какъ представительницу широкаго звука, что выражается особенно въ томъ, что въ заим-

ками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе ra, ro, ru, re, ri; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid и русскія: котъ, нотъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершенно иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя можетъ-быть нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и *ъ* за сокращенное i (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 157), не обращаютъ вниma-

---

ствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія франц. è, ê или aïs, нѣмецк. ä и т. п., напр. *тэма, мэръ, Раблэ, Вэръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же какъ и *е*, *ь*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, какова́ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого сто́итъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя — съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Раблэ, атлэтъ л*, несмотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ какъ *ль*, а не какъ *л*; слѣдов. *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ,—мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ франц. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *е*, напр. въ именахъ *Эмилія, поэзія*.

нія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: крајъ и концъ. Они не замѣчаютъ, что ь есть низшая степень сокращенія *и*, что *й* есть такъ-сказать удвоеніе *еря* или наоборотъ *ь* есть укороченный *й*[1]. Оттуда превратное мнѣніе, будто отточенныя согласныя (бь, вь и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласные дифтонги». Первое выраженіе принѣшилъ къ этимъ славянскимъ звукамъ Брюкке (Grundzüge[1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде[2], такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій назвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ь редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто љь, рј, њь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ јї (т. е. јь)[3]. Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь

---

[1] Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что ь и й одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

[2] Филол. Разыск. т. II², стр. 24.

[3] Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе[1]. Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (jї), то оно представляетъ еще и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=коньjь=коньjjь=коньjjjь и т. д.

Ничѣмъ инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, какъ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлеченный своею теоріею цетацизма, онъ въ своей грамматикѣ цсл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои, твои, краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моји, твоји, краји. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *йи* только въ личномъ мѣстоименіи: *ихъ, имъ, ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣчаетъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои, твои, свои*; однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой,

[1] Присутствіе *й* при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б, п, в, ф, м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

свой, а въ второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и *ъ*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно, или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что *ъ* въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетыз*, *зналъ имя* какъ *зналымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ *ы* даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе *и* послѣ *ъ* есть физіологическая необходимость. Поэтому-то для западнаго европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе *ы*, какъ и звуковой элементъ *ъ*: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то

нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ *ы*, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгадашный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что *ы* въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ:* если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что́ признано почти всѣми), то *ги* должно было естественно звучать простою гласной. Поэтому Шлейхеръ совершенно правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl., стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ «Транскрипціи кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ üj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъі), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü». Но что сказалъ бы нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ русскаго услышалъ свое слово müh выговореннымъ какъ *мыг*» Стóитъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно такое сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge [2], стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u̯. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Ленсіуса: онъ признаетъ, что *и* дѣйствительно какъ й представляетъ сліяніе у съ і, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между й и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *е*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *а* и *і*, сколько *и* между *у* и *і;* ибо движеніе отъ *а* къ *і* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *і*, или обратно, есть двойное, обоюд-

но перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *i* и *y*, то увидимъ, что при образованіи *y* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ü* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *i*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *y*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ü* дѣйствительно занимаетъ середину между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *y* должна быть еще *другая середина*, столь же закоснѣлая. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же—укороченное положеніе для *y*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ і (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ лат. y. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *а о у* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ е, ǫ, ü, і существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *а о у*, произносимымъ съ *отдерну-*

тымъ назадъ языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя e, o̯, u̯. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *a o y ы* и e, o̯, u̯, i» [1]).

Сверхъ твердаго *и* (ы, поль. y) есть въ польскомъ еще твердое *e*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (лъ), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать: лъэбъ, лъэхтъ, и пр.),—звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ серединѣ словъ это *э* у насъ невозможно: исключая развѣ сложныхъ, напр. *двухъэтажный*. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ твердыхъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ*, *съ этого*, въ конхъ слоги *бгэ*, *сгэ*, *хгэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *т*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. выше, стр. 296 и 305). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (e, ѣ) по наблюденію нашего академика Бётлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ произноше-

[1] Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin 1861: «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

ніе азбучныхъ названій *ѣръ* и *ёръ*. Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ слогѣ: для этого стóитъ только, произнеся *е* для *рѣ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рь* и на оборотъ, т. е. какъ *рь* не придется къ *ѣ*, такъ и *рѣ* не придется къ *ё*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г.[1] какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ. О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden[2] занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулуется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физіо-

[1] Вторымъ же изданіемъ въ 1881 г. подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik.

[2] Т. е. «Нѣсколько звуко-физіологическихъ изслѣдованій относительно согласныхъ» въ Upsala-Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

логическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б, д, г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною (*Филолог. Разыск.*, т. II², стр. 249). «Въ физіологическомъ смыслѣ удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *матта*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, что́ должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка». Цѣль двойного начертанія согласной — только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м и р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвояется, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute),

иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ klusela ljud; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ преграждения (afspärring) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ небной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е..когда выдыхаемый воздушный токъ преграждается закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (implosiva) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, наприм. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: ‾п, ‾т, ‾ц; ‾б, ‾д, ‾г.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и задержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (explosiva) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: п‾, т‾, к‾; б‾, д‾, г‾.

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физіологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его,—названіе explosivae (взрывные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но при ближайшей повѣркѣ его однакожъ оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ слогахъ: трӯп, а̄б, ма̄т, А̄д, Ме̄к, Ба̄г, не могутъ считаться вполнѣ образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полнаго образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ, абъ, матъ, Адъ, Мекъ, Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ:

труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, А-да, Ме-ка, Ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ затвора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.

О СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА И ВАЖНОСТИ ВЪ НЕМЪ УДАРЕНІЯ.

При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одинъ общій пріемъ. Признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, они либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един. числа настоящаго (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени[1].

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Гречъ показываетъ, наоборотъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ слу-

[1] Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

чаи, когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголъ образуетъ 1-е лицо един. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ 10-ти *различіяхъ* глаголовъ показываетъ отношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ лицомъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогоудареніи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Павскій отвергъ надобность внѣшнихъ признаковъ для производства главныхъ глагольныхъ формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Г. Буслаевъ, показывая отношеніе между неопредѣленнымъ накл. и настоящимъ временемъ изъявительнаго, принимаетъ *различія* Востокова и затѣмъ приводитъ 1-е и 2-е лица един. числа, но не касается вопроса объ удареніи (см. его *Учебникъ русск. Грамматики*, изд. 1874, стр. 34—36).

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ удареніи можетъ иногда болѣе поразить слухъ, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на письмѣ, наприм. въ формахъ: *стелятъ*, *надѣятся*, *строютъ*, вмѣсто *стелютъ*, *надѣются*, *строятъ*. Правда, въ удареніи природный Русскій не ошибается; но здѣсь дѣло идетъ объ указаніи общихъ явленій языка, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство—то́, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній—если они есть—по большей части

обнаруживается въ настоящемъ (или будущемъ) времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ един. числа бываетъ одно ударение, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ — другое (смотрю́, смо́тришь,—тъ,—имъ,—ите,—ятъ).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто одинъ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ бо́льшей части случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно, при самомъ такъ-сказать наименованіи его, уже имѣть указаніе: одно, или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно видна необходимость, по меньшей мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола. Всѣмъ извѣстно, что въ латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно знать цѣлыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ всѣ согласны въ томъ, что спряженіе русскаго глагола имѣетъ въ основаніи своемъ *двѣ темы;* но затѣмъ остается рѣшить, какія изъ формъ, подходящихъ подъ эти двѣ темы, должны быть поставлены въ главѣ прочихъ, какъ руководство для спряженія[1]. Вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предварительно три формы: неопред. наклоненіе, 1 и 2 лица един. числа наст. времени; оттого и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Можетъ ли, во-первыхъ, неопред. наклоненіе служить основною формою?

---

[1] Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, наприм. въ глаголахъ: *тонуть* (кор. тон) и *гнуть* (кор. гб). Нельзя также сказать, чтобъ которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрные признаки для образованія всѣхъ остальныхъ.

Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково. У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но впослѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *ть;* 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (гти, кти) превратилось сперва въ *щи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* ударе-ніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *ть*. Говорятъ, наприм., *нести* и *несть*, *везти* и *везть*. Только въ *расти*, *пасти*, *итти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Несмотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, согласимся, что оно, какъ по самому значенію своему, такъ и по удобству образовать съ помощію его разныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы, да и нѣтъ надобности, замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1-е лицо един. числа наст. времени служить второю основною формой?

Разсмотримъ это лицо въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

1) Относительно *ударенія* мы находимъ, что это лицо вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, наприм. *по́мнить, по́мню; держа́ть, держу́*; *пла́кать, плачу́; трепета́ть, трепещу́*.

Подъ это правило не подходятъ только извѣстные односложные глаголы: *пѣть, пою́*; *пасть, пасу́ ; класть, кладу́*; *клясть, кляну́;* также *бере́чь, берегу́* и нѣк. др.

Сверхъ того пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время

образуется двояко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алка́ть — алка́ю и *а́лчу*,
колыха́ть — колыха́ю и *колы́шу*,
страда́ть — страда́ю и *стра́жду*,
хрома́ть — хрома́ю и *хра́млю*,
колеба́ть — колеба́ю (устар.) и *коле́блю*[1].

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *ова́ть* и *ева́ть* съ ударе́ніемъ на послѣднемъ слогѣ; о чемъ будетъ говорено ниже.

2) Относительно *окончанія* 1-го лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. 4 глагола въ этой формѣ: *вяжу, вожу, сижу, держу*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *вязать, водить* (и *возить*) *сидѣть, держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить, скоблить, колебать*, у которыхъ 1-е лицо оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю, скоблю, колеблю*.

Мы находимъ далѣе, что 1-е лицо, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служитъ неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1-е лицо всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣетъ которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство — одинаковое *уда-*

[1] Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: *жада́ть — жада́ю* и *жа́жду; има́ть — има́ю* и *ёмлю*; но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло и вмѣсто его установилась неправильная форма *жаждать*, а послѣдній въ русскомъ языкѣ неупотребителенъ безъ соединенія съ предлогомъ.

реніе, часто отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно то́, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм. *рублю́, ру́бишь, ить, имъ* и т. д.; *держу́, де́ржишь; терплю́, те́рпишь; могу́, мо́жешь.*

Обратной перемѣны, т. е., чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній — никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнавать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при этомъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что если 1-е лицо легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели наоборотъ, то лучше рядомъ съ неопред. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны удареніе во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ, то нельзя обойтись безъ прямого указанія одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. (или будущ.) времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2-е и 3-е лица един. числа, 1-е и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другого начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и;* напротивъ, въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается бо́льшее разнообразіе: бер-*утъ*, пор-*ютъ*, вид-*ятъ*, держ-*атъ*, и предшествующія лица (кромѣ 1-го един. числа) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лицо множ. числа. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ един. числа, но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ;

извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгодъ.

Напротивъ, 3-е лицо множ. числа прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм. въ глаголахъ *течь*, *тек-утъ* (*теч-ешь* и пр.), *лгать*, *лг-утъ* (*лж-ешь*). Наконецъ прибавимъ, что съ помощію 3-го лица множ. числа давно уже во всѣхъ грамматикахъ образуются нѣкоторыя формы, именно дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лицо множ. числа [1].

Отъ этихъ двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь еще нѣтъ рѣчи). Остановимся только на немногихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лицо единственнаго числа настоящаго (или будущаго) времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3-го множ. числа, при чемъ для опредѣленія мѣста ударенія служитъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа стóитъ только отбросить *тъ* [2].

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ *ю* гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ един. числа никогда не измѣняется

[1] Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ арабскомъ, въ еврейскомъ и въ финскомъ 3-е лицо един. числа наст. времени считается коренною формой.

[2] Конечно, буква *у* въ 1-мъ лицѣ един. числа по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица множ. числа, но при указаніи съ практическою цѣлью глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ.

и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопреод. наклоненіе, напр. *даю-тъ, даю; плыву-тъ, плыву; скачу-тъ, скачу; пою-тъ, пою; мьняю-тъ, мьняю; дѣйствую-тъ, дѣйствую; образую-тъ; образую.*

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ *согласная* буква и удареніе на *предпослѣднемъ слогѣ*, то 1-е лицо един. числа принимаетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія, наприм.

Отъ *рѣзать, рѣжу-тъ — рѣжу*; отъ *плáкать, плáчу-тъ — плáчу;* отъ *красть, крáду-тъ — крáду.*

Напротивъ, отъ *колóть, кóлютъ — колю;* отъ *вязáть, вяжу-тъ — вяжу;* отъ *дремáть, дрéмлю-тъ — дремлю;* отъ *трепетáть, трепéщу-тъ — трепещу.*

Примѣчаніе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать, колыхать, страдать, хромать, колебать*, съ двоякимъ настоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончаній отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *áлчу, колы́шу, стрáжду, хрáмлю, колéблю.*

Исключеніе составляетъ еще глаголъ: *мочь, мóгутъ — могу́*; но это—только видимое исключеніе: форма *могу́* по ударенію согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *мощи́* (малор. *могти́*).

II. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ятъ* или *атъ*, то въ 1-мъ лицѣ един. числа *ятъ* перемѣняется на *ю*, *атъ* на *у*; касательно же ударенія соблюдаются тѣ же два правила, какія изложены при окончаніяхъ *утъ, ютъ*, именно:

1) Когда удареніе на *ятъ, атъ* или когда передъ *я* гласная буква, то 1-е лицо един. числа всегда удерживаетъ то же удареніе: *вел-я́тъ, вел-ю́*; *говор-я́тъ, говор-ю́, трещá-тъ, трещ-ý*; *дребезж-áтъ, дребезж-ý*; *сто-я́тъ, сто-ю́; стó-ять, стó-ю*; *тáя-тъ, тá-ю.*

2) Когда передъ *ятъ, атъ* согласная буква и удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, то 1-му лицу един. числа сообщается удареніе неопредѣленнаго наклоненія:

Отъ *пóмнить, пóмн-ятъ — пóмню*; отъ *тúшить, тúш-атъ — тúш-у.*

Напротивъ, отъ *вали́ть*, *вáл-ятъ* — *валю́*; отъ *служи́ть*, *слýж-атъ*—*служу́*; отъ *кури́ть*, *кýр-ятъ*—*ку-рю́*; отъ *держа́ть*, *дéрж-атъ* — *держу́*; отъ *волочи́ть*, *волóч-атъ* — *волоч-ý*.

Примѣчаніе. Глаголъ *гнать*, *гóн-ятъ*, — *гон-ю́* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соотвѣтствующее настоящему времени изъяв., есть *гони́ть*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *гнать*.

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ един. числа не могутъ устоять нѣкоторыя согласныя, какъ-то: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*; *д*, *т*; *з*, *с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *блю*, вм. *пю*—*плю*, вм. *дю*—*жу* или *жду*, вм. *зю*—*жу* и проч.

Отъ 3-го лица множ. числа получаются еще проще какъ 2-е и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множ., именно перемѣною:

—*ютъ*, *утъ* на *ешь*, *етъ*; *емъ*, *ете*.
—*ятъ*, *атъ* на *ишь*, *итъ*; *имъ*, *ите*.

Удареніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ лицѣ множ. числа.

Если окончанію *утъ* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч*; *берег-утъ*, *береж-ешь* и т. д., *тек-утъ*, *теч-ешь* и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольныхъ формъ отъ 3-го лица множ. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящаго времени на *о́мый* является только тамъ, гдѣ это лицо оканчивается на *утъ* съ ударéніемъ: *несýтъ*, *несóмый*; *влекýтъ*, *влекóмый*; *зовýтъ*, *зовóмый* (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искóмый* при 3-мъ лицѣ множ. ч. *и́щутъ*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято

многими. Но почему слоги *ла*, *ло* въ един. числѣ этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ ударе́ніе, а иногда нѣтъ? Отчего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-*ла́*, —*ло́*, —*ли́*, а въ другомъ сѣ́к-*ла*, —*ло*, —*ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: вез-*ла́*, —*ло́*, —*ли́* и —гры́з-*ла*, —*ло*, —*ли?*

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленнаго наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *зть*, *сть*, могутъ имѣть *зти́*, *сти́* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе,—ударе́ніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла*, *ло*, *ли*, наприм. весть или *везти́: везла́*, *ло́*, *ли́;* гресть или *грести́: гребла́*, *ло́*, *ли́;* пасти́: *пасла́*, *ло́*, *ли́*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *зть*, *сть*, когда слѣдовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени ударе́ніе не можетъ падать на слоги *ла*, *ло*, *ли:* грызть, *гры́зла* и проч.; лѣ́зть, *лѣ́зла*, класть, *кла́ла;* сѣсть, *сѣ́ла*, *ло*, *ли*.

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь: стричь*, *сѣчь* окончаніе *ла*, *ло*, *ли*, въ прош. времени остается безъ ударенія (*стри́гла*, *сѣ́кла*, *о*, *и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *гти*, *кти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ малороссійскомъ нарѣчіи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стри́гти*, *сѣ́кти*. Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла*, *ло*, *ли* принимаютъ ударе́ніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *гти́*, *кти́*.

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ врем. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ ударенія въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *зть* или *сть*. Когда у нихъ въ прошед. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло*, *ла*, *ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, наприм. *грызть*, *гры́зла*, *ло*, *ли* —*гры́зенъ; кла́сть*, *кла́ла* — *кла́денъ; стричь*, *стри́гла* — *стри́женъ; сѣчь*,

сѣкла—сѣчень. Напротивъ, слогъ *ень* носитъ ударѐніе въ глаголахъ *весть*, *вела́*, *ло́*, *ли́* — *веде́нъ; везти́*, *везла́*, *везе́нъ; влечь*, *влекла́*, *влечёнъ; беречь (беречи́)*, *берегла́*, *бережёнъ* и проч.

Въ прошедшемъ врем. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода *(ла)* принимаетъ ударѐніе, наприм. *была́*, *жила́*, *рвала́*, *мала́;* но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *ба́ла*, *жа́ла*, *кры́ла*, *зна́ла*. Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходитъ съ ударѐніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоименія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ ударѐніе, которое сообщается и слогамъ *ло́*, *ли́* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, наприм. рва-*л-а́:* рва-*л-ся́*, рвал-*ло́сь;* рва-л-*ли́сь;* гнала́: гнался́, гнало́сь, гнали́сь; жила́: (раз) жил*ся́*,—жило́сь,—жили́сь; (от) пер*ла́*,—пер*ся́*, пер*ло́сь*, пер*ли́сь;* родила́: родился́, родило́сь, родили́сь, — хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоименія говорятъ: *рва́ло, рва́ли, гна́ло, гна́ли* и проч. О женскомъ родѣ прошед. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла́* удерживаетъ свое ударѐніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по общимъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ *настоящемъ* или *будущемъ* времени неправильны глаголы: *бѣжать*, *бѣгутъ; чтить*, *чтятъ; хотѣть*, *хотятъ; пѣсть*, *пѣдятъ; дать*, *дадутъ*. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ 3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ *бѣгутъ* нельзя образовать *бѣжишь*, — *итъ;* — *имъ*, — *ите;* отъ *чтятъ* — *чту*, отъ *хо-*

тятъ — хочешь и *хочетъ;* отъ *ѣдятъ — ѣмъ, ѣшь, ѣстъ;* отъ *дадутъ — дамъ, дашь* и все прочее[1].

Въ *прошедшемъ* времени неправильны: *итти, идутъ; шибить, шибутъ*, потому что отъ *итти* нельзя на общемъ основаніи образовать *шелъ*[2], а отъ *шибить — шибъ.*

Въ *повелительномъ* наклоненіи неправильны: *лечь, лягутъ — ляг; пасть, ѣдятъ — пшь; сыпать, сыплютъ — сыпь.*

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выводимы одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм. глаголъ *дѣлать, дѣлаютъ* не похожъ на *пороть, порютъ*, и *терпѣть, терпятъ* — на *искать, ищутъ.* Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самые разряды, какіе Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою перемѣною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лицо множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріей Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, при чемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому, такимъ образомъ, принадлежали бы слѣдующіе глаголы: *ревѣть,*

---

[1] Въ послѣднихъ изъ этихъ глаголовъ своеобразность основывается на сохраненіи болѣе древнихъ формъ; у другихъ же она заключается въ томъ, что въ спряженіи сливаются два глагола, т. е. *бѣжать* и *бѣчь, чтить* и *честь, хотѣть* и *хотать* (неупотр.).

[2] Тутъ нѣтъ собственно неправильности, а дѣло въ томъ, что при гл. *итти* прошедшее взято отъ другого, неупотребительнаго въ неопр. наклоненіи глагола *шести*, отвѣчающаго глаголу *ходить*, какъ *брести*, напр., глаголу *бродить.*

реву́тъ; стена́ть, сто́нутъ; на́ть, го́нятъ; е́хать, е́дутъ; итти, идутъ; быть, бу́дутъ; псть, де́ятъ; дать, даду́тъ[1]. Къ нимъ надобно еще причислить: *клясть, кляну́тъ; сѣсть, ся́дутъ* и *лечь, ля́гутъ*. Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоотвѣтственности въ ихъ составѣ; спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ, происходитъ по большей части правильно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всякій, кто безпристрастно взглянетъ на предлагаемыя мною двѣ основныя формы, какъ на самыя явственныя представительницы *двухъ темъ* русскаго глагола, долженъ согласиться, что онѣ существенно служатъ къ облегченію правильнаго спряженія и къ уясненію его законовъ. Нѣкоторые составители грамматикъ дѣйствительно воспользовались моимъ наблюденіемъ. Особенно слѣдуетъ назвать между ними г. Стоюнина, который въ своемъ «Высшемъ курсѣ русской грамматики» (Спб. 1855, стр. 66—71) принялъ мои замѣчанія въ основу изложенныхъ имъ правилъ спряженія. Такимъ же образомъ поступилъ еще прежде покойный профессоръ Гельсингфорсскаго университета Акіандеръ во 2-мъ изданіи своей «Rysk Språklära» (Helsingfors, 1853).

Многіе преподаватели финляндскихъ училищъ сознавались, что предложенный мною методъ спряженія оказалъ на практикѣ замѣтную услугу при изученіи русскаго языка. То же свидѣтельствовали мнѣ нѣкоторые Чехи, ознакомившіеся съ моею теоріею. У насъ, напротивъ, иные оспаривали надобность принимать, для спряженія глагола, двѣ основныя формы. Они полагали, что для

[1] Что касается до гл. *спать*, отнесеннаго Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть, лежать, стоять* и проч. (соотвѣтствующими 9-му различію Востокова).

природнаго Русскаго такое указаніе совершенно излишне. Но если такъ, то не лучше ли признать, что для Русскаго и вообще русская грамматика безполезна? Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ отчасти и покойный мой сочленъ по Академіи, П. С. Билярскій. Говорю *отчасти* потому, что онъ въ отношеніи къ преподаванію сознавалъ вѣрность замѣченныхъ мною фактовъ и пользу предложенныхъ вслѣдствіе того правилъ; но находилъ, что наука ничего отъ нихъ не выигрываетъ. Въ этомъ смыслѣ Билярскій написалъ ко мнѣ письмо, напечатанное въ «Извѣстіяхъ» (1861, вып. 4) вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, изъ котораго считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь извлеченіе:

По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія русскихъ глаголовъ. Обращая вниманіе на основныя формы ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату, такъ какъ вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Если бъ въ нашихъ грамматикакъ не было этого недостатка, если бъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то можетъ-быть, мнѣ бы и не вздумалось обратить вниманіе на потребность въ болѣе пригодныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава русскихъ глаголовъ; но въ этомъ случаѣ вы слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы: это доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они *строютъ*, *стоютъ*, *клеютъ*,

надьятся, *сыплятъ*, *колеблятъ*, *трепещатъ*, *морочутъ* и т. п. Я согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ однакожъ 1-го един. числа) имѣли бы право называться основною формой; но такъ какъ для руководства надо избрать одно лицо, то я отдаю рѣшительное предпочтеніе 3-му лицу множ. числа, въ которомъ всего виднѣе то, что́ вы справедливо называете темой глагола; напр. у глаголовъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (*бережешь* и т. д.). Я думаю, что если бъ вообще на взаимное соотношеніе этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша ороографія освободилась бы отъ многихъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ, это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упомянается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, мѣня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т*: должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч*, или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм.: *преградить (преграждy); убъдить*, *упредить*, *учредить; возмутить (возмущу)*, *обогатить*, *посытить*, *сократить*, *укротить*. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ славянское умягченіе, наприм.: *городить*, *опередить*, *укоротить* (*горожу* и т. д.). Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять таки книжнаго происхожденія) способны принимать славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ на память другихъ, кромѣ *претить* и *святить*.

Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ которому относится приводимый вами примѣръ: *прослезюсь* вмѣсто *прослежусь*, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, что́ само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы полагаете цѣлую бездну между цѣлями ученаго и задачами педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется однакожъ, что вы, думая такъ, уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества, и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма, и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му лицу множ. числа) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ лицомъ един. числа), однакожъ думаете, что въ словаряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною *двухъ* формъ; но еще важнѣе другое замѣчаніе. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе 1-е и 2-е лицо един. числа настоящаго врéмени, напр. *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь*. Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, если бъ вмѣсто 2-го лица един. числа въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени рѣдко кто ошибется, но — повто-

ряю — мы безпрестанно читаемъ въ печати: *объемлятъ*, *дремлятъ*, *колышатъ*, *безпокоютъ*, *строютъ* (вм. объемлютъ, дремлютъ, колышутъ, безпокоятъ, строятъ) и т. п.

До сихъ поръ выписка изъ отвѣта моего Билярскому.

Для примѣра предлагаемой мною въ словаряхъ перемѣны беру глаголъ *орáть*, который, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: 1) пахать, и 2) кричать, и, согласно съ тѣмъ, два разныя спряженія. Въ 1-мъ случаѣ онъ спрягается такъ: *орю́*, *о́решь*. — *о́рютъ;* во 2-мъ же: *ору́*, *орёшь*, — *ору́тъ*. Раскрываю академическій словарь и нахожу въ немъ:

орáть, *орю́*, *о́решь*, а въ другомъ значеніи:
орáть, *ору́*, *орёшь*.

Понятно, что указаніе выиграло бы въ ясности и опредѣлительности, если бъ вмѣсто того было поставлено:

орáть, *орю́*, *о́рютъ*, а во 2-мъ случаѣ:
орáть, *ору́*, *ору́тъ;*

потому что относительно остальныхъ лицъ того же времени уже не можетъ быть сомнѣнія: буквы *ю* и *у* 3-го лица множ. числа одинаково измѣняются въ остальныхъ лицахъ на *е*.

Въ словарѣ Даля изрѣдка указываются при глаголахъ тѣ же формы, что и въ акад.; при гл. *орáть* онъ присоединяетъ, и въ первомъ его значеніи, къ формѣ *орю́* еще форму *ору́*. Дѣло было бы яснѣе, если бъ при этомъ, вмѣсто *о́решь*, было выставлено: *о́рютъ* и *о́рутъ*. Въ существованіи послѣдней формы, вытекающей изъ показанія Даля, позволю себѣ однакожъ усомниться.

Впрочемъ, надобно прибавить, что наши словари очень непослѣдовательны въ такихъ обозначеніяхъ. У Даля они совершенно случайны, и при бо́льшей части глаголовъ онъ ихъ вовсе не ставитъ; слѣдовательно не даетъ никакого руководства относительно ударенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его указанія въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ при глаголѣ *ры́скать*, онъ показываетъ 1-е лицо *рыщу́* и *ры́скаю*. Первая изъ этихъ формъ

по ударенію невозможна, и акад. словарь правильно ставитъ *ры́щу*.

Академическій словарь вообще въ этомъ дѣлѣ исправнѣе; но и онъ тутъ иногда ошибается, единственно потому, что не сознаетъ правильнаго основанія. Такъ при глаголѣ *дыша́ть* онъ показываетъ 2-е лицо един. числа наст. времени: *ды́шешь*, тогда какъ слѣдовало поставить: *ды́шишь*, какъ въ глаголѣ *слы́шать*, *слы́шишь* (см. у Востокова 9-е различіе). *Дышешь* есть форма другого менѣе употребительнаго глагола *дыха́ть* (какъ *пи́шешь*, *ма́шешь* отъ *паха́ть*, *маха́ть;* ср. сказанное ниже на стр. 375); глаголъ же *дыха́ть*, такъ же какъ и *маха́ть*, имѣетъ въ наст. времени еще и другую форму: *дыха́ю* и т. д.; въ акад. словарѣ только эта форма и приведена при неопр. накл. *дыха́ть*. Такія недоразумѣнія и неисправности были бы немыслимы въ словарѣ академіи, если бъ было обращено вниманіе на основныя формы глагола, которыя непосредственно служатъ къ отличенію его разряда. Такъ обозначеніе глаголовъ *дыша́ть* и *дыха́ть* въ словарѣ должно быть слѣдующее:

Дыша́ть, дышу́, ды́шатъ.
Дыха́ть, дыха́ю, дыха́ютъ, или: *дышу́, ды́шутъ.*

Въ первомъ глаголѣ остальныя лица будутъ: *ды́шишь, ды́шитъ* и т. д.; въ послѣднемъ, при 2-ой формѣ, они будутъ: *ды́шешь, ды́шетъ* и проч.

Таково значеніе правильно поставленныхъ основныхъ формъ для пониманія тонкостей спряженія русскаго глагола, которыми при изученіи языка конечно нельзя пренебрегать.

О ГЛАГОЛАХЪ СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ (1).

Извѣстно, что одну изъ наименѣе обработанныхъ частей теоріи русскаго языка составляютъ правила ударенія. До сихъ поръ они опредѣлены только въ весьма немногихъ случаяхъ: въ другихъ удареніе наше такъ прихотливо, непостоянно, такъ ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, что можно даже усомниться, дѣйствительно ли оно подлежитъ неизмѣннымъ законамъ и не зависитъ ли оно скорѣе отъ безотчетныхъ и неуловимыхъ требованій слуха.

Такое положеніе дѣла не освобождаетъ однакоже изслѣдователя языка отъ обязанности наблюдать разнообразіе просодіи его и отъ старанія указать, если не законы, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшія явленія сходства или различія удареній въ словахъ одинаковаго образованія. Только тогда, когда всѣ такія явленія будутъ тщательно собраны и обсуждены, можно будетъ вывести окончательное заключеніе относительно законовъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Къ числу подобныхъ явленій принадлежитъ довольно многочисленный разрядъ глаголовъ, у которыхъ удареніе, въ разныхъ формахъ ихъ, бываетъ двоякое: въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 1-мъ лицѣ един. числа наст. времени оно упадаетъ на послѣдній слогъ, а въ остальныхъ лицахъ того же времени переходитъ на предпослѣдній; наприм. *смотрѣть*, *смотрю́*, и—*смо́тришь*,—*итъ*, — *имъ*, — *ите*, — *ятъ*. Изъ прочихъ формъ глагола одинъ

(1) Примѣчанія, означенныя здѣсь цифрами въ скобкахъ, см. въ концѣ статьи.

по ударенію соображаются съ неопред. наклоненіемъ, а другія съ отступающими отъ него лицами настоящаго времени. Къ первымъ относятся постоянно прошедшее время изъяв. накл. и повелительное наклоненіе: *смотрѣ́лъ*, *смотри́*. Къ послѣднимъ относятся *иногда причастія* и *дѣепричастія;* но удареніе этихъ двухъ формъ въ глаголахъ, о которыхъ рѣчь идетъ, не всегда опредѣляется одинакимъ образомъ, т. е. оно бываетъ согласно то съ 1-мъ лицомъ наст. врем., то съ другими, и потому мы здѣсь еще не будемъ касаться ихъ, тѣмъ болѣе что причастія и дѣепричастія свойственны далеко не всѣмъ нашимъ глаголамъ: особенно причастіе наст. страдат. и дѣепричастіе настоящ. неупотребительны во многихъ глаголахъ, даже тогда, когда видъ или залогъ тому не препятствуютъ, наприм. дѣеприч. наст. въ глаголахъ: *рвать*, *пить*, *расти*, *тереть*, *сохнуть* или прич. страд. наст. въ глаголахъ: *колоть*, *рѣзать*, *брать*.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, по ударенію бываютъ двоякаго рода. Одни держатъ его на коренномъ слогѣ, наприм. *стра́нствовать*, *сѣ́товать*, *бѣ́шенствовать:* въ такомъ случаѣ удареніе во всѣхъ формахъ глагола остается на томъ же мѣстѣ. Въ другихъ глаголахъ этого окончанія—и они гораздо многочисленнѣе—удареніе падаетъ на послѣдній слогъ *ва́ть:* тогда въ настоящ. времени удареніе постоянно измѣняется одинакимъ образомъ, переходя на предпослѣдній слогъ; наприм. *ворова́ть*, *вору́ю*,—*ешь; воева́ть*, *вою́ю*, —*ешь* и проч. Замѣчательно, что въ неопред. наклон. предпослѣдній слогъ съ гласною *о* или *е* никогда не принимаетъ ударенія. Указанныя два правила относятся однакожъ только къ такимъ глаголамъ на *овать* и *евать*, въ которыхъ не менѣе трехъ слоговъ. Но есть еще нѣсколько глаголовъ двусложныхъ: *кова́ть*, *жева́ть*, *блева́ть*, *клева́ть*, *днева́ть*, *сова́ть* и *плева́ть;* въ пяти первыхъ настоящее время удерживаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ послѣднихъ двухъ оно непостоянно: говорятъ *су́ю* и *сую́*, *плю́ю* и *плюю́*.

Такимъ образомъ глаголы съ этимъ окончаніемъ составляютъ,

въ отношеніи къ ударенію, отдѣльный разрядъ глаголовъ и не войдутъ въ наше разсмотрѣніе.

Посмотримъ на остальные глаголы съ занимающею насъ особенностью перемѣннаго ударенія. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду одни простые (несложные) глаголы, за исключеніемъ развѣ тѣхъ только немногихъ, которые безъ приставки къ нимъ предлога вовсе не употребительны, напр.: (при) *мънить*, (раз) *лучить*. Подобныхъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ оказывается въ русскомъ языкѣ около *двухъ сотъ* — количество незначительное по сравненію съ общимъ итогомъ русскихъ глаголовъ простыхъ (которыхъ болѣе 2,000, не считая особо глаголовъ однократной формы на *нуть*). Двѣ трети всего числа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ глаголы съ окончаніемъ *ить*, и между ними *девять десятыхъ*—двусложные глаголы, каковы наприм.: *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь; води́ть, вожу́, во́дишь*.

Прежде нежели будемъ говорить объ этомъ самомъ многочисленномъ классѣ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, обратимъ вниманіе на другіе глаголы, отличающіеся тою же особенностію.

Къ числу ихъ принадлежатъ, во 1-хъ, *всѣ* глаголы на *ать* съ бѣглымъ *а*, которому предшествуетъ одна изъ согласныхъ, способныхъ умягчаться въ 1-мъ лицѣ един. числа передъ *ю*. Итакъ всякій разъ, когда встрѣтится глаголъ такого рода: *вяз-а́ть, вяж-у́, пис-а́ть, пиш-у́*, не можетъ быть сомнѣнія, что въ слѣдующихъ лицахъ наст. врем. удареніе у него перейдетъ на предыдущій слогъ. Такихъ глаголовъ у насъ 40 съ небольшимъ. Они частью двусложные, частью трехсложные. Первыхъ 30 съ небольшимъ; исчислимъ ихъ:

1) съ буквою *д* передъ окончаніемъ *а́ть:* гло-д-а́ть, гло-ж-у́, гло́-ж-ешь.

2) съ буквою *з:* вязать, казать, лизать, низать.

3) съ буквою *к:* скакать, искать, локать[1].

---

[1] Впрочемъ формы: *искаю, локаю* употребительнѣе чѣмъ *ищу́, лочу́*.

4) съ буквою *м:* дремать.

5) съ буквою *п:* клепать, трепать, хрепать, щепать, щипать.

6) съ буквою *с:* писать, плясать, тесать, чесать.

7) съ буквою *т:* клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.

8) съ буквою *х:* дыхать[1], махать, пахать, пыхать.

9) съ буквами *ск, ст:* искать, плескать, блистать, свистать, хлестать (2).

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ ударепіе переходитъ на первый слогъ: *зобáть, зóблю; зыбáть, зы́блю; алкáть, áлчу; страдáть, стрáжду; брехáть, брéшу; хромáть, хрáмлю.* Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. *здать, зи́жду.*

Два глагола: *стонать* и *орать* (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ *ать* неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ разсмотрѣнному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою *т* передъ окончаніемъ *áть*, съ повторяющимися гласными *о* или *е* и вставкою между ними губной или гортанной буквы: *бормотать, грохотать, клеветать, клокотать, лепетать, рокотать, скрежетать, трепетать, хлопотать, хохотать, щебетать, щекотать.*

Сверхъ того мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: *полоскать, колыхать* и *колебать;* послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ ударепіе: *колы́шу, колéблю.*

Замѣтимъ, что перемѣна ударенія уже въ 1-мъ лицѣ бываетъ по большей части у такихъ глаголовъ, которые имѣютъ двоякое настоящее, т. е. могутъ, или прежде могли, удерживать въ немъ передъ окончаніемъ гласную *а: хрáмлю* и *хромáю, áлчу* и *алкáю.* Изъ грамматикъ Ломоносова и Россійской академіи видно, что нѣкогда говорили также: *колебáю* (вм. *колéблю*). Форма эта встрѣ-

[1] Настоящ. *дышу́, ды́шешь.* Отъ глагола же *дышáть* наст. будетъ: *дышу́, ды́шишь.* Слѣд. большинство у насъ неправильно пишетъ: *дышешь.* (Ср. выше, стр. 371).

чается еще и у писателей 1-й половины нынѣшняго столѣтія, наприм. у О. П. Глинки въ «Письмахъ русскаго офицера» (Ч. IV).

Далѣе встрѣчаемъ немногочисленный разрядъ глаголовъ на *о́ть*, въ которомъ ударе́ніе въ настоящемъ времени всегда переходитъ по указанному закону: *боро́ть*, *коло́ть*, *поло́ть*, *поро́ть*, *моло́ть: колю́, ко́лешь* и проч., *моло́ть*, *ме́лешь*.

Изъ глаголовъ на *нуть* четыре несложные *гляну́ть*, *мину́ть*, *тону́ть* и *тяну́ть* перемѣняютъ ударе́ніе во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящаго врем.; но есть еще 2 такіе глагола, неупотребительные безъ предлога, именно: (об) *ману́ть* и (по) *мяну́ть: обману́, обма́нешь; помяну́, помя́нешь*.

Всѣхъ многочисленнѣе между глаголами съ подвижнымъ ударе́ніемъ тѣ, которые оканчиваются на *ить*. Поэтому и заслуживаютъ они подробнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что глаголы съ этимъ окончаніемъ въ изслѣдуемомъ отношеніи являются особенно прихотливыми.

Прежде всего надобно отдѣлить изъ числа ихъ тѣ глаголы, которые употребляются двояко, т. е. *могутъ* въ означенныхъ формахъ переносить ударе́ніе на предпослѣдній слогъ, но иногда удерживаютъ его и на послѣднемъ. Исчислимъ ихъ по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ:

а:	сади́ть	— сади́шь	и са́дишь	(посо́дишь)	(3)
	вали́ть	— вали́шь	и ва́лишь	(во́лишь [1])	
	кати́ть	— кати́шь	и ка́тишь	(поко́тишь)	
	дари́ть	— дари́шь	и да́ришь	(подо́ришь)	
	вари́ть	— вари́шь	и ва́ришь	(во́ришь [1])	
	гаси́ть	— гаси́шь	и га́сишь		
	трави́ть	— трави́шь	и тра́вишь		
	мани́ть	— мани́шь	и ма́нишь		
	тащи́ть	— тащи́шь	и та́щишь	(то́щишь [1])	
е:	крести́ть	— крести́шь	и кре́стишь		
	черти́ть	— черти́шь	и че́ртишь		

[1] Слышано въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

	клеи́ть	— клеи́шь	и кле́ишь
	щепи́ться	— щепи́шься	и ще́пишься
и:	чини́ть	— чини́шь	и чи́нишь
о:	божи́ться	— божи́шься	и бо́жишься
	(за)нози́ть	— зановзи́шь	и зано́зишь
	(по)ложи́ть	— ложи́шься	и (по)ло́жишь
	вопи́ть	— вопи́шь	и во́пишь
	крощи́ть	— крощи́шь	и кро́шишь
	коси́ть	— коси́шь	и ко́сишь
	твори́ть	— твори́шь [1]	и (за)тво́ришь
у:	кури́ть	— кури́шь	и ку́ришь
	тури́ть	— тури́шь	и ту́ришь
	студи́ть	— студи́шь	и (про)сту́дишься
	труби́ть	— трубишь	и тру́бишь
	блуди́ть	— блуди́шь	и блу́дишь
	труди́ться	— труди́шься	и тру́дишься
	пруди́ть	— пруди́шь	и пру́дишь
	уди́ть	— уди́шь	и у́дишь
	тупи́ть	— тупи́шь	и ту́пишь
	кружи́ть	— кружи́шь	и кру́жишь
	(за)глуши́ть	— глуши́шь	и глу́шишь
	души́ть	— души́шь	и ду́шишь
	суши́ть	— суши́шь	и су́шишь
	туши́ть	— туши́шь	и ту́шишь
	(раз)лучи́ть	— (раз)лучи́шь	и (раз)лу́чишь
	(по)ручи́ть	— (по)ручи́шь	и (по)ру́чишь
	сучи́ть	— сучи́шь	и су́чишь
ѣ:	бѣли́ть	— бѣли́шь	и бе́лишь
	цѣди́ть	— цѣди́шь	и це́дишь
	гнѣзди́ться	— гнѣзди́шься	и гне́здишься
	рѣзви́ться	— рѣзвишься	и ре́звишься

[1] По грамматикѣ Смотрицкаго *твóрити, твóришь*. См. у него парадигму 2-го спряженія. Сложные глаголы *затворить, притворить* и т. д. очевидно образованы изъ того же глагола. Сравни нѣмецк. zumachen — затворить.

	свѣти́ть	— свѣти́шь	и свѣтишь
	мѣси́ть	— мѣси́шь	и мѣ́сишь
	дѣли́ть	— дѣли́шь	и дѣ́лишь
	лѣпи́ться	— лѣпи́шься	и лѣ́пишься
	(за)мѣпи́ть	— (за)мѣпи́шь	и (за)мѣ́пишь
	цѣни́ть	— цѣни́шь	и цѣ́нишь
я:	ряди́ть	— ряди́шь	и ря́дишь
	яви́ть	— яви́шь	и я́вишь.

Итого 50 глаголовъ съ *двоякимъ удареніемъ* во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящ. врем. Затѣмъ остается всего около 50-ти же глаголовъ, у которыхъ *постоянно-подвижное удареніе* въ лицахъ этого времени. Число незначительное, если примемъ въ соображеніе, что глаголовъ на *и́ть* съ неизмѣннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ можно насчитать у насъ около 200. Приведемъ же теперь тѣ глаголы, у которыхъ во 2-мъ лицѣ наст. врем. ударе́ніе всегда переходитъ на предпослѣдній слогъ, и разсмотримъ ихъ также по порядку гласныхъ начальнаго слога:

а:	дави́ть	—	да́вишь	
	хвали́ть	—	хва́лишь	
	плати́ть	—	пла́тишь	(пло́тишь)
	хвати́ть	—	хва́тишь	
	дрази́ть	—	дра́знишь	
е:	серди́ть	—	се́рдишь	
	жени́ть	—	же́нишь	
о:	(по)собо́ть	—	(по)со́бишь	
	копи́ть	—	ко́пишь	
	топи́ть	—	то́пишь	
	лови́ть	—	ло́вишь	
	броди́ть	—	бро́дишь	
	води́ть	—	во́дишь	
	ходи́ть	—	хо́дишь	
	(про)глоти́ть	—	(про)гло́тишь	
	корми́ть	—	ко́рмишь	

	ломи́ть	—	ло́мишь
	гони́ть (неупотр.)	—	го́нишь
	клони́ть	—	кло́нишь
	(у)рони́ть	—	(у)ро́нишь
	(при)слони́ть	—	(при)сло́нишь
	вози́ть	—	во́зишь
	проси́ть	—	про́сишь
	дрочи́ть	—	дро́чишь
	мочи́ть	—	мо́чишь
	(на)скочи́ть	—	(на)ско́чишь
	точи́ть	—	то́чишь
	моли́ть	—	мо́лишь
	скобли́ть	—	ско́блишь
у:	губи́ть	—	гу́бишь
	руби́ть	—	ру́бишь
	купи́ть	—	купишь
	лупи́ть	—	лу́пишь
	ступи́ть	—	сту́пишь
	буди́ть	—	бу́дишь
	суди́ть	—	су́дишь
	пусти́ть	—	пу́стишь
	шути́ть	—	шу́тишь
	служи́ть	—	служишь
	тужи́ть	—	ту́жишь
	(у)куси́ть	—	(у)ку́сишь
	учи́ть	—	у́чишь
ю:	люби́ть	—	лю́бишь
ь:	лѣпи́ть	—	лѣпишь
	лѣчи́ть	—	лѣчишь
	цѣпить	—	цѣпишь
	бѣси́ть	—	бѣсишь
	(за)стрѣли́ть	—	(за)стрѣлишь.

Съ перваго взгляда на этотъ списокъ бросается въ глаза сравнительно-большое число глаголовъ съ буквами *о* и *у* въ слогѣ

предшествующемъ окончанію *ить*, особенно съ буквою *о:* такихъ глаголовъ болѣе 20, слѣдовательно около половины всего количества разсматриваемыхъ глаголовъ на *ить* съ непремѣнно-подвижнымъ ударѐніемъ. И наоборотъ, замѣчательно, какъ относительно-мало глаголовъ такого образованія между глаголами съ *двоякимъ* ударѐніемъ во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени.

Посмотримъ, нельзя ли въ исчисленныхъ глаголахъ отыскать какой-нибудь отличительной примѣты, сравнивая ихъ съ такими глаголами того же образованія, которые всегда сохраняютъ ударѐніе въ концѣ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: *бодри́ть, водни́ть, вощи́ть, гнои́ть, годи́ть, гости́ть, громи́ть, двои́ть, долби́ть, дроби́ть.* Мы видимъ, что почти всѣ подобные этимъ глаголы—имѣющіе одно постоянное ударѐніе на послѣднемъ слогѣ—суть *производные*, т. е. составлены изъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ или числительныхъ (бодрый, вода, воскъ, гной, годъ, двое), тогда какъ глаголы съ подвижнымъ ударѐніемъ — *по большей части первообразные*, т. е. образованы хотя и не прямо отъ корня, но и не отъ слова другой части рѣчи. Къ сожалѣнію, обоихъ послѣднихъ выводовъ не можемъ мы сдѣлать безъ ограниченія ихъ словами *почти* и *по большей части*. Есть исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, наприм. въ 1-мъ случаѣ *долбить, доить*, а во 2-мъ *женить, сердить, застрѣлить.* Впрочемъ между глаголами съ безусловно-подвижнымъ ударѐніемъ очень рѣдки глаголы производные; едва ли можно найти тому другіе примѣры, кромѣ сейчасъ приведенныхъ. Итакъ *глаголы съ подвижнымъ ударѐніемъ почти всѣ первообразные.* Напротивъ, между глаголами съ постояннымъ ударѐніемъ въ концѣ—первообразныхъ очень мало: *родить, рѣшить, вратить, коптить, сулить:* вотъ чуть ли и не всѣ они.

Къ разсмотрѣнному разряду двусложныхъ глаголовъ надобно еще отнести тѣ немногіе, которые передъ окончаніемъ *ть* приняли вмѣсто *и* гласную *ѣ* или, послѣ шипящихъ буквъ, гласную *а: вертѣть, смотрѣть, терпѣть, держать, дышать,* — у которыхъ 1-е лицо по ударѐнію также отличается отъ слѣдующихъ.

Изъ нихъ одинъ только — *вертѣть* — допускаетъ въ этихъ лицахъ двоякое удареніе: *вéртишь* и *вертúшь*.

Глаголъ *хотѣть* спрягается въ един. числѣ наст. врем. такъ, какъ если бъ неопр. наклоненіе оканчивалось на *ать* подобно глаголамъ *метать*, *топтать*, *шептать* и проч.; *хочу́*, *хóчешь*[1]. Здѣсь же наконецъ должны найти мѣсто односложные въ неопр. наклоненіи глаголы: *стлать*; (—) *ять* и *мочь*.

1) *стелю́*, *стéлешь*; почему не *стелёшь*, какъ въ глаголѣ *брать*, *беру́*, *берёшь?* Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ютъ* или *рютъ*, то этотъ слогъ никогда не принимаетъ ударенія; сравнимъ: *брютъ*, *бóрютъ*, *пóрютъ*, *кóлютъ*, *пóлютъ*, *мéлютъ*. Въ глаголѣ *стлать* это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ предыдущемъ слогѣ буква *е*, принимающая удареніе, есть бѣглая.

2) *имý*, *úмешь* (напр. примý, прúмешь). Но когда *и* выпадаетъ послѣ предлога *воз*, то удареніе переходитъ на послѣдній слогъ: *возьмý*, *возьмёшь*. То же бываетъ, когда *и* превращается въ *й* послѣ отрицанія *не* и послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *неймёшь*, *займёшь*, *уймёшь*.

3) *могу́*, *мóжешь*. Изъ всѣхъ глаголовъ на *чь*, это единственный съ подвижнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, что́ приписать должно, какъ кажется, вліянію гласной *о* въ первомъ слогѣ, которая, какъ мы видѣли, легко принимаетъ на себя удареніе въ двусложныхъ глаголахъ.

Между глаголами на *ить* нѣкоторые перемѣняютъ или не перемѣняютъ удареніе, смотря по смыслу своему, если имѣютъ двоякій, и еще по тому, соединены ли они съ предлогомъ и съ какимъ именно, употреблены ли съ мѣстоименіемъ *ся* или безъ него. Приведемъ примѣры:

1) Вліяніе *значенья*. *Крéстишь*, *крéстишься*, говорятъ, когда дѣло идетъ о знаменіи креста; *крести́шь*, — *ся*, когда разумѣютъ обрядъ крещенія. *Кóсишь*, когда означается срѣзываніе травы, и *коси́шь*, когда рѣчь идетъ о направленіи глазъ (4).

---

[1] См. выше, стр. 365.

2) Вліяніе *предлоговъ*. *Твори́ть* безъ предлога въ наст. время никогда не измѣняется въ удареніи; съ предлогами *за*, *при*, *от*, *раз* говорятъ *то́ришь*, при чемъ измѣняется и смыслъ[1]. *Чинить*, безъ предлога, употребляется съ двоякимъ удареніемъ въ наст. времени; глаголъ *учинить* всегда сохраняетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Говорятъ (*по*)*лу́чишь*, а когда съ этимъ глаголомъ соединенъ предлогъ *раз*, то удареніе допускается двоякое: *разлу́чишь* и *разлучи́шь*. (Точно такъ же въ будущемъ времени глагола *присла́ть* говорятъ иногда *при́шлешь*). Вліяніе предлоговъ на удареніе такъ велико, что оно иногда обнаруживается даже и на неопредѣленномъ наклоненіи. Глаголъ *висѣть*, при предлогѣ *за*, переноситъ свое удареніе на предпослѣдный слогъ: *зави́сѣть*.

3) Вліяніе *мѣстоименія ся*. Говорятъ: *сади́шь* и *са́дишь*, но въ возвратной формѣ только *сади́шься*; *ло́жишь* съ предлогами *по*, *при*, *раз* и др. всегда произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ; а когда глаголъ этотъ употребляется въ возвратной формѣ безъ предлога, то говорятъ: *ложи́шься*. Другой случай представляетъ глаголъ *студи́ть*, который при мѣстоименіи *ся* и предлогѣ *про* въ будущемъ времени всегда переноситъ удареніе на слогъ *сту́*, тогда какъ *студишь* безъ этихъ приращеній выговаривается двоякимъ образомъ.

Перейдемъ теперь къ трехсложнымъ глаголамъ на *и́ть*. Ихъ вообще въ языкѣ немного — 20 съ небольшимъ, а подвижное удареніе замѣчается только въ 12-ти изъ нихъ: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить*, *городить*, *золотить*, *коротить*, *становить*, *теребить*, *шевелить*, (об)*локотиться*. Между ними большая половина, именно послѣдніе семь, допускаютъ въ наст. вр. двоякое удареніе: *городи́шь* и *го́родишь*, *золоти́шь* и *золо́тишь* (особенно съ предлогомъ) и т. д. Здѣсь опять въ большей части случаевъ удареніе падаетъ на букву *о*.

Въ этихъ глаголахъ еще одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почти всѣ они представляютъ то, что у насъ принято

[1] См. выше выноску, относящуюся къ списку глаголовъ, противъ слова *творитъ* (стр. 377).

называть *полногласіемъ*, т. е. двойныя гласныя при буквахъ *р* и *л*, — составъ довольно сходный съ тѣмъ, какой мы видѣли въ трехсложныхъ глаголахъ съ окончаніемъ *тать* (бормотать, лепетать и т. д.), которые также перемѣняютъ удареніе во 2-мъ лицѣ наст. вр. Почти всѣмъ приведеннымъ трехсложнымъ глаголамъ на *ить* соотвѣтствуютъ церковно-славянскіе съ одною гласною вмѣсто двухъ: *влачить*, *вратить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *кратить*, и въ этихъ двусложныхъ глаголахъ удареніе остается уже постоянно на послѣднемъ слогѣ. Отсюда возникаетъ вопросъ: переносъ ударенія во 2-мъ и послѣдующихъ лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русскаго языка, чуждое древне-славянскому нарѣчію?

Къ сожалѣнію, въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ спискахъ евангелія ударенія вовсе не означены; они начинаютъ появляться не прежде какъ въ 15 и 16-мъ столѣтіяхъ. Но и въ рукописяхъ, относящихся къ этому времени, оказывается касательно ударенія большое разнообразіе; къ тому же надъ многими словами вовсе нѣтъ ударенія, въ другихъ оно поставлено надъ двумя слогами. Въ этомъ отношеніи наши тексты священнаго писанія могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ однихъ ударенія довольно сходны съ находимыми до сихъ поръ въ нашей славянской библіи и съ удареніями языка народнаго. Таковы они, наприм. въ уставномъ спискѣ евангелія 16-го вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (№ 25 по ея каталогу[1]); здѣсь читается между прочимъ: *свѣ́тится*, *и́мутъ*, *ви́дѣхомъ*, *вопро́сятъ*, *вопроси́ша*, *испра́вите*, *у́зриши*, *пи́саное*. Однако тутъ же встрѣчаются случаи несходства ударенія съ нынѣшнимъ, и въ размѣщеніи его часто видна нѣкоторая шаткость: напр. слово *видѣхомъ* въ другомъ мѣстѣ носитъ удареніе на 2-мъ слогѣ; далѣе читаемъ *созда́на* и проч. Къ этому

[1] Здѣсь приводятся замѣтки, сдѣланныя мною при просмотрѣ разныхъ списковъ евангелія въ Публ. библ. Для удобства сличенія избралъ я однѣ и тѣ же первыя главы евангелія отъ Іоанна, которыя и прослѣдилъ во всѣхъ бывшихъ передо мною рукописяхъ, отмѣчая впрочемъ почти одни только лаголы, относящіеся къ предмету моего изслѣдованія.

же разряду текстовъ относительно ударенія принадлежитъ и острожское изданіе 1581 года, а также виленское евангеліе 1575 года, напечатанное Петромъ Мстиславцемъ. Въ этихъ текстахъ, какъ и въ нынѣшнемъ, ударені̀е только мѣстами отступаетъ отъ употребительнаго въ наше время, какъ-то: *возложи́тъ*, *погуби́тъ*, *преклони́тъ*, *научи́тъ*, изъ чего надобно заключить, что въ Москвѣ ударенія церковно-славянскаго нарѣчія вообще выработались подъ вліяніемъ народнаго языка.

Другой разрядъ составляютъ такіе тексты, въ которыхъ ударенія по большей части вовсе не сходны съ нынѣ-употребительными. Такъ въ спискѣ конца 15-го вѣка (Кат. Публ. библ. № 16) находимъ: *вопро́сиша*, *по́слався*, *схо́дящь*, *твори́те*, *напльни́те*, *о́брѣте*, *прихо́дитъ*, *о́суженъ*, *о́сужденье*, *у́читель*, *до́стоинъ*. Въ полууставномъ 1537 года (К. Б. № 23): *всѣ́лися*, *а́ просятъ*, *вопро́сиша*, *гря́детъ*, *схо́дящь*, *жи́веши*, *вку́си*, *твори́те*, *ро́дится*, *возлю́би*, *ре́коша*, *осу́женъ* (но также *осужде́нъ*); *ремень*, *се́бѣ*, *учѣ́никъ*, *церко́вь*, *ди́ла* (множ. ч.), *лу́кава*. Подобныя ударенія встрѣчаются во множествѣ и въ полууставномъ спискѣ 16-го вѣка (К. Б. № 24), и въ уставномъ 15-го (№ 13); въ послѣднемъ, кромѣ ударені̀й, много другихъ надстрочныхъ знаковъ, ударені̀й же вообще мало. Еще болѣе разнообразія въ отношеніи къ просодіи представляетъ полууставный списокъ 16-го вѣка (№ 31), гдѣ читаемъ: *похо́ти*, *ви́дѣхомъ*, *достои́нъ*, *отрѣ́шу*, *слыша́вшою*, *ви́дѣвъ же*, *се́бѣ*, *вѣрова́ша*, *име́те*, *не има́ть*, *встане́те*, *буде́те*.

Во всѣхъ этихъ спискахъ, въ большей части случаевъ, обнаруживаются слѣды сербской просодіи; это тѣмъ очевиднѐе, что надъ нѣкоторыми словами поставлено по два ударенія (*пу́сты́ни*, *по́сла́* — № 16), что́ также составляетъ принадлежность сербскаго правописанія[1]. Итакъ мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго заключенія, если предположимъ, что такіе тексты, отличающіеся особенностью своихъ ударені̀й, списаны съ сербскихъ редакці̀й

[1] Ср. Словарь Караджича и Грамм. Добровскаго, Гл. III, §§ III — VIII.

священнаго писанія. Въ этой догадкѣ утверждаютъ насъ два находящіяся также въ Публичной библіотекѣ сербскія евангелія, напечатанныя въ 16-мъ столѣтіи черногорскимъ монахомъ Мардаріемъ, родомъ съ рѣки Дрина — одно въ Бѣлградѣ, а другое въ монастырѣ «*Мрькшина црква въ подькриліе Чрьніе горы*». Въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются между прочимъ такія ударенія: *твóрити*, *твóриши*, *не рóдится* (но на той же страницѣ не *родúтся*, и *рóдитися*, *рóжденное*), *хощéть*, *слышúши*, *могýтъ*, *рéче*.

Соображая все это, мы не можемъ не признать, что глаголы съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ принадлежность собственно русскаго, народнаго, а не старо-славянскаго языка (5). Нѣтъ сомнѣнія, что просодія послѣдняго у насъ постепенно видоизмѣнялась подъ вліяніемъ перваго, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить всѣхъ ея измѣненій, по недостатку памятниковъ, гдѣ бы ударенія означены были со времени введенія на Руси письменности. Здѣсь мы только слегка коснулись этого предмета съ исторической точки зрѣнія; однакожъ и этого, кажется, достаточно, чтобы показать, къ какимъ любопытнымъ выводамъ можетъ привести разсмотрѣніе нашихъ рукописей въ отношеніи къ удареніямъ—сторона, до сихъ поръ еще не тронутая въ изслѣдованіи исторіи славяно-русскаго языка. Впрочемъ не надобно упускать изъ виду возможности и того факта, что знаки ударенія часто ставились писцами произвольно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Терминъ *подвижное ударéніе* употребленъ въ первый разъ А. Х. Востоковымъ: см. его Русскую Грамматику (4-е изд.) § 182. Онъ принятъ и въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, § 76.

2) Относительно глагола *блистáть* можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли это неопредѣленное наклоненіе принадлежитъ тому же глаголу, въ которомъ настоящее время: *блещý*,

блéщешь, и точно ли эта послѣдняя форма тожественна съ другою: *блистáю*, *блистúешь*. Нельзя ли скорѣе принять ее за видоизмѣненіе формы: *блещу́*, *блестúшь* отъ глагола *блестѣть?* Форма *блéщешь*, *блéщетъ* и т. д. не можетъ отвѣчать неопр. наклоненію, у котораго передъ окончаніемъ *ть* бѣглое *ъ*; эта послѣдняя буква въ настоящемъ времени всегда замѣняется гласною *и* (исключеніе составляютъ только два глагола: *хотѣть* и *ревѣть*; въ послѣднемъ видимъ новую форму, заступившую мѣсто древней *рюти* [1]). Съ другой стороны окончаніе *ешь... утъ* (безъ удар.) съ предшествующею шипящей *ж ч ш щ* въ наст. врем. всегда указываетъ на неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *гать*, *кать*, *тать*, *хать*, *сать*, *скать* или *стать*: *брúзжутъ*—*брúзгать*, *плáчутъ*—*плáкать*, *мéчутъ* — *метáть*, *машýтъ* — *махáть*, *пúшутъ*—*писáть*, *úщутъ*—*искáть*; *хлéщутъ*—*хлестáть*. Многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ въ наст. вр. двоякую форму: *брúзжу* и *брúзгаю*, *мечу́* и *метáю*, *машу́* и *махáю*, *хлещу́* и *хлестáю*. Такъ точно и глаголъ *блéщутъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи долженъ бы имѣть форму *блестáть*; но вмѣсто ея утвердилась другая—*блистáть*; для довершенія аналогіи, и этотъ глаголъ (какъ *хлестáть* и *плескáть*) имѣетъ въ настоящемъ времени двоякую форму: *блещу* и *блистаю* [2]. Такъ смотритъ на него и А. Х. Востоковъ (ср. его Грамматику, § 75, Различ. II, е).

3) О частомъ превращеніи звука *а* въ *о*, когда на *а* падаетъ удареніе было уже говорено въ другой статьѣ: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка» (см. выше стр. 316). Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что въ словахъ *садúшь* и *посóдишь* буквы *а* и *о* въ коренномъ слогѣ тожественны.

4) Можно бы подумать, что формы *кóсишь* и *косúшь* принадлежатъ двумъ разнымъ глаголамъ, которые только случайно со-

[1] См. Остромирово Евангеліе, Грамматическія правила, § 39.

[2] И въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ слова этого корня встрѣчаются, въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ одна является съ гласною *и*, а другая съ *е* или *а*, напр. польск. blyszczeć и bleszczeć (стар.), błysk и błask; словацк. błysstim se, bleskati se. Въ лужиц. нарѣчіи послѣ *l* буква *o* blosk, bloskaní. (См. Словарь Линде).

звучны въ неопред. наклоненіи. Но что это одинъ и тотъ же глаголъ, въ томъ убѣждаетъ насъ совершенно сходный случай въ германскихъ языкахъ: въ исландскомъ глаголъ *sneida*, — отъ корня *sneid*, косой — значитъ: 1) дѣлать косымъ, кривымъ, наклонять вкось, и 2) рѣзать. Такъ и въ шведскомъ прилаг. *sned* значитъ косой, а глаголъ *sneda* — косить, кривить и — наискось срѣзáть. То же представляетъ и областной норвежскій глаголъ *snide*. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ того же корня *schneiden* значитъ рѣзать, а въ датскомъ сущ. *snedker* — столяръ, тогда какъ прилаг. *snedig* — лукавый, криводушный.

5) По убѣжденію Добровскаго, «въ множайшихъ словахъ сербскія древнія книги сохранили удареніе прежнее, 9-го вѣка (хотя достовѣрно и не безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ)» — (Грамм. языка Слав. Ч. I, гл. III, § 1); но мы не можемъ опереться на это мнѣніе знаменитаго филолога, потому что оно не подкрѣпляется никакими положительными данными. Въ подтвержденіе нашей мысли о принадлежности народному языку подвижного ударенія въ глаголахъ, скорѣе надобно привести то обстоятельство, что въ священномъ писаніи до сихъ поръ носятъ постоянное удареніе многіе изъ такихъ глаголовъ, которые у насъ употребляются не иначе какъ съ удареніемъ подвижнымъ, наприм. учи́тъ вм. у́читъ, клони́тъ вм. кло́нитъ, погуби́тъ вм. поги́бнуть, и друг.

О РУССКОМЪ УДАРЕНІИ ВООБЩЕ И ОБЪ УДАРЕНІИ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

I.

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. Неопредѣленность его во многихъ случаяхъ. Взглядъ Востокова. Два предмета изслѣдованія. Удареніе въ первообразныхъ словахъ. Двоякая цѣль нашего ударенія. Два весьма опредѣленные закона его въ именахъ предложныхъ. Имена съ производственными окончаніями мужескаго, женскаго и средняго рода: а) всегда имѣющими удареніе; б) являющимися то съ удареніемъ, то безъ ударенія, и в) никогда не принимающими его. Результаты изслѣдованія: указаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ удареніе въ производныхъ словахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію законовъ просодіи въ русскомъ языкѣ, мы прежде всего встрѣчаемъ вопросъ: что такое удареніе? Точно ли оно состоитъ, какъ всѣ мы повторяемъ послѣ Ломоносова, въ повышеніи голоса надъ слогами? Кажется, такое опредѣленіе сущности ударенія не совсѣмъ вѣрно. Если бъ мы на каждомъ словѣ дѣйствительно повышали и понижали голосъ, то мы говорили бы на распѣвъ; сущность ударенія заключается въ усиленіи выговора нѣкоторыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ при произнесеніи звуковъ [1]. Поэтому не безъ основанія у насъ въ старину называли ударенія *силами*. Вслѣдствіе того слоги съ удареніемъ и въ русскомъ

[1] Спустя много времени послѣ того какъ эти строки были написаны, я нашелъ ту же мысль выраженною въ соч. Heyse, System der Sprachwissenschaft: § 152. Accent (стр. 328 и 329). Часть его была переведена на русскій языкъ г. Желтовымъ и печаталась въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго.

языкѣ мо́гутъ становиться нѣсколько длиннѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ напряженнаго протяженія гласныхъ, какое замѣчается въ иныхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и во французскомъ, однакожъ и съ нашимъ удареніемъ въ нѣкоторой степени связано удлиненіе слоговъ. Что касается до способа означать у насъ ударе́ніе на письмѣ, то нѣтъ причины употреблять то *острый* знакъ (´), то *тяжкій* (`): такъ какъ мы не имѣемъ фонетическаго основанія для разныхъ степеней удлиненія слоговъ, то и знакъ ударенія можетъ быть у насъ только одинъ, и именно острый (´), годный на всякомъ мѣстѣ слова: никакого нѣтъ основанія на окончательной гласной ставить, по примѣру греческаго письма, тяжкій (`) знакъ.

Затѣмъ является другой вопросъ: есть ли въ русскомъ языкѣ твердо установленное ударе́ніе? Мы не будемъ распространяться о различіи его въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ нашего языка, ни о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его въ разныя времена; но и въ общеупотребительной современной рѣчи ударе́ніе часто слышится то на одномъ, то на другомъ слогѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы въ точности опредѣлить ударе́ніе каждаго русскаго слова, въ весьма многихъ случаяхъ встрѣтилъ бы сомнѣніе; если бъ, для разрѣшенія его, онъ сталъ обращаться къ знатокамъ языка, то и отъ нихъ услышалъ бы столько же разныхъ мнѣній, напр. одинъ говоритъ: *христіа́нинъ*, *гра́жданинъ*, *кла́бище*, *вёсну*, *вре́менный*, *озёра*, *изобрѣте́ніе*, *се́рдиться*; а другой произноситъ: *христіани́нъ*, *граждани́нъ кладби́ще*, *весну́*, *временно́й*, *озера́*, *изобрѣте́ніе*, *серди́ться*...

Въ статьѣ моей: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» было показано, что въ числѣ сотни двусложныхъ глаголовъ съ окончаніемъ *ить*, измѣняющихъ ударе́ніе въ настоящемъ времени, оказывается около 50 такихъ, у которыхъ ударе́ніе въ этомъ времени (кромѣ 1-го лица единст. числа) можетъ падать и на 1-й, и на 2-й слогъ, напр. *ва́лишь*, *вали́шь*.

Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ постояннаго основанія для ударе́нія словъ. Но слова́ съ

опредѣленнымъ ударе́ніемъ несравненно многочисленнѣе: не подчинено ли оно хоть въ нихъ положительнымъ законамъ и нельзя ли выяснить эти законы? Самый этотъ вопросъ до сихъ поръ остается у насъ нерѣшеннымъ, потому что никто еще не подвергалъ обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ случаевъ разнообразія нашихъ ударе́ній. Указаніе словъ съ *подви́жнымъ* ударе́ніемъ мы находимъ въ грамматикѣ Востокова (§ 182 и слѣд.); но онъ не принялъ на себя окончательнаго рѣшенія задачи, оговорившись такимъ образомъ: «Который именно слогъ должно произносить съ ударе́ніемъ, сему научаемся изъ употребленія и изъ словаря, потому что *не при́искано еще на то опредѣленныхъ правилъ*». Послѣднія слова показываютъ однакожъ, что нашъ заслуженный филологъ не отвергалъ возможности открытія такихъ правилъ. При всемъ томъ эта отрасль разработки нашего языка до сихъ поръ почти не обращала на себя вниманія. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка» иногда указываетъ на тѣ случаи, когда ударе́ніе явно присвоено извѣстнымъ слогамъ или окончаніямъ, но онъ вообще касается этого предмета только мимоходомъ и случайно, не входя въ подробное систематическое изслѣдованіе его. Конечно, трудность задачи и малое вѣроятіе успѣха въ рѣшеніи ея можетъ устрашить всякаго при самомъ приступѣ къ предпріятію, которое представляется неблагодарнымъ. Но кажется, оно не будетъ таково, если цѣлію поставить себѣ не именно опредѣленіе законовъ ударе́нія, а по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса: есть ли въ русскомъ языкѣ возможность опредѣлить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить ихъ невозможно? Настоящій трудъ и ограничивается этою цѣлью. Въ основаніе нашихъ наблюденій мы беремъ общеупотребительный языкъ, т. е. московское нарѣчіе съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оно приняло по обширности предѣловъ своего распространенія. Впрочемъ мы обращали вниманіе отчасти и на областныя нарѣчія. Что касается другихъ славянскихъ языковъ, то въ настоящемъ случаѣ мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сознавая, что сравнительное

изученіе хода развитія ихъ относительно ударенія можетъ имѣть свой интересъ и свою пользу, не думаемъ однакожъ, чтобъ собственно здѣсь, для цѣли нашей, такое сравненіе могло оказать намъ существенную услугу[1].

Прежде всего мы должны отличить два вопроса, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать:

1) Гдѣ находится ударепіе въ прямой или такъ-сказать заглавной формѣ слова, т. е. у склоняемыхъ словъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а у спрягаемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи? и 2) когда ударепіе во флексіи остается на томъ же мѣстѣ и когда оно переходитъ на другое мѣсто въ извѣстныхъ ея формахъ?

Поэтому и изслѣдованіе наше раздѣлится на двѣ соотвѣтствующія этимъ вопросамъ части. На первый случай займемся разсмотрѣніемъ именъ существительныхъ.

Объ ударепіи существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

Здѣсь надобно отдѣлить имена *первообразныя* отъ *производныхъ* и опять между первыми *односложныя* отъ *двух-* и *трехсложныхъ*. Объ односложныхъ не можетъ быть рѣчи; что касается остальныхъ, то если кто захочетъ опредѣлить, почему въ од-

---

[1] Совершенно согласно съ этимъ и Шлейхеръ замѣчаетъ, что для изслѣдованія ударенія древнеславянскаго языка «мало могутъ пособить другія славянскія нарѣчія, такъ какъ, при всемъ родствѣ между ними, акцентуація въ нихъ представляетъ большія различія; такъ въ польскомъ ударепіе постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ, въ чешскомъ на первый, въ русскомъ оно свободно и ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова не связано и т. д.» (*Die Formenlehre der Kirchensl. Sprache.* Bonn 1852. Стр. 36). Въ 1880 году профессоръ Нѣжинскаго института Р. Ѳ. Брандтъ, въ своей магистерской диссертаціи «Начертаніе славянской акцентологіи», разсмотрѣлъ ударепіе во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и тѣмъ конечно принесъ несомнѣнную пользу этой отрасли филологіи, но насчетъ собственно отношенія русской акцентуаціи къ просодіи другихъ родственныхъ нарѣчій его изслѣдованіе вполнѣ подтвердило мое убѣжденіе.

номъ первообразномъ словѣ ударѐніе на такомъ-то мѣстѣ, а въ другомъ, сходномъ съ нимъ и по образованію и по роду выражаемаго понятія, ударѐніе не на томъ же слогѣ, такое стараніе будетъ почти всегда безплоднымъ. Это происходитъ отъ того, что въ русскомъ языкѣ ударѐніе составляетъ одну изъ индивидуальныхъ особенностей внѣшней формы слова: оно образовалось вмѣстѣ съ словомъ, — почему такъ, а не иначе, это, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, тайна созданія слова, непроницаемая для наблюдателя точно такъ же, какъ тайна всякаго творчества;—это черта физіономіи слова, которой не разгадаетъ никакой Лафатеръ филологіи.

Но нельзя ли отсюда вывести заключенія, что ударѐніе въ русскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія и есть дѣло одной случайности? Значеніе нашего ударѐнія можно, кажется, объяснить себѣ такимъ образомъ. У насъ всѣ слоги, по первоначальному свойству своему, одинаковы, состоятъ такъ-сказать на равныхъ правахъ; если бъ мы и произносили ихъ совершенно одинаково, то слово не образовало бы отдѣльнаго цѣлаго; для приданія слогамъ его связи, для совокупленія ихъ въ фонетическое тѣло, мы должны одному слогу дать первенство, господство надъ другими. Такое предпочтеніе народный слухъ оказываетъ всякій разъ тому изъ слоговъ, на который въ произношеніи удобнѣе опереться; итакъ мѣсто ударѐнія въ первообразныхъ словахъ опредѣляется неуловимыми требованіями слуха. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности рѣшить, почему такъ, а не иначе произносятся слова: *бо́рохъ* и *горо́хъ*; *рука́* и *щу́ка*, *коза́* и *ко́жа*, *мѣсто* и *гнѣздо́*.

Сверхъ того въ языкѣ нашемъ видно однако и постоянное стремленіе пользоваться ударѐніемъ для достиженія двоякой цѣли: 1) возможной ясности выговора и 2) опредѣлительнаго отличенія понятій и отношеній, что́ доказывается многими явленіями, на которыя впослѣдствіи будетъ указано.

Что касается словъ производныхъ, то здѣсь съ перваго взгляда насъ поражаетъ чрезвычайное разнообразіе ударѐнія

какъ въ отношеніи къ порядку слоговъ, на которые оно падаетъ, такъ и въ разсужденіи свойства ихъ; т. е. съ одной стороны, ударѐніе бываетъ то на первомъ слогѣ, то на послѣднемъ, то на одномъ изъ среднихъ; съ другой стороны, оно падаетъ то на коренной слогъ, то на бѣглую гласную, то на начальную приставку, то на окончаніе.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько на томъ случаѣ, когда начальная приставка, т. е. предлогъ, связанный съ существительнымъ именемъ въ одно слово, принимаетъ ударѐніе. Изъ ряду такихъ приставокъ мы должны напередъ выдвинуть предлогъ *вы*, какъ слѣдующій въ этомъ отношеніи особымъ законамъ. Извѣстно, что будучи соединенъ съ глаголомъ, онъ носитъ ударѐніе всякій разъ, когда образуетъ *совершенный* видъ: *вы́разить*, *вы́ступить*, *вы́здоровѣть*. Но отглагольныя существительныя съ окончаніемъ *ніе*, хотя и произведенныя отъ этого вида, не всегда слѣдуютъ тому же правилу; такъ всѣ говорятъ: *выраже́ніе*, *выступле́ніе*, *выздоровле́ніе* (1), несмотря на то, что самое окончаніе *еніе* не необходимо является съ ударѐніемъ, какъ видно напр. въ словѣ *изобрѣте́ніе*. За то *предлогъ вы непремѣнно носитъ ударѐніе, когда соединенное съ нимъ отглагольное существительное есть либо первообразное, либо производное съ окончаніями*: *окъ*, *екъ*, *ышъ*, *ецъ*, *икъ*, *щикъ*, *ка*, *ица*, *ина*, *ость*; напр. *вы́боръ*, *вы́вихъ*, *вы́носъ*, *вы́стрѣлъ*, *вы́мыселъ*, *вы́слуга*, *вы́родокъ*, *вы́селокъ*, *вы́кидышъ*, *вы́веденышъ*, *вы́ходецъ*, *вы́водчикъ*, *вы́дѣльщикъ*, *вы́ставка*, *вы́писка*, *вы́работка*, *вы́водчица*, *вы́боина*, *вы́пуклость*. Только слово *выдумщикъ* произносятъ и иначе, т. е. съ ударѐніемъ на коренномъ слогѣ (выду́мщикъ), но это неправильно. Когда имя съ окончаніемъ *ость* произведено отъ сущ., оканчивающагося на *тель* или, вѣрнѣе, отъ прилагательнаго, кончащагося на *тельный*, то предлогъ *вы* не принимаетъ ударѐнія, потому что не носитъ его и при этомъ послѣднемъ окончаніи, напр. *вырази́тельность*.

Прочіе предлоги, соединяясь съ именами, то оставляютъ за ними ударѐніе, то сами принимаютъ его, напр. *дозо́ръ* и *до́водъ*,

завóдъ и *зáкромъ*, *зазúвъ* и *зáмыслъ*, *обóзъ* и *óводъ*, *посóлъ* и *пóваръ* и т. д. Иногда въ такихъ предложныхъ словахъ удареніе различное, напр. говорятъ и *насмóркъ* и *нáсморкъ*, *позúвъ* и *пóзывъ*; иногда оно бываетъ двоякое, смотря по двоякому смыслу слова, напр. *замóкъ* и *зáмокъ*, *причéтъ* и *прúчетъ*[1]. Однакожъ въ именахъ, кончащихся на ъ, открывается одинъ законъ, общій для всѣхъ предлоговъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *всякій предлогъ принимаетъ удареніе, если присоединенъ къ отглагольному или и другому имени съ окончаніемъ* ь, *лишь бы тутъ не было наставокъ тель* и *ность*, напр. въ именахъ мужескаго рода: *зáрубень*, *óбручь* (2), *óлавль*, *óборотень*; *óхабень*, *пéречень*, *пóручень*, *прúхвостень*, *прóлежень*, *úвалень*, *úровень*; — въ именахъ женскаго рода: *бéзтолочь*, *зáвисть*, *úзморозь*, *úсповѣдь*, *нáсыпь*, *óбувь*, *óпухоль*, *óттепель*, *óчередь*, *пéревязь*, *пóчесть*, *пóхоть*, *прéлесть*, *прúголодь*, *прúмѣсь*, *прóпись*, *прóрубь*, *рóспись*, *сóвѣсть*, *úбыль*, *úдаль*, *úпряжь*, *úтварь* и проч. и проч.

Если, вмѣсто предлога, въ такихъ именахъ находится отрицаніе *не*, то и оно принимаетъ удареніе, напр. *нéдоросль*, *нéхристь*, *нéучь*, *нéтель*, *нéвидаль*, *нéпогодь*, *нéнависть*.

На этомъ основаніи и парѣчія, составленныя изъ одного или двухъ предлоговъ и подобнаго существительнаго, имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *нóрозно*, *úздали*, *úзстари*, *нáстежь*, *нáискось*, *нáотмашь*, *óщупью*, *úсподоволь*, *нáвзничь*, *óземь* и проч.

Слѣдовало бы также говорить *úскони*, а не *искони́*, какъ б. ч. говорятъ.

Это правило оправдывается многими десятками словъ, а изключеній изъ него мало. Вотъ едва ли не всѣ они: мужеск. рода — *недоúмь*, женск. рода — *напáсть*, *погúбель*, *постéль*. Что касается имени *перекóпь*, которое въ этомъ видѣ также составляетъ по выговору исключеніе въ ряду именъ женск. рода, то замѣтимъ, что оно еще и въ древнихъ актахъ иногда писалось съ мужескимъ окончаніемъ (на ъ), а въ позднѣйшее время все чаще при-

[1] Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ статьѣ объ удареніи предлоговъ.

нимало эту форму: см. Словарь Щекатова, Ч. IV, стр. 1043 и 1044; Кн. Больш. Чертежу, изд. Спасскимъ, стр. 221—225, И. Г. Р. I, стр. 437, и Акты Ист. Арх. Комм. т. II, стр. 201 («пушки побрали въ *перекопѣ*») Относительно слова *пріязнь* надобно помнить, что здѣсь *пріе* не есть предлогъ (Санскр. *пріа*, любезный).

Производственныя окончанія.

Изъ производственныхъ окончаній нѣкоторыя слѣдуютъ постояннымъ законамъ въ отношеніи къ ударенію. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этихъ окончаній мы раздѣлимъ ихъ на 3 разряда, смотря по тому, принадлежатъ ли они именамъ мужескаго, женскаго или средняго рода. Въ двухъ первыхъ разрядахъ мы примемъ еще по 3 отдѣла: 1) окончанія, всегда или почти всегда сохраняющія на себѣ ударепіе; 2) являющіяся то съ ударепіемъ, то безъ ударенія, или носящія его то на одномъ слогѣ, то на другомъ, и 3) никогда не принимающія ударенія. Вслѣдъ за производственными окончаніями будемъ указывать и нѣкоторыя другія, не имѣющія опредѣленнаго значенія.

I. Окончанія мужескаго рода.

1) Съ постояннымъ ударепіемъ.

а) Односложныя окончанія:

а́къ, *и́къ*. Въ какомъ бы значеніи ни являлись эти окончанія, они всегда бываютъ отмѣчены ударепіемъ: *дуракъ*, *морякъ*, *чудакъ*, *острякъ*, *лошакъ*, *червякъ*, *тесакъ*, *пятакъ*, *пустякъ*, *соснякъ*, *Сибирякъ*, *холостякъ*, *обинякъ* и проч. То же бываетъ, когда это окончаніе отъ присоединенія къ нему другихъ звуковъ обращается въ *чакъ*, *щакъ*, *някъ*, наприм. *смьлячакъ*, *лонщакъ*, *дубнякъ*, *плитняк*. Одно только слово *завтракъ* составляетъ здѣсь повидимому исключеніе, но въ этомъ имени окончаніемъ служитъ собственно только *къ*, приложенное къ слову *завтра* (вм. заутра). Въ старину писалось *завтрокъ;* если признать эту форму за правильную, то и въ такомъ случаѣ понятно будетъ отступленіе въ выговорѣ окончанія *акъ*, котораго тутъ не было первоначально.

ýнъ всегда носитъ ударе́ніе, означается ли этой наставкой[1] лицо съ привычкою извѣстнаго дѣйствія, или вообще съ помощью ея образуется имя, наприм. *воркýнъ, драчýнъ, хвастýнъ, хлопотýнъ, горбýнъ, балýнъ, бурýнъ*, и проч. Даже и въ именахъ, у которыхъ *унъ* не есть производственная наставка, или которыя заимствованы изъ другихъ языковъ, ударе́ніе все-таки падаетъ на это окончаніе: напр. *перýнъ* (κεραυνός), *табýнъ, драгýнъ*. Подъ это явленія не подходятъ только два слова: *пúстунъ* и *кóршунъ*.

áчъ, еще окончаніе личныхъ именъ, всегда отмѣченное ударе́ніемъ: *богáчъ, силáчъ, толкáчъ, скрипáчъ, трубáчъ, палáчъ* и проч.: также *колáчъ*.

áй, я́й: напрягáй, поддергáй, негодя́й, лънтя́й, нагоня́й, глупендя́й, скупердя́й, урожáй и пр. Сюда относятся и слова́, въ которыхъ окончанія *ай* нельзя считать производственнымъ: *шугáй, сарáй, горностáй, коровáй*. Только въ именахъ *слýчай* и *обы́чай* ударе́ніе нынѣ слышится почти всегда на первомъ слогѣ. *Случáй*, въ значеніи успѣха при дворѣ, иногда переноситъ ударе́ніе на *ай:*

«Да не вошелъ ли онъ въ случáй клыками?»
Крыловъ «Слонъ въ случаѣ».

áнъ я́нъ: брюхáнъ, великáнъ, буя́нъ, бурья́нъ. Но *рóзанъ*.

ёжъ: мятёжъ, грабёжъ, дьлёжъ, кутёжъ, платёжъ, падёжъ (и *падёжъ*) *рубёжъ, чертёжъ, терпёжъ* и др. Впрочемъ народъ говоритъ и *рýбежъ*.

Вотъ наиболѣе употребительныя окончанія; еще есть нѣсколько такихъ, которыя или встрѣчаются въ немногихъ словахъ, или не составляютъ производственныхъ приставокъ.

---

[1] Подъ именемъ *наставки* я разумѣю суффиксъ, какъ подъ *приставкою*— префиксъ. Собственно говоря, слово *приставка* должно бы отвѣчать латинскому аффиксъ, а префиксъ пришлось бы перевести: *представка* или *предложка*. Пора и намъ точнѣе передавать на своемъ языкѣ научные термины, и не для чего слишкомъ боятся оскорблять нашъ слухъ новизнами, которыя только вначалѣ кажутся дикими. Употребленный мною терминъ *наставка* въ значеніи суффикса принятъ уже г. Брандтомъ, которому нельзя и вообще не быть благодарнымъ за его попытку, въ названномъ выше сочиненіи, придумывать русскія слова для передачи иностранныхъ терминовъ.

Таковы:

а́въ: рукавъ, буравъ.

у́къ, ю́къ: терпукъ, вертлюкъ, бѣлячукъ, смольчукъ, сычукъ.

у́й, ю́й: халуй, фатюй; почечуй, поцѣлуй.

а́гъ, о́гъ: рычагъ, очагъ, оврагъ, батогъ, пирогъ, творогъ, чертогъ.

у́къ, ю́къ: каблукъ, клобукъ, сундукъ, паукъ, индюкъ, мишукъ. Барсукъ произносится съ двоякимъ ударе́ніемъ.

а́тъ: халатъ, ушатъ, супостатъ. Но *ба́хатъ.*

а́шъ: торгашъ, мурашъ.

у́шъ: сивучъ, суручъ.

б) Двух- и трехсложныя окончанія:

а́тай: ходатай, оратай, глашатай, соглядатай и др. Такъ же произносятъ по аналогіи старинное слово *ратай*, хотя въ немъ наставку составляетъ только слогъ *ай*, на которомъ должно бы быть ударе́ніе.

ёнокъ } Объ этихъ двухъ приставкахъ ниже при разсмотрѣ-
ёночекъ } ніи слога *окъ*.

ёныш: дѣтёныш, гусёныш, утёныш.

2) Окончанія мужескаго рода съ перемѣннымъ ударе́ніемъ:

окъ. Эта наставка служитъ очень часто для образованія уменьшительныхъ именъ, но она не вноситъ съ собою понятія уменьше́нія, когда безъ нея имя неупотребительно, или и употребляется, но въ другомъ значеніи; напр. *силóкъ, висóкъ, выноóкъ, лотóкъ, возóкъ, судóкъ, ростóкъ, зрачóкъ.*

Буква *о* передъ *къ* по большей части бываетъ бѣглою, но иногда она и удерживается въ косвенныхъ падежахъ.

Ни значеніе окончанія *окъ*, ни качество гласной *о* не имѣютъ вліянія на ударе́ніе, которое зависитъ здѣсь отъ другихъ обстоятельствъ. Мы говоримъ: *знатóкъ* (*о* постоянное), *свистóкъ* (*о* бѣглое), и *свúтокъ, порúдокъ* (*о* бѣглое). Различіе произношенія зависитъ здѣсь частью отъ числа слоговъ въ имени, частью отъ того, простое ли это имя или предложное.

При разсмотрѣніи этого окончанія мы должны имѣть въ виду и другую форму его, т. е. слогъ *екъ*, который рѣдко образуетъ не уменьшительныя имена и гдѣ буква *е* всегда бываетъ бѣглою.

А. *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе:

1) Когда съ присоединеніемъ ихъ образуется двусложное простое имя, напр: *глазо́къ*, *кусо́къ*, *суро́къ*, *цвѣто́къ*, *вершо́къ*, *домо́къ*, *куро́къ*, *поло́къ*, *носо́къ*, *клубо́къ*, *сучо́къ*, *горшо́къ*, *сово́къ*, *лубо́къ*, *кыро́къ*, *жидо́къ*, *кружо́къ*, *пято́къ*, *было́къ*, *лото́къ*, *стрѣло́къ*, *иро́къ*, *знато́къ*, *ѣздо́къ*, *сверчо́къ*; *денёкъ*, *валёкъ*, *кулёкъ*, *шпинёкъ*, *конёкъ*, *линёкъ*.

Исключенія рѣдки; ихъ легко перечесть: *пре́докъ*, *хло́покъ*, *ку́бокъ*, *и́нокъ*, *щёлокъ*, *ры́нокъ*, *во́йлокъ*, *лучекъ* и *ли́шекъ*. Почти во всѣхъ этихъ словахъ причина ихъ особеннаго произношенія очевидна.

Предокъ произносится своеобразно какъ единственное имя, образованное приложеніемъ слога *окъ* непосредственно къ предлогу.

Хлопокъ должно бы произноситься съ удареніемъ на *окъ*, если бъ происходило отъ глагола *хлопать*, какъ *щелчокъ*, *толчокъ*, *зывокъ*, *швырокъ*, *свистокъ*, *пинокъ* и проч. происходятъ отъ соотвѣтственныхъ глаголовъ. Вѣроятно, слово *хлопокъ* выговаривается иначе для отличія отъ такихъ отглагольныхъ именъ.

Кубокъ не русскаго происхожденія: можетъ быть, оно перешло къ намъ изъ Польши и оттого произносится какъ польское kubek.

Имя *инокъ* образовано сходно съ греческимъ μοναχός и германскимъ einog: тутъ окончанія *окъ* нельзя считать существительною наставкою, потому что въ такомъ случаѣ этотъ слогъ не могъ бы сохраниться и въ женскомъ имени *и́нок*-ини. Скорѣе можно видѣть въ словѣ *инокъ* усѣченное прилагательное (позволяю себѣ этотъ старый терминъ ради его удобопонятности), что оправдывается другимъ нашимъ прилагательнымъ: *одинокій*[1].

---

[1] Пав. Разс. II, Б., стр. 302: «инокій, одинокій можно поставить въ параллель съ прил. именами высокій, глубокій» и проч.

Имя *щелокъ* — славянскаго происхожденія. И его окончаніе не есть производственная наставка, судя по тому, что этотъ же слогъ удержанъ, только съ умягченіемъ согласной, въ женскомъ имени *щелочь*. Притомъ, еслибъ въ словахъ *инокъ* и *щелокъ* окончаніе *окъ* было обыкновенною наставкой, то гласная *о*, не имѣя ударенія, была бы бѣглою, какъ во всѣхъ именахъ такого образованія, а она остается и въ косвенныхъ падежахъ: *инока*, *щелокомъ* (3).

Рынокъ есть измѣненное германское слово *ring*, которое нѣкогда означало между прочимъ круглую и особенно торговую площадь; у Чеховъ и Поляковъ *рынокъ* (rynek) и значитъ *площадь*.

Войлокъ — конечно также не русское слово. Въ лексиконѣ Линде оно показано татарскимъ, но это не подтверждается другими разысканіями (4). И это слово мы опять находимъ въ польскомъ языкѣ: wojłok.

Лучекъ, растеніе, выговаривается такъ для отличія отъ *лучёкъ*, орудіе. Въ обоихъ случаяхъ это уменьшит. отъ *лукъ*.

Явное исключеніе составляетъ только слово *лишекъ*.

Клинокъ въ значеніи главной части холоднаго оружія (нѣм. Klinge) произносится двояко.

Слова *замокъ*, *волокъ*, *отрокъ*, *турокъ* и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія сюда не относятся, потому что въ нихъ буква *к* очевидно принадлежитъ къ корню.

2) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе, когда для образованія уменьшительныхъ прилагаются: а) къ двусложному имени съ удареніемъ на первомъ слогѣ; б) къ такому двусложному имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое въ косвенныхъ падежахъ держитъ это удареніе на окончаніи флексіи.

Примѣры случая *а)*: *узелъ*, *узелокъ*; *волосъ*, *волосокъ*; *вѣтеръ*, *вѣтерокъ*; *посохъ*, *посошокъ*; *островъ*, *островокъ*; *вечеръ*, *вечерокъ*; *голосъ*, *голосокъ*; *голубь*, *голубокъ*; *корень*, *корешокъ*; *лоскутъ*, *лоскутокъ*; *молотъ*, *молотокъ*; *порохъ*, *порошокъ*; *стебель*, *стебелекъ*; *сбитень*, *сбитенекъ*; *флигель*, *флигелекъ*.

Повидимому имя *ка́мень* въ уменьшительной формѣ представляетъ исключеніе, но въ сущности тутъ едва ли не другое окончаніе, именно: *ушекъ* (*ка́мушекъ*, какъ въ словахъ *воро́бушекъ*, *соло́вушекъ*), а не *екъ*, передъ которымъ *н* будто бы превратилось въ *ш* (*ка́мешекъ*, какъ въ словѣ *гребешёкъ*), потому что никто такъ не произноситъ этого имени и правописаніе *камешекъ*, кажется, придумано искуственной грамматикой.

Примѣры случая *б): пиро́гъ* (а́), *пирожо́къ; ого́нь* (я́), *огонёкъ; оча́гъ, очажо́къ; реме́нь, ремешо́къ; котёлъ, котело́къ; дура́къ, дурачо́къ; пузы́рь, пузырёкъ; руче́й, ручеёкъ; хохо́лъ, хохоло́къ; стари́къ, старичо́къ; пѣту́хъ, пѣтушо́къ; коше́ль, кошелёкъ.*

3) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе въ отглагольныхъ безпредложныхъ именахъ, хотя и заключающихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. *кипято́къ, кувыро́къ, колото́къ.*

4) Такимъ же образомъ, наконецъ, произносятся имена: *четверто́къ, василёкъ, комелёкъ*, и еще два уменьшительныя, въ которыхъ передъ тою же наставкой является посредствующій слогъ съ буквою *н: муженёкъ, куманёкъ* (собств. кумонекъ).

Б. *окъ* и *екъ* остаются безъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ:

1) Когда эта приставка прилагается къ такому имени съ удареніемъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, которое во флексіи не переноситъ этого удареніе на падежное окончаніе: *горо́хъ* (а), *горо́шекъ; бара́нъ* (а), *ба́рашекъ; человѣ́къ, человѣ́чекъ; орѣ́хъ, орѣшекъ; овра́гъ, овра́жекъ; лосо́съ, лосо́сокъ*[1]; примѣровъ этого случая мало, потому что такія существительныя, для образованія уменьшительной степени, чаще принимаютъ окончанія *ецъ* и *икъ*: *уха́бецъ, уша́тецъ, забо́рикъ, наро́децъ, уро́децъ* (по большей части предложныя).

2) Когда существительное съ окончаніемъ *окъ* образуется отъ предложнаго глагола или вообще съ помощью какого-нибудь предлога (кромѣ *вы*): *достатокъ, убытокъ, поступокъ, осадокъ, раз-*

[1] Послѣднее имя произносится еще и другимъ образомъ: *ло́сосъ, лососо́къ*. Это также правильно, но согласно съ первымъ закономъ.

судокъ, *отростокъ*, *обрубокъ*, *опоскъ*, *осколокъ*, *сколокъ*, *снимокъ*, *слѣпокъ*, *списокъ*, *недоносокъ*, *загривокъ*, *наперстокъ*, *оголосокъ*, *перешеекъ*, *прилавокъ*, *проселокъ*, *простѣнокъ*, *недоуздокъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести составныя имена: *полушубокъ*, *однолѣтокъ*, *межеумокъ* и др.

Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: 1) что даже и двусложныя слова, какъ скоро въ составѣ ихъ есть предлогъ, не носятъ ударенія на окончаніи *окъ*, напр.: *списокъ*, *снимокъ*, *сколокъ*, *слитокъ*, *свитокъ*, *свёртокъ*, *взлобокъ*, тогда какъ въ двусложныхъ именахъ безпредложныхъ эта наставка, какъ мы видѣли, почти никогда не остается безъ ударенія, и 2) что отъ присоединенія предлога къ двусложному имени, оканчивающемуся на *окъ*, удареніе непремѣнно переходитъ съ этого окончанія на предпослѣдній слогъ, напр.: *ростóкъ*, *отрóстокъ*; *лысóкъ*, *перелысокъ*.

Предлогъ *вы*, какъ уже было показано, всегда принимаетъ удареніе передъ такими именами *вы́резокъ*, *вы́родокъ*. Такое же свойство имѣютъ рѣже встрѣчающіеся при нихъ предлоги: *на* и *су*: *на́сынокъ*, *на́ерокъ*, *на́колокъ*, *на́робокъ* (стар.), *сы́песокъ* (однакожъ *сугли́нокъ* произносится съ удареніемъ на среднемъ слогѣ). Еще говорятъ иногда *при́горокъ* вмѣсто болѣе правильнаго *приго́рокъ*.

Замѣтимъ, что когда предложное имя съ наставкою *окъ* есть уменьшительное, происходящее отъ другого имени безъ этого окончанія, то удареніе слѣдуетъ общимъ правиламъ безпредложныхъ именъ, напр.: *о́блукъ*, *облучёкъ*; *о́бодъ*, *ободо́къ*; *по́водъ*, *поводо́къ*; *о́бразъ* — *о́къ*; *по́гребъ* — *о́къ* (какъ *по́рохъ*, *порошо́къ*; *во́лосъ*, *волосо́къ*).

Есть однакожъ и нѣсколько, хотя очень немного, исключеній изъ правила произношенія предложныхъ именъ на *окъ*, именно: *за́витокъ*, *поплавко́къ*, *позвоно́къ*, *позово́къ*, *смычо́къ*. Вѣроятно особенность выговора тутъ происходитъ отъ того, что это первоначально-уменьшительныя; по крайней мѣрѣ мы дѣйствительно находимъ въ языкѣ слова: *по́плавъ* (обл.) и *по́зовъ* (стар.). Въ словѣ *смычо́къ* совершенно потерялась идея его состава и, можетъ

быть, оно такъ произносится для болѣе рѣзкаго отличія отъ женскаго имени *смы́чка*. Таково же *смо́рчо́къ*.

Опрысно́къ произносится чаще съ ударе́ніемъ на окончаніи — что́ несвойственно русскому языку и ввелось конечно оттого, что это — церковно-славянское слово. Въ книжный языкъ легко вкрадывается ударенія искуственныя, отвергаемыя народнымъ слухомъ.

Слова *потоло́къ*, *о́коро́къ*, *о́бморо́къ* сюда не относятся, потому что у нихъ окончаніе не есть наставка, а принадлежитъ къ корню. Чтобы убѣдиться въ томъ, сто́итъ сравнить ихъ съ формами *тлакъ*, *кракъ* и *о́мракъ* другихъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать двухъ словъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ приведенныхъ разрядовъ: *жа́воронокъ* и *ща́колотокъ*. Образованіе послѣдняго сомнительно; по Рейфу, это — измѣненіе сложнаго слова *щеколокоть*. *Желу́докъ* отличается ударе́ніемъ отъ уменьшительнаго *желудо́къ*. *Осёлокъ* есть безпредложное имя, котораго корень находится можетъ-быть въ соотношеніи съ прилаг. *острый*. Такъ же, по ударе́нію, произносится *десятокъ*.

Здѣсь мѣсто разсмотрѣть слово *рису́нокъ* и опредѣлить законъ его ударе́нія. По мнѣнію Павскаго (Разсуж. II, А. § 87), это слово должно быть отнесено къ именамъ съ наставкою *унъ*, къ которой слѣдовательно здѣсь прибавлено окончаніе *окъ*. Но имя *рисунокъ* образовано не такъ: оно взято изъ польскаго языка (rysunek), гдѣ ударе́ніе непремѣнно должно падать на предпослѣдній слогъ и гдѣ окончаніе *unek*, образованное изъ нѣмецкаго ung, довольно обыкновенно (szacunek, wizerunek). Съ нѣмецкимъ окончаніемъ ung Павскій сравниваетъ здѣсь наше *унъ*, приводя тутъ же, сверхъ слова *рисунокъ*, имена: *падунъ*, *болтунъ*, *корочунъ* и *лизунецъ*. Такое сближеніе едва ли основательно: въ имени *рисунокъ* наставка *унокъ* составляетъ одно нераздѣльное окончаніе (со вставкою гласной о), которое вкралось къ намъ чуть ли не исключительно въ этомъ словѣ (5).

Изъ разсмотрѣнія наставки *окъ*, *екъ*, видно, что почти всѣ

уменьшительныя, съ помощію ея образуемыя, носятъ ударѐніе на этомъ окончаніи. Отступаютъ только немногія слова: а) подобныя именамъ: *карма́шекъ*, *челове́чекъ* (см. выше Б. 1), которыхъ примѣты состоятъ въ томъ, что ихъ основныя формы: *карманъ*, *человѣкъ* въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ ударѐніе именительнаго падежа на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ и передъ припростомъ *екъ* измѣняютъ свою окончательную согласную; б) уменьшительныя отъ словъ съ окончаніемъ *икъ*, не имѣющимъ ударѐнія: *ры́жичекъ*, *ча́йничекъ*, и отъ предложныхъ на *окъ*: *спи́сочекъ*, *напёрсточекъ*; также *во́йлочекъ*, *желу́дочекъ*, *деся́точекъ*.

Когда, для усиленія степени уменьшенія, наставка *о́къ*, *ёкъ* удвояется, такъ что образуется двучленное окончаніе *очекъ* или *ечекъ*, то ударѐніе остается на первомъ его членѣ: *цапто́чекъ*, *голубо́чекъ*, *горше́чекъ*, *куле́чекъ*, *денёчекъ* и проч. Исключеніе: *мозжечо́къ*.

Когда окончанію *окъ* предшествуетъ слогъ *ен* въ уменьшительныхъ именахъ, то ударѐніе падаетъ всегда на этотъ предпослѣдній слогъ: *робёнокъ*, *барчёнокъ*, *поварёнокъ*, *жидёнокъ*, *попёнокъ*, *чертёнокъ*, *бѣсёнокъ*, *орлёнокъ*, *ослёнокъ*, *львёнокъ*, *мышёнокъ*, *бочёнокъ*. Въ словѣ *щено́къ* буквы *ен* принадлежатъ не къ окончанію, а къ корню. При удвоеніи слога *окъ* въ этой наставкѣ происходитъ окончаніе *ёночекъ*, *бочёночекъ*, *телёночекъ*.

ецъ. Законы ударѐнія именъ съ этимъ окончаніемъ менѣе опредѣлительны; однакожъ и тутъ можно замѣтить нѣсколько общихъ явленій:

1) Въ двусложныхъ словахъ:

Двусложныя имена, оканчивающіяся на *ецъ*, по большей части носятъ на этомъ слогѣ ударѐніе: *оте́цъ*, *коне́цъ*, *огне́цъ*, *свине́цъ*, *зубе́цъ*, *вдове́цъ*, *волче́цъ*, *дворе́цъ*, *чепе́цъ*, *багре́цъ*, *саме́цъ*, *костре́цъ*, *бое́цъ*. Особенно принадлежатъ сюда имена, образованныя: а) отъ глаголовъ: *лове́цъ*, *рубе́цъ*, *рѣзе́цъ*, *творе́цъ*, *дьле́цъ*, *купе́цъ*, *боре́цъ*, *исте́цъ*, *жиле́цъ*, *гоне́цъ*, *гребе́цъ*, *скопе́цъ* и др.; б) отъ прилагательныхъ именъ: *мудре́цъ*, *глупе́цъ*, *нагле́цъ*, *гордо́цъ*, *храбре́цъ*,

хитре́цъ, *подле́цъ*, *скупе́цъ*; *слѣпе́цъ*, *хроме́цъ*, *сыре́цъ*, *мертве́цъ*, *былéцъ* (отъ *бѣлый*), *пришле́цъ* (отъ *пришлый*).

Но есть двусложныя имена на *ецъ* съ удареніемъ надъ первымъ слогомъ, напр. *ста́рецъ*, *па́лецъ*, *ду́мецъ*. Особливо замѣтны между ними: а) уменьшительныя, когда они сохраняютъ значеніе тѣхъ именъ, отъ которыхъ произведены: *хлѣбецъ*, *да́рецъ*, *шка́пецъ*, *бра́тецъ*; б) названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе: *нѣмецъ*, *го́рецъ*, *ли́пецъ*, и в) слова, взятыя изъ другихъ языковъ: *пе́рецъ*, *си́тецъ*, *та́нецъ*, *ра́нецъ*, *ша́нецъ*, *гля́нецъ*; въ послѣднихъ пяти гласная *е* вставлена только для облегченія выговора (ср. напр. Tanz, Glanz). Двусложныя уменьшительныя на *ецъ*, которыя съ этою наставкою приняли и новый оттѣнокъ значенія, имѣютъ удареніе на концѣ: *ларе́цъ*, *сучéцъ*, *столбе́цъ*, *Доне́цъ*. Послѣднее слово означаетъ также донского казака и въ такомъ случаѣ составляетъ опять исключеніе изъ правила о произношеніи именъ, показывающихъ происхожденіе лицъ и предметовъ. Слово *сланецъ*, названіе горной породы (вѣрнѣе *стланецъ*, отъ глаг. *стлаться*), произносится различно, но на мѣстахъ, гдѣ есть самый предметъ, имъ означаемый (по крайней мѣрѣ, въ Сибири), говорятъ *сла́нецъ*, и это лучше для отличія отъ *солоне́цъ* (то же, что *солончакъ*).

2) Въ многосложныхъ словахъ:

Въ многосложныхъ словахъ, наоборотъ, окончаніе *ецъ* почти всегда остается безъ ударенія, которое у нихъ падаетъ обыкновенно на предшествующій слогъ. Особенно относятся сюда:

1) Уменьшительныя, произведенныя по большей части отъ существительныхъ предложныхъ или иностранныхъ именъ, которыя, имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, не переносятъ его во флексіи на окончаніе, напр. *футля́рецъ*, *журна́лецъ*, *узо́рецъ*, *дохо́децъ*, *уро́децъ*, *поста́вецъ* (но нѣкоторые произносятъ и *поставе́цъ*); также *хому́тецъ*.

2) Отглагольныя, образованныя отъ причастія на *л*: *владѣ́лецъ*, *корма́лецъ*, *постоя́лецъ*, *сидѣ́лецъ*, *пришéлецъ*.

3) Имена, произведенныя отъ прилагательныхъ и причастій, которыя сами имѣютъ ударепіе на предпослѣднемъ слогѣ: *любíмецъ, упрáмецъ, гостúнецъ, знакóмецъ, мизúнецъ, торгóвецъ, лукáвецъ, учтúвецъ, льнúвецъ, красáвецъ* (отъ неупотр. прил. *красáвый*), *поселéнецъ, урожéнецъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести слово *младéнецъ*, которое иные несправедливо считаютъ сокращеніемъ составного *младоденецъ*. Доказательствомъ невѣрности этого мнѣнія служитъ: 1) значеніе слово *младенецъ* въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову *юноша*; 2) древне-славянская форма млада (въ значеніи *младенецъ*).

4) Личныя имена, означающія принадлежность къ націи или странѣ: *помóрецъ, испáнецъ, грузúнецъ, американúнецъ, новгорóдецъ, новоторжецъ, индíецъ, китáецъ*.

и 5) Слова составныя, хотя бы въ простомъ имени ударепіе и было на слогѣ *ецъ*: *иноземецъ, единовéрецъ, стихотвóрецъ, миротвóрецъ* (хотя *творéцъ*), *книгопродáвецъ* (хотя *продавéцъ*), *земледíлецъ, живописецъ, мореходецъ, душегýбецъ, однодвóрецъ, трезýбецъ* и проч. Такъ же выговаривается имя *видецъ*, нынѣ употребительно только въ соединеніи съ другими словами, напр. *провúдецъ, самовúдецъ, ясновúдецъ*.

У трехсложныхъ словъ на *ецъ* ударепіе бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ надъ этимъ окончаніемъ, и именно: 1) когда уменьшительное, произведенное отъ двухсложнаго существительнаго съ ударепіемъ на первомъ слогѣ, получаетъ новый оттѣнокъ значенія; *погребéцъ* (отъ пóгребъ), *образéцъ* (отъ óбразъ), *городéцъ* (отъ городъ), *холодéцъ* (отъ холодъ); 2) когда имя образовано отъ прилагательнаго съ ударепіемъ на послѣднемъ слогѣ: *молодéцъ* (отъ молодой), *удалéцъ* (отъ удалой), *леденéцъ* (отъ ледяной); 3) у нѣкоторыхъ именъ первообразныхъ и производныхъ, безъ явной причины: *голубéцъ* (чаще *голбéцъ*), *жеребéцъ, изразéцъ, огурéцъ, варенéцъ, пряженéцъ, сорванéцъ, продавéцъ*.

Есть и такія имена съ наставкой *ецъ*, у которыхъ ударепіе падаетъ на 3-й слогъ съ конца, напр. *пéрвенецъ, мúканецъ, взúсканецъ, перемúзанецъ, привéрженецъ, дóсканецъ, бáрхатецъ*, что

объясняется почти всегда произношеніемъ первообразныхъ словъ. Имя *посланецъ* произносится различно. Однакожъ выговоръ *посланéцъ* — самый употребительный.

икъ. Когда слогъ *икъ* придаетъ имени значеніе уменьшительнаго, то онъ никогда не принимаетъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ: *рóтикъ*, *дóмикъ*, *прýтикъ*, *стóликъ*, *нóжикъ*, *мóстикъ*, *крéстикъ* *кýстикъ*, *топóрикъ*, *карандáшикъ*, *кузнéчикъ*, *обрýчикъ*, *гвóздикъ*, *солдáтикъ* и проч.

Такъ же произносятся тѣ имена съ этимъ окончаніемъ, которыя безъ него не употребительны или даже не имѣютъ значенія: *я́щикъ*, *кро́ликъ*, *ви́никъ*, *ко́ртикъ*, *ры́жикъ*.

Особый разрядъ именъ на *икъ* составляютъ отглагольныя, образованныя отъ страдательныхъ причастій на *нг*: они сохраняютъ обыкновенно ударенія причастія, употребительнаго или только возможнаго: *воспитанникъ*, *данникъ*, *труженикъ*, *мученикъ*. Исключеніе: *учени́къ*. Ошибочно было бы думать, что въ тѣхъ изъ этихъ именъ, у которыхъ звукъ *н* удвоенъ, суффиксомъ служитъ слогъ *никъ*. Здѣсь удвоеніе *н* чисто фонетическое; это уступка выговору, не имѣющая основанія въ составѣ слова.

Рыжикъ, по мнѣнію Павскаго (Разс. II, А. § 37), происходитъ отъ прилаг. *рыжій;* но отчего же и по-шведски этотъ грибъ называется *riska?* Тотъ же ученый производитъ имя *пы́жикъ* отъ глагола *пы́житься*. Намъ кажется, что *пыжикъ* есть уменьшительная форма слова *пыжъ*, отъ котораго происходитъ и глаголъ *пыжиться*.

Въ имени *кули́къ*, окончаніе *икъ* не есть производственное, судя по санскр. kalika, франц. courlis. Удареніе слова *мужи́къ* основывается на томъ, что при другомъ произношеніи это имя приняло бы видъ уменьшительнаго.

Наставка *икъ* носитъ удареніе, когда имя произведено: 1) отъ первообразнаго прилагательнаго (т. е. такого, которое состоитъ только изъ корня и окончанія *ый, ій*): *стари́къ*, *нови́къ*, *молоди́къ*, *семи́къ*, (вм. седмикъ), *голи́къ*, *прями́къ*, *тупи́къ*, *цѣли́къ* (цѣликомъ), *боси́къ* (босикомъ), *матери́къ*, *крути́къ*, *слаби́къ* (обл.) и

2) отъ числительныхъ: *четверúкъ*, *пятерúкъ*, *шестерúкъ* и проч.

Къ разряду подобныхъ именъ принадлежатъ также слова: *красúкъ* и *плавúкъ*. Они, по мнѣнію Павскаго, происходятъ отъ глаголовъ: *красить* и *плавить*. По аналогіи *красúкъ* лучше объясняется неупотребительнымъ прилагательнымъ *красый*, слѣдъ котораго остается въ сравнительной степени *краше*. *Плавúкъ* есть слово новое, искуственное и можетъ дѣйствительно быть произведено непормально отъ глагола, если не вѣрнѣе принять за начало его прилагат. *плавкій*. Впрочемъ названія минераловъ, кончающіяся на *икъ*, вообще носятъ ударепіе на этомъ слогѣ: напр. *крававúкъ* выговаривается такъ, несмотря на окончаніе прилагательнаго (*авый*), отъ котораго оно происходитъ.

Имена на *никъ*, происходящія по большей части отъ прилагательныхъ (хотя и не всегда употребительныхъ) съ окончаніемъ *ный* или *нiй*, обыкновенно не носятъ ударенія надъ наставкой и сохраняютъ его на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ прилагат. или причастіи, дѣйствительно ли существующемъ или возможномъ, напр. *чáйникъ*, *молóчникъ*, *прáздникъ*, *передникъ*, *взя́точникъ*, *картёжникъ*, *хлѣбникъ*, *двóрникъ*, *éльникъ*, *кустáрникъ*, *варéникъ*, *мýченикъ*, *трýженикъ*, *бáрочникъ*, *мáсляникъ*, *любóвникъ*, *церкóвникъ*, *противникъ*, *настóвникъ*, *сопéрникъ*, *садóвникъ*, *чинóвникъ*, *втóрникъ*, *деся́тникъ*. Противное бываетъ: 1) когда самое прилагательное оканчивается на *ной* съ ударепіемъ: *водяни́къ*, *волосяни́къ*, *двойни́къ*, *дощани́къ*, *печни́къ*, *мясни́къ*, *ночни́къ*, *ручни́къ*, *цѣпни́къ*, *сѣнни́къ*, *дневни́къ*, *сквозни́къ*, *парни́къ*, *потни́къ*, *межни́къ*; 2) въ нѣкоторыхъ изъ именъ на *никъ*, означающихъ мѣсто, вмѣстилище или лицо, хотя въ прилагательномъ ударепіе и не на послѣднемъ слогѣ: *родни́къ*; *рудни́къ*, *тайни́къ*, *дойни́къ*, *холодни́къ*, *вечевни́къ*, *должни́къ*, *шутни́къ*, *блудни́къ*, *истопни́къ*, *озорни́къ*, *прихотни́къ*, *баловни́къ*, *клеветни́къ*, *проводни́къ*. Замѣтимъ, что это почти все такія личныя имена, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ неупотребительныхъ (напр. *шутни́къ*, *истопни́къ*).

Имена на *щикъ* (*чикъ*) всѣ означаютъ лица извѣстнаго званія, ремесла или по крайней мѣрѣ занятія, и происходятъ либо прямо отъ прилагательныхъ съ примѣтою *скій*, либо отъ существительныхъ и глаголовъ при посредствѣ такого прилагательнаго, хотя и не употребляющагося. Одна половина ихъ носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а другая на окончаніи. Слогъ *щикъ* можетъ принимать удареніе: 1) когда присоединяется къ существительному, односложному или такому двусложному, у котораго удареніе на первомъ слогѣ, а въ корнѣ звукъ *е* или *и*: *ямщи́къ*, *деньщи́къ*, *зеленщи́къ*, *сбитенщи́къ*, *гребенщи́къ*, *погребщи́къ*, *временщи́къ*; 2) когда этому окончанію въ трехсложныхъ именахъ предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*: *гробовщи́къ*, *кормовщи́къ*, *браковщи́къ*, *внсовщи́къ*, *ростовщи́къ*, *въстовщи́къ*, *медовщи́къ*, *мѣновщи́къ*, *часовщи́къ*, *цѣновщи́къ*, *вербовщи́къ*, *бунтовщи́къ*, *бечевщи́къ*; 3) въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ именахъ, образованныхъ безъ посредствующаго слога *ов*: *покупщи́къ*, *поставщи́къ*, *льнщи́къ*, *рызчи́къ*. *Лицевщи́къ* — пишущій лица на иконахъ — отличается произношеніемъ отъ слова *лицо́вщикъ* — умѣющій придавать красивую наружность (Акад. Слов.).

щикъ, *чикъ* не принимаетъ ударенія и передаетъ его предыдущему слогу: 1) въ словахъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ: *лакиро́вщикъ*, *потако́вщикъ*, *молоти́льщикъ*, *бараба́нщикъ*; 2) въ большей части отглагольныхъ и другихъ именъ, содержащихъ и менѣе слоговъ: *плате́льщикъ*, *оцѣнщикъ*, *спо́рщикъ*, *набо́рщикъ*, *ходо́бщикъ*, *бахро́мщикъ*, *конто́рщикъ*, *ко́рмщикъ*, *во́зчикъ*, *извозчикъ*, *доно́счикъ*, *приказчикъ*, *переписчикъ*, *су́щикъ*, *помо́щикъ*. Кромѣ того въ словахъ: *рисо́вщикъ* и *танцо́вщикъ*, отступающихъ отъ приведенныхъ выше во 2-мъ пунктѣ, образованныхъ отъ глаголовъ на *овать* (браковщи́къ, бунтовщи́къ, вербовщи́къ).

Иногда удареніе, вслѣдствіе производства, можетъ быть и на 3-мъ слогѣ съ конца: *жа́лобщикъ*, *да́кальщикъ*, *кро́вельщикъ*, *жа́рильщикъ*, *ма́зальщикъ*, *ка́менщикъ*, *зна́менщикъ*, *у́польщикъ*.

Имена съ наставкою *чикъ* послѣ корня, кончающагося на согласную *д* или *т*, всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ:

газетчикъ, переплётчикъ, монетчикъ, отопчикъ, челобитчикъ, лазутчикъ, переводчикъ, подрядчикъ,—не говоря уже о томъ случаѣ, когда *чикъ* означаетъ степень уменьшенія въ словахъ, произведенныхъ отъ именъ на *ецъ*, и по общему правилу уменьшительныхъ на *икъ* (см. выше стр. 406) не можетъ принимать ударенія: *ла́рчикъ, о́вчикъ, ку́пчикъ, ря́бчикъ, че́пчикъ, сту́лчикъ, образчикъ, кузне́чикъ.*

Наконецъ, наставкѣ *икъ* предшествуютъ иногда слоги *ов, ев, ив, ат, аст*, въ именахъ, произведенныхъ отъ прилагательныхъ съ окончаніями *овый, евый, ивый, атый, астый*. Такія существительныя удерживаютъ произношеніе прилагательныхъ, напр. *берёзовикъ, рублёвикъ, крестовикъ, паршивикъ, волосатикъ, головастикъ*; — *пудовикъ*; *половикъ, годовикъ, дождевикъ, боровикъ, огневикъ*; прил. *пуховый* могло бы произноситься и иначе, т. е. *пуховой*; сущ. *пуховикъ* приняло удареніе отъ послѣдней малоупотребительной формы.

Представимъ теперь менѣе употребительныя окончанія муж. рода, выговариваюціяся различно безъ видимой причины.

ичъ: рядовичъ;—*родичъ, сотничъ, баричъ*. Впрочемъ въ словѣ *рядовичъ* удареніе на послѣднемъ слогѣ потому, что такъ произносится прилагательное *рядовой*.

ышъ: коротышъ, глупышъ, катышъ, крупышъ, малышъ; — *гладышъ, дутышъ, ландышъ, мякишъ*. Всѣ предложныя имена съ этимъ окончаніемъ (кромѣ *выигрышъ, проигрышъ*), а также съ двухсложнымъ *еныш* имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *околышъ, найдёныш, оборышъ, подкидышъ, зародышъ, дитёныш.*

отъ, етъ: хребетъ; — *кочетъ, кречетъ, хоботъ, шиворотъ*. Въ именахъ отглагольныхъ, означающихъ звукъ или движеніе, окончаніе это никогда не носитъ ударенія: *ропотъ, топотъ, хохотъ, грохотъ, лепетъ, скрежетъ, трепетъ.*

инъ: господинъ, дворянинъ, грузинъ, мѣщанинъ, славянинъ, семьянинъ, простолюдинъ, павлинъ;—*крестьянинъ, англичанинъ, однополчанинъ, шуринъ, хозяинъ, баринъ.*

Иногда въ одномъ и томъ же словѣ это окончаніе произносится различно, напр. говорятъ: *христіани́нъ*, и *христія́нинъ*, *гражданѝнъ* и *гра́жданинъ*, *міряни́нъ* и *мі́рянинъ*.

сень: *кремѐнь*, *курѐнь*, *олѐнь*, *кистѐнь*, *ревѐнь*; — *па́рень*, *ба́ловень*, *сиде́нь*, *ка́мень*. — Почти всѣ отглагольныя имена съ этимъ окончаніемъ не носятъ на немъ ударенія, наприм. *ли́вень*, *ста́вень*, *бу́день*, *сѝбень*.

арь: *государь*, *букваръ*, *ключа́рь*;—*лѣка́рь*, *пѝсарь*, *пѐкарь*.

олъ, *елъ*: *хохо́лъ*, *орёлъ*, *козёлъ*; — *у́голъ*, *у́зелъ*, *вѐртелъ*.

Найдутся еще и другія окончанія муж. рода съ неопредѣленнымъ удареніемъ; но какъ они или рѣдки въ языкѣ, или не составляютъ собственно наставокъ, то мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь всѣ безъ изъятія.

3) Окончанія мужескаго рода, никогда не принимающія ударенія:

Между этими окончаніями самое употребительное *тель;* оно рѣшительно отвергаетъ удареніе, когда означаетъ дѣйствующее лицо (или свойство въ словѣ *добродѣтель*). Безъ такого значенія оно встрѣчается только въ именахъ двухъ породъ птицъ: *свиристѐль* и *коростѐль;* впрочемъ, здѣсь наставку составляетъ только слогъ *ель*, буква же *т* принадлежитъ къ корню или, по крайней мѣрѣ, къ первичному образованію (отъ глаг. *свиристѣть* и *хрустѣть;* ср. польск. chrościel или chruściel [1]).

По неразлучному съ нимъ понятію это окончаніе въ сущности можетъ принадлежать только названіямъ одушевленныхъ предметовъ; однакожъ оно усвоено также ариѳметическимъ терминамъ: *числи́тель*, *знамена́тель*, *мно́житель*, *дѣли́тель*, и замѣчательно, что, не означая собственно лицъ, эти имена все-таки склоняются подобно именамъ личнымъ; говорятъ напр. раздѣлить *числителя* на *знаменателя:* такъ значеніе дѣятеля существенно связано съ окончаніемъ *тель*.

---

[1] Въ словѣ *обитель* звукъ *т* несомнѣнно принадлежитъ къ корню (витать).

Имена съ этой наставкой, въ отношеніи къ ударенію, слѣдуютъ по большей части неопредѣленному наклоненію тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ они образованы: *дѣлатель*, *завоева́тель*, *пла́ватель*. Только когда окончанію *тель* предшествуетъ гласная *и* или *ъ*, то на нее, независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, котораго часто и нѣтъ въ основаніи производства, — т. е. на гласную *и*, *ъ* падаетъ удареніе: *строи́тель*, *граби́тель*, *прави́тель*, *состави́тель*, *наруши́тель*, *ревни́тель*, *покрови́тель*, *вои́тель*, *утѣши́тель*[1], *свидѣтель*, *владѣтель*, *благодѣтель*. Слова *вѣритель*, *мыслитель* произносятся двояко. Отступленіе представляютъ имена: *мно́житель*, *дви́житель*. Замѣчательно, какъ единственный въ языкѣ случай, слово *во́лостель* или *вла́стель*: здѣсь окончаніе *тель* приставлено прямо къ корню *влад*, въ которомъ буква *д*, какъ при глагольномъ окончаніи, обратилась въ *с*. Любопытно также областное *сви́стель*, гдѣ однакожъ наставкою служитъ, кажется, только слогъ *ель* (ср. другую форму этого слова: *сви́стень*).

Менѣе употребительное окончаніе, не терпящее ударенія: *овъ*, *евъ*: *кузовъ*, *о́стровъ*, *бо́ровъ*, *те́теревъ*.

II. Окончанія женскаго рода[2]:

1) Съ постояннымъ удареніемъ такихъ окончаній не много, да и тѣ мало употребительны, и притомъ не всѣ они производственныя. Вотъ главныя изъ нихъ:

а́га, *я́га*: *ватага*, *кулага*, *сѣрмяга*, *бодяга*.

у́ра, *ю́га*: *бѣлуга*, *колчуга*, *дерюга*, *вьюга* (впрочемъ говорятъ и *вью́га*).

и́га, *и́га*: *лодыга*, *мотыга*, *коврига*, *вязига*, *забулдыга*.

---

[1] Такой выговоръ окончанія *итель* съ удареніемъ на *и* такъ сроденъ языку, что даже и женское имя *обитель* (съ наставкой *ель*) произносится такимъ же образомъ, хотя оно, какъ предложное при мягкомъ окончаніи, должно бы имѣть удареніе на первомъ слогѣ (см. стр. 394).

[2] Подъ этимъ названіемъ разумѣются здѣсь и такія наставки, которыя могутъ служить къ образованію именъ общаго или только мужескаго рода, но имѣютъ женскую форму.

а́ка, я́ка: писака, рубака, гуляка, забіяка.

а́ха, я́ха: замараха, рубаха, черепаха, неряха.

о́ха, ёха: обироха, завироха, суматоха, пройдоха, лепёха, тетёха.

у́нья: колдунья, хохотунья, прыгунья. Пьстунья выговаривается иногда и съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

у́ля: ходуля, козуля, сосуля, красоуля. Слово *кара́куля*, вѣроятцо, не русское по происхожденію.

у́ша: горбуша, кликуша, говоруша.

и́ка: въ названіяхъ ягодъ и растеній: *земляника, клубника, черника, ежевика, голубика, брусника, княженика, поленика, воздика, грудника, живика, зеленика.*

ма́: метла, игла, тесла, пчела, ветла. Кукла и *чучела* не русскаго происхожденія.

2) Окончанія женскаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

ица. Число женскихъ именъ на *ица* очень велико и они раздѣляются на двѣ почти равныя половины, изъ которыхъ въ одной это окончаніе является съ удареніемъ на *и*, а въ другой вовсе безъ ударенія.

Въ обѣихъ половинахъ надобно напередъ отдѣлить одинъ разрядъ словъ, которыхъ удареніе опредѣляется весьма постояннымъ образомъ. Это тѣ женскія имена лицъ и животныхъ, которыя произведены отъ именъ мужескаго рода перемѣною окончаній *ецъ* и *икъ* на *ица*. Здѣсь женское всегда слѣдуетъ удареніе мужескаго, напримѣръ:

жиле́цъ — и́ца, пьове́цъ — и́ца, бьле́цъ — и́ца, продавецъ — и́ца.

ста́рецъ — ица, краса́вецъ — ица, упря́мецъ — ица, страда́лецъ — ица.

учени́къ — и́ца, блудни́къ — и́ца, баловни́къ — и́ца, вьстовщи́къ — и́ца.

го́рликъ — ица, у́мникъ — ица, помо́щикъ — ица.

Этому правилу слѣдуютъ и тѣ женскія имена, которыхъ мужескіе первообразы или вовсе не употребительны, или употребляются въ другомъ значеніи: *ме́льникъ — ица, моло́чникъ — ица,*

ко́нникъ — ица, ма́сленикъ — ица, синѐцъ—и́ца, молодѐцъ—и́ца, пятери́къ — и́ца, па́лецъ — ица.

Исключеніе: *кузнѐцъ, ку́зница.*

За этимъ надобно разсмотрѣть тѣ женскія имена лицъ и животныхъ съ окончаніемъ *ица*, которыя происходятъ отъ мужескихъ именъ первообразныхъ или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ наставокъ *екъ, икъ*, каковы: *оселъ, орелъ* и др.

Сомнѣнія не можетъ быть насчетъ тѣхъ именъ этого разряда, которыхъ мужескія формы имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, сохраняя его и во флексіи на окончаніи: *орёлъ* (— *а́*), *орли́ца; осёлъ*, (— *а́*), *осли́ца;* но и другія подобныя имена охотно принимаютъ удареніе на букву *и* въ окончаніи, какъ то: *импера́торъ—три́ца; ма́стеръ—ри́ца; о́трокъ—отрокови́ца; волкъ—чи́ца; го́лубь — и́ца.* Только когда въ двухсложномъ муж. имени удареніе на послѣднемъ слогѣ и въ склоненіи не переходитъ на падежный приростъ, то и окончаніе *ица* не принимаетъ его: *медвѣдь* (— *я*), *медвѣ́дица; проро́къ* (— *а*), *проро́чица.*

Окончаніе *ица* остается безъ ударенія еще въ именахъ *ку́рица* (отъ стар. *куръ*, пѣтухъ), *дьяконица, ка́рлица.*

Вообще же окончаніе *ица* въ женскихъ именахъ лицъ, животныхъ и растеній по большей части является съ удареніемъ даже и тогда, когда они не происходятъ отъ соотвѣтственныхъ муж. именъ: *дѣви́ца* (отъ *дѣва*), *кобыли́ца, роженѝца, свекловѝца, горчи́ца, шелковѝца, мокри́ца, чечевѝца, сочевѝца, купѝца, вевери́ца, площѝца.*

Однакожъ сюда не могутъ относиться такія имена, которыя или образованы отъ прилагательныхъ на *ный* (безъ ударенія на этомъ окончаніи), или отъ мужескихъ существит. съ наставкою *тель*, напр. *роди́льница* (отъ *родильный*), *ли́ственица, проси́тельни́ца, владѣ́тельница.* Имена, кончащіяся на *тельница*, всѣ удерживаютъ удареніе мужескихъ именъ съ наставкою *тель.*

Произношеніе слова *па́дчерица* основывается на томъ, что предлогъ *па*, которымъ оно начинается, всегда носитъ удареніе, какъ видно напр. и изъ слова *па́сынокъ.* Подобнымъ же образомъ

опредѣляется ударе́ніе въ словѣ *сýкровица:* предлогъ *су* въ женскихъ именахъ часто принимаетъ ударе́ніе (ср. *сýдорога, сýтолока*).

Имя *своя́чиница* образовано отъ неупотребительнаго нынѣ *своя́чина.* Въ словахъ *лýковица* и *корока́тица* окончаніе не принимаетъ ударе́нія[1].

Разсмотрѣвъ имена, въ которыхъ *ица* служитъ примѣтою пола или означаетъ растеніе или животное, обратимся теперь къ прочимъ именамъ этого окончанія.

Наставка *ица* является въ нихъ съ ударе́ніемъ: 1) когда она приложена къ односложному слову или корню: *грани́ца, тряпи́ца, скрыпи́ца, части́ца, столи́ца, ключи́ца, зъни́ца, стани́ца;* 2) когда *ица* въ существ. или прилаг. имени становится на мѣсто слога, имѣющаго ударе́ніе: *пшено́,—и́ца, страна́—и́ца, вода́—води́ца, земля́—и́ца, кора́—и́ца, крупа́—и́ца, рука́въ,* —род. п. *а́ — рукави́ца.*

свѣтла́ (комната) — *и́ца; темна́ — и́ца, тепла́ — и́ца, больны́е — больни́ца; власна́я* (одежда) — *и́ца, грудна́я* (болѣзнь) — *грудни́ца, денна́я* (звѣзда) — *денни́ца.*

Съ ударе́ніемъ на *ица* произносятся еще:

1) Слѣдующія образованныя изъ числительныхъ существительныя: *едини́ца, седьми́ца, сторица* (славянскія; см. ниже).

2) Слѣдующія имена предметовъ, относящихся къ одеждѣ: *исподни́ца, багряни́ца, срачи́ца, плащани́ца, петли́ца.*

Перебирая всѣ слова, съ окончаніемъ *ица*, нельзя не замѣтить, что оно нѣкоторымъ именамъ не придаетъ никакого новаго значенія, напр. *вдова*, то же что *вдови́ца, скрыпка* и *скрыпи́ца, кобыла* и *кобыли́ца, тряпка* и *тряпи́ца, дрань* и *драни́ца, склянка* и *скля́ница.* Такая двоякость окончанія не можетъ однакожъ не имѣть какого-нибудь смысла: дѣйствительно, мы находимъ, что въ наставкѣ *ица* часто скрывается облагораживающее значеніе, какъ видно напр. изъ сравненія именъ *дѣва* и *дѣви́ца: дѣва* означаетъ женское лицо только въ естественномъ отношеніи, а

[1] Вѣроятно отъ *корокатый.* См. Указатель ко 2-й части.

въ имени *дно́ица* выражается уже оттѣнокъ общественнаго отличія. Такъ и слово *кобыли́ца* благородное нежели *кобыла*, и т. п. Прилагаемое съ такою цѣлію окончаніе *ица* обыкновенно носитъ удареніе, если только тому не противится самое производство слова. Изъ приведенныхъ примѣровъ только имя *скля́ница* безъ ударенія на окончаніи, потому что произведено отъ прилагательнаго на *ный* (стклянный = стеклянный), и сообразуется съ открывающимся при этомъ общимъ закономъ: если прилаг. оканчивается на *ный* или *нiй* безъ ударенія, то и наставка *ица* въ производномъ существ. не принимаетъ его: *пья́ница* отъ пьяный, *во́льница* отъ вольный, *ра́зница* отъ разный, *ри́зница* отъ ризный, *го́рница* отъ горній (исключая приведенныя выше: *едини́ца*, *исподница*, *багряница*[1]).

По указанному нами оттѣнку значенія, вносимому въ слово наставкою *ица*, неудивительно, что имена, заимствованныя изъ церковно-славянскаго, держатъ удареніе на этомъ окончаніи всякій разъ, когда производство не указываетъ прямо-противоположнаго закона произношенія. Чѣмъ болѣе слово, кончащееся на *ица*, носитъ характеръ искуственности, книжности, тѣмъ легче оно передаетъ удареніе этой наставкѣ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы она въ народныхъ словахъ никогда не принимала ударенія: выше указаны уже случаи такого выговора; прибавимъ здѣсь еще для примѣра областныя слова *плыни́цы* (сплки) и *соседни́ца* (отъ сведени́къ), сведеная сестра. Не значитъ также, чтобы во всѣхъ славянскихъ словахъ съ окончаніемъ *ица* удареніе падало на него (*тро́ица*). Мы только замѣчаемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ или въ видимыхъ уклоненіяхъ отъ правилъ, означенное обстоятельство служитъ къ объясненію выговора (Ср. *дно́ица* съ простонароднымъ *дно́ница*).

Обратимъ при этомъ вниманіе на произношеніе обиходныхъ словъ: *у́лица*, *но́жницы*, *лѣ́стница*, *пѣ́вница*, и съ другой сто-

[1] Впрочемъ *исподница* въ народной рѣчи произносится съ удареніемъ на *о*. Съ удареніемъ на окончаніи оно принадлежитъ ц. сл. языку, равно какъ и слова: *едини́ца*, *багряни́ца*.

роны на слова: *голуби́ца*, *зѣни́ца*, *срачи́ца*, которымъ народъ предпочитаетъ болѣе сподручныя ему: *голубка*, *зѣнка*, *сорочка*.

Когда наставка *ица* присоединена къ имени, оканчивающемуся на *а* безъ ударенія, то и она по большей части не принимаетъ его. Такъ изъ словъ *каша*, *просьба*, *владыка*, *пугва* образованы: *ка́шица*, *про́сьбица*, *влады́чица*, *пу́говица*. *Ступица* произносится двояко. Замѣтимъ мѣсто ударенія въ словѣ *ви́сѣлица* (отъ *висѣ́лъ*).

Есть еще особый, довольно обширный классъ именъ съ этимъ окончаніемъ, въ которыхъ оно также никогда не носитъ ударенія. Это имена, означающія какое-нибудь дурное состояніе или недостатокъ, и потому большею частью отрицательныя или предложныя; они происходятъ то отъ существительныхъ, то отъ прилагательныхъ или причастій.

Таковы: *распу́тица*, *разла́дица*, *безсмы́слица*, *нелѣ́пица*, *околе́сица*, *безхлѣ́бица*, *бездоро́жица*, *безсо́нница*, *нескла́дица*, *разноголо́сица*, *неуря́дица*, *усо́бица*, *пу́таница*, *сумя́тица* и др. Одинакимъ образомъ составлены слова: *бездѣ́лица*, *перено́сица*, *подпо́лица*. Тому же закону произношенія подлежитъ слово *Богоро́дица*, какъ составное.

Съ окончаніемъ *ица* однородна наставка *ница*, при которой надобно принимать посредствующее прилагательное на *ный* для образованія существительнаго, напримѣръ: *зарни́ца*, *кошни́ца*, *гробни́ца*, *пороховни́ца*, *возни́ца*, *пя́тница*, *лѣ́стница*, *гости́ница* (отъ прилагател. *гости́ный*).

ина. Окончаніе *ина* также весьма обыкновенно въ языкѣ. Оно является съ троякимъ удареніемъ: *ина́*, *и́на* и *ина* (оба слога безъ ударенія). Такое различіе зависитъ частью отъ производства и состава именъ, частью отъ значенія ихъ.

Напередъ отдѣлимъ случаи, въ которыхъ удареніе этой приставки опредѣляется значеніемъ именъ.

1) *ина́*. Такое удареніе встрѣчается довольно рѣдко и свойственно именамъ, означающимъ: а) пространство и время: *величина́*, *ширина́*, *длина́*, *вышина́*, *глубина́*, *толщина*, *тонина́*, *ни-*

зина́, *старина́*; б) вообще вы́шшее качество, напр. *прямина́*, *быстрина́*, *тишина́*, *цѣлина́*, *круглина́*, *косина́*, *краснина́*; в) предметы или даже лица, напр. *новина́*, *свѣжина́*, *слабина́*, *вѣтчина́*, *старшина́*, *большина́*. Почти всѣ такія имена произведены отъ прилаг., имѣющихъ опять отношеніе ко времени или пространству. *Купина* и *сѣдина* произн. двояко.

2) *и́на*. Такъ произносится это окончаніе: а) въ именахъ (первообразныхъ) нѣкоторыхъ деревьевъ и плодовъ ихъ: *рябѝна*, *калѝна*, *малѝна*, *осѝна*. *Маслина* выговаривается одними такъ же, а другими съ ударе́ніемъ на первомъ слогѣ.

б) въ именахъ, означающихъ какой-нибудь важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ: *годѝны*, *родѝны*, *имени́ны*, *крести́ны*, *сорочи́ны* (исключ. *зарѝчины*, какъ имя предложное).

и в) въ мужескихъ именахъ увеличительныхъ: *дѣтѝна*, *купчѝна*, *дурачѝна*; *старичѝна*, *мужичѝна*, *молодчѝна*, *домѝна*.

3) *ина*. Въ именахъ отглагольныхъ (кромѣ нѣкоторыхъ, приведенныхъ подъ б) и въ предложныхъ наставка *ина* остается всегда безъ ударе́нія: *ро́дина*, *тре́щина*, *ры́твина*, *цара́пина*, *зу́брина*, *впа́дина*, *проба́ина*, *промо́ина*, *ока́лина*, *оско́мина*, *разва́лина*, *прота́лина*, *укло́чина*, *напра́слина*, *по́шлина*, *отду́шина*, *уро́дина*, *разсѣ́лина*, *испа́рина*, *пощёчина*, *оплеу́шина*, *затре́щина*.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ наставка *ица* произносится съ ударе́ніемъ на *и* или вовсе безъ ударе́нія, смотря по производству словъ и по фонетическимъ требованіямъ.

Вотъ примѣры:

1) Въ именахъ, означающихъ мясо и кожу животныхъ:

а) *и́на: коня́ина, овчѝна, осетри́на, мертвечѝна, свинѝна*, (оттого что говорятъ: *конь*, *овца́*, *осетра́*, *мертвецъ́*, *свинья́*). Такъ же произносятъ: *дичѝна, лососѝна, солонѝна, буженѝна*.

б) *ина* (безъ ударе́нія): *за́йчина, бара́нина, медвѣ́жина, бѣлу́жина, говя́дина, теля́тина, порося́тина, куря́тина, осетри́на, гуся́тина, козля́тина*, (отъ *за́яцъ* — *за́йца*, *медвѣ́дь* — *я*;

бѣлу́га, *гов'я́до*, *теля́* — *я́ти* и проч.). Таково же окончаніе въ имени *па́далина* (отъ *па́даль*).

2) Въ словахъ, означающихъ единицу такихъ предметовъ, которые изображаются собирательными именами:

а) *и́на: дроби́на*, *песчи́на*, *крупи́на*, *роси́на*, *шелкови́на*, *шерсти́на*, *снѣжи́на*, *гради́на*, *пороши́на*, *были́на* (отъ *быліе*).

б) *ина: изю́мина*, *горо́шина*, *жемчу́жина*, *минда́лина*, *соло́мина* (слѣдов. *соло́минка*, *а не соло́менка*), *посу́дина*.

3) Въ именахъ веществъ, урочищъ, мѣръ, предметовъ, и въ собирательныхъ именахъ:

а) *и́на*: *древеси́на*, *сердцевина*, *пучи́на*, *паруси́на*, *холсти́на*, *доли́на*, *равни́на*, *лощи́на*, *котлови́на*, *чужби́на*, *пружи́на*, *дуби́на*, *личи́на*, *образи́на*, *карти́на*, *горлови́на*, *полови́на*, *паути́на*, *стремни́на*, *плоти́на*, *полти́на*, *четверти́на*, *осми́на*, *десяти́на*, *верши́на*, *дружи́на*, *скоти́на*, *лучи́на*. *Былина* (отъ *быль*) и *пятина* (въ древнемъ Новгородѣ) произносятся многими и съ удар. надъ *на*.

б) *ина*: *блево́тина*, *харко́тина*, *рога́тина*, *га́дина*, *ра́ковина*, *мѣ́сячина*, *хи́жина*, *о́тчина*, *о́бщина* (но также *общи́на*). *Туре́чина*, *Нѣме́чина*, *хра́мина*, *лы́сина*, *дико́вина*, *дю́жина*, *сморо́дина*.

4) Въ именахъ отвлеченныхъ предметовъ: а) *и́на: кручи́на*, *причи́на*, *судьби́на;* б) *ина* — *и́стина*.

5) Въ именахъ, кончающихся на *щина* и *чина*, по большей части образованныхъ отъ прилагательныхъ на *скій* и собирательныхъ:

а) *щи́на: чертовщи́на*, *бѣсовщи́на*, *даровщи́на*, *годовщи́на*, *мужчи́на*.

б) *щина: же́нщина*, *дереве́нщина*, *ба́рщина*, *слав'я́нщина*, *бра́товщина*, *дья́вольщина*, *быва́льщина*, *подёнщина*, *зе́мщина*, *солда́тчина* (гдѣ щ послѣ т замѣнилось звукомъ ч), *нѣмечина*, *туречина* (отъ нѣмецъ и Турція).

Оканчивая разсмотрѣніе выговора наставки *ина*, припомнимъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится двояко; говорятъ напр. *скла́дчина* и *складчи́на*, или (при присоединеніи слога *ка*)

крупи́нка и *крупи́нка*. Такое явленіе указываетъ на шаткость ударенія въ разсмотрѣнной наставкѣ.

ота, ета. Это окончаніе произносится съ удареніемъ на послѣдней гласной въ отвлеченныхъ именахъ качествъ, произведенныхъ или прямо отъ корня, или отъ именъ прилагательныхъ: *высота́, долгота́, широта́, красота́, духота́, тягота́, могота́, босота́, простота́, краснота́, чернота́, доброта́, тошнота́, чистота́, слѣпота́, хромота́, тѣснота́, правота́, суета́, синета́, нищета́*. Такъ же произносятся *пахота́* и *сирота́*.

Окончаніе *ота́*, какъ по значенію, которое оно даетъ именамъ, такъ и по ударенію, однородно съ наставкою *ина́*, такъ что нѣкоторыя имена, смотря по надобности, являются то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ этихъ окончаній, изъ которыхъ каждое сообщаетъ имъ особенный оттѣнокъ значенія, напр. *высота́* и *вышина́*, *широта́* и *ширина́*, *толстота́* и *толщина́*, *краснота́* и *краснина́*.

ота произносится съ удареніемъ на первой гласной въ именахъ, не означающихъ отвлеченныхъ качествъ: *дремо́та, лѣо́та, пѣхо́та*. Сюда относятся между прочимъ многія имена, происходящія отъ глагольныхъ корней и означающія болѣзненное состояніе или припадокъ, напр. *рво́та, блево́та, ико́та, хрипо́та, зево́та, ломо́та, дери́та, перхо́та, харко́та, чихо́та, потяго́та*. Такъ произносятся еще слова: *добро́та*,—когда оно выражаетъ качество матеріальное, а не духовное, *мокро́та*,—когда означается вещество, а не качество, и *щедро́та*, въ смыслѣ милостиваго дара. *Сипота* произносится двояко (—*о́та* и —*ота́*).

Отъ именъ съ наставкою *ота, ета* надобно отличать тѣ, въ которыхъ появляется то же окончаніе при другомъ образованіи слова: *рабо́та* (оконч. то же, что и въ герм. arbeit), *клевета́, хло́поты* (ср. гл. *рабо́тать, клевета́ть, хлопота́ть*).

ня принимаетъ удареніе, когда приложено къ глагольному корню для означенія дѣйствія сильнаго, шумнаго или частаго: *возня́, рѣзня́, хохотня́, хлопотня́, стряпня́*; иногда передъ этимъ окончаніемъ вставляется еще слогъ *от* или *ов*: *бьготня́, с пукотня́, воркотня́, скрыпотня́, трескотня́, болтовня́*.

ня въ другихъ случаяхъ произносится различно; напримѣръ— съ ударе́ніемъ: *западня́*, *зубня́*, *клешня́*, *квашня́*, *размазня́*, *четверня́*, *родня́*, и безъ ударенія: *ро́вня*, *дво́рня*, *схо́дня*, *со́тня*, *дере́вня*, *ба́рышня*, *у́треня*, *вече́рня*, *подворо́тня*. Имена съ этою наставкой, означающія помѣщенія или мѣста съ особымъ назначеніемъ, никогда не носятъ на ней ударенія: *купа́льня*, *соловарня*, *голубя́тня*, *коню́шня*, *спа́льня*, *бѣли́льня*, *бо́йня*, *па́шня*, *до́йня*, *колоко́льня*.

Исчисливъ тѣ окончанія женскаго рода, въ различномъ произношеніи которыхъ болѣе или менѣе выражается разумное основаніе, приведемъ теперь тѣ наставки женскихъ именъ, которыя выговариваются различно, иногда безъ видимой причины:

ба, съ ударе́ніемъ: *гонь*ба́, *молотьба́*, *гульба́*, *ходьба́*, *пальба́*, *борьба́*, *стрѣльба́*, *мольба́*, *рѣзьба́* (говорится впрочемъ и *ре́зьба*), *судьба́*, *гурьба́*, *ворожба́*. Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что имена этого образованія съ ударе́ніемъ въ концѣ большею частію означаютъ усиленное дѣйствіе.

ба, безъ ударенія: *про́сьба*, *сва́дьба*, *жени́тьба*, *слу́жба*, *дру́жба*, *тя́жба*.

оба: *худоба́*; — *зло́ба*, *утро́ба*; — *жа́лоба*.

изна: *новизна́*, *крутизна́*, *желтизна́*, *кривизна́*, *бѣлизна́*, *прямизна́*; — *дороговизна*, *дешевизна*, *укори́зна*, *отчи́зна*. Почти всѣ имена послѣдняго разряда имѣютъ болѣе трехъ слоговъ. Вообще же имена на *изна*, произведенныя отъ прилагательныхъ, произносятся съ ударе́ніемъ на послѣднемъ слогѣ.

иха: *купчи́ха*, *шути́ха*, *щегли́ха*, *зайчи́ха*, *слони́ха*, *волчи́ха*, *осли́ха*; — *ста́ростиха*, *ме́льничиха*, *дво́рничиха*.

ыня, *иня*: *госуда́рыня*, *ба́рыня*, *мона́хиня*, *и́нокиня*, *ми́лостыня*; — *рабы́ня*, *боя́ня*, *княги́ня*, *гордыня*, *благостыня*.

овь: *любо́вь*, *свекро́вь*, *морко́вь*, — *до́роговь* (произн. и *дорого́вь*), *це́рковь*.

ея: *швея́*, *ворожея́*, *ячея́*, *шлея́*, *сулея́*, *верея́*, *вечея́*, *должея́*, *береа́* (собирательница ягодъ и грибовъ); — *тавле́я* (въ народѣ и *тавлея́*), *линея́*; — *ли́двея*.

Здѣсь съ сознательнымъ удареніемъ являются только отглагольныя, личныя имена, какъ: *швея́*, *ворожея́*, *вязея́*, *плетея́*, *ищея́*, *лазея́*. Взятыя изъ другихъ языковъ почти всегда имѣютъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ: *траше́я*, *фузе́я*, *тавле́я*, *алле́я*, *лине́я* (отступаютъ *шлея́*, *кисея́*).

уха, *юха*: 1) *требуха́*, *шелуха́*, *чепуха́*; 2) *ря́пуха*, *ко́рюха*, *черёмуха*; 3) *стару́ха*, *стряпу́ха*, *сиву́ха*, *востру́ха* (имена отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, а не собирательныя, какъ въ двухъ предыдущихъ разрядахъ).

ша: *львша́*, *лапша́*; — *генера́льша*, *профе́ссорша* (въ личныхъ именахъ *ша* никогда не принимаетъ ударенія), *ве́кша*.

3) Женскія окончанія, всегда остающіяся безъ ударенія.

ость, *есть*: *тя́гость*, *кро́тость*, *жа́лость*; — *тя́жесть*, *го́речь*.

ка: *ру́чка*, *тру́бка*, *тётка* (кромѣ *битка́*, *пенька́*). *Башка́* — не русское слово. Въ словѣ *доска к* принадлежитъ къ корню (ср. англ. desk).

Въ соединеніи *ка* съ другими слогами надо особенно обратить вниманіе на слѣдующіе случаи:

ушка, *юшка* въ именахъ уменьшительныхъ: *Марфу́шка*, *верту́шка*, *рязву́шка*, *игру́шка*, *верху́шка*, *маку́шка*.

ушка, *юшка*, безъ ударенія, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ, которыми почти всегда означаются одушевленные предметы: *ма́тушка*, *голу́бушка*, *корбу́шка*, *ба́тюшка*; *голо́вушка*.

ёнка (*онка*), въ уменьшительныхъ уничижительныхъ: *ручонка*, *душонка*, *старушонка*.

енька, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ: *ру́ченька*, *ду́шенька*, *стару́шенька*, *ма́менька*, *Оленька*.

енка, въ названіяхъ націй: *Франци́женка*, *Черке́шенка* и изрѣдка въ другихъ именахъ: *ни́щенка*.

Замѣтимъ еще слѣдующія женскія наставки безъ ударенія:

тва: *же́ртва*, *моли́тва*, *би́тва*, *бри́тва*, *лови́тва*. Въ словѣ *ботва́*, наставку составляетъ только слогъ *ва*.

ля, во множественномъ числѣ *ли*: *пе́тля*, *гра́бли*, *гу́сли*, *я́сли*.

ква: *брю́ква*, *ты́ква*, *смо́ква*.

едь, *ядь*, (*адь*): *пе́стредь*, *мо́кредь*, *че́лядь*, *сте́рлядь*, *пло́щадь*[1].

III. Окончанія средняго рода.

Въ именахъ средняго рода мы не сохранимъ тройного подраздѣленія, потому что каждое ихъ окончаніе произносится то съ удареніемъ, то безъ ударенія.

іе или сокращенное *ье* есть наиболѣе распространенное въ языкѣ окончаніе именъ средняго рода. При образованіи именъ отъ глаголовъ ему предшествуетъ то *н*, то *т*, смотря по тому, оканчивается ли причастіе глагола на *ный* или на *тый*; впрочемъ и во второмъ случаѣ иногда все-таки отглагольное имя образуется съ помощію буквы *н*, напримѣръ: *пѣніе*, *треніе*, *преніе*. Гласною передъ этимъ окончаніемъ бываетъ то *а* или *я*, то *е* или *ѣ*. Имена на *аніе* и *яніе* принимаютъ удареніе глагола, отъ котораго произведены: *страда́ніе*, *дѣ́ланіе*, *завоева́ніе*, *ку́шанье*, *сѣ́тованіе*, *сія́ніе*, *ча́яніе*, *раска́яніе* (кромѣ книжныхъ словъ: *покая́ніе*, *дѣя́ніе*, *одѣя́ніе*[2]). Имена на *еніе* и *ѣніе* почти всегда носятъ удареніе надъ *е* или *ѣ*, несмотря на произношеніе глагола: примѣры этому мы уже видѣли при разсмотрѣніи именъ, начинающихся предлогомъ *вы* (*вычисле́ніе* отъ *вы́числить*). Теперь укажемъ еще на слова, сложенныя съ другими предлогами, или простыя: *представле́ніе* отъ *предста́вить*, *видѣ́ніе* отъ *ви́дѣть*, *паде́ніе* отъ *па́сть*, *умноже́ніе* отъ *умно́жить* и проч. Такъ же произносятся имена: *значе́ніе*, *ударе́ніе*, *одобре́ніе*, *усво́еніе*, *увѣре́ніе*, *повинове́ніе*; *кипѣ́ніе*, *велѣ́ніе*, *впечатлѣ́ніе* и мн. др. Однакожъ *е* передъ окончаніемъ *ніе* остается иногда безъ ударенія, и именно: 1) когда глаголъ, отъ котораго происходитъ имя, оканчиваясь на *ить*, самъ образованъ отъ существительнаго или прила-

---

[1] Мой списокъ суффиксовъ именъ женскаго рода дополнилъ г. А. Александровъ суффиксами *ынь*, *ива* и *ева*: см. въ Русскомъ *Филолог. Вѣстникѣ* 1882 г., № 3, статью его объ удареніи именъ съ этими окончаніями.

[2] Книжное же слово *преуспѣяніе* произносится двояко, съ удареніемъ то а третьемъ, то на четвертомъ слогѣ.

гательнаго, наприм. *чáщеніе*, *крáшеніе*, *нáнѣченіе*, *морóченіе*, *озабóченіе*, *сосредотóченіе*, *упрóченіе*, *намíреніе*; 2) когда имя мало употребительно, и глаголъ, отъ котораго оно произведено, не можетъ принимать окончанія *áть* или *я́ть* съ удареніемъ, наприм. *хмíреніе*, *тарáщенье*, *трáченье*. Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что окончаніе *еніе* съ удареніемъ встрѣчается почти всегда въ такихъ именахъ, которыя происходятъ отъ глаголовъ, могущихъ принимать окончаніе *áть* или *я́ть*, напр. *прославлéніе* отъ *прослáвить*—*прославля́ть*; 3) въ нѣкот. именахъ, означающихъ самое дѣйствіе, а не произведеніе его: въ этомъ смыслѣ *мíченіе* отличается отъ *мучéніе*. Имена *увеличеніе*, *из-при-обрѣтеніе*, *ограниченіе* произносятся двояко. Окончаніе *ѣніе* остается безъ ударенья въ именахъ: *свíдѣніе*, *зáговѣнье*, *рóзговѣнье*, въ первомъ отличительно отъ слова *сведéніе*, а въ послѣднихъ двухъ можетъ-быть потому, что для болѣе яснаго означенія противоположности понятій предлогъ принялъ удареніе. *Видѣ́ніе* съ префиксомъ *пред* переноситъ удареніе на слогъ *ви́*. Сокращеніе буквы *і* въ *ь* обыкновенно не влечетъ за собою перемѣны въ удареніи словъ этого окончанія. Только въ именахъ, произведенныхъ отъ односложныхъ глаголовъ, слогъ *ье* иногда принимаетъ удареніе, напр. въ простонародныхъ словахъ: *пьянье*, *вранье*, *жданье*, *тканье*, *спанье*.

Окончаніе *тіе*, когда принадлежитъ простымъ именамъ, произведеннымъ отъ односложныхъ глаголовъ на *ить* и *ыть*, требуетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, и буква *і* сокращается въ *ь*: *бритье*, *литье*, *шитье*, *витье*, *питье*, *мытье*, *бытье*, *житье*, *бытье*. Иначе произносятся только *крíтіе* и *рíтіе* (иногда и *рытье*). Отъ глаголовъ на *оть* и *уть* рѣдко образуются имена существительныя; въ нихъ окончаніе *тье* остается безъ ударенія: *колотье* (произносится двояко: кóлотье и колóтье), *гнутіе*. Слово *чутьё*, происходящее конечно не отъ *чуять*, а отъ неупотребительнаго глагола *чуть*, держитъ удареніе на послѣдней гласной подобно другимъ двусложнымъ именамъ этого образованія.

Замѣчательно, что удареніе въ такихъ случаяхъ обыкновенно измѣняется отъ сложенія имени съ другимъ словомъ, хотя бы и

съ предлогомъ. Ср. напр. *литьё* и *слія́ніе*, *разли́тіе*, *кровопроли́тіе*, *бытіе́* и *отбы́тіе*, *бритьё* и *брадобри́тіе*, *житьё* и *общежи́тіе*. Сюда же относятся слова, *взя́тіе*, *поня́тіе*, *нача́тіе* и другія неупотребительныя безъ предлога. *Забытьё* по значенію отличается отъ *забы́тіе*.

Въ именахъ, произведенныхъ не отъ глаголовъ, окончаніе *ье* носитъ почти всегда удареніе, когда принадлежитъ двусложнымъ словамъ: *копьё*, *ружьё*, *тряпьё*, *старьё*, *бельё*, *жильё*, *бабьё*. Такъ же произносятся собирательныя имена: *дурачьё*, *мужичьё*. Но въ словахъ: *у́стье*, *зе́лье*, *пла́тье* и въ многосложныхъ именахъ удареніе падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію: *здоро́вье*, *захолу́стье*, *помо́стье*, *безлю́дье*, *отре́бье*, *подво́рье*.

Въ словахъ съ окончаніемъ *овье*, *евье*, удареніе бываетъ различно: *кочевьё*, *кочёвье*, *зимовье*, *становье*, *верховье*, *низовье*.

При полномъ окончаніи *іе* (не всегда отглагольномъ) удареніе лежитъ на предыдущемъ слогѣ, на которомъ остается и въ случаѣ сокращенія *і* въ *ь*: *бы́лье*, *тёрніе*, *вёрвіе*, *отли́чіе*, *учáстіе*, *наси́лье*, *вели́чіе*, *честолю́біе*, *благочéстіе*, *распу́тіе*, *усло́віе*, *суевѣ́ріе*. Только въ нѣкоторыхъ словахъ, образованныхъ отъ именъ на *мя* (*мень*), этотъ слогъ, ставъ передъ окончаніемъ *іе*, остается безъ ударенія, которое падаетъ на коренной слогъ: *зна́менье*, *безвре́менье*. Но уродливое слово *мѣстоиме́нье* и выговаривается неправильно.

Слогъ *ство* по бо́льшей части не носитъ ударенія: *бо́инство*, *пе́рвенство*, *оте́чество*, *о́бщество*, *кова́рство*, *схо́дство*, *ца́рство*, *ка́чество*, *коли́чество*, *по́то́мство*, *убо́жество*, *многолю́дство*, *человѣ́чество*, *госпо́дство*, *влады́чество*, *вели́чество*, *могу́щество*, *заму́жество*, *то́жество*, *ю́ношество*, *ря́нарство*. Удареніе почти во всѣхъ этихъ случаяхъ остается на томъ слогѣ, который носитъ его въ первообразномъ словѣ. Только имя *лъка́рство* выговаривается не такъ какъ *ла́карь*, можетъ-быть потому, что въ немъ совершенно исчезаетъ понятіе дѣйствующаго лица, придаваемое первообразному имени окончаніемъ *арь*. Имена *первенство*, *единство* и *общество* нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на по-

слѣднемъ слогѣ, но этотъ выговоръ въ литературномъ языкѣ встрѣчается рѣдко. Слово *свойство* произносится различно, смотря по двоякому значенію своему; двояко выговаривается еще *волшебство* (é — ствó).

На общемъ основаніи произносятся и отглагольныя имена: *чýвство*, *убíйство*, *произвóдство*, *бúлство*, *убрáнство*, *ходáйство*, *устрóйство*. Въ трехъ только случаяхъ окончаніе *ство* принимаетъ удареніе: 1) въ отглагольныхъ и другихъ трехсложныхъ именахъ, когда наставкѣ *ство* предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*, часто ею принимаемый даже и тогда, когда въ глаголѣ его нѣтъ, напр. *воровствó*, *мотовствó*, *колдовствó*, *сватовствó*, *плутовствó*, *врачевствó*, *хвастовствó*, *шутовствó*, *кумовствó*. *Шельмовство* произносится съ удареніемъ или на послѣднемъ слогѣ, или на среднемъ; 2) въ именахъ, произведенныхъ отъ другихъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, когда окончаніе *ство* становится на мѣсто отброшеннаго слога съ удареніемъ: *родствó* (а отъ этого и *сродствó*), *удальствó*, *щегольствó*, *вдовствó*, *ханжествó*, *сиротствó*, отъ *роднóй*, *удалóй*, *щегольскóй*, *вдовá*, *ханжá*, *сиротá*; *скотствó* произносится такъ по косвеннымъ падежамъ слова *скотъ*; на этомъ же правилѣ основывается выговоръ именъ *большинствó*, *меньшинствó*, *старшинствó*, какъ произведенныхъ отъ *большинá*, *меньшинá*, *старшинá*; 3) въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ именахъ, первоначально принадлежавшихъ только книжному языку: *божествó*, *рождествó*, *веществó*, *существó*, *естествó*, *торжествó*, *празднествó*, *пиршествó* (послѣднія два, особенно второе, произносятся и съ удареніемъ на первомъ слогѣ).

Церковно-славянское окончаніе *ствіе*, употребляемое въ нынѣшнемъ языкѣ довольно рѣдко и по большей части свойственное только сложнымъ именамъ, никогда не принимаетъ ударенія, которое всегда падаетъ на предшествующій слогъ: *дѣйствіе*, *шéствіе*, *слúдствіе*, *бúдствіе*, *молéбствіе*, *спокóйствіе*, *благодéнствіе*, *удовóльствіе*, *напýтствіе*, *привúтствіе*.

Наставка *ище* является то съ удареніемъ на *и*, то безъ вся-

каго ударенія. Можно бы подумать, что такое разнообразіе въ произношеніи словъ, съ помощію ея составленныхъ, имѣетъ свое основаніе въ намѣреніи отличать ихъ отъ именъ особой категоріи, у которыхъ то же окончаніе служитъ выраженіемъ необыкновенной величины предметовъ. Но это справедливо только отчасти.

Увеличительныя имена мужескаго и средняго рода на *ище* сами выговариваются различно, и потому мы должны напередъ коснуться ихъ. Мужескія имена односложныя и такія, которыя въ родительномъ падежѣ носятъ ударепіе на окончаніи, обыкновенно принимаютъ эту наставку съ ударепіемъ на *и: столи́ще, домі́ще, дворі́ще, ключи́ще, возі́ще, носі́ще, дружи́ще, кусі́ще, снопи́ще, утюжи́ще, сапожи́ще, мужичи́ще.* Среднія трехсложныя имена принимаютъ такое же ударепіе: *окні́ще, ведрі́ще, пузи́ще.* Среднія имена на *ище*, имѣющія болѣе слоговъ, сохраняютъ ударепіе положительной степени, напр. *зе́ркалище.* Имена мужескаго рода хотя и односложныя, но не русскія, или многосложныя, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ родительнаго падежа, принимаютъ *ище* безъ ударенія: *сту́лище, шка́пище, забо́рище, стака́нище, огоро́дище, комо́дище.*

Поэтому имена на *ище*, если образованы отъ другихъ существительныхъ и не должны означать увеличенія, принимаютъ по большей части такое ударепіе, которое бы отличало ихъ отъ увеличительныхъ. Говорятъ: *пожари́ще*, потому, что *пожа́рище* означало бы большой пожаръ. На томъ же основаніи произносятъ: *пепели́ще, голени́ще, полбтнище* и — *чу́дище, по́лчище, со́нмище, то́ржище, ко́злище, дѣтище.* Слово *кнутови́ще* составлено для отличія отъ *кнути́ще.* Таково же и слово *становй́ще.* Иначе произносится *чудо́вище* (отъ *чудо́вый*), *горо́ховище* (отъ *горо́ховый*) и *тѵ́ловище.*

Отглагольныя имена на *ище* по большей части не держатъ ударенія на этомъ окончаніи: *и́грище, убі́жище, по́прище, приста́нище, ра́товище, позо́рище, про́звище, сокро́вище, за́йлище.* Такъ же произносятся старинныя имена: *вре́тище, ру́бище, ка́пище, тре́бище, чина́лище. Гумбище, кладбище* и *стрѣлбище*

произносятся различно, съ удареніемъ то на *и*, то на первомъ слогѣ.

Имя женскаго рода *рѣпа* не могло перемѣнить ударенія отъ наставки *ище;* слово *рѣ́пище* самымъ окончаніемъ своимъ отличается отъ увеличительнаго женскаго рода *рѣ́пища.*

Логовище произносится двояко: съ удареніемъ на первомъ слогѣ по первообразному слову *ло́гово*, или на наставкѣ.

Городище носитъ всегда удареніе на *и*, означаетъ ли оно большой городъ, или мѣсто, гдѣ нѣкогда было селеніе.

Есть еще особенный разрядъ именъ на *ище:* это такія имена, которыя произведены отъ причастій съ гласными *а*, *и*, *ѣ* передъ *лъ*, и у нихъ удареніе тамъ же, гдѣ оно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола: *влага́лище*, *обита́лище*, *риста́лище*, *сѣда́лище*, *игра́лище*, *суди́лище*, *святи́лище*, *страши́лище*, *вмѣсти́лище*, *учи́лище*, *храни́лище*, *па́далище.* По этому же образцу составлены имена *чисти́лище*, *узи́лище*, *гнѣзди́лище*, *зрѣ́лище;* въ первомъ изъ нихъ удареніе отступаетъ отъ глагольнаго; въ словѣ *жили́ще* оно бываетъ обыкновенно на наставкѣ.

Имена съ окончаніемъ *ло*, произведенныя большею частью отъ глаголовъ, бываютъ по ударенію троякія. Оно падаетъ либо на эту наставку, либо на слогъ ей предшествующій, либо на третій съ конца. Надъ *ло* удареніе бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда въ предыдущемъ слогѣ буква *е* или *ѣ*, отдѣляющаяся отъ окончанія какою-нибудь согласною, явною или выпавшею: *скребло́*, *гребло́*, *щемло́*, *сверло́*, *жерло́*, *тесло́*, *весло́*, *стекло́*, *ремесло́*, *сѣдло́*, *помело́* (-метло́); такъ же произносятся слова: *крыло́*, *тягло́*, *дупло́*, *число́.* На предыдущій слогъ падаетъ удареніе вообще тогда, когда окончаніе *ло* приложено къ глаголамъ, образованнымъ съ помощію буквъ *а*, *я*, *и*, *ы*, такъ что оно принимаетъ видъ *ало*, *яло*, *ило*, *ыло*, или когда въ предыдущемъ слогѣ нѣтъ буквы *е: опаха́ло*, *покрыва́ло*, *черпа́ло*, *моча́ло*, *одѣя́ло*, *твори́ло*, *суши́ло*, *свѣти́ло*, *жи́ло*, *би́ло*, *мя́ло*, *мы́ло*, *ры́ло*, *сто́йло*, *по́йло*, *па́дло*, *го́рло*, *нача́ло*, *пря́сло*, *су́сло*, *пру́гло*, *коромы́сло*, *ма́сло*, *вя́сло;* наконецъ въ видѣ исключенія *кре́сло.*

Такъ же выговаривается слово *мотови́ло*. — Наибольшее число именъ съ окончаніемъ *ло* носитъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ.

На третій слогъ съ конца ударе́ніе падаетъ въ немногихъ только словахъ этой формы: *пу́ало*, *зе́ркало* (множ. *зеркала́*), *бу́ркало*, *ви́ло*, *у́дило* (множ. *удила́*), *ми́рило*, *пра́вило*. *Мѣрило* слышится часто и съ ударе́ніемъ на *и*. Отъ *пра́вило* отличается *правѝло* по значенію.

Съ окончаніемъ *ло* очень сходно другое, почти однозвучное *во*, являющееся всегда съ предшествующей ему буквою *и*, *е* или *о*. Слогъ *во* никогда не носитъ ударе́нія, которое падаетъ — въ двусложныхъ словахъ на предыдущій слогъ, а въ трехсложныхъ (или если и болѣе слоговъ) — на третій съ конца: *пи́во*, *жни́во*, *по́йво*, *кро́шиво*, *ва́рево*, *ме́ливо*, *мѣсиво*, *то́пливо*, *то́чиво*, *ки́рево*, *ло́ново*, *кри́жево*, *зо́рево*, *де́рево*. Отъ такого ударе́нія происходитъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ передъ окончаніемъ *во* допускается то *е*, то *и*, напр. *кро́шево* и *кро́шиво*, *ва́рево* и *ва́риво*. *Они́во* удерживаетъ ударе́ніе на томъ же слогѣ, на которомъ оно въ первообразномъ имени *они́*, въ косвенныхъ его падежахъ (*огня* и т. д.). Нѣкоторые произносятъ *топли́во*.

Наставка *мо* вообще является у насъ съ ударе́ніемъ: *письмо́*, *бѣльмо́*, *пряжмо́*, *ярмо́*, *дермо́*. Слово *клеймо́* заимствовано изъ др. скандинавскаго языка, а *па́смо* сомнительнаго происхожденія, и потому окончанія этихъ двухъ именъ нельзя считать производственными. Различіе произношенія ихъ зависитъ вѣроятно отъ различія предшествующей окончанію гласной (см. выше замѣчанія о слогѣ *ло*).

Окончаніе *но* по большей части носитъ ударе́ніе, особенно послѣ гласныхъ *е*, *о*: *стегно́*, *веретено́*, *пшено́*, *бревно́*, *зерно́*, *звено́*, *окно́*, *полотно́*, *волокно́*, *толокно́*, *порохно́*, *лукно́*, *гумно́*, *сукно́*, *садно́*; но бываетъ и безъ ударе́нія: *бра́шно*, *су́дно ко́рзно*, *коли́но*, *поли́но*.

То же можно бы сказать и объ окончаніи *ро*: *ведро́*, *ребро́*, *перо́*, *ядро́*, *добро́*, *серебро́*, *нутро́*; — *вёдро*, *нёдро*, *у́тро*. Но

это окончаніе собственно сюда не идетъ, потому что въ немъ буква *р* почти всегда принадлежитъ къ корню.

Слогъ *то* принимаетъ удареніе послѣ гласной *е: решето́, тенето́*, а послѣ *и* или *ы* отбрасываетъ его на предыдущій слогъ: *си́то, копы́то, коры́то.*

Перейдемъ теперь къ наставкамъ, служащимъ для образованія уменьшительныхъ именъ.

Слогъ *ко* рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ прибавленія къ нему еще какого-нибудь другого слога; присоединяясь къ согласной, онъ обыкновенно получаетъ удареніе, а особливо въ двусложныхъ именахъ: *ушко́, очко́* (множ. *очки́*), *сы́рко́, гнѣздко́, воронко́, озерко́. Древко* произносится двояко. Если вставляется бѣглая гласная, то удареніе переходитъ на нее: *ведёрко, око́шко, бревёшко, луко́шко, дровёшки* (отъ *дро́вни*), *судёнко.* Когда *ко* присоединяется къ имени, оканчивающемуся на *я*, въ которомъ скрывается согласная *т* или *н*, то удареніе падаетъ на первый слогъ: *дя́тятко, вре́мячко, се́мячко.*

Когда наставка *ко* присоединяется къ трех- или четырехсложному слову, которое и безъ того уже оканчивается на этотъ слогъ, то удареніе остается на прежнемъ мѣстѣ: *я́блочко, о́блачко молочко́, око́шечко, ведёрочко.* Когда же *ко* прилагается къ имени, кончащемуся на *це* или *цо́*, то удареніе переходитъ на являющуюся передъ новою наставкою гласную, будетъ ли это бѣглое *е*, или другая гласная: *коле́чко, крыле́чко, серде́чко, мѣсте́чко, я́йчко*, но *блю́дце — блю́дечко.*

Окончаніе *ико*, встрѣчающееся очень рѣдко, не носитъ ударенія: *ли́чико, пле́чико.*

Передъ слогомъ *ко* ставится иногда еще прибавочный слогъ *ыш* или *иш.* Окончаніе *ышко*, служащее только къ образованію ласкательныхъ уменьшительныхъ, никогда не принимаетъ ударенія: *го́рлышко, пя́тнышко, рёбрышко, зёрнышко.* Отсутствіе ударенія надъ этой наставкой такъ постоянно, что когда она присоединяется къ односложному имени *дно*, то въ немъ появляется

вставочная гласная *о* съ удареніемъ: *до́нышко* (Пав. Ф. Набл. II. § 53, примѣч. 1).

Окончаніе *и́шко*, напротивъ, въ трехсложныхъ словахъ всегда носитъ удареніе на *и* и придаетъ слову значеніе унизительное: *дѣли́шко*, *сели́шко*, *сѣдли́шко*, *мѣсти́шко*.

Это же окончаніе придается иногда, въ томъ же смыслѣ, именамъ мужескаго рода, наприм. *крести́шко*, *доми́шко*, *городи́шко*, *голоси́шко*, но тогда оно можетъ быть и безъ ударенія; именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда первообразное двух- или трехсложное имя съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ не перемѣняетъ своего ударенія въ косвенныхъ падежахъ: *забо́ришко*, *огоро́дишко*, *хала́тишко*, *дива́нишко* (отъ *забо́ръ* — *а*, *огоро́дъ* — *а* и т. д.).

Да правду говорить, я и тому дивился,
Что *огоро́дишко* твой кое-какъ идетъ.
Крыловъ, Огор. и Фил.

Къ имени мужескаго рода, означающему одушевленный предметъ, прилагаютъ охотнѣе окончаніе *и́шка* (а не *и́шко*): *мальчи́шка*, *вори́шка*, *плути́шка*, *хвастуни́шка*. Повѣрить это можно винительнымъ падежомъ: поймать *плути́шку*.

Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то *вори́шекъ* бьютъ.
Крыловъ, Вороненокъ.

Иногда такое уменьшительное имя можетъ быть общаго рода: *дурны́шка*.

Окончаніе *це*, *цо́* прилагается къ именамъ средняго рода для уменьшенія ихъ, или и безъ этой цѣли, когда имя само по себѣ неупотребительно. По бо́льшей части слово сохраняетъ удареніе первообразнаго имени, напр. *коры́тце*, *са́льце*, *ры́льце*, *зе́ркальце*, *блю́дце*, *винцо́*, *колесцо́*, *крыльцо́*, *полѣ́нце*; но *кольцо́*, отъ неупотр. *коло*. Въ именахъ, кончащихся на *но* съ предыдущею согласною, удареніе переходитъ на вновь появившуюся гласную *о* или *е*: *полоте́нце*, *волоко́нце*, *око́нце*, *до́нце*. Въ соединеніи съ словомъ *письмо́* окончаніе *цо* принимаетъ удареніе — *письмецо́*; то же бываетъ еще въ соединеніи съ именами: *мяво*, *село* и *дерево*,

чему причиною, кажется, звуки *я* и *е* въ предшествующемъ слогѣ; *сѣнцо́* произносится также еще и для отличія отъ женскаго *сѣнцы*.

Присоединяясь къ нѣкоторымъ именамъ, кончащимся на *ѥ*, эта наставка принимаетъ форму *ѥце* безъ ударенія: *пла́тьеце*, *имѝньеце*, *чтѐньеце*, или съ удар., какъ въ словѣ *копьецо́*.

Въ предыдущемъ представленъ первый опытъ разсмотрѣнія, насколько русское удареніе зависитъ отъ производства и состава словъ.

Теперь спрашивается: можно ли изъ этого разсмотрѣнія извлечь какіе-нибудь положительные результаты?

Мы видѣли, что есть много производственныхъ окончаній, имѣющихъ постоянное удареніе, — слѣдовательно много словъ, которыхъ произношеніе опредѣляется самымъ ихъ окончаніемъ. Вотъ главныя изъ такихъ наставокъ: муж. р. *акъ*, *я́къ*, *укъ*, *юкъ*, *аґъ*, *оґъ*, *юґъ*, *анъ*, *я́нъ*, *унъ*, *ачъ*, *ай*, *яй*, *уй*, *ежъ*, *а́тай*, *ёнокъ*, *ёныш*ъ; — жен. р. *а́ґа*, *я́ґа*, *у́па*, *ю́па*, *и́ґа*, *а́ґа*, *а́ка*, *я́ка*, *а́ха*, *я́ха*, *о́ха*, *у́нья*, *у́ша*, *и́ка*.

Есть другія имена, у которыхъ удареніе никогда не бываетъ на окончаніи, а остается либо на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ первообразномъ словѣ, либо падаетъ на слогъ предшествующій окончанію. Здѣсь особенно замѣчательны въ муж. р. окончаніе *тель*, въ жен. *остъ* или *есть*, а въ ср. *іе* (у многосложныхъ именъ).

Что́ касается до наставокъ, имѣющихъ непостоянное удареніе, то часто произношеніе словъ съ такими окончаніями зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ; какъ-то: 1) отъ производства слова; 2) отъ числа слоговъ въ именѝ, 3) отъ присоединенія къ наставкѣ дополнительнаго слога; 4) отъ гласной буквы предшествующаго слога; 5) отъ того, простое ли имя, предложное, или составное, и 6) отъ самаго значенія слова.

Когда то или другое изъ этихъ обстоятельствъ должно имѣть вліяніе на удареніе, на это нѣтъ одного общаго закона, но каждое изъ нихъ имѣетъ въ разныхъ случаяхъ свое несомнѣнное зна-

ченіе. Между ними самое обыкновенное основаніе выговора составляетъ производство именъ; однакоже оно нерѣдко уступаетъ одному изъ прочихъ основаній. Припомнимъ здѣсь въ заключеніе главные изъ отдѣльныхъ случаевъ, когда каждое изъ этихъ обстоятельствъ опредѣляетъ удареніе именъ съ производственными окончаніями.

I. Производство слова.

1) Всѣ простыя имена на *окъ*, *произведенныя отъ глаголовъ*, носятъ удареніе на этомъ окончаніи, напр. *толчокъ*, *плевокъ*, *совокъ*, *кипятокъ*, *кувырокъ*.

2) Уменьшительныя на *окъ* и *екъ*, въ указанныхъ случаяхъ производства, выговариваются такимъ же образомъ: *комокъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ* и пр.

3) Имена на *ецъ*, произведенныя отъ двусложныхъ глаголовъ и прилагательныхъ, также произносятся почти всегда съ удареніемъ на окончаніи: *творецъ*, *купецъ*, *рубецъ*, *хитрецъ*, *слѣпецъ*, *храбрецъ*.

4) Имена на *икъ*, *никъ*, *овикъ*, *евикъ*, *ивикъ*, *атикъ*, *астикъ*, вообще сохраняютъ удареніе прилагательныхъ, отъ которыхъ они образованы.

5) Женскія имена на *ица*, ежели есть соотвѣтствующія муж. на *ецъ* или *икъ*, удерживаютъ удареніе этихъ послѣднихъ.

6) Произведенныя отъ прилагательныхъ именъ съ окончаніемъ *ина* держатъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ, наприм. *старина*, *новина*, *быстрина*.

7) Отглагольныя имена съ тою же наставкой носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *рытвина*, *зубрина*, *царапина*.

8) Отглагольныя имена, кончащіяся на *ея*, произносятся съ удареніемъ на послѣдней гласной: *швея*, *ворожея*.

II. Число слоговъ въ имени.

1) Двусложныя имена съ наставкою *окъ* или *ёкъ* передаютъ ей удареніе: *курокъ*, *конекъ* и т. д.

2) Такимъ же образомъ и окончаніе *инъ* принимаетъ ударе́ніе въ бо́льшей части двусложныхъ именъ: *свинецъ*, *отецъ*, *огнецъ*.

3) То же окончаніе въ бо́льшей части многосложныхъ именъ остается безъ ударе́нія: *червоне́цъ*, *упря́мецъ*.

4) Двусложныя имена на *ье* почти всегда имѣютъ ударе́ніе на этомъ окончаніи: *питье*, *чутье*, *жилье*.

5) Такъ произносятся наконецъ двух- и трехсложныя имена съ приставкою *ко: ушко*, *гнѣздко*, *спрко*, *соловко́*, *воронко́*.

III. Присоединеніе къ наставкѣ дополнительнаго слога.

Имена мужескаго рода на *щикъ* и средняго на *ство* произносятся съ ударе́ніемъ надъ этими наставками, когда передъ ними вставляется слогъ *ов* или *ев*, напр. *впстовщикъ*, *цпновщикъ*, *колдовство*, *врачевство*.

IV. Гласная въ предшествующемъ слогѣ.

1) Звукъ *и* передъ наставкою *тель*, и гласная *е* передъ окончаніемъ *ніе* почти во всѣхъ случаяхъ присвоиваютъ себѣ ударе́ніе: *правитель*, *строитель*, *правленіе*, *строеніе*.

2) Наставки: *ло*, *но* и *то* принимаютъ ударе́ніе, когда въ предшествующемъ слогѣ находится гласная *е*: *весло*, *стекло*, *пшено*, *веретено*, *рѣшето*.

V. Соединеніе имени съ предлогомъ или съ другимъ именемъ въ одно слово.

1) Предлогъ *вы* передъ всякимъ первообразнымъ именемъ и передъ многими производными принимаетъ ударе́ніе: *выводъ*, *выстрѣлъ*, *вылазка*, *выставка*.

2) Съ ударе́ніемъ же произносится всякій другой предлогъ въ началѣ имени, кончащагося на *ъ*, какъ мужескаго такъ и женскаго рода: *изгородь*, *навязнь*, *пристань*, *утварь*.

3) Предложныя имена съ окончаніями *окъ*, *ышъ*, *ица*, *ина* носятъ ударе́ніе на коренномъ слогѣ: *спи́сокъ*, *просёлокъ*, *заморы́шъ*, *разла́дица*, *безхлѣбица*, *окра́ина*, *пробо́ина*.

4) Наставка *ецъ* въ составныхъ именахъ передаетъ ударе́ніе предыдущему коренному слогу: *миротворецъ*, *живописецъ*.

5) То же замѣчается какъ въ составныхъ, такъ и въ предложныхъ именахъ средняго рода, кончащихся на *тіе*, напр. *кровопролити́е*, *прибы́тіе*, *прожи́тіе*[1].

Здѣсь прибавимъ замѣчаніе, что вообще въ составныхъ именахъ у насъ ударе́ніе принадлежитъ второму слову, напр. *често-лю́біе*, *конова́дъ*, *самова́ръ*, *духобо́рецъ*, *сукнова́льня*. Исключеній очень мало: *бла́говѣстъ*, *по́лдень*, *по́лночь*, *по́лпиво*, *лѣ́топись*, *ко́новязь*, *во́дорасль* и другія т. п. имена женскаго рода на *ъ*, которыя, какъ и предложныя имена съ такимъ окончаніемъ, отбрасываютъ ударе́ніе на первую изъ своихъ составныхъ частей.

VI. Значеніе именъ.

1) Уменьшительныя имена никогда не носятъ ударе́нія на окончаніи *икъ*: *до́микъ*, *соко́ликъ*.

2) Имена, кончащіяся на *ота*, произносятся съ ударе́ніемъ на послѣднемъ слогѣ, когда означаютъ отвлеченныя качества: *чистота́*, *красота́*.

3) Такъ же выговариваются имена съ наставкою *ина*, означающія качество, пространство и время: *кругли́на*, *глуби́на*, *стари́на*.

4) Наставка *ота* имѣетъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ въ именахъ, означающихъ болѣзненное состояніе или припадокъ; *ломота́*, *перхота́*.

5) Окончаніе *ина* (или множ. *ины*) произносится также съ ударе́ніемъ на предпослѣднемъ слогѣ въ названіяхъ растеній или торжественныхъ случаевъ: *мали́на*, *кали́на*; *роди́ны*, *крести́ны*.

---

[1] Вообще сложеніе словъ дѣйствуетъ на измѣненіе акцента: ср. напр. *морско́й* и *примо́рскій*, *давно́* и *недавно́*, *Россія* и *Малоро́ссія*, а также сказанное выше, стр. 382.

6) Окончанія *ня* принимаетъ удареніе въ отглагольныхъ именахъ, означающихъ сильное или частое дѣйствіе: *возня*, *толкотня*.

7) Слогъ *ня* остается безъ ударенія въ именахъ помѣщеній, зданій и т. п.: *салотопня*, *сушильня*, *швальня*.

8) Имена ягодъ на *ика* имѣютъ постоянное удареніе: *черни́ка*, *брусни́ка*.

Легко было бы еще увеличить число случаевъ, въ которыхъ обнаруживается вліяніе указанныхъ обстоятельствъ на произношеніе словъ; но я удовольствуюсь изложенными наблюденіями. Они достаточно доказываютъ, что какъ ни прихотливо повидимому русское удареніе, однакожъ языкъ, въ самомъ разнообразіи своей просодіи, чуждаясь безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ, которыя во множествѣ фактовъ доступны наблюденію и обличаютъ потребность ума человѣческаго подчиняться общимъ законамъ во всѣхъ безконечно-многообразныхъ явленіяхъ слова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Впрочемъ *выздоровле́ніе*, какъ ясно видно изъ умягченія буквы *в*, происходитъ не отъ глагола *вы́здоровѣть*, а отъ неупотребительнаго *вы́здоровить*, какъ *явленіе* отъ *явить*. Форма *здоро́вить* есть въ языкѣ, но она обнаружилась только въ предложномъ глаголѣ *поздоро́вится* («отъ этого ему не поздоровится»), да еще въ славянскомъ *поздравить*. Производное имя отъ *выздоровѣть* было бы *выздоровѣніе*. Несовершенный видъ *выздара́вливать* могъ быть образованъ и отъ послѣдней формы глагола, какъ *разгавливаться* отъ *разгоѣться*. Кстати замѣтимъ, что идея залога часто пропадаетъ въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія или состоянія. Такъ напр. *ослабле́ніе* происходитъ отъ дѣйствит. *осла́-*

бить, но можетъ означать и состояніе; такъ же точно нѣкоторыя имена этого образованія означаютъ не состояніе и не дѣйствіе, а конкретный предметъ, напр. *имѣніе*, *растеніе*, *варенье*.

2) Правописаніе *обручъ* (съ *ъ* на концѣ) было бы здѣсь не у мѣста, ибо рѣчь идетъ именно о словахъ съ окончаніемъ на *ъ*. Вотъ еще одно изъ многихъ доказательствъ что старинная орѳографія, по которой послѣ ж, ч, ш, щ въ концѣ именъ мужескаго рода писалось *ъ*, была правильнѣе той, которая нынѣ взяла перевѣсъ и требуетъ въ такомъ случаѣ ера.

3) Продолжая свои изслѣдованія надъ именемъ *щёлокъ*, я убѣдился, что оно происходитъ отъ корня, въ которомъ, сходно съ свойствомъ означаемаго этимъ словомъ предмета, скрывается понятіе разложенія, раздѣленія. Дѣйствительно, тотъ же корень является у насъ въ словахъ *щель* (отверстіе, образовавшееся отъ раздвоенія) и *щелкать* (раздроблять со звукомъ). Въ послѣднемъ словѣ буква *к* есть уже придаточная къ корню: такова же она и въ имени *щелокъ*. Этотъ самый корень встрѣчается и въ германскихъ языкахъ, и замѣчательно, что тамъ (какъ и у насъ глаголъ *щелкать*) происшедшія отъ него слова выражаютъ, сверхъ показаннаго понятія, еще и звукъ: древне-нѣм. schellen значитъ: *щеляться*, раздробляться, раздроблять, и также — звучать, издавать звонъ; швед. skilja — раздѣлять, разлучать, skall — звукъ. Но у насъ глаголъ *щелкать*, означая звукъ, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ (*щёлкать*).

4) Для уясненія вопроса объ имени *войлокъ* я обращался къ академику Б. А. Дорну, и онъ указалъ мнѣ на татарское слово *ojlik*, какъ единственное, которое и по значенію и по звуку *могло бы* дать начало нашему *войлокъ*. *Ойлик* означаетъ: что служитъ къ покрытію чего-либо; для покрытія же кибитокъ изстари употреблялся у Татаръ войлокъ. Вотъ возможное соотношеніе обоихъ словъ, которое однакожъ не выдается за несомнѣнное.

5) Польское слово rysować перешло къ намъ конечно вмѣстѣ съ схоластическимъ ученіемъ изъ кіевскихъ школъ. Оно происходитъ отъ нѣмец. гл. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ

томъ же значеніи, или прямѣе отъ сущ. Riss—чертежъ, которое принято Поляками только съ измѣненіемъ *і* на *у* (ы). У насъ оно извѣстно въ предложной формѣ — *абрисѣ*. Независимо отъ этого Поляки образовали еще имя rysunek, взявъ для него окончаніе изъ нѣмец. языка (ung), въ которомъ однакожъ подобнаго слова нѣтъ.

II.

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ.

Переходъ ударенія во флексіяхъ существительныхъ имент есть явленіе не общее въ нашемъ языкѣ. Съ этой стороны имена могутъ быть раздѣлены на имена съ подвижнымъ удареніемъ— назовемъ ихъ *гибкими*, и на имена съ удареніемъ неподвижнымъ— назовемъ ихъ *негибкими*. Само собою разумѣется, что здѣсь понятіе *гибкій* принимается совершенно въ условномъ, односторонемъ значеніи, только въ отношеніи къ просодическому свойству слова.

Въ разсужденіи гибкости или негибкости своего ударенія наши существительныя имена подчиняются слѣдующимъ *общимъ* условіямъ:

а) *Гибкими* именами могутъ быть только тѣ, у которыхъ не болѣе 3-хъ слоговъ въ именительномъ падежѣ. Если же въ этой формѣ болѣе слоговъ, переходъ ударенія почти никогда не встрѣчается (*сковорода́*, *ско́вороду* — рѣдкое исключеніе).

б) Переходомъ удареній *большею частью* отличаются имена первообразныя и простыя.

в) Составныя имена всегда бываютъ *негибкими*, наприм. *водово́зъ*, *лѣтопись*.

г) Предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа было на предлогѣ, наприм. *по́варъ*, *повара́*; *по́вѣсть*, *повѣсте́й*; *про́поведь*, *проповѣде́й*. Когда въ именитель-

номъ падежѣ единственнаго числа предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр. *завóдъ, завóды*; *приговóръ, приговóры*; *постéль, постéлей*.

д) Въ именахъ съ производственными окончаніями переходъ ударенія возможенъ почти исключительно только тогда, когда оно въ единственномъ числѣ на послѣднемъ слогѣ, наприм. *столя́ръ, столяра́*; *болтýнъ, болтуна́*; *пчела́, пчёлы*; *весло́, вёсла*; *письмо́, пи́сьма*. Впрочемъ изъ такихъ производственныхъ именъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ довольно гибки только имена мужескаго рода; въ именахъ женскаго и средняго съ производственными окончаніями подвижность ударенія составляетъ явленіе болѣе рѣдкое.

По отношенію къ *частнымъ* условіямъ перехода удареній имена должны быть разсмотрѣны по тремъ родамъ ихъ—мужескому, женскому и среднему.

А) Имена мужескаго рода.

1) Если мѣстный падежъ послѣ предлоговъ *въ* и *на* оканчивается не на *ѣ*, а на *у*, *ю*, то съ этимъ послѣднимъ окончаніемъ неразлучно ударепіе, совершенно независимо отъ произношенія прочихъ падежей, наприм. *въ саду́, въ гробу́, на духу́, на берегу́, ввечеру́, въ раю́, въ строю́, въ корню́*. Замѣтимъ, что это окончаніе встрѣчается почти исключительно въ словахъ первообразныхъ, простыхъ и притомъ такихъ, у которыхъ въ именительномъ падежѣ не болѣе двухъ слоговъ, наприм. говорятъ *на ходу́*, но нельзя сказать *на проходу́* (т. е. когда *ходъ* соединилось съ предлогомъ); нельзя также сказать *въ колоколу́* (при трехъ слогахъ въ именительномъ падежѣ). Изъ предложныхъ именъ этому случаю могутъ подлежать только такія, которыя безъ предлога не употребительны, наприм. *о́ткупъ, по́гребъ, — на откупу́, въ погребу́*.

2) Оставляя въ сторонѣ этотъ особенный мѣстный падежъ, мы находимъ, что во всѣхъ другихъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа ударепіе бываетъ однообразное, т. е. если одинъ

изъ нихъ принимаетъ удареніе, то принимаютъ его и прочіе, напр. *полкъ — а́, — у́, о́мъ, ѣ́*. Въ такомъ случаѣ и всѣ окончанія множественнаго числа являются съ ударѐніемъ: *полки́*,—*о́въ* и т. д.

3) Напротивъ, по ударенію множественнаго числа нельзя судить объ акцентѣ косвенныхъ падежей единственнаго, наприм. во множественномъ *сады́*, — *о́въ*, а въ единственномъ *са́да*, — *у*, и т. д.

4) Въ переходѣ ударенія во множественномъ числѣ встрѣчаются два случая:

Или оно падаетъ на окончанія всѣхъ падежей, наприм. *сады́ — о́въ, — а́мъ, — а́ми, — а́хъ; мужики́, — о́въ; — а́мъ, — а́ми, — а́хъ*.

Или оно, переходя на окончанія косвенныхъ падежей, остается неподвижнымъ въ именительномъ падежѣ, наприм. *зу́бы,—о́въ,— а́мъ, — а́ми, — а́хъ; во́ры, — о́въ; во́лки, — о́въ*.

Чѣмъ обусловливается каждое изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь явленій перехода ударенія въ именахъ мужескаго рода, опредѣлить очень трудно. Если бъ и удалось показать тутъ постоянные законы, то они были бы слишкомъ сложны и утонченны, а потому я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что это относится наиболѣе къ именамъ односложнымъ, и постараюсь указать въ отношеніи къ нимъ только на тѣ случаи, когда удареніе остается неподвижнымъ, т. е. не переходитъ на окончанія. Это бываетъ:

а) Въ односложныхъ именахъ явно *отглагольныхъ*, особенно предложныхъ (съ предлогами *в-, воз-, с-*); *крикъ; — а, — у; и, — овъ; кликъ, искъ, вкладъ, входъ, вздохъ, вздоръ, сборъ, сводъ* и проч. Только слова *ходъ, садъ* и можетъ-быть нѣкоторыя другія, означающія не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, отступаютъ отъ этого закона; говорятъ: *ходы́, — о́въ, сады́, — о́въ* и проч. То же явленіе отсутствія ударенія на падежныхъ окончаніяхъ отглагольныхъ односложныхъ именъ обнаруживается еще болѣе въ единственномъ числѣ: *бредъ, — а; миръ, — а; моръ, — а; пылъ — а; ревъ, — а; ходъ, — а; садъ, — а*.

б) Въ односложныхъ словахъ иностраннаго происхожденія, мало употребительныхъ, и вообще въ словахъ, не сдѣлавшихся народными, или не встрѣчающихся во множественномъ числѣ: *докъ*, *мулъ*, *нервъ*, *флагъ*, *франтъ*, *хоръ*; *мракъ*, *адъ*, *воскъ*, *югъ*.

Если первоначально иностранное слово, употребительное и во множественномъ числѣ, гибко въ произношеніи, то значитъ, что народъ совершенно свыкся съ нимъ, вовсе забылъ его происхожденіе, напр. *врачъ*, — *а́*, *пажъ*, — *а́*, *дьякъ*, — *а́*, *крестъ*, — *а́*, *этáжъ*, — *а́*.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ вопросу: не зависитъ ли степень гибкости слова отъ степени его употребительности и народности? Хотя положительный отвѣтъ на это и заключалъ бы въ себѣ выводъ слишкомъ общій, однакожъ въ немъ есть нѣкоторая доля истины. Наблюденія надъ словами всѣхъ разрядовъ показываютъ намъ, что чѣмъ болѣе въ нихъ жизненности, чѣмъ болѣе они усвоены народомъ, тѣмъ легче они подвергаются переходу ударенія, если только такому переходу не противятся другіе, болѣе сильные и постоянные законы языка.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ одинъ случай перехода ударенія, о которомъ я еще не говорилъ. Разумѣю принятіе именами мужескаго рода въ прямомъ падежѣ множественнаго числа окончанія *а* или *я*. Съ этимъ окончаніемъ у нихъ удареніе связано такъ же необходимо, какъ съ гласною *у*, *ю* въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа, и всѣ прочіе падежи множественнаго числа при именительномъ на *а́*, *я́* всегда удерживаютъ удареніе на томъ же мѣстѣ, напр. *поварá*, — *óвъ*, — *áмъ* и проч. Окончаніе *а́*, *я́* во множественномъ числѣ именъ мужескаго рода чрезвычайно распространено въ языкѣ — и, можно сказать, безпрерывно дѣлаетъ въ немъ новыя завоеванія. Поэтому вовсе не справедливо смотрѣть на него, какъ на окончаніе неправильное, и на имена, принимающія его, какъ на исключенія. Напротивъ, оно именамъ мужескаго рода столько же свойственно, какъ и среднимъ: между послѣдними найдется даже гораздо менѣе словъ съ ударяемымъ *а* во множественномъ числѣ, нежели между

именамя мужескаго рода. И въ этомъ яснѣе всего является потребность народной фонетики посредствомъ ударенія рѣзко отмѣчать такіе слоги, которые должны служить какою-нибудь примѣтою и которые безъ этого отличія не довольно явственны въ произношеніи. Сравнимъ напр. слова: *по́вары*, *лѣ́кари*, и *повара́*, *лѣкаря́*: не гораздо ли яснѣе и рѣзче выразилась примѣта множественнаго числа въ послѣдней формѣ?

Для изслѣдованія случаевъ появленія окончаніе *а́*, *я́* въ именахъ мужескаго рода, мы должны раздѣлить слова по числу слоговъ ихъ и разсмотрѣть:

Во-первыхъ, односложныя имена.

Окончаніе *а́*, *я́*, невозможно въ тѣхъ односложныхъ словахъ, которыя и во множественномъ числѣ остаются односложными, наприм. въ словахъ: *ледъ*, *левъ*, *лобъ*, *ротъ*, *ровъ* (множ. *льды*, *львы*, *лбы* и т. д.).

Далѣе, оно невозможно и вообще тогда, когда въ единственномъ числѣ удареніе уже падаетъ на окончаніе флексіи; формы: *быка́*, *двора́*, *моста́* невозможны во множественномъ числѣ, потому что онѣ есть уже въ единственномъ. Итакъ первое условіе разсматриваемаго окончанія есть то, чтобъ оно дѣйствительно отличало множественное число отъ единственнаго. Таково въ самомъ дѣлѣ его свойство въ именахъ: *глаза́*, *бока́*, *рога́*, *дома́*, *мѣха́*, *года́*, *вѣка́*, *хлѣва́*, *вѣтра́*[1], *края́*, у которыхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа удареніе стоитъ на первомъ слогѣ. Другими словами, окончаніе *а́*, *я́* можетъ становиться на мѣсто *ы*, *и* неударяемыхъ, но почти никогда не становится на мѣсто *ы*, *и*, имѣющихъ удареніе.

Въ именахъ *хлѣба́*, *цвѣта́*, *мѣха́* окончаніе *а* явилось только для отличія, по значенію, отъ формъ: *хлѣ́бы*, *цвѣты́*, *мѣхи́*; послѣднія два слова представляютъ рѣдкій случай встрѣчи въ

---

[1] Эта форма множ. ч. слова *вѣтеръ* употребительна въ нашемъ флотѣ. — Нынче говорятъ уже и *счета́*, хотя въ предложныхъ именахъ такое окончаніе рѣдко.

одномъ и томъ же имени окончаній *а́* и *ы*, *я́* съ ударе́ніемъ: *цвѣта́* и *цвѣты*, *мѣха́* и *мѣхи́*.

Во-вторыхъ, двусложныя имена (т. е. состоящія изъ двухъ слоговъ).

Двусложныя имена, которыя въ прямомъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ ударе́ніе *на послѣднемъ слогѣ*, всегда принимаютъ во множественномъ числѣ окончаніе *ы* или *и*. Исключе́ніе составляютъ только два слова: *рука́въ* — *ва́* и иностранное *обша́лъ* — *ла́*, которыя приняли такую форму, кажется, по аналогіи съ именами: *глаза́*, *рога́* и *бока́*, означающими также пару предметовъ (двойственное число). Но наприм. слова: *глаго́ль*, *ковче́гъ*, *коро́ль*, *моро́зъ*, *озеро́къ*, *орёлъ*, *пиро́гъ*, *буква́рь*, *кула́къ*, *бочо́къ*, *крикуно́къ* оканчиваются во множеств. числѣ только на *ы* или *и*.

Окончаніе *а́*, *я́* свойственно только такимъ двусложнымъ именамъ мужескаго рода на *ъ*, которыя въ единственномъ числѣ носятъ ударе́ніе *на первомъ слогѣ* и притомъ не имѣютъ какихъ-нибудь явныхъ въ концѣ наставокъ. Такъ имена *сто́лика*, *хло́пока*, *мѣся́ца*, *за́йца* и т. п., по причинѣ своего окончанія, не могутъ принимать такой формы множественнаго числа. Притомъ давность, употребительность слова въ этомъ числѣ составляетъ и здѣсь важное условіе для возможности окончанія *а́*, *я́*: такія имена какъ *и́долъ*, *гра́дусъ* не могутъ оканчиваться такимъ образомъ, потому что они сравнительно мало распространены въ вседневномъ быту. Употребительность же увлекла въ кругъ господства этого окончанія не только нѣсколько предложныхъ именъ, но и многія иностранныя.

Приведу прежде собственно-русскія простыя: *бе́регъ*, *ве́ртелъ*, *ве́черъ*, *во́лосъ*, *ве́редъ*, *ви́съ*, *го́лосъ*, *го́родъ*, *жо́лобъ*, *жёрновъ*, *ко́нюхъ*, *ко́робъ*, *ку́зовъ*, *не́водъ*, *о́стровъ*, *по́лосъ*, *то́рмазъ*, *те́ремъ*, *сто́рожъ*, *хо́лодъ*, *це́лепъ*, *че́решъ*, *я́стребъ* и др.

Предложныя: *за́кромъ*, *о́бразъ*, *о́ткупъ*, *по́гребъ*, *по́варъ*, *по́логъ*, *по́трохъ*, *при́ставъ*, *про́мыслъ* и нѣкоторыя др.

Иностранныя: *сы́мпелъ*, *ва́хтеръ*, *ви́съ*, *ге́тманъ*, *до́кторъ*, *ка́теръ*, *ки́веръ*, *ко́рпусъ*, *ку́полъ*, *ку́черъ*, *ле́кторъ*, *ло́цманъ*, *ма́-*

клеръ, мáстеръ, мúчманъ, нóмеръ, óрденъ, пáрусъ, рóтмистръ, рýпоръ, тéноръ, фéршель, флю́герь, фáкторъ, флáгманъ, фурманъ, цéнзоръ, шафéръ, шкúперъ, штýрманъ, шóмполъ, ю́нкеръ и др.

Дополнимъ этотъ списокъ именами на *ь*, замѣтивъ напередъ, что между ними лишь немногія чисто-русскія: *пéкарь, пúсарь, лю́карь;* всѣ прочія иностраннаго происхожденія: *бéксель, бéнзель, грúфель, éгерь, крéндель, флúгель, штéмпель, цúркуль, я́корь* и др., которыя по большей части могутъ принимать во множ. числѣ окончаніе на *я́*.

Такимъ образомъ въ разрядѣ двусложныхъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *а́, я́*, оказывается даже болѣе иностранныхъ словъ, чѣмъ русскихъ. Разсматривая далѣе составъ именъ этого разряда, мы находимъ въ нихъ двѣ довольно общія черты:

1) Русскія слова, какъ коренныя, такъ и первообразныя съ производственными окончаніями, въ обоихъ слогахъ своихъ представляютъ по большей части либо одну и ту же гласную (*е, о*), либо двѣ однородныя (*о—а, о—е, е—я*), въ срединѣ же ихъ букву *р* или *л: бе́рег, бе́р-тел, че́-рен, го́-род, хо́-лод, ост-ров, ко́-роб, жёр-нов* и т. д. (*берега́, вертела́* и проч.).

2) Почти всѣ иностранныя оканчиваются на *р, л*, твердое или мягкое съ предшествующими гласными *о* и *е;* есть между ними также нѣсколько именъ съ окончаніемъ *и* (*лоцманъ, орденъ* и др.).

Въ-третьихъ, трехсложныя имена.

Трехсложныхъ мужескихъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ *а́, я́*, вообще очень мало.

Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) нѣсколько русскихъ словъ, отличающихся опять удареніемъ *на первомъ слогѣ* и образованіемъ своимъ, т. е. одинаковостью гласной во всѣхъ трехъ слогахъ; таковы: *ко́локолъ, о́корокъ, пе́репелъ, те́теревъ;* 2) нѣсколько иностранныхъ съ окончаніемъ *оръ* или *ель* и удареніемъ *на предпослѣднемъ слогѣ: ефре́йторъ, дире́кторъ, инспе́кторъ, профе́ссоръ, фельдфе́бель*, и наконецъ 3) небольшое число русскихъ именъ, означающихъ должности, съ производственнымъ окончаніемъ *тель: учи́-*

тель, — *я́*. Въ послѣднее время начали также говорить: *служителя́*, *смотрителя́*; но это еще не освящено общимъ употребленіемъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ условіемъ для окончанія *а́*, *я́* оказывается то, чтобы ударѐніе въ единственномъ числѣ не было на послѣднемъ слогѣ. Оно должно быть на первомъ или на среднемъ.

Четырехсложныя имена не употребляются съ этимъ окончаніемъ, напр. *репети́торъ*, *экзамина́торъ*, *визита́торъ*.

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ именахъ двух- и трехсложныхъ значеніе имѣетъ рѣдко вліяніе на принятіе ими разсматриваемаго окончанія. Прежде говорилось въ грамматикахъ, что изъ иностранныхъ именъ такъ склоняются преимущественно тѣ, которыя означаютъ какое-нибудь званіе; но мы, находя между ними много словъ совсѣмъ другого значенія (напр. *вьюръ*, *куполъ*, *киверъ*, *орденъ*), должны признать, что большое число личныхъ именъ, означающихъ званіе, составляетъ тутъ случайность, происходящую отъ ихъ окончанія *р*, *л*, охотно допускающаго за собою *а́* и *я́* во множественномъ числѣ. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, будто формы *ле́кторы*, *профе́ссоры*, *дире́кторы*, *учи́тели* благороднѣе, нежели *лектора́*, *профессора́*, *директора́*, *учителя́*. Принимая предпочтительно слова *профессоры*, *учители*, мы должны быть послѣдовательны и говорить въ косвенныхъ падежахъ также: *профе́сторовъ*, *учи́телей*; ибо формы *профессоро́въ*, *учителе́й* возможны только при именительномъ падежѣ *профессора́*, *учителя́*. Между тѣмъ въ косвенныхъ падежахъ никто уже не скажетъ напр. *профе́сторами*, *учи́телями*, потому что тутъ окончанія далеко не такъ ясны, какъ если на нихъ ставится ударѐніе. Чѣмъ же и въ именительномъ падежѣ неударяемое *ы*, *и* лучше опредѣлительныхъ *а́* и *я́*, предпочитаемыхъ чуткимъ народнымъ слухомъ?

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ исключительно оканчиваются на *а́*, *я́*; другія принимаютъ иногда и окончаніе *ы*, *и*. Здѣсь очень важно, что къ пер-

вому разряду принадлежатъ названія самыхъ простыхъ предметовъ, наиболѣе извѣстныхъ и понятныхъ народу, напр. *бока́, глаза́, рога́, лѣса́, луга́, берега́, вечера́, города́, острова́, кучера́*, тогда какъ имена высшаго, болѣе духовнаго значенія терпятъ еще и книжное окончаніе, напр. *годы, ѣзки, краи* (чужіе краи), *промыслы, авторы, цензоры, ректоры*, и еще обыкновеннѣе трехсложныя *директоры, профессоры*. Отмѣтимъ еще между двусложными именами слово *о́бразъ*, которое, смотря по *значенію*, принимаетъ во множественномъ числѣ двоякое окончаніе и этимъ становится въ одинъ разрядъ съ приведенными выше односложными словами: *хлѣбъ, цвѣтъ, мѣхъ*, оканчивающимися во множественномъ числѣ на *а́* только иногда, по требованію смысла.

Съ формою множественнаго числа *а, я* нѣсколько сходна другая, именно *ья*. Она встрѣчается въ двухъ различныхъ разрядахъ именъ мужескаго рода и обусловливается ихъ двоякимъ значеніемъ.

Окончаніе *ья* принимаютъ:

Во 1-хъ, такія имена (по большей части односложныя), которыя означаютъ предметы природы или домашняго быта, либо остроконечныя (мелкія или длинныя), либо круглыя и притомъ существующія или дѣлаемыя въ большомъ количествѣ; таковы: *крюкъ—крья, сукъ, клинъ, листъ, зубъ* (напр. у пилы), *колъ, брусъ, прутъ, стулъ, струпъ, пукъ, полозъ, копылъ, колосъ, корень, лоскутъ, черенъ, волдырь, пузырь, пупырь, клокъ, хлопъ, комъ, батогъ, ободъ, камень, уголь*. Въ этихъ словахъ окончаніе множественнаго числа *ья* остается безъ ударенія, которое падаетъ на слогъ предшествующій. Только въ словѣ *уголь* удареніе и во множественномъ числѣ остается на первомъ слогѣ.

Такъ же оканчиваются во множественномъ числѣ нѣкоторыя имена средняго рода, представляющія тѣ же особенности значенія: *перо, дерево, звено, колѣно, полѣно, крыло, шило, помело, дно (до́нья)*, и даже два имени женскаго рода съ подобнымъ оттѣнкомъ заключающагося въ нихъ понятія: *дыра, щель (ды́рья, ще́лья)*. Удареніе во множ. ч. опять на предпослѣднемъ слогѣ.

Во 2-хъ, имена, означающія лица, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ родственныхъ, гражданскихъ или сердечныхъ. Тутъ окончаніе *ья* иногда остается безъ ударенія: *бра́тья, холо́пья*, но чаще принимаетъ удареніе: *мужья́, зятья́, шурья́, князья́, дядья́, деверья́*. Въ послѣднемъ случаѣ передъ окончаніемъ *ья* вставляется въ нѣкоторыхъ именахъ еще слогъ *ов: сыновья́, кумовья́, зятевья́, сватовья́*.

Многія изъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *ья*, могутъ также оканчиваться въ мужескомъ и женскомъ родѣ на *ы, и*, въ среднемъ на *а*, иногда съ перемѣною значенія, напр. *зубъ, мужъ, колъно*, иногда съ сохраненіемъ того же значенія, напр. *листъ, волдырь, пузырь, дерево*, или съ уничтоженіемъ только оттѣнка собирательныхъ именъ большого числа предметовъ, напр. *крюкъ, пукъ, корень, камень, уголь*.

Въ склоненіи именъ муж. рода съ производственными окончаніями удареніе слѣдуетъ одному довольно общему закону. Если наставка, состоящая изъ гласной и согласной буквы (напр. *икъ, ачъ*), носитъ удареніе, то во флексіи это удареніе переходитъ на падежное окончаніе, въ противномъ случаѣ оно остается неподвижнымъ. Напримѣръ: *остря́къ,-ка́* и т. д.; *хвастуно́къ,-а́; мятежи́къ,-а́; кусо́къ,-ска́, знато́къ,-а́; коне́цъ,-нца́; голи́къ,-а́; ямщи́къ-а́; коротышъ,-а́; кремя́нь,-мня́; буковарь,-я́*. Тому же закону слѣдуютъ имена съ приставкой *ей: ручей́,-чья́, соловей́,-вья́*.

И наоборотъ:

Ко́ршунъ,-а; пре́докъ,-дка; бра́тецъ,-тца; ящикъ,-а; перево́дчикъ,-а; мя́кишъ,-а; па́рень,-рня; у́лей,-лья. Сюда же относятся и имена на *тель*; напр. *гада́тель, строи́тель* (кромѣ множественнаго числа словъ: *учи́тель, смотри́тель, служи́тель*).

Я назвалъ этотъ законъ довольно общимъ, потому что есть только двѣ наставки, при которыхъ онъ не всегда соблюдается, именно наставки *анъ* и *инъ: стака́нъ,-а; велика́нъ,-а*, (только *каба́нъ* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *кабана́*); *павли́нъ,-а*. Что

касается остальныхъ окончаній, то при нихъ отступленія отъ указаннаго закона очень рѣдки; такъ *государь,-я* и т. д. Есть случаи, которые съ перваго взгляда могутъ показаться исключеніями, но въ сущности не заслуживаютъ этого названія, потому что въ этихъ случаяхъ окончаніе не есть производственная наставка, напр. слова *овра́гъ,-а; драгу́нъ,-а; черто́гъ-а; халáтъ,-а.* Эти слова не русскія[1] и перешли къ намъ съ готовымъ окончаніемъ. Правда однакожъ, что иногда, несмотря на то, такое окончаніе подвергается тому же закону ударенія, какъ производственная наставка, напр. *оча́гъ,-а́* (тюркское слово); *капу́нъ,-а́.* Вообще подобныя иностранныя имена представляютъ нѣкоторую неопредѣленность въ переходѣ ударенія, такъ что иногда въ одномъ и томъ же словѣ косвенные падежи произносятся различно, напр. говорятъ то *этажа*, то *этажа́*, что́ замѣчается и во множ. числѣ (*этажи* и *этажи́* и т. д.).

Въ словахъ *у́голъ*, *у́зелъ*, *у́горь* — ударніе переходитъ на окончаніе флексіи (*угла́*, *узла́*, *у́гря́*), но надо помнить, что въ нихъ наставка не изъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, или даже не есть собственно производственная наставка, и гласная только вставная: въ косвенныхъ падежахъ она пропадаетъ.

Б) Имена средняго рода.

Въ большей части первообразныхъ именъ средняго рода и въ нѣкоторыхъ производныхъ (на *ло*, *мо*, *но*, *ье*) замѣчательна та особенность, что единственное число по ударенію отличается отъ множественнаго, и именно:

Въ двусложныхъ словахъ ударніе съ перваго слога переходитъ во множественномъ числѣ на второй, и наоборотъ со втораго на первый, напр. *сло́во*, *слова́*; *дѣ́ло*, *дѣла́*; *мо́ре*, *моря́*; *по́ле*, *поля́*; *се́рдце*, *сердца́*; *весло́*, *вёсла*; *стекло́*, *стёкла*; *село́*, *сёла*; *окно́*, *о́кна*; *копьё*, *ко́пья*; *кольцо́*, *ко́льца*; *лицо́*, *ли́ца*. Замѣтимъ однакожъ, что первый случай встрѣчается въ языкѣ гораздо рѣже, нежели второй.

[1] *Овра́гъ* — готское; *драгу́нъ* — французское; *черто́гъ*, *халáтъ* — восточныя.

Въ трехсложныхъ словахъ переходъ ударенія бываетъ обыкновенно съ перваго слога на третій, напр. *о́блако, облака́*; *о́зеро, озера́*; *зе́ркало, зеркала́; де́рево, деревá*, или на средній: *о́зеро, озёра*, и съ третьяго слога на второй: *колесó, колёса; волокнó, волóкна*; *полотнó, полóтна*. Въ четырехсложномъ *веретенó* — съ 4-го на 3-й: *веретёна*.

Въ этихъ случаяхъ всего яснѣе выражается наклóнность языка соединять съ удареніемъ цѣль отличенія понятій единства и множества предметовъ при одинакомъ окончаніи въ падежахъ обоихъ чиселъ.

Трехсложныя имена съ удареніемъ на среднемъ слогѣ единственнаго числа, также и четырехсложныя, всегда удерживаютъ то же удареніе и во множественномъ числѣ: *копы́то, корыто, поли́но, болóто, полотéнце*.

Имена съ производственными окончаніями *аніе, яніе, сніе, тіе, ило* принадлежатъ къ разряду негибкихъ, напр. *желáніе, кушанье, гуля́нье, плáтье, прáвило, правúло*, и проч.

В) Имена женскаго рода.

Различіе между единственнымъ и множественнымъ числомъ по ударенію свойственно и именамъ женскаго рода, но въ гораздо меньшей степени нежели среднимъ.

Когда въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ *а* или *я* удареніе у двусложныхъ на первомъ слогѣ, а у трехсложныхъ на среднемъ, то оно во множественномъ числѣ никогда не переходитъ на другое мѣсто: *бúтва, úскра, жáба, картúна, забóта, занóза*.

Переходъ ударенія въ подобныхъ словахъ возможенъ только тогда, когда оно на послѣднемъ слогѣ, тогда оно во множественномъ числѣ можетъ перемѣщаться на первый слогъ, напр. *вдовá, вдóвы; возжá, вóзжи; горá, гóры; скалá, скáлы; доскá, дóски; бородá, бóроды; головá, гóловы; полосá, пóлосы; середá, сéреды; сковородá, скóвороды*.

Хотя этотъ переходъ ударенія не составляетъ общей принад-

лежности всѣхъ подобныхъ именъ, однакожъ можно сказать, что ему подлежитъ большая часть женскихъ двусложныхъ именъ, у которыхъ въ единственномъ числѣ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ.

Но это явленіе у двусложныхъ именъ иногда отличаетъ только именительный падежъ множественнаго числа, напримѣръ въ словѣ *гора́, го́ры*, и напротивъ — *гора́мъ, гора́ми, гора́хъ*; иногда же оно принадлежитъ всѣмъ падежамъ множественнаго числа: *и́гры, и́грами, жо́ны, жо́намъ*. Этотъ послѣдній случай рѣже. Часто въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа возможны оба ударенія, наприм. *слёзамъ* и *слеза́мъ, скала́ми* и *скала́ми*. Разборъ частностей въ этомъ случаѣ не привелъ бы насъ ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ въ именахъ женскаго окончанія нѣтъ того однообразія ударе́ній во всѣхъ падежахъ одного числа, какое замѣчается въ именахъ средняго рода.

Переходъ ударенія со 2-го и 3-го слога на 1-й у женскихъ именъ бываетъ иногда и въ винительн. пад. един. числа, напр. *доска́, до́ску; вода́, во́ду; гора́, го́ру; голова́, го́лову;* но и на это нелегко отыскать опредѣлительный законъ. Другіе падежи единственнаго числа по ударенію всегда бываютъ сходны съ именительнымъ.

У трехсложныхъ, переносящихъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа ударе́ніе съ 3-го слога на 1-й, и прочіе падежи этого числа принимаютъ его по однообразному закону: *борода́, бо́роды, боро́дъ, бородо́мъ; голова́, го́ловы, голо́въ, головамъ* и проч. Сходны съ ними по ударенію два четырехсложныя: *сковорода́, ско́вороды, сковоро́дъ, сковородамъ* и предложное, употребительное только во множественномъ числѣ: *по́хороны, похоро́нъ, похорона́мъ*, и проч.

Имена женскаго рода съ наставками не измѣняютъ своего ударенія. Исключеніе составляютъ лишь немногія имена, кончащіяся на *ота́, ина́*, которыя во множ. ч. перемѣщаютъ ударе́ніе на предпослѣдній слогъ: *красота́, краса́ты, высота́, высо́ты;*

спдина́, спди́ны. Отъ *сирота́* образуютъ множ. ч. двояко: *сиро́ты* и *си́роты*, но послѣднее не можетъ быть одобрено.

Г) Имена мужескаго и женскаго рода на ь.

Мужескія имена на *ь*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, *почти* всегда переносятъ это удареніе на падежное окончаніе, напр. *кошёль, я́; костю́ль, я́, пузы́рь, я́; монасты́рь, я́; ломо́ть, мтя́; кремёнь, мня́; ковы́ль, я́; фона́рь, я́.* Это удареніе сохраняетъ свое мѣсто и во всѣхъ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ. Сюда же относятся имена, кончащіяся на шипящія буквы, не исключая и большей части односложныхъ: *ножъ, ножа́; мечъ, меча́; кули́чъ, кулича́; шала́шъ, шала́ша; клещъ, клеща́; плащъ, плаща́.* Въ словѣ *мужъ* удареніе переходитъ на придаточный слогъ только въ косвенныхъ падежахъ множ. числа. — Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ именахъ съ окончаніемъ *тель*.

Въ именахъ женскаго рода на *ь* замѣчаются два общія явленія:

1) Удареніе прямой формы не измѣняется въ единственномъ числѣ и остается на томъ же мѣстѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *дань, и; по́вѣсть, и; посте́ль, и.* Только въ мѣстномъ падежѣ един. числа у многихъ именъ, послѣ предлоговъ *въ* и *на*, удареніе переносится на окончаніе *и*, наприм. *въ крови́, въ ночи́, на степи́, на мели́, на лошади́, на площади́.* Въ этомъ случаѣ женское окончаніе *и́* совершенно соотвѣтствуетъ мужескому *у́* въ томъ же падежѣ и послѣ тѣхъ же предлоговъ. Здѣсь кстати упомянуть о неправильности, которая по аналогіи съ мѣстнымъ падежемъ вкралась въ склоненіе подобныхъ именъ. Обыкновенно говорятъ не только: *въ Твери́, въ Перми́, на Руси́*, но также *изъ Твери́, изъ Перми́, съ Руси́*, что совершенно неправильно; слѣдуетъ говорить: *изъ Тве́ри, изъ Пе́рми, съ Ру́си*, какъ говорятъ *изъ кро́ви, до две́ри*, а не *изъ крови́, до двери́.*

2) Въ двусложныхъ именахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ это удареніе не измѣняется и въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа: *свире́ль, ей; горта́нь, ей; печа́ль, ей; бо-*

лѣзнь, ей; мозо́ль ей. Когда выпадаетъ гласная съ удареніемъ, то оно переходитъ на падежное окончаніе *любо́вь, любви́.*

3) Напротивъ въ односложныхъ именахъ и особенно въ двухсложныхъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, это ударе́ніе часто переходитъ въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа на окончаніе: *вѣсть, ей; честь, е́й; власть, е́й; кость, е́й; дверь, е́й; печь, е́й; тѣнь, е́й; кро́вность, е́й; ло́шадь, е́й; ска́терть, е́й; по́вѣсть, е́й; вѣдомость, е́й; про́повѣдь, е́й.*

Настоящее разсмотрѣніе показываетъ, что хотя и нельзя теоретически опредѣлить всѣхъ частныхъ видоизмѣненій перехода ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ, однакожъ и это явленіе подчинено извѣстнымъ условіямъ, зависящимъ: 1) отъ числа слоговъ имени; 2) отъ производства его и образованія; 3) отъ степени его употребительности; 4) отъ мѣста ударенія въ прямой формѣ единственнаго числа, и 5) отъ логическаго стремленія языка къ опредѣлительности окончаній.

Сравнивая эти выводы съ тѣми, какіе были сдѣланы мною при разсмотрѣніи глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, можно уже позволить себѣ заключеніе, что вообще къ переходу ударе́ній наиболѣе способны у насъ слова простыя, первообразныя, выражающія понятія, близкія народу, и потому слова самыя употребительныя, не мудреныя, обиходныя.

III.

По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ ударенiи.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von *Dr. L. Kayssler.* (*Ученiе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенiя родственныхъ языковъ обработанное докторомъ Л. Кайслеромъ.* Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

Книжечка эта во многихъ отношенiяхъ заслуживаетъ внимания. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, оцѣнивъ всю важность изслѣдованiя мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенiю особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденiе въ многозначительности ударенiя при всѣхъ проявленiяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положенiе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. «Долго», говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловiи, «на ударенiе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древнiй грамматикъ Діомедъ называлъ его душою рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманiя. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англiйское ударенiе; Гэттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ — во введенiи къ труду своему о языкѣ Кави (1836) — высказалъ устроумныя замѣчанiя о сущности акцента; Бэтлингъ занялся въ первый разъ (1843) ударенiемъ санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскiй языкъ съ греческимъ,

литовскимъ и отчасти русскимъ, причемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлёвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ» (за изъятіемъ, къ сожалѣнію, славянскихъ наръчій) «и установилъ теорію, которую впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейллемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно. — Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполнѣ уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры — практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ, «дать ему путеводную нить въ хаосѣ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ». Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію. — Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ онъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматиковъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его указаніями. Что касается нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Академіи наукъ и воспроизведенныхъ выше въ

настоящемъ сборникѣ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры [1].

Брошюра эта состоитъ изъ восьми отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) Общія начала ученія объ акцентѣ.
2) Общая характеристика русскаго ударенія.
3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.
4) Удареніе прилагательныхъ.
5) Удареніе глаголовъ.
6) Удареніе въ словообразованіи.
7) Энклизисъ.
8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрятъ на удареніе вообще нѣкоторые западные филологи, именно Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлэвъ и Боппъ. «Въ слогѣ», говоритъ Гумбольдтъ, «можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первыя два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеймить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое

[1] На это уже было указано въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайзлера.

цѣлое. Оба эти явленія—отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другого свойства языка подлежитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго»[1]. Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожъ идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлэва[2], который между прочимъ утверждаетъ, «что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣдне-опредѣляющее (das letzt Bestimmende), то есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальнѣйшее разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ признаетъ и въ греческомъ языкѣ, насколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подобенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнимы и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не пригодны для русскаго.

---

[1] «О различіи организмовъ человѣческаго языка», перев. Билярскаго. Спб. 1859, стр. 151, 152.

[2] Louis Benloew. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris 1847.

Неоспоримо общее положеніе Бопна относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпослѣдній); третья — свободная или грамматическая (не лучше ли фонетическая?) система, которою отличаются санскритъ и, съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, удареніе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ расчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изъятіе. Приведемъ здѣсь слова уважаемаго чешскаго филолога Шумавскаго[1]: «Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человѣкъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ, чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ Славянъ долгота (протяженіе) слилась съ удареніемъ; только у Чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю

[1] «Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského», стр. 3 и 4.

zdráva, то произношу ударе́ніе, сросшееся съ долготой; когда же говорю zdravá, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ— долгота. У насъ, Чеховъ, ударе́ніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ, долгота, которая очень подвижна, должна быть означаема. У Русскихъ ударе́ніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ».

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ[1], что ударяемый слогъ почти всегда бываетъ и нѣсколько протя́жнѣе прочихъ[2]. Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое ударе́ніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

«Я помню *чудное* мгновенье:
Передо мной явилась *ты*,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты».

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова́, отмѣченныя курсивомъ, должны произноситься протя́жнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ ударе́ніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протя́жнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ ударе́ніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искуство чтенія.

Но различіе протя́женія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударе́нія и не можетъ быть долгимъ, однакожъ не всѣ слоги неударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы прі́ищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

[1] См. выше, стр. 388 и 389.

[2] Ломоносовъ не вполнѣ былъ неправъ, когда онъ сказалъ: «Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки» (*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*). Въ первой половинѣ этого замѣчанія слѣдовало бы только прибавить слова́ *могутъ быть*.

Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ;* для повѣрки, одинаково ли дологъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.
Ка-мыш- ка-мыш- камыш- ка-мышъ.

Читая первую строку, мы увидимъ, что въ ней слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ;* читая же вторую строку, убѣдимся, что тутъ слогъ *ка* слишкомъ дологъ для слова *мышка*.

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами *ра́но* и *нора́*, *тёлка* и *котёлъ*, *то́поль* и *пальто́*, или надъ трехсложнымъ словомъ *заслóнка* и соотвѣтствующими ему двумя словами: *коза́*, *слонъ*. Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Кайслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ корень *вѣд*, и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ:*
вѣдать, вѣ́домо, увѣ́домить, извѣ́стіе.
б) на *окончаніи:*
увѣдомля́ть, заповѣдно́й, вѣстово́й, извѣсти́ть.
в) на *предлогѣ:*
вы́вѣдать, за́повѣдь, по́вѣсть.
г) на *представкѣ:*
бла́говѣстить.

«Этотъ примѣръ», замѣчаетъ авторъ, «заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе такъ же свободно въ склоненіи и спряженіи... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того понятія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную цѣнность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ отъ другихъ условій, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «надобно тотчасъ же замѣтить, что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія».

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но, судя по тому, какъ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобъ эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда началъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрныя ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ *быстро́* вм. *бы́стро*)[1]. Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второобразными словами (напримѣръ именами, оканчивающимися на *ніе*, *ность*, *ство*, *тель*, или предложными

[1] Соч. Сумарокова, ч. X, стр. 76 и 90, и *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 148.

глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижного ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ принадлежность по преимуществу народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго. Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣта́* (множ. число) вмѣсто *лѣта*, на что́ несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія[1]. Подобно тому и въ наше время стали писать согласно съ произношеніемъ простор̀ѣчія: *учителя́*, *профессора́*, вмѣсто: *учи́тели*, *профе́ссоры*, что́ прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ 18-мъ вѣкѣ всѣ писали: *во́йски*, *во́ки*, а теперь пишутъ: *войска́*, *вока́*.

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, что́ прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: «Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искусственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложеній, имѣютъ неподвижное удареніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижного ударенія». Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Такъ же произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній

[1] Соч. Сумар., т. X, стр. 26.

слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія,—что напримѣръ говорятъ: *остро́ту*, *остро́ты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода́*, гдѣ удареніе въ извѣстныхъ надежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произносятъ: *ско́вороду*, *ско́вороды*. Мы уже видѣли, что г. Кайслеръ, руководствуясь сужденіемъ Боппа о санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть ли не всѣ такія слова: *борода́*, *борона́*, *голова́*, *полоса́*, *сковорода́*, *сторона́*, *железа́*, *середа́*; они, собственно говоря, двухсложныя (*брада́*, *глава́* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ удареніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужескаго рода: *го́лосъ*, *во́лосъ*, *го́родъ*, *бе́регъ*, *ве́рхъ*; у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій—*голоса́*, *волоса́*, *города́*, *берега́*, *верха́*. Можно ли же сказать, что тутъ въ удареніи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *бо́роды*, *го́ловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ удареніе въ словахъ: *ко́локолъ*, *о́корокъ*, *те́теревъ*, которыя въ множественномъ числѣ произносятся: *колоколá*, *окорокá*, *тетеревá*[1].

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *острота́* (*остро́ту*, *остро́ты*), то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно пере-

[1] Ср. еще слово *по́хороны*, *похоро́нъ*, *похорона́ми*.

носится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе пріобрѣтаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*остро́ты*) отъ родительнаго единственнаго (*остроты́*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *ота́* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчивающіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе), напримѣръ *краса́ты*. По этой же причинѣ и слово *сирота́* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ словоудареніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и повидимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произвосить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *бо́яре, богаты́ри и де́вять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *бо́яре, бога́тыри, девя́ть*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что

часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при повтореніи напѣва, то съ однимъ, то съ другимъ ударѐніемъ; но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь незнаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другого рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно выговариваются съ ударѐніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*крáсенъ*, *я́сенъ*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ ударѐніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваетъ: *ясёнъ соколъ*, *добрá мóлодца*, *чистó поле*, *синя́ моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ ударѐніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явлѐніемъ, которое, конечно, было общею принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ ударѐніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склонѐніи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ ударѐніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударенія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ прямомъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ-быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при изъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на ударѐніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударенія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

Кор-абль, гол-авль, жур-авль,
бур-авъ, рук-авъ,
рыч-агъ,
боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,
кис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,
каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,
Паст-ухъ, нѣт-ухъ,
боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, кост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ, басъ, бантъ, лань, овощъ, часъ*. Всякій Русскій скажетъ: нѣтъ *ба́сомъ, а́льтомъ*, а не басо́мъ, альто́мъ[1]. *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ м о ж е т ъ переносить его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единств. числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два, три, четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *ча́са*, напримѣръ *до втораго ча́са*, и—*ча́су;* въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому ча́су, цѣлымъ ча́сомъ*.

Подобные замѣченнымъ недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живого знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *а́*, переносящихъ въ вин. над.

[1] Эти два слова въ нѣкоторыхъ падежахъ употребляются однакожъ и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Припомнимъ стихъ Крылова: «Достали, нотъ, баса́, альта́, двѣ скрыпки».

един. числа ударе́ніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *руда́*, *свинья́*, тогда какъ никто не скажетъ *ру́ду*, *сви́нью*; въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, ударе́ніе допускается двоякое; напримѣръ, говорятъ: *о́вцу* и *овцу́*, *ро́су* и *росу́*, *щёку* и *щеку́*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной формѣ носятъ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ (*воронóй*, *гнѣдóй*, *голубóй*), онъ приводитъ между прочимъ невозможныя въ русскомъ, языкѣ формы *во́ронъ*, *гнѣдъ*, *го́лубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *со́лонъ* не поясне́но, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солёный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударе́нія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударе́нія. «Одинъ внѣшній признакъ», говоритъ онъ, «можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ древне-славянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное ударе́ніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное ударе́ніе. По большей части, однакожъ далеко не всегда, ударе́ніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ». Здѣсь, во-первыхъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *ніе*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ ц.-славянскаго языка? Во-вторыхъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударе́нія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, *руль-я́*, *балъ-ы́-бъ*), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударе́нія (напримѣръ, *залъ*, *бантъ*, *ботъ*, *брикъ*, *шквалъ*, *штофъ*, *блокъ*, *классъ*, *рейсъ*). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ ударе́ніе чаще пере-

ходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ, то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *соободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Кайслера: «Въ трудахъ Боппа и Бенлэва заключается небольшое только число можетъ-быть превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполнѣ удостовѣриться, подтверждаются ли они всею областью языка. Случается, что доказательствамъ на иное правило можно противопоставить такое множество исключеній, что поневолѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но, разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ нѣм тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало-по-малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полнаго органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Бенлэва о вліяніи «послѣдняго опредѣляющаго» на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на падежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другого начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлэвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ «слабость» санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. Впро-

чемъ выраженіе «слабость» выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ другой... Случаи, приводимые Бенлэвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами».

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ называемаго Бопномъ сильнаго ударенія, то-есть, такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ, и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали напримѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончанія *окъ* или *екъ* удареніе: *сни́мокъ*, *спи́сокъ*, *сви́токъ*, *просёлокъ*, *доба́вокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчо́къ*, *комо́къ*, *куро́къ*, *конёкъ*, *порошо́къ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще: всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончащагося на ъ, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *при́стань*, *по́вѣсть*, *у́тварь*, *и́згородь*, *о́чередь*, *пе́речень*. Въ именахъ первообразныхъ гласная коренного слога иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло́*, *стекло́ пшено́*, *село́*, *веретено́*, *метла́*, *жена́*, *пчела́*, *сестра́*, *весна́*. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е: вёсла*, *стёкла*, *сёла*, *веретёна*, *мётлы*, *жёны*, *пчёлы*, *сёстры*[1]. Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, гласная, предшествующая окончанію, имѣетъ вліяніе на удареніе: буквы *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени

[1] См. выше стр. 432—435.

сами принимаютъ его: *ходи́ть*, *води́ть*, *броди́ть*, *проси́ть*, *носи́ть*, *ловѝть*, *души́ть*, *сучи́ть*, *кусѝть*, *суди́ть*, *руби́ть*, *тупи́ть*, и: *хо́дишь*, *во́дишь*, *ду́шишь*, *сучишь*, и проч. Привычка переносить въ такихъ случаяхъ ударѐніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ передъ *ить* имѣетъ букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о*, такъ что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говоритъ: *ко́тишь*, *пло́тишь*, *со́дишь*, *до́ришь*, *во́ришь*, *во́лишь*, вм. *ка́тишь*, *пла́тишь*, *са́дишь* [1] и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо ед. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ одно ударѐніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это ударѐніе часто переходитъ на предпослѣдній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударѐнія составляетъ необходимое явлѐніе въ тѣхъ глаголахъ кончащихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. врем. согласная, напримѣръ: *вяза́ть*, *дрема́ть*, *писа́ть*, *плеса́ть*, *трепета́ть*, *хохота́ть*, *лепета́ть*, *клевета́ть*, *щебета́ть*, *иска́ть*: *вяжу́*, *дремлю*, *пишу́* и т. д., и *вя́жешь*, *дре́млешь*, *пи́шешь*, и проч. Между подобными глаголами есть однакожъ и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ ударѐніе на предпослѣднемъ слогѣ; таковы: *пла́кать*, *ма́зать*, *сы́пать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ ударѐніе на окончаніи, но переносятъ его уже и въ 1-мъ лицѣ наст. врем.: *алка́ть*, *а́лчу*; *колеба́ть*, *коле́блю*. Отчего же не *алчу́ колеблю́?* Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударѐнія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *въд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ ударѐніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало ударѐніе въ рус-

[1] См. выше стр. 376.

скомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми гласными, особенно съ *ѣ*. Соотношеніе долготы съ ударе́ніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова *Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка*: для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась; но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ сло́ва русское ударе́ніе иногда и сходится съ чешской долготой, за то во флексіяхъ это совпаде́ніе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударе́нія.

При разсмотрѣніи перехода ударе́нія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій въ томъ, что имя, носящее ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложеніи съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіе́*, *бытіе́*, *Росси́я* и прилагат. *земно́й*, *головно́й*, *сльпо́й*, *морско́й*, *островско́й*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожи́тіе*, *сожи́тіе*, *собы́тіе*, *Малоро́ссія*, *подзе́мный*, *средизе́мный*, *уголо́вный*, *подсли́пый*, *примо́рскій*, *замо́рскій*, *василье-остро́вскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлиненіе слова дѣйствуетъ на ударе́ніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ ударе́ніе предлогу: «*взо́ткнутъ*, *взо́рванъ*[1], *во́гнанъ*, *за́званъ*» и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлиненъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, причастныя окончанія *анный* (*аный*) и *утый* не терпятъ на себѣ ударе́нія: вко́панный, у́знанный, разо́гнанный, и́зданный, и́збранный, обо́рванный, пе́реданный, пере́гнанный, пере́сланный, смо́танный, чё-

[1] Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, ударе́ніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставочную гласную.

санный, пи́санный, ма́ранный, свёрнутый, изо́гнутый, разстёгнутый, подо́ткнутый. Эти примѣры показываютъ, что несмотря на произношеніе неопред. наклоненія (вкопа́ть, узна́ть, мота́ть, писа́ть, сверну́ть, изогну́ть), ударе́ніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу, или предлогу. Въ словѣ *пе́реданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *пере́данный* и *пере́сланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *дн* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и этотъ слогъ получаетъ ударе́ніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на *анный* только слова: *жела́нный*, *вы́нча́нный*, *избра́нный* и, можетъ-быть еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *е*, на что уже выше указано, послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковно-славянскаго элемента: въ чисторусскомъ говорѣ естественнѣе произносить *вы́нчанный* (какъ и говорятъ: увѣ́нчанный, развѣ́нчанный), *и́збранный*. Слова *неописа́нный*, *несказа́нный*, получившія искуственное ударе́ніе, плохо привились въ языкѣ. Въ словѣ *назва́ный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается, 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое ударе́ніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ ударе́ніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *за́живо*, *за́мертво*, *за́ново*, *сы́знова*, *на́скоро*, *по́пусту*, *по́часту*, *до́сыта*, *до́красна*, что опять возможно только тогда, когда ударе́ніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*жи́во*, *мёртво*, *но́во* и проч.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни за́ что*, *ни про́ что*.

Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, въ брошюрѣ не только не полонъ, какъ и самъ авторъ ея сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *спѣшить* переведено: vom Pferde steigen; надобно было прибавить: lassen, такъ какъ *спѣшить* — глаголъ переходящій, а steigen—противоположнаго залога. При словѣ *трéтьяго* сказано: «Gen. von трéтій» и затѣмъ, какъ примѣръ иного ударенія, приведено: «*третьяго* дня, vorgestern». Но развѣ *третьяго* (произн. *третьёва*) не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *трéтьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое удареніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третéй*,—замѣчательный, едва ли не единственный случай, когда окончаніе *ій* обращается въ *ей*, точно также какъ *ый* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — первóй).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся однакожъ различно. Такъ одни говорятъ: *кладбúще*, другіе *клáдбище*, одни: *грáжданинъ*, другіе *гражданúнъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова, какъ *высóко* и *высокó*, *далёко* и *далекó*, *сердúться* и *сéрдиться*, *воротá* и *воротú*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка[1] полагаетъ, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ этомъ отношеніи господствуетъ одно общее явленіе: въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію; но это наблюденіе далеко не всегда оправдывается: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ селеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣсколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ

[1] См. 1-й томъ его словаря, стр. xxvi.

Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другого слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двоякому ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тожествѣ, имѣютъ различное знаменованіе, остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двоякаго ударенія, онъ однакожъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. «Когда напримѣръ», говоритъ онъ, «отличаютъ именит. множ. *ви́на* отъ именит. ед. *вино*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *вино́* (*вина́*) совершенно совпадаетъ съ именит. жен. рода *вина́*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напримѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дательн. над. имѣетъ форму *полку́*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *у́*. Если бъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмыслій, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ѣ*; но такое телеологическое намѣреніе совершенно чуждо языку. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большею точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, вполнѣ ли достаточны формы, въ томъ сознаніи, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небрежность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. над. *раба́*, въ дат. *рабу́*, къ именит. мн. *рабы*. Но женское *раба́* имѣетъ въ вин. также *рабу́*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы́*. Такимъ же образомъ со-

впадаютъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышезамѣченному): удареніе мѣшаетъ различенію».

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ намъ кажется, очень просто. Двоякое удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненій мысли явились къ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено для подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, если бъ умъ человѣческій пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать менѣе важныя ошибки его и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не вполнѣ былъ приготовленъ для успѣшнаго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для иностранцевъ, а они безъ сомнѣнія могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себѣ указаній.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ ФОРМАХЪ ИМЕННЫХЪ ФЛЕКСІЙ.

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. III-r Band. Wortbildungslehre. Wien, 1876. Стр. 286—312.

Достоинство и важность трудовъ г. Миклошича признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Но при обширности и разнообразіи области, обнимаемой его изслѣдованіями, невозможно ожидать безошибочности во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому полезно было бы, еслибъ спеціалисты по каждому изъ языковъ, разсматриваемыхъ въ сравнительной грамматикѣ знаменитаго филолога, отмѣчали вкравшіяся въ нее недоразумѣнія и погрѣшности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ просвѣщенный авторъ принялъ бы съ благодарностью всякое такое указаніе. Въ этой увѣренности рѣшаюсь предложить свои замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ главѣ объ именномъ склоненіи (Nominale declination), при чемъ, для ясности, слова́ и мнѣнія г. Миклошича буду подчеркивать.

Стр. 268. *Въ стихѣ народной пѣсни*[1]: «Потерять тебѣ, сыну, буйну голову», *форма сыну, по мнѣнію его, есть звательный падежъ:* tibi, fili, а не tibi, filio. — Въ русскомъ языкѣ такая форма зват. над. невозможна и безпримѣрна: здѣсь *сыну* есть приложеніе къ мѣстоим. *тебѣ* и стоитъ, по общему закону, въ одномъ съ нимъ падежѣ, т. е. въ дательномъ.

---

[1] При курсивѣ кавычки « » ставлю только тамъ, гдѣ перевожу слова самого автора.

Стр. 287. «*Кажется, въ реченіи* смолоду, съ молоду *надо видѣть родит. пад. двойственнаго ч.*» — Для этого нѣтъ никакого основанія: здѣсь прилаг. безчленной формы[1], средн. рода, получило въ род. ед. окончаніе *у*, кажется, по аналогіи съ существит. Такъ же образовано *сдуру* по примѣру реченій: *сверху, снизу, отъ роду, съ виду* и пр.

Стр. 288. «*Несправедливо мнѣніе, будто видѣнъ имѣетъ въ жен. и ср. видна, видно*». — Это замѣчаніе вѣрно, но оно требуетъ дополненія. Прилагательному жен. и ср. *видна, видно*, множ. *видны* отвѣчаетъ муж. ед. *виденъ*; а *видѣнъ* часто пишутъ ошибочно, ибо это было бы страд. причастіе безчленное, которое требовало бы творит. падежа на вопросъ *кѣмъ*, тогда какъ при словѣ *виденъ* возможенъ только вопросъ: *кому?* Если неупотребительны формы: *видѣна, о, ы*, то ясно, что не годится и форма муж. рода *видѣнъ*. Это страд. прич. встрѣчается только въ членной формѣ. Такъ у Жуковскаго въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ: «. . . прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день».

Стр. 289. «Копь, konja, konju, konjam, konjami, konjach». — Странно, что г. Миклошичъ, такъ правильно раздѣливній умягченныя гласныя *я, е, ь, ю ю* на prājerirte и prājotirte, здѣсь употребляетъ транскрипцію, изображающую вторые, а не первые звуки, которые одни тутъ умѣстны. Впрочемъ, это конечно неизбѣжное послѣдствіе невѣрной транскрипціи именительнаго konjъ, о чемъ см. выше (стр. 344 и 345) мою статью: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка».

Между именами муж. р., принимающими въ род. ед. у вм. *а, приведено: край, краю.* — Надо однакожъ замѣтить, что это окончаніе въ род. слова *край* встрѣчается очень рѣдко и едва ли не единственно въ томъ случаѣ, когда имя это означаетъ конецъ, предѣлъ, напр. въ поговоркѣ: *моя изба съ краю;* никто не ска-

[1] Употребляю термины *безчленное* и *членное* прилагательныя по примѣру г. Потебни, предпочитая ихъ болѣе обыкновеннымъ, но только по внѣшнему признаку вѣрнымъ названіямъ: *краткое* и *полное*.

жетъ: *изъ краю* (вм. *изъ края*) *въ край*. Здѣсь нужно бы прибавить еще слѣдующія замѣчанія: 1) Изъ именъ, не означающихъ дѣлимые предметы или вещества (разумѣется, муж. р.), измѣряемые вѣсомъ и другими способами, но не считаемые единицами, сюда относятся особенно такія, которыя вмѣстѣ съ предлогомъ составляютъ какъ бы нарѣчіе; напр. *съ голоду, изъ городу, съ голосу*, и преимущественно односложныя: *безъ году, безъ шуму, со страху, съ часу на часъ, изъ лѣсу, изъ дому, изъ носу, съ вѣтру, съ полу, съ глазу*. 2) Этой особенности всего легче поддаются отглагольныя имена: *съ разбѣгу, безъ удержу, съ размаху*, («*отъ молодецкаго посвисту*», сказ.), а тѣмъ болѣе односложныя: *ходу, счету, возу, роду, спросу, виду, крику*. 3) Изъ именъ вещественныхъ къ этому окончанію способны даже имена, принимающія въ косв. падежахъ ударепіе на послѣдній слогъ, притомъ не только при твердомъ, но и при мягкомъ окончаніи: *песку, табаку, кирпичу, огню, имбирю*; этому не мѣшаетъ и суффиксъ *окъ, ёкъ: табачку, огоньку*. Любопытна между прочимъ форма: *для переду*.

Стр. 290. *Между именами, принимающими въ именит. множ. ч. двоякое окончаніе а* и *ы, упомянуто имя глазъ*. — Но *глазы* никогда не употребляется вм. *глаза*.

Стр. 291. «*Русскія формы*: батожья, братья, кумовья, хозяева и господа *должны* (*по примѣру др.-сл.* братія) *быть понимаемы какъ собирательныя въ единств. числѣ*.» — Этому противорѣчатъ косвенные падежи, безспорно принадлежащіе къ формамъ множ. ч.: *батожьевъ, братьевъ* и проч., а также и приложеніе опредѣлительныхъ къ этимъ именамъ: *добрые* братья, господа.

Стр. 296. «*Служа названіями мѣстъ, прилагательныя притяжательныя часто принимаютъ въ творит. именное окончаніе:* Гдовомъ, Ярославлемъ, *рядомъ съ* Кашинымъ, Царицынымъ». Здѣсь слово *часто* излишне. — Правда, что нѣкоторые говорятъ и пишутъ Черниговымъ и т. п., но изъ приведенныхъ г. Миклошичемъ примѣровъ видно, что преимущественно имена мѣстъ, образо-

ванныя отъ женскихъ формъ (а—иѣ), принимаютъ въ творит. мѣстоименное окончаніе, подобно личнымъ. Напр. говорятъ также: *подъ Бородинымъ*. Любопытно было бы однакожъ знать, не говоритъ ли на мѣстѣ простой народъ: *подъ Бородино́мъ*. По крайней мѣрѣ въ Рязанской губерніи я самъ слышалъ изъ устъ крестьянъ: *за Скопино́мъ* (а не Скопинымъ)[1].

Стр. 297. «*При извѣстныхъ условіяхъ можно отъ каждаго прилаг. образовать винит. ед. съ именнымъ окончаніемъ:* что ты дверь полу оставилъ; увидѣлъ убиту королевишну, пашелъ ее бодру, веселу. Вм. ласточку свою онъ видитъ на полу замерзшую (Крыл.) *можно бы сказать и* замерзшу». — При этомъ замѣчаніи, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ, слѣдовало бы оговориться, что они относятся собственно только къ народному, и особенно старинному, языку. Между тѣмъ примѣръ, приведенный изъ писателя недавняго періода, указываетъ на недоразумѣніе. Въ наше время подобное усѣченіе или стяженіе прилагательнаго допускается развѣ только въ стихахъ, и притомъ не болѣе въ винит. ед. жен. р., чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ, именно въ именит. ед. жен. и ср. рода и въ именит. же и винит. множ. всѣхъ трехъ родовъ. Слѣдующее за симъ замѣчаніе послужитъ еще къ бо́льшему разъясненію этого вопроса.

Стр. 299. «*Разница между* свѣ́телъ, я́сенъ, кра́сенъ, си́не, бѣ́лы, и свѣтёлъ, ясёнъ, красёнъ, синё, бѣлы́ (у Востокова 41, 62), *а потому и разница между* окончаніемъ спрягаемымъ *и* окончаніемъ усѣченнымъ *не есть органическая: первыя формы употребляются какъ предикаты безъ существит., послѣднія*

[1] Послѣ приготовленія къ печати настоящей замѣтки я обратился къ уважаемому учителю 3-й Московской гимназіи В. И. Шенроку съ просьбой развѣдать въ Москвѣ, не произноситъ ли на мѣстахъ простой народъ: *подъ Бородино́мъ*. Послѣ нѣсколькихъ справокъ г. Шенрокъ увѣдомилъ меня, что моя догадка вполнѣ подтвердилась. Между тѣмъ и самъ я въ Петербургѣ встрѣтилъ благопріятный случай для рѣшенія вопроса. Именно мнѣ пришлось ѣхать съ извозчикомъ, уроженцемъ Верейскаго уѣзда. Я навелъ разговоръ на Бородино, и онъ въ своихъ разсказахъ совершенно явственно произнесъ: *подъ Бородино́мъ*. Такъ-то наша литературная рѣчь, не руководимая живымъ народнымъ чутьемъ, часто не даетъ намъ вѣрныхъ указаній на законы языка.

же опредѣляютъ субъектъ: мѣсяцъ свѣтелъ, luna est splendida; свѣтёлъ мѣсяцъ, splendida luna; *вмѣсто послѣдняго письменный языкъ употребляетъ* свѣтлый». — Здѣсь почтенный ученый смѣшалъ то, что у Востокова разграничено очень ясно: г. Миклошичъ поставилъ въ одну категорію всѣ имена, носящія ударе-ніе на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ Востоковъ приводитъ *свѣтёлъ, ясёнъ* какъ примѣры опредѣлительнаго (въ народной поэзіи), а *былы, синё* какъ примѣры сказуемаго прилагательнаго.

Указанное Востоковымъ весьма существенное различіе было бы еще видиѣе, если бы онъ привелъ болѣе примѣровъ изъ современнаго или по крайней мѣрѣ близкаго къ намъ періода литературнаго языка, и между прочимъ примѣры не только прилагательныхъ, но и мѣстоименій и страд. причастій прошед. вр. Наши стихотворцы прошлаго, а отчасти и нынѣшняго столѣтія (хотя послѣдніе въ меньшей степени) употребляютъ *усѣченныя* или *стяженныя* (по термину г. Потебни) прилагательныя и причастія въ видѣ опредѣлительныхъ, всегда съ тѣмъ же ударе-ніемъ, какъ полныя или членныя, при чемъ однакожъ надо замѣтить, что такъ употребляются собственно только названные въ предыдущемъ замѣчаніи падежи; родительный же и дат. муж. и ср. рода ед. числа весьма рѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ Ломоносова:

.....въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде (II, 127)[1].
Велика радость намъ родилась (129).
Мѣста *сяты*, мѣста *прекрасны* (130).
Она — героями *рожденна* (132).

Изъ Державина:

Прочь, *буйна* чернь, *непросвѣщенна* (II, 98)[2].

---

[1] По Смирдинскому изданію.
[2] По 2-му академическому изданію.

Изъ Крылова:

Польсти же мнѣ, надежда *мила* (II, 91)[1].
Мнѣ жизнь *дѣвическа* ничуть не тяжела (113).
Помертвѣло *чисто* поле (149).
Умильны ямочки пропали на щекахъ (114).

Изъ Пушкина:

Въ *долгу* ночь на вѣткѣ дремлетъ....
Въ теплый край, за *сине* море (III, 241)[2].
Летунья *легокрыла* (тамъ же, 402).

Стр. 300 и 305. При указаніи отступленій отъ обычныхъ формъ склоненія слѣдуетъ прибавить народн. творит. падежъ числит. *сто—стомя*.

300. «Зелень *имѣетъ во множ. еще діалект. форму зелень*».—Это справедливо (хотя неправильна транскрипція zeleńja=зеленья), но необходимо оговорить, что въ такомъ случаѣ *зелень* (въ значеніи озимыхъ хлѣбовъ на корню)—мужескаго рода (какъ лѣкаря, учителя) и уже неупотребительно въ единст.

Стр. 302. Между примѣрами именъ на *ёнокъ* пропущено неправильное множ. *чертенята*.

Стр. 308. *Въ склоненіи личнаго мѣстоим. приставляется и передъ гласною «послѣ односложныхъ предлоговъ»*.—Не только послѣ односложныхъ, но вообще послѣ первообразныхъ предлоговъ, какъ-то: *мимо, между, возлѣ, подлѣ, послѣ, противъ: мимо него, возлѣ нея, противъ нихъ*.

Пропуская нѣсколько другихъ менѣе важныхъ замѣтокъ г. Миклошича, которыя могли бы также быть дополнены или подать поводъ къ возраженіямъ, — повторю въ заключеніе, что все сказанное мною сообщается никакъ не въ укоръ заслуженному филологу, а единственно въ интересѣ науки.

---

[1] По Полному собранію сочиненій Крылова.
[2] По изданію Анненкова.

ДВѢ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербургъ, 1875 г.

Резьянскій катихизисъ, какъ приложеніе къ «Опыту фонетики резьянскихъ говоровъ» съ примѣчаніями и словаремъ. Издалъ И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Трудъ г. Бодуэна «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ» былъ плодомъ его путешествія по славянскимъ землямъ и доставилъ ему степень доктора при Петербургскомъ университетѣ. Имя маленькаго славянскаго народа Резіянъ, составляющаго съ небольшимъ 3.000 душъ, конечно, извѣстно у насъ очень немногимъ. Живетъ онъ въ странѣ, прилегающей къ сѣверному берегу Адріатическаго моря, въ горахъ за рѣкою Сочей или Изонцо, отличается сравнительно нѣкоторою патріархальною чистотою нравовъ, и говоритъ языкомъ, сохраняющимъ многія исконныя особенности. Первый изъ Русскихъ посѣтилъ Резіянъ въ 1841 году академикъ И. И. Срезневскій, и тогда же напечатано было въ Часописи Чешскаго музея письмо его къ Ганкѣ объ этомъ народцѣ. Благодаря позднѣйшему изслѣдованію И. А. Бодуэна, Срезневскій вспомнилъ дневникъ, веденный имъ во время давнишняго путешествія, но остававшійся съ тѣхъ поръ въ рукописи, и напечаталъ его въ академическомъ изданіи съ любопытными приложеніями, между которыми находится и сейчасъ упомянутое письмо его къ чешскому ученому. Въ самомъ дневникѣ онъ живо разсказываетъ свои встрѣчи съ простодушными туземцами, описываетъ ихъ быть и нравы. Помѣщенныя имъ подъ строкою замѣтки г. Бодуэна показываютъ, что съ

того времени многое измѣнилось даже и въ этомъ тихомъ уголкѣ земли. Впрочемъ, географическое и статистическое описаніе, Резьянской долины г. Бодуэнъ обѣщаетъ сообщить въ особой статьѣ; теперь же онъ въ своей книжкѣ разсматриваетъ, съ большою подробностію, только языкъ населенія. Въ предисловіи онъ откровенно сознается, что въ началѣ своихъ наблюденій надъ мѣстными говорами онъ слѣдовалъ отчасти ошибочнымъ пріемамъ. «Находясь подъ вліяніемъ какой-то лихорадочной жадности», говоритъ онъ, «я старался прежде всего записать по возможности болѣе, не принимая в соображеніе того разумнаго правила, что для науки всего желательнѣе и полезнѣе даже небольшое количество совершенно вѣрныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ и основанныхъ на нихъ выводовъ, нежели громадная куча наскоро замѣченныхъ явленій и обусловленныхъ ими предположеній иногда весьма проблематическаго свойства». За то «постоянное упражненіе, вслѣдствіе внимательнаго вслушиванія в малѣйшіе оттѣнки произношенія различныхъ, не только славянскихъ, но тоже романскихъ и германскихъ, говоровъ развило во мнѣ», продолжаетъ авторъ, «даже без достаточныхъ теоретическихъ познаній, извѣстнаго рода опытность и ловкость, благодаря которымъ, подъ конецъ моихъ изысканій, я записывалъ діалектическіе матеріалы, какъ мнѣ кажется, почти безукоризненно».

При всемъ томъ, авторъ самъ не вполнѣ доволенъ результатами своимъ изслѣдованій и полагаетъ, что для пополненія оставшихся пробѣловъ и исправленія вѣроятныхъ промаховъ ему нужно были бы еще разъ провѣритъ свои наблюденія на мѣстахъ: по его убѣжденію, такія вторичныя поѣздки вообще необходимы для діалектологовъ. Резьяне же, какъ мы узнаёмъ далѣе изъ самаго изслѣдованія, вообще говорятъ очень скоро и невнятно.

Трудъ г. Бодуэна раздѣляется на три части: первая посвящена описанію резьянскихъ звуковъ вообще, вторая—разсмотрѣнію этимологическихъ отношеній этихъ звуковъ, третья—общимъ заключеніямъ и выводамъ. Мы не послѣдуемъ за авто-

ромъ во всѣхъ подробностяхъ его наблюденій, представляющихъ совершенно спеціальный интересъ, но не можемъ не замѣтить, что между ними есть нѣкоторыя чрезвычайно-любопытныя. Отъ вниманія его не ускользнули и тѣ измѣненія, которыя отличаютъ современное резьянское нарѣчіе отъ прежняго. Такъ его поразило, между прочимъ, исчезновеніе звука h передъ гласными въ столбицкомъ говорѣ. «Характеристично в этом отношеніи», разсказываетъ онъ, «негодованіе одного семидесятилѣтняго старца из Столбицы противъ молодых людей его же деревни, которых он вовсе не в состояніи понять вслѣдствіе именно невыговариванія ими произносимаго им и его сверстниками согласно h. Так напримѣр, одна молодая женщина спросила его «réte nát?» и он только послѣ догадался, что это должно было означать: «hréte hnát?» (идете гнать? то есть скот). Старик, объявляя этот, по его мнѣнію, предосудительный обычай молодых «бравурой», то есть, желаніем пофрантить и порисоваться».

Что касается отношенія резьянскихъ говоровъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, то г. Бодуэнъ находитъ всего болѣе сходства между ними и говорами южныхъ сосѣдей Резьянъ, то есть, Сербовъ и Хорватовъ смежныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ въ языкѣ первыхъ на одну характеристическую особенность, на основаніи которой можно считать ихъ говоры совершенно особой группой въ области сербо-хорватскаго нарѣчія. «Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законѣ гармоніи гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, темных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких . . . Эта особенность проявляется в каждом без исключенія малосложном резьянском словѣ, если не в положительном, то по крайней мѣрѣ отрицательном смыслѣ и слѣдовательно проникает весь звуковой организм резьянских говоров».

Такъ какъ подобное построеніе словъ составляетъ главную фонетическую особенность финскихъ и вообще туранскихъ языковъ, и кромѣ того большинство Резьянъ отличается совершенно

не славянскими физіономіями, то авторъ высказываетъ предположеніе, что они представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ туранскаго племени или, точнѣе говоря, состоятъ изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранами: «Резьянскіе же говоры, сообразно племенному происхожденію ихъ носителей, являются славянскими говорами, подвергшимися сильному туранскому вліянію». Въ подкрѣпленіе этой гипотезы, впрочемъ, никакъ не выдаваемой авторомъ за рѣшительный выводъ, онъ указываетъ и на сознаніе нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ Резьянъ. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища въ Раванцѣ, говоря съ нимъ о трудностяхъ письменной передачи резьянскихъ звуковъ, высказала мнѣніе, что «ta únḷarska gramátika ba bila najbújša za nàš laṅgàč», то есть: венгерское правописаніе было бы самое подходящее для нашего языка. Но вообще между Резьянами и даже внѣ ихъ земли очень распространено, хотя и ни на чемъ не основанное, преданіе, будто родоначальники нынѣшнихъ Резьянъ прибыли изъ Россіи и что поэтому Резьяне суть Русскіе и говорятъ русскимъ языкомъ. Это мнѣніе, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь мѣстному ученому, который такъ истолковалъ случайное сходство названія своего племени съ именемъ Русскихъ. На это повѣрье Резьянъ указалъ уже и акад. Срезневскій въ своемъ дневникѣ.

Справедлива ли догадка г. Бодуэна объ элементахъ резьянскаго нарѣчія и вообще въ какой степени всѣ частныя замѣчанія его вѣрны, объ этомъ судить не считаю себя въ правѣ безъ спеціальнаго знакомства съ предметомъ его наблюденій. Могу говорить только о его методѣ и выказанныхъ въ его новомъ трудѣ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ. Съ этой стороны, нельзя не отдать полной справедливости изслѣдованію г. Бодуэна, свидѣтельствующему о совершенно правильныхъ пріемахъ его многосторонихъ наблюденій. Можно только усомниться, не слишкомъ ли пространно у него изложены всѣ мельчайшія подробности подмѣченныхъ имъ явленій, и не лучше ли бы онъ поступилъ

если бъ въ окончательномъ результатѣ своихъ изысканій ограничился болѣе рѣзкими и крупными чертами, отнеся остальное въ приложенія, какъ матеріалъ, послужившій ему основаніемъ для его выводовъ. При менѣе обширныхъ размѣрахъ, его изслѣдованіе конечно выиграло бы въ интересѣ и наглядности. Какъ ни сухи повидимому филологическіе труды, и въ нихъ не должно пренебрегать способомъ изложенія, при которомъ они могутъ становиться болѣе удобочитаемыми даже для спеціалистовъ. Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ, что хотя слогъ г. Бодуэна вообще правиленъ, однакожъ изрѣдка встрѣчаются у него выраженія не совсѣмъ согласныя съ духомъ русскаго языка. Впрочемъ, можно надѣяться, что подобные частные промахи изложенія скоро исчезнутъ изъ сочиненій г. Бодуэна при его дальнѣйшей дѣятельности въ чисто-русской средѣ и его рѣдкихъ филологическихъ дарованіяхъ.

II.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва 1875.

Попытка г. Бѣлявскаго внести въ кругъ учебной грамматики сравненіе съ классическими языками входитъ въ область вопроса, раздѣляющаго нынче весь германскій педагогическій міръ на два противоположные лагеря. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разсмотрѣвъ въ изданной 1874 года въ Мюнхенѣ брошюрѣ г. Жолли (Jolly): «Schulgrammatik und Sprachwissenschaft». Затѣмъ его коснулся и критическій отдѣлъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ г. Гельбке[1]. Пріятно было видѣть, что здѣсь вопросъ рѣшается точно такъ же, какъ и въ изслѣдованіи г. Жолли, то-есть, въ пользу введенія результатовъ сравнительнаго языкоученія въ гимназическій курсъ преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо соблюдать извѣстныя границы сообразно съ цѣлію и со степенью интереса, который можно предполагать къ такому методу въ учащихся, по возрасту ихъ и развитію. Надлежащая въ этомъ отношеніи мѣра удачно выдержана въ греческой грамматикѣ Курціуса, въ первый разъ возымѣвшаго и осуществившаго идею подобнаго примѣненія успѣховъ науки слова къ потребностямъ школы.

У насъ прочное основаніе сравнительному методу въ русской грамматикѣ положено Ѳ. И. Буслаевымъ, труды котораго со-

[1] *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь 1875: «О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ».

ставили эпоху въ исторіи преподаванія отечественнаго языка. Съ его почина изученіе церковно-славянскаго языка стало итти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ параллельно съ русской этимологіей, и благодаря «Исторической грамматикѣ» начали появляться учебники, развивающіе то же содержаніе въ меньшихъ размѣрахъ и въ болѣе доступной для учениковъ формѣ. Значеніе, какое дано въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, подало г. Бѣлявскому счастливую мысль расширить область сравнительнаго метода въ славяно-русской грамматикѣ, положивъ въ основу его формы греческія и латинскія [1]. Называю эту мысль счастливою потому, что ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и законность; то, что иначе усвоивалось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознаніе. «Древній церковно-славянскій языкъ, объясняя формы русскаго языка, въ то же время указываетъ на близкое родство этого послѣдняго съ древними классическими языками. Родство это обнаруживается не только въ корняхъ и образованіи словъ, но и во всѣхъ оттѣнкахъ измѣненій словъ. Въ другихъ новыхъ языкахъ измѣненіе частей рѣчи такъ далеко уклонилось отъ первоначальнаго своего вида, что сближеніе въ этомъ отношеніи новыхъ языковъ съ древними классическими дѣлается, по крайней мѣрѣ въ учебникѣ, невозможнымъ. Славянскіе языки болѣе другихъ новѣйшихъ языковъ сохранили первобытныя формы и поэтому удобнѣе могутъ быть сближаемы съ древними классическими языками». Изъ этихъ словъ, которыми начинается предисловіе г. Бѣлявскаго, мы узнаемъ весьма вѣрную исходную мысль новаго руководства, назначаемаго, какъ

[1] Изданная Лицеемъ Цесаревича Николая превосходно составленная Латинская грамматика въ соединеніи съ русскою заключаетъ въ себѣ также сравненія по одному изъ древнихъ языковъ съ русскимъ, но она не проводитъ методически сличенія формъ того и другого, а указываетъ лишь вообще на встрѣчающіяся въ обоихъ сходныя грамматическія явленія.

онъ далѣе объясняетъ, главнымъ образомъ для IV класса гимназій, съ тѣмъ однакоже, чтобы не вполнѣ усвоенное по недостатку времени въ этомъ классѣ проходилось въ высшихъ при чтеніи памятниковъ древней русской литературы.

Новый элементъ проведенъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго весьма сдержанно и, на первый случай, достаточно для цѣли уясненія состава и формъ языка. Сравненіе съ древними языками оказало здѣсь самое значительное вліяніе на способъ дѣленія существительныхъ по склоненію. Помощію своего метода авторъ убѣдился, что славяно-русское склоненіе существительныхъ почти тожественно съ такимъ же склоненіемъ въ классическихъ языкахъ: такъ какъ тамъ склоненія различаются не столько по окончаніямъ падежнымъ, сколько по основамъ, то онъ, принявъ то же начало, нашелъ всего удобнѣе раздѣлить церковно-славянскія и русскія имена сущ. также на три склоненія, и къ первому изъ нихъ отнесъ имена съ основой на *а*; какъ на самый чистый гласный звукъ. Начать съ склоненія на *а* ему казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что оно въ русскомъ языкѣ имѣло сильное вліяніе на прочія склоненія, которыя во многихъ падежахъ потеряли свою основную гласную и приняли основу склоненія на *а*. Нельзя не признать справедливости этихъ соображеній. Дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія, по замѣчанію г. Бѣлявскаго, также весьма сходны въ греческомъ языкѣ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на слова, имѣющія такъ называемыя неправильныя окончанія; въ нихъ всего болѣе обнаруживаются остатки древности и одинаковое съ греческими и латинскими словами образованіе, часто даже одни и тѣ же корни.

Предположивъ, что по его руководству преподаваніе должно начаться ученіемъ о буквахъ и звукахъ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ парадигмамъ склоненій и спряженій, г. Бѣлявскій отдѣлилъ всѣ парадигмы отъ самыхъ объясненій. Этимъ онъ достигъ весьма важной выгоды въ томъ отношеніи, что при такомъ способѣ ему легче было избѣгнуть той сухости, какою страдаетъ изложеніе въ бо́льшей части грамматикъ. Здѣсь объяс-

нительная часть, при надлежащей сжатости и стройномъ расположеніи, своею удобопонятностью способна заинтересовать достаточно-подготовленнаго ученика. Такимъ образомъ надо отдать полную справедливость умѣнью автора обращаться съ своимъ матеріаломъ. Что касается степени знанія и разумѣнія, обнаруженныхъ имъ при самой разработкѣ его, то и съ этой стороны новый учебникъ является въ весьма благопріятномъ для него свѣтѣ. Въ книгѣ этого рода мы, конечно, не можемъ непремѣнно требовать результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій или новыхъ филологическихъ открытій. Хорошо уже, если авторъ, ознакомившись съ важнѣйшими учеными трудами по своему предмету, извлекаетъ изъ нихъ все то, что съ пользою можетъ быть употреблено для педагогической цѣли. Хотя для законовъ славяно-русской этимологіи главнымъ источникомъ г. Бѣлявскому, очевидно, служила Историческая грамматика г. Буслаева, однакожъ нельзя не замѣтить у него и знакомства съ новѣйшими трудами по русской филологіи. Притомъ и старый матеріалъ во многихъ частяхъ разработанъ имъ самостоятельно. Такъ, отдѣлъ о звукахъ, при всей своей краткости, представляетъ у него въ основномъ ихъ распредѣленіи болѣе вѣрное пониманіе, нежели какое мы находимъ въ большей части нашихъ грамматикъ. Это можно сказать особенно о его правильномъ дѣленіи гласныхъ на твердые и мягкіе. Жаль однакожъ, что онъ въ системѣ русскихъ звуковъ употребляетъ безъ дальнѣйшаго поясненія иностранную букву j, которую вслѣдъ за большинствомъ филологовъ считаетъ согласною (а не полугласною) и по примѣру нѣмецкихъ славистовъ сопровождаетъ въ концѣ слова *еромъ* [1]. Такъ, напримѣръ, чтобъ уяснить род. падежъ множ. ч. именъ муж. р. на ь онъ пишетъ въ скобкахъ: конь-j-ъ или коне-j-ъ (стр. 47). Подобныя непроизносимыя начертанія едва ли достигаютъ своей цѣли въ учебникѣ. При указаніи на усиленіе звука е въ о и въ jo (стр. 12) условіемъ этого перехода показано только удареніе, но забыто

[1] См. выше, стр. 335—337.

другое, столь же существенное въ большей части случаевъ условіе, то-есть, твердость послѣдующаго звука, напримѣръ, въ словѣ *плесть* такой переходъ невозможенъ, но онъ оказывается въ формѣ *плётка*. Въ фонетической терминологіи авторъ разбираемаго руководства держится общеупотребительныхъ у насъ, хотя и не выдерживающихъ критики названій, напримѣръ, *звучные* и *отзвучные*, *придыхательные* и т. п.[1], при чемъ онъ, конечно, можетъ, въ оправданіе свое, опереться на довольно сильные авторитеты. Замѣчаніе, что буква *ъ* большею частью удерживаетъ на себѣ ударепіе (стр. 8), напримѣръ *дьти*, *съверъ*, *ньмецъ*, высказывалось, правда, и другими, но оно положительно невѣрно, если, по крайней мѣрѣ, не ограничить его дополненіемъ: «въ первообразныхъ словахъ», какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ близкихъ къ приведеннымъ словъ: *дьтйна*, *съверянинъ*, *ньмéцкій*. Кстати, объ ударепіи: по общему у насъ обычаю, г. Бѣлявскій почти вовсе оставляетъ его безъ вниманія при объясненіи законовъ языка: можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ своими предшественниками полагаетъ, что ударепіе къ ученію о формахъ не относится; я убѣжденъ, напротивъ, что грамматика наша до тѣхъ поръ не вступитъ на истинный путь, пока не внесетъ ударенія, какъ существеннаго элемента, въ теорію русскихъ флексій. Флексіею г. Бѣлявскій (стр. 25) называетъ «измѣняемую по склоненію или спряженію часть слова», но едва ли не справедливѣе назвать такъ самое это измѣненіе, какъ дѣлаетъ г. Буслаевъ (см. его Учебникъ русской грамматики. М. 1874. § 28).

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Между суффиксами существительныхъ мы находимъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, «*тл* (*о*) (= лат. tr-um, греч. τρ-ον), при чемъ звукъ *т* передъ *л* отпадаетъ», и въ примѣръ того приведены: *рало*, *вертило*, *било*, *шило*, *мыло*. Знаю, что это мнѣніе выражается не въ первый разъ (г. В. Миллеръ относитъ и слово *миръ* къ тому

[1] Что неудобно какіе бы ни было звуки называть *звучными* и находить *придыхательные* въ языкѣ, гдѣ вообще нѣтъ придыханій, объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе: см. II-й томъ настоящаго изданія.

же суффиксу); но позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда на составъ подобныхъ словъ. Относительно ц.-сл. сущ. *рало* трудно сказать что-нибудь положительное (Я. Гриммъ сближаетъ съ этимъ словомъ нѣм. arl), но въ *русскихъ* именахъ такого образованія нельзя не видѣть просто обращенныхъ въ сущ. причастныхъ формъ ср. рода: западнославянская вставка въ такихъ именахъ звука *д* передъ *л* не что иное, какъ фонетическое явленіе. Когда *д* или *т* есть въ корнѣ, то эти звуки и у насъ не выпадаютъ передъ именнымъ суффиксомъ *ло*, напримѣръ, *сѣдло*, *метла*.

Суффиксъ для означенія дѣтей *ищ*, замѣчаетъ г. Бѣлявскій, перешелъ въ русскомъ языкѣ въ суффиксъ именъ отечественныхъ *ич*, приставляемый обыкновенно къ суффиксамъ прилагательныхъ *ов*, *ев*. — Суффиксъ *ич* образуетъ не одни отечественныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, но, присоединяясь и къ нарицательнымъ, означаетъ вообще происхожденіе лицъ мужескаго пола, напримѣръ, *поповичъ*, *королевичъ*, *родичъ*, *дядичъ*, *отчичъ*, *москвичъ*; притомъ онъ присоединяется часто, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не къ однимъ прилагательнымъ на *ов*, *ев*, но и прямо къ основѣ имени существ., даже иногда женскаго рода, какъ показываетъ слово *рабыничъ* въ лѣтописи. Эту форму умѣстно было бы сравнить съ гр. ιτης ὰης, ιδευς, съ лат., ita, icus, itius, на которыя указалъ еще Павскій (*Ф. И.*, II, § 76).

По обозрѣніи окончаній множ. ч. всѣхъ склоненій, авторъ новой грамматики (стр. 52) обращаетъ вниманіе на сходныя въ нихъ формы и выводитъ справедливое заключеніе: «Слѣдовательно, во множ. числѣ окончанія, указывающія склоненіе и родъ, хотя тоже съ исключеніями, находятся только въ именит. сред. рода: *а*, *я* и въ род. муж. рода: *овъ*, *евъ*»: Здѣсь надобно было прибавить еще одно очень важное замѣчаніе, именно, что и именит. множ. числа въ сущности не имѣетъ окончаній, строго различаемыхъ по родамъ, ибо, какъ звуки *ы*, *и* часто придаются въ этой формѣ именамъ средняго р. (солнцы, яблоки), такъ и наоборотъ имена муж. р. чуть ли не по большей части оканчи-

ваются въ ней на *а́*, *я́*. При этомъ слѣдовало бы конечно указать и на законъ, дѣйствующій въ послѣднемъ случаѣ и относящійся къ ударенію. Тутъ есть три непзмѣнныя правила: 1) именит. падежъ тѣхъ именъ муж. р., у которыхъ ударепіе падаетъ на падежное окончаніе: *столъ*, *стола́* и т. д., не можетъ въ имен. множ. оканчиваться иначе, какъ на *ы*. 2) Не могутъ оканчиваться на *а́*, *я́* и тѣ двух- и трехсложныя имена съ ударепіемъ на послѣднемъ слогѣ въ именит. падежѣ ед. ч., которыя не перемѣняютъ акцента и во флексіяхъ; итакъ *стака́нъ*, *стака́ны*. 3) Напротивъ, на *а́*, *я́* въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются такія имена муж. р., которыя въ прямой формѣ ед. ч. носятъ ударепіе на предпослѣднемъ слогѣ, а также и многія односложныя, принадлежащія къ вседневной рѣчи: *па́варъ*, *повара́*, *ма́стеръ*, *мастера́*, *го́лосъ*, *голоса́*, *учи́тель*, *учителя́* [1] и проч. Можетъ-быть, авторъ только въ этомъ курсѣ не хотѣлъ касаться ударенія и полагалъ отнести ученіе о немъ къ другому, высшему курсу грамматики; но въ такомъ взглядѣ и заключается существенное недоразумѣніе, потому что у насъ формы флексій тѣсно связаны съ ударепіемъ или отсутствіемъ его въ окончаніяхъ.

Вслѣдъ за приведенными строками г. Бѣлявскій объясняетъ средство узнавать по род. падежу множ. ч. родъ именъ, неупотребительныхъ въ единственномъ. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ этотъ способъ не можетъ оказать помощи, какъ, напримѣръ, относительно имени *сани*, род. множ. *саней*. Авторъ по примѣру прежнихъ грамматиковъ, причисляетъ это имя просто къ женскому роду, но есть признакъ для доказательства этого: надо образовать уменьшительную его форму, и тогда родъ ясно окажется: *санки*, *санокъ* (а не санковъ). При этомъ припоминается общее правило, о которомъ наши грамматики обыкновенно умалчиваютъ: при образованіи увелич. или уменьшительнаго родъ имени не измѣняется, несмотря на окончаніе суф-

[1] Подробнѣе объ этомъ см. выше, стр. 441.

фикса. Вотъ почему имена *домишко, домище, домина, мальчишка* — муж. р. Исключеній почти нѣтъ: къ числу немногихъ принадлежатъ: *съделка, веселка, дряню́* (по есть и форма: *дряня́*).

При исчисленіи суффиксовъ, служащихъ къ образованію прилагательныхъ, всѣ наши грамматики грѣшатъ тѣмъ, что не отдѣляютъ самыхъ распространенныхъ изъ нихъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе частное примѣненіе. Отъ этого случилось, что г. Бѣлявскій (§ 120) совершенно упустилъ изъ виду самый главный изъ первыхъ, именно суффиксъ *н*, который и въ Исторической грамматикѣ г. Буслаева упоминается только мимоходомъ въ числѣ другихъ. Между тѣмъ онъ образуетъ наибольшее число качественныхъ прилагательныхъ и по способу присоединенія къ основамъ представляетъ множество любопытныхъ видоизмѣненій. Чтобы не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности, удовольствуюсь только примѣрами разныхъ категорій образованія посредствомъ суффикса *ный:* черный, важный, сильный, сердечный, чудесный, погребальный, хвалебный, сравнительный, огненный, чувственный. Къ образованію прилагательныхъ отъ иноязычныхъ словъ преимущественно служитъ этотъ же суффиксъ: элементарный, идеальный, деликатный, серіозный и проч. и проч. Онъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при дополнительныхъ слогахъ образуетъ прилагательныя относительныя: гостиный, лебединый, серебряный, пятый (суффиксъ *яный* приведенъ и г. Бѣлявскимъ, но не какъ видоизмѣненіе другого болѣе общаго окончанія). Значеніе относительнаго прилагательнаго суффиксъ *н* сообщаетъ особенно подъ ударе́ніемъ: родно́й, степно́й, временно́й. Далѣе онъ же, въ формѣ *ній*, образуетъ прилагательныя, означающія отношеніе къ пространству или времени: верхній, нижній, средній, древній и проч.

Упоминая объ окончаніяхъ прилагательныхъ, выражающихъ принадлежность лицу (§ 120, пунктъ 3), г. Бѣлявскій (опять по примѣру всѣхъ нашихъ грамматиковъ) вовсе умалчиваетъ о двойныхъ или двучленныхъ суффиксахъ *ов-скій* и *ин-скій*, служа-

ціихъ къ образованію прилагат. относительныхъ, всего чаще личныхъ, напримѣръ: поповскій, петровскій, днѣпровскій, мартовскій, шемахинскій, маріинскій. Двучленный суффиксъ *овскій*, такъ же какъ и отдѣльныя части его (т. е. *овъ* и *скій*) послужилъ къ образованію множества русскихъ родовыхъ именъ, напримѣръ Соколовъ, Соколовскій; гораздо рѣже встрѣчается въ русскихъ именахъ этой категоріи суффиксъ *инскій* (Кульмпнскій, Ильинскій), хотя одно окончаніе *инъ* также весьма обыкновенно: *Свининъ*, *Пушкинъ*.

Въ статьѣ объ образованіи видовъ отъ глаголовъ первообразныхъ (§ 153) слишкомъ мало обращено вниманія на особый разрядъ глаголовъ, въ примѣръ которыхъ г. Бѣлявскій привелъ: *ползти*, *ползать* и *плыть*, *плавать*. Въ нихъ выставилъ онъ только то отличіе, что они, принимая примѣту *а*, «не заключаютъ въ себѣ понятія о давности», которое, по мнѣнію его, свойственно глаголамъ многократнаго вида: *пдать*, *пьвать*, и проч. Въ первыхъ, прибавляетъ онъ, «понятіе о многократности дѣйствія переходитъ въ понятіе о дѣйствіи въ разныхъ направленіяхъ, потомъ о постоянныхъ занятіяхъ предмета, и, наконецъ, понятіе о дѣйствіи предмета переходитъ въ нихъ въ понятіе о свойствѣ: змѣя *ползетъ* (дѣйствіе), змѣя *ползаетъ* (свойство)». Здѣсь, во-первыхъ, не указанъ существенный признакъ значенія такихъ глаголовъ: всѣ они означаютъ не дѣйствіе вообще, а именно *движеніе*, движеніе разными способами: итти, ходить; бѣжать, бѣгать; плыть, плавать; ползти, ползать; катить, катать; летѣть, летать; валить, валять; ронить, ронять и пр. Во-вторыхъ, различіе этихъ формъ состоитъ совсѣмъ не въ различіи вида, а образуетъ совершенно особую категорію двоякихъ понятій: единство или разнообразіе направленія составляетъ, конечно, одну изъ чертъ этого различія, но что касается постоянства занятія и свойства, то это значеніе можетъ принадлежать и всѣмъ глаголамъ несовершеннаго вида. Въ выраженіи: *змѣя ползаетъ* сказуемое не болѣе означаетъ постоянство занятія или свойство, какъ въ такихъ фразахъ: «животное движется, дерево растетъ, земледѣлецъ пашетъ»

и т. п. Особенность *двоякихъ* глаголовъ *движенія* заключается въ томъ, что они въ одной формѣ означаютъ движеніе не только въ одномъ направленіи, но и въ *одинъ пріемъ*, а въ другой формѣ движеніе то въ разныхъ направленіяхъ, то безъ опредѣленной цѣли, то повторяющееся (учащательное), хотя и въ одномъ направленіи; напримѣръ, встрѣтивъ кого-нибудь на улицѣ, я спрошу его: *куда ты идешь?* а не *куда ты ходишь?* но могу спросить: «куда ты въ это время каждый день *ходишь* по этой дорогѣ?» Тутъ разумѣется одно направленіе, но имѣются въ виду разные пріемы (краты) и дѣйствіе повторяющееся. Далѣе, особенность этихъ глаголовъ состоитъ еще въ томъ, что они въ обѣихъ формахъ имѣютъ и настоящее и сложное будущее: я иду, я хожу, я буду итти, я буду ходить[1], чего не представляютъ глаголы, различающіеся по видамъ, напримѣръ: бросить и бросать, хватить и хватать. Слѣдовательно, въ первообразной формѣ своей двоякіе глаголы движенія должны быть разсматриваемы не въ главѣ о видахъ, а какъ совершенно отдѣльный разрядъ славянскаго глагола; образованіе видовъ отъ нихъ опять не подходитъ подъ общія правила, и въ этомъ отношеніи они также должны занимать свое особое мѣсто.

Говоря о дѣленіи глаголовъ на спряженія, г. Бѣлявскій, по старому обычаю нашихъ грамматиковъ, повторяетъ правило, что 1-е спряженіе отличается отъ 2-го по 2-му лицу единст. числа (§ 167, п. 2). Какъ причину принятія 2-го лица ед. ч. признакомъ отличія обоихъ спряженій (на *ешь* и *ишь*), г. Бѣлявскій приводитъ то, что этотъ признакъ *ясно виденъ* въ 1-мъ лицѣ: для

[1] Впрочемъ это свойство принадлежитъ и небольшому числу другихъ глаголовъ, которые означаютъ не движеніе, а нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ зрѣнію и слуху, напримѣръ: видѣть и видать, слышать и слыхать, блестѣть и блистать, свистѣть и свистать. Но очевидно, что между обѣими формами этихъ глаголовъ нѣтъ того опредѣленнаго различія, какъ между глаголами движенія. Поэтому *Востоковъ* (Р. Грам. § 59) и *Павскій* (Ф. Н., III, § 22) напрасно соединили тѣ и другіе въ одну категорію, назвавъ ихъ: первый (т. е. Востоковъ) опредѣленными и неопредѣленными, и второй (Павскій) однообразными и разнообразными.

бо́льшей ясности принято 2-е лицо ед. ч. Но что́ если это различіе еще *яснѣе* видно изъ другого лица? Не придется ли въ такомъ случаѣ отдать преимущество этому лицу? Такою формой является у насъ, какъ въ семитическихъ языкахъ, 3-е лицо, но не единств., а множ. числа. Доказать это не трудно. Возьмемъ сначала 2-е лицо ед. ч. По формамъ *можешь*, *берешь* (самимъ по себѣ) еще не узна́ешь 1-го лица ед. ч., ибо такъ же оканчиваются глаголы *мажешь*, *пореш*ь; но если взять формы *могутъ*, *берутъ*, *мажутъ*, *порютъ*, то 1-е лицо несомнѣнно образуется по этому: сто́итъ только отбросить *тъ*. Такимъ образомъ получается форма; остается опредѣлить ударе́ніе: указаніемъ ударе́нія служитъ неопредѣленное наклоне́ніе. На сходство ударе́нія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. и неопр. наклоне́нія непремѣнно нужно обратить вниманіе въ учебникѣ, какъ на явленіе весьма характеристичное: *писа́ть*, *пишу́*, *дрема́ть*, *дремлю́*, *люби́ть*, *люблю́*; тогда какъ другія лица того же времени въ исчисленныхъ здѣсь и очень многихъ другихъ глаголахъ отступаютъ отъ этого ударе́нія. Не сходятся въ этомъ отношеніи указанныя двѣ формы только въ такихъ глаголахъ, у которыхъ неопред. накл. односложное (напримѣръ, красть, кра́ду, класть, кладу́), или которые оканчиваются на *чь* (беречь, берегу); но число тѣхъ и другихъ не велико, и отличіе ихъ ударе́нія не трудно уразумѣть[1].

Въ § 207 показаны глаголы, которые по однѣмъ формамъ относятся къ первому спряженію, по другимъ — ко второму. Здѣсь, въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ, приведены глаголы *дышать* и *слышать* съ такимъ замѣчаніемъ, что въ разговорномъ языкѣ первый принимаетъ иногда формы 2-го спряженія (дышишь), а второй—формы 1-го спряженія (слышешь). Если это бываетъ только иногда, то значитъ, что и наоборотъ, иногда, а можетъ быть и часто, слышится въ обоихъ случаяхъ правильная форма. Но которая же форма правильна? Конечно та, которая соотвѣт-

[1] Подробнѣе см. выше статью: «О спряженіи глагола и важности въ немъ ударе́нія».

ствуетъ общему закону спряженія, то-есть, форма на *ишь* (въ окончаніи *ать* послѣ шипящихъ, *а* замѣнило *ъ*, а *ъ* есть только видоизмѣненіе *и:* кричат*ъ*, какъ смотр*ѣть*, — *ишь*). Слѣдовательно, лучше было бы обратиться къ общему явленію, по которому въ глаголахъ окончаніе въ живой рѣчи слышится неправильно: не въ двухъ приведенныхъ глаголахъ только, но и во множествѣ другихъ произносятъ *ешь* вмѣсто *ишь*, и *ут*ъ, *ют*ъ вмѣсто *ат*ъ, *ят*ъ, и наоборотъ; напримѣръ, многіе говорятъ и ошибочно пишутъ: «онъ скажитъ, онъ пріѣдитъ, они хлопочатъ, надѣятся». Въ чемъ же сущность этого явленія? Въ неопредѣленности нашихъ неударяемыхъ гласныхъ: подобно тому, какъ смѣшиваются въ произношеніи *а* и *о*, — смѣшиваются равнымъ образомъ *е* и *и*, и это не въ однихъ глаголахъ: такъ же точно многіе ошибаются, когда пишутъ: цвѣточикъ, малинькій и т. п. Итакъ на это явленіе должно быть указано не въ той или другой, случайно выбранной, формѣ, а при общемъ разсмотрѣніи звуковъ, или въ отдѣлѣ правописанія.

Въ главѣ объ архаическомъ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ (дамъ, ѣмъ,—вѣсть) опущенъ глаголъ *создать* съ его неправильными, но замѣчательными личными формами: *создамъ*, *создашь*. Надо было, сверхъ того, особо остановиться на глаголахъ: страдать—страждутъ, жаждать (вм. жадать) — жаждутъ, здать — зиждутъ, гнать—женутъ, зыбать—зыблютъ, въ спряженіи которыхъ не одни ученики частехонько ошибаются, такъ что, напримѣръ, слышатся такія формы: изженить, зиждить, зыблить (послѣднія двѣ попали даже въ словарь Даля).

Въ указаніи состава и происхожденія словъ книга г. Бѣлявскаго вообще очень исправна. Вотъ, однакожъ, два не совсѣмъ вѣрныя указанія:

1) Въ предлогахъ *подлъ* и *возлъ* суффиксомъ означенъ слогъ *лъ*. Древнія формы: подъль (также подоль, подолѣ, поздолѣ), подльгъ (польск. podług), вѣдъльѣ, вѣдолѣ (польск. vedle, vedług) открываютъ намъ въ основѣ этихъ предлоговъ корень *дл* (сущ. доль, длина), чѣмъ объясняется и составъ словъ *по-длинный*,

по-длинникъ, *по-длинно*. Такъ и первоначальная форма предлога *возлѣ*, какъ замѣтилъ Миклошичъ, должна быть *въздлѣ*.

2) Нарѣчія *вонъ* и *онь* раздѣлены такъ: *в-он-ъ*, *о-н-ь*, и при послѣднемъ поставлено въ скобкахъ *ъ онъ*. Конечно, г. Бѣлявскій не первый такимъ образомъ разлагаетъ эти частицы, но едва ли не основательнѣе Поттъ, а за нимъ и Миклошичъ, сближаютъ ихъ съ санскр. winâ, древне-прусск. winna почти того же значенія. Этимъ замѣчаніемъ я не хочу сказать, чтобы слѣдовало вводить въ учебники подобныя сравненія, но лучше вовсе не объяснять происхожденія словъ, нежели давать объясненіе невѣрное или даже сомнительное.

Указавъ на эти частности въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, повторю въ заключеніе то, что высказано уже въ началѣ настоящей замѣтки, то-есть, что этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе какъ по новой идеѣ, положенной въ основу его, такъ и по ея исполненію.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Учитель Корочанской Александровской прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія[1], а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать «Опытъ учебника русскаго синтаксиса». Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во второе Отдѣленіе Академіи наукъ съ просьбой разсмотрѣть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго («то, о чемъ говорится»), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи

[1] «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» въ 1878 году и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго» въ 1879.

множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иныя даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ, — главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подкрѣпленіе своей мысли, желая всячески унизить роль подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣетъ, смеркается), либо, какъ въ другихъ языкахъ, — въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (il pleut, man sagt). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой, а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣмъ или дамъ окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня!*

Для каждаго, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формой — глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно*, *тепло*, *холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣлению не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ*, *морозило*, то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ

предметныя понятія *свѣтъ*, *морозъ*, которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили въ языкѣ форму глаголовъ[1]; грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служитъ то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія[2], и однакожъ онъ между прочимъ такъ разсуждаетъ: «Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора*, *птица летитъ отъ охотника*, *ученики шумятъ безъ учителя*, собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы, причина ея полета; не хорошо, что шумятъ ученики, да и учитель не безвиненъ, если оставилъ учениковъ однихъ» и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нельзя*, *пора*, то понятно, что тутъ опущенъ глаголъ *есть*, который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служитъ имя безъ глагола: по его мнѣ-

[1] Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ il pleut, il neige, es regnet, es schneit, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

[2] См. его статью «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», стр. 6—9.

нію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ «вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени». Ему не приходитъ на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть?* По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначащи: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумѣваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идіотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ баснях Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего видне въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ озаглавленномъ: *Управленіе словъ*, говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о

согласованіи замѣчено: «Подлежащее, находясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ». Такимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подлежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ причисленъ къ управляемымъ.

Къ утвержденію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на подлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выражено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предложеніе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. въ стихѣ Крылова:

«Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ»,

второе предложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на вопросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, въ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* или *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, или простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе сказуемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, но дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено съ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, въ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, а опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумѣваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: «Въ предложеніи *Истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія*, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть*, а

подразумѣваемому слову *человѣкъ* при опредѣлительномъ *тотъ*, т. е. тотъ человѣкъ, который и т. д.». Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго, или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ особенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращаемо достаточнаго вниманія, но которая требовала бы основательнаго разъясненія. Когда мы говоримъ: «*До какой степени это важно*, видно изъ того, что оно стало извѣстно», или: «Желательно, *чтобъ онъ пришелъ*», или: «*Что онъ боленъ*, это доказывается его отсутствіемъ», неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія служатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельственными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго или подразумѣваемаго, точно такъ же какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: «что оно стало извѣстно» составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едва ли можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которою г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, разсѣянныя въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

О НАЗВАНІЯХЪ АИСТА ВЪ РОССІИ [1].

Нелегко опредѣлить происхожденіе слова *аистъ*. Подъ аистомъ, вообще говоря, разумѣютъ у насъ *чернаго* аиста, который водится почти во всей Европейской Россіи,—за исключеніемъ лишь западныхъ губерній,—до крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири. *Бѣлый* аистъ, имѣющій свое особое названіе, *бусель*, встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. (Замѣчанія Л. И. Шренка на Словарь Даля въ *Сб. Отд. р. яз. и сл.*, т. VII, № 10, стр. 71. Въ Словарѣ Даля ошибочно сказано, будто «черный аистъ у насъ не водится»). Къ означеннымъ здѣсь предѣламъ нахожденія аиста надобно причислить и низовья Дона, откуда Петръ Великій выписывалъ эту птицу, какъ видно изъ переписки его съ воронежскимъ губернаторомъ Колычевымъ [2]. Въ словарѣ Линде находимъ hajstra со ссылкою на русск. *аистъ*, съ поясненіемъ, что польское слово (впрочемъ не общеупотребительное въ языкѣ) означаетъ большую птицу сѣраго цвѣта, и съ цитатою, что этимъ именемъ неспра-

[1] Въ 1-мъ изданіи *Филологическихъ Разысканій* имя *аистъ* помѣщено было въ ряду другихъ словъ, извлеченныхъ изъ моего собранія этимологическихъ объясненій. Запасъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ прежде для разсмотрѣнія этого слова А. А. Куникомъ и послужившихъ основаніемъ для тогдашней моей замѣтки, съ тѣхъ поръ еще значительно увеличился новыми, которые нашъ неутомимый изслѣдователь продолжалъ собирать между прочимъ въ перепискѣ съ голландскими учеными, и вслѣдствіе того статья эта получила такіе размѣры, что должна была занять особое мѣсто.

[2] Матеріалы Военно-ученаго архива Гл. Штаба. Т. I, Спб. 1871, стр. 50.

ведливо называютъ породу чернаго цвѣта. Штраленбергъ напротивъ пишетъ: «Такихъ какъ въ Европѣ птицъ этой породы (Störche) я въ Сибири совсѣмъ не видалъ; но *черныхъ* съ красными носами и ногами, называемыхъ Agyst или Cara-Tschilan, у которыхъ перья имѣютъ почти такой же блескъ, какъ у павлиновъ, тамъ водится довольно» (Das Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia. Stockh. 1730, p. 421). Большая часть нынѣшнихъ славянскихъ народовъ употребляютъ для названія этой птицы разныя формы приведеннаго выше слова *бусель* (или *бочанъ*, см. у Линде Bocian[1]). У нѣкоторыхъ привилось въ различныхъ же видоизмѣненіяхъ германское Storch, которое и въ русскомъ приняло форму *стерхъ* (словарь Даля), а въ ц.-сл. *стрькъ* (Вост.). По мнѣнію А. А. Куника, Славяне потому не имѣютъ общаго названія для этой птицы, что она всегда водилась только въ нѣкоторой части ихъ первобытныхъ жилищъ въ Россіи.

По наблюденіямъ естествоиспытателей, многія птицы у насъ отлетаютъ, для вывода птенцовъ, все далѣе на сѣверъ. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ корма, происходящій отъ истребленія лѣсовъ и осушки болотъ. Относительно аиста можно указать на любопытные факты. Въ ливонской хроникѣ Франца Нюэнстедта разсказано по поводу переговоровъ съ находившимся въ Ригѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: «Когда въ 1582 году рыцарство совѣщалось въ домѣ Ганса Баумана, на крышу его, къ общему удивленію, сѣло нѣсколько аистовъ, которыхъ не видали въ Ливліндіи, какъ за много лѣтъ до того, такъ и послѣ[2]». Профессоръ Гревингъ (изъ Дерпта), помнитъ, что 50 лѣтъ тому назадъ по сю сторону Риги аистовъ не бывало, теперь же крайнюю

[1] Въ юго-западныхъ губерніяхъ его называютъ *гайстеръ*, *черноховстъ*, *бусель птица*; въ Полтавской — *лелѣка*, въ Малороссіи и на Терекѣ — *бочанъ*, *неклейка*, въ Астраханской—*колникъ*. (*Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, М. 1854. № 1, стр. 7 и 8). Можно прибавить еще люнебургско-вендское bütjan, лит. busitas. Лит. ботаникъ Iundzill приводитъ еще bodziszek для означенія geranium (Куникъ). По удостовѣренію К. О. Кесслера, въ Астрахани подъ названіемъ «аистъ» разумѣютъ особую породу бѣлорыбицы. (I). См. примѣчанія въ концѣ настоящей статьи.

[2] Monumenta Livoniae antiquae. II, 85. Riga 1839.

черту ихъ переселенія въ Лифляндіи составляетъ городъ Валькъ. Въ болотистомъ Бѣлорусскомъ краю аисты всегда находили кормъ въ изобиліи. На дворѣ монастыря св. Евфросиніи стоитъ старая, высокая липа, на которой уже по меньшей мѣрѣ лѣтъ 30 гнѣздятся аисты. И въ окрестностяхъ Полоцка бываетъ ихъ много; напротивъ, они уже болѣе не показываются около Витебска.

Что касается самаго имени *аистъ*, то уже по первой буквѣ его, столь рѣдкой въ началѣ славянскихъ словъ, можно заключить о его иноземномъ происхожденіи. Не принимая на себя рѣшенія труднаго вопроса, откуда именно оно могло взяться, обратимся къ другому названію той же птицы, которое на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ два раза является въ памятникахъ русской исторіи и начало котораго легче опредѣлить.

Извѣстно, что Константинъ Багрянородный, приводя древнія названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: росскомъ (т. е. норманскомъ) и славянскомъ, говоритъ что четвертый изъ нихъ, главный, называется по-росски Ἀειφάρ, а по-славянски Νεασήτ, потому что въ камняхъ его гнѣздятся «πελεκάνοι». Изъ поясненія Константина Багрянороднаго слѣдовало бы заключить, что подъ ἀειφάρ надобно разумѣть не аиста, а пеликана, или какую-либо другую водящую птицу. Но пеликанъ не былъ извѣстенъ Норманнамъ, и они, естественно, назвали порогъ по имени сходной птицы (2), у которой также длинный, хотя совершенно другой клювъ и которая похожа на пеликана и по цвѣту своихъ перьевъ, подобно какъ смѣшиваютъ между собой равнымъ образомъ аистовъ и журавлей[1]. Какъ имя *аиста* могло явиться на мѣсто другого, объясняется географическимъ распространеніемъ этой птицы, которое довольно близко сходится съ областью распространенія бука. У Балтійскаго моря пеликанъ не является даже въ видѣ перелетной птицы, да и самый аистъ (т. е. ciconia alba) едва ли доходитъ на сѣверъ далѣе южной Швеціи[2]. Пора-

[1] Такъ растеніе geranium называется по-нѣмецки Storchschnabel.

[2] См. Ornithologia Svecica, autore Sv. Nilsson. Pars posterior. Havniae 1821. Стр. 31—33 и 47.

зительную аналогію представляетъ свидѣтельство македонскаго грека Никоклиса, который говоритъ, что нынѣшніе Греки въ Эпирѣ и Македоніи называютъ аиста по πελαργός, а πελεκάνος[1]. Подъ именемъ *неясыть* (древ.-сл. неѧсыть), по мнѣнію А. А. Кунника, должно разумѣть не иное что какъ пеликана или развѣ какой-нибудь видъ коршуна[2]; но по всей вѣроятности именно *пеликана* (котораго двѣ породы водятся у Чернаго моря), такъ какъ это слово еще осталось въ употребленіи у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Это отчасти подтверждается и именемъ ἀειφάρ, потому что коршунъ могъ бы быть названъ какимъ-нибудь чисто норманскимъ словомъ.

Остановимся теперь на самомъ имени ἀειφάρ, которому нѣтъ созвучнаго слова въ древне-норвежскомъ (норренскомъ или исландскомъ) языкѣ, но которое давно уже объясняютъ голландскимъ словомъ, означающимъ аиста. Это слово, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ своей первоначальной формы, встрѣчается у многихъ нижнегерманскихъ народовъ, живущихъ при Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ. Соотвѣтствующее ему слышится и теперь въ нижнегерманскомъ (plattdeutsch)—ääbêr (съ удар. на послѣднемъ слогѣ). Въ нынѣшнемъ голландскомъ языкѣ аистъ называется ôievâr, произн. ujefar (3). Гриммъ въ словарѣ своемъ помѣстилъ adebär, какъ слово не только принадлежащее нижнегерманскому, но встрѣчающееся и въ древне-верхненѣмецкомъ весьма древнее слово, и приводитъ разныя формы его (между прочимъ otivaro, otfer). Онъ думаетъ, что это названіе (вторая половина котораго bär, bero, по его мнѣнію, зн. *носитель*) находится въ связи съ

---

[1] De Albanensium origine et prosapia. Dissertatio inauguralis quam scripsit Nicolaus Nikokles, Graecus Kozanae Macedoniae urbe natus. Göttingae 1855. 8°. Стр. 57.

[2] *Неясыть* въ библіи иногда употребляется въ значеніи коршуна (γῦψ). Въ словарѣ Зизанія при словѣ *неясыть* сказано: «по грецку пелеканъ птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови». Въ другомъ же азбуковникѣ оно объяснено такъ: «птица подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ или камнѣхъ, или столбѣхъ» и проч. (Сахарова *Сказанія р. н.*, т. II, стр. 128 и 173).

повѣрьемъ, что аистъ приноситъ въ домъ счастье и дѣтей [1]. Какъ бы ни было, но этимъ даннымъ нѣтъ основанія отрицать существованіе слова aifar, ἀειφάρ (визант. ει = ι) въ 10-мъ столѣтіи, хотя и трудно объяснить, какъ оно тогда уже явилось у Норманновъ въ этой сокращенной формѣ.

Всего вѣроятнѣе, что прибалтійскіе Шведы или Готландцы усвоили себѣ это названіе въ нынѣшней Голландіи. Около середины 9-го столѣтія (830—850 г.) Шведы, для торговыхъ и другихъ мирныхъ цѣлей, часто отправлялись съ озера Мелара въ знаменитый тогдашній городъ Дорстадтъ (нынѣшній Wyk te Duerstede въ Голландіи [2]). Такъ какъ и у Нидерландцевъ, и у Нижнихъ Саксовъ, нерѣдко выпадаетъ *д* между двухъ гласныхъ (что свойственно и другимъ согласнымъ), то такое явленіе могло мѣстами произойти уже рано.

Къ подтвержденію достовѣрности разсматриваемаго нижнегерманскаго слова, занесеннаго къ намъ Скандинавами, служитъ и то, что въ началѣ прошлаго вѣка оно снова является въ спискѣ кораблей, построенныхъ Петромъ Великимъ въ Воронежѣ при помощи голландскихъ мастеровъ. Означая многія суда голландскими названіями животныхъ и птицъ, онъ одному далъ имя *Ойфаръ* или *Айфаръ*, совершенно отвѣчающее съ одной стороны вышеприведенному нынѣшнему голландскому слову, а съ другой — скандинавскому названію порога, упоминаемому Константиномъ Багрянороднымъ, но безъ всякаго сомнѣнія оставшемуся неизвѣстнымъ Петру Великому (4).

Лербергъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» даетъ слову ἀειφάρ символическое значеніе, пріурочивая это названіе къ исландскому прилаг. aefr (fervidus), но онъ конечно не поступилъ бы такъ, если бъ ему знакомо было названіе петровскаго ко-

---

[1] Deutsches Wb., т. I, стр. 176. Sparschuh (Berichtigungen zu Grimms Gesch. d. deutsch. Sprache, Mainz 1850, стр. 99) видитъ въ словѣ adebar кельтское происхожденіе.

[2] См. Vita Anskarii, Cap. 20. 27. 8. 24. — Впослѣдствіи Шведы, для означенія аиста, заимствовали нѣмецкое слово sterk-an.

рабля [1]. Точно такъ же и славянскаго слова *ненасыть* нельзя принимать въ фигуральномъ смыслѣ, хотя по народному представленію нынѣшнее названіе того же порога (Ненасытецъ, Ненастьинскій [2]) и имѣетъ такое значеніе. О названіи ἀειφάρ Струбе говоритъ: «on a droit, selon moi, de juger que les pélicans n'étant point connus dans les régions du Nord et n'ayant par cette raison point eu de nom dans les langues boréales, les Russes (т. е. Норманны) auront mis à sa place celui *d'une autre espèce d'oiseaux aquatiques*, tels que les *cicognes* que dénote le mot *aïévar ou oïevar* conservé dans les dialectes tudesques (on trouve ce mot dans tous les dictionnaires hollandais) et qui revenaient ainsi par leur genre et sous l'idée que les Russes y attachaient, aux pélicans des Esclavons» [3].

Въ недавно напечатанномъ трудѣ: «О мнимомъ призваніи Варяговъ» [4] г. Иловайскій между прочимъ утверждаетъ, что *русскія* названія пороговъ у Константина Багрянороднаго должны быть также объясняемы славянскими а не норманскими словами, т. е., иначе говоря,—что византійскій императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ, сознавая, что «не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія* [5] названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій»,

---

[1] То же можно сказать объ авторѣ книги: «The relations between ancient Russia and Scandinavia и пр. Oxford, 1877», появившейся послѣ напечатанія настоящей статьи во 2-мъ изданіи *Филолог. Разысканій*. Г. Томсенъ, поправляя Лерберга, указываетъ на прилагательное *Aiforr*, исл. *Eyforr* всегда стремительный, semper præceps, что слѣдовательно въ утвердительной формѣ выражало бы почти то же, что славянское слово (Ненасытецъ) означаетъ отрицательно. Въ недавно вышедшемъ шведскомъ изданіи этой книги («Ryska rikets grundläggning» и пр., Stockh. 1882), переводчикъ г. Сёдербергъ отвергаетъ это толкованіе и вмѣсто того предлагаетъ швед. Aifar всегда недостаточный (такъ какъ порогъ всегда страдаетъ недостаткомъ воды), отъ слова far — недостающій. Ясно, что оба предположенія лишены основанія.

[2] См. Шафарика *Слав. древности*, т. II, кн. 1, стр. 284.

[3] Dissertation sur les anciens Russes. St. Pétersburg, 1785.

[4] *Русск. Вѣсти*. 1871 г., ноябрь и декабрь.

[5] То-есть предполагаемыя скандинавскія.

не счелъ нужнымъ противопоставить тому соразмѣрную долю эрудиціи и употребить истинно-научные пріемы для опроверженія столь тщательно-выработанныхъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія доводовъ скандинавской школы. Необходимо было бы для этого, какъ водится въ наукѣ, подвергнуть основательному разбору каждое изъ толкованій, установившихъ убѣжденіе въ германскомъ составѣ такъ называемыхъ Константиномъ *россійскихъ* наименованій пороговъ. Необходимо было бы имѣть въ виду, что его двоякія названія должны отвѣчать одно другому по значенію, и что если объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, за то другія (какъ напр. третьяго порога Γελανδρί=Звонецъ) до очевидности несомнѣнны. Что же вмѣсто этого дѣлаетъ г. Иловайскій? Онъ «для образца этихъ объясненій приводитъ толкованіе перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσί)», отвергаетъ весьма удачное во всѣхъ отношеніяхъ возстановленіе этого слова (Holmfors, Островной порогъ), вполнѣ соотвѣтствующее славянскому названію Островный прагъ (Ὀστροβουνίπραχ), и въ замѣнъ перваго толкованія предлагаетъ другое славянское же составное слово *Холмоборы* (*Холмогоры*) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, т. е. Вулиборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что̀ въ названіи Вулипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул*, продолжаетъ онъ, существуетъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Улборси совсѣмъ и не означаетъ тоже самое что̀ Островупипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ быть сокращеніе изъ *Ульборть*)». Ясно, что г. Иловайскій увлекается предвзятою идеей, которая здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу: положимъ, что новгородскіе Славяне и дѣйствительно не призывали Руси изъ Скандинавіи; но что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ, остается неопровержимымъ фактомъ, а въ такомъ случаѣ естественно было имъ наименовать пороги по-своему, переводя туземныя названія на родной языкъ. «Гдѣ же и когда такъ бывало?» спрашиваетъ г. Иловайскій: «географическія имена не

переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ за разъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя[1]». Здѣсь г. Иловайскій поневолѣ дѣлаетъ уступки тому, что̀ самъ онъ въ то же время рѣзко отрицаетъ. Если фактъ перевода мѣстныхъ именъ имъ допущенъ, то трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положить тому предѣлы. Выше, на стр. 265—267 нашей книги, приведено довольно много примѣровъ такого обычая, весьма часто встрѣчающагося въ предѣлахъ русскаго государства. Можно отыскать ихъ еще гораздо болѣе: такъ многія мѣстности Ижорскаго края носили двоякія, по значенію соотвѣтственныя названія на финскомъ и русскомъ языкахъ (Koivusaari, Березовый островъ), къ которымъ иногда присоединялось еще и шведское, переводное же (Björkö): крѣпость Орѣшекъ извѣстна была у Финновъ подъ именемъ Pähkinä-linna, у Шведовъ—Nöteborg (ф. pähkinä, шв. nöt = орѣхъ). Такимъ образомъ г. Иловайскій, отвергая весьма обыкновенный фактъ двоякаго названія одной и той же мѣстности однозначащими именами на различныхъ языкахъ, въ замѣнъ того предлагаетъ не встрѣчающееся въ области географіи явленіе, по которому мѣсто носило бы на двухъ нарѣчіяхъ одного и того же языка (славянскаго въ данномъ случаѣ) названія, не имѣющія между собою ничего общаго.

Послѣ этого отступленія, вызваннаго древнимъ названіемъ одного изъ днѣпровскихъ пороговъ, возвратимся къ нынѣшнему слову *аистъ*. Есть ли какая-нибудь этимологическая связь между нимъ и нижнегерманскимъ именемъ, случайно ли только созвучіе

---

[1] Только мимоходомъ упомяну о такомъ же взглядѣ г. Юргевича, который съ большими натяжками объясняетъ *русскія* названія пороговъ заимствованіями изъ «венгерскаго» (мадьярскаго) языка, и напр. въ имени Айфаръ видитъ венгерское Héja-var = замокъ коршуновъ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, стр. 63).

перваго слога въ томъ и въ другомъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Польская форма hajstra, южно-русская *гайстеръ* представляютъ еще и въ послѣднемъ слогѣ точку сближенія: только средніе согласные не сходятся съ согласными b и f въ формахъ нижнегерманскихъ. Но судя по тому, что слово *аистъ* довольно распространено съ одной стороны въ югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а съ другой въ Сибири, невольно склоняешся къ предположенію, не кроется ли въ немъ восточное начало. Такимъ образомъ происхожденіе слова *аистъ* остается покуда неизвѣстнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Имени *черноховстъ* въ значеніи птицы у Даля нѣтъ, но за то мы находимъ у него равнозначащее слову аистъ *черногузъ*.

У Новогрековъ въ народномъ языкѣ λελέκι, въ литерат. ὁ λέλεκας (Kind, Handwb. d. neugr. Sprache). Hahn, Albanes. Studien, Jena 1854, стр. 246, говоритъ: «Den Storch nennen Neugriechen, Albaneser u. Pinduswlachen übereinstimmend λελέκι и λελjέκι... Leake betrachtet dies Wort als ein von den Türken vorgefundenes angenommenes — wir glauben jedoch dies Wort irgendwo auch als arabisches angetroffen zu haben». Русское *лекляк* (Акад. словарь) есть вѣроятно искаженіе новогреческаго слова, а оттуда конечно и приведенное выше *неклейка*, какъ дальнѣйшая передѣлка того же названія.

По словарю Даля, *колпикъ* — «чубатая птица изъ породы цапель, чапура, Platalia (бѣлая, носъ ложкою, перья идутъ на казачьи султаны)». У него же *тесломосъ* въ томъ же значеніи какъ колпикъ: по Лицде *тесломосъ* = боцанъ (аистъ).

2) По наблюденіямъ г. Кушка въ здѣшнемъ зоологическомъ саду, пеликанъ въ сидячемъ положеніи не очень похожъ на аиста, но какъ скоро пеликанъ распуститъ крылья, вытянутая шея его становится чрезвычайно длинна, а зобъ почти совсѣмъ скрывается.

3) Лейденскій профессоръ Керпъ, въ отвѣтъ А. А. Куникy, доставилъ ему подробную замѣтку о голландскомъ словѣ, изъ котораго взято ἀειφάρ. Сообщаю изъ нея существенное: «Самая распространенная и господствующая въ письменномъ языкѣ форма слова есть *ojevaar* (по неправильнымъ начертаніямъ ooievaar, ooijevaar), произн. *ó-jĕvdar*[1], съ сильнымъ ударепіемъ на первомъ слогѣ и второстепеннымъ на послѣднемъ: ё совершенно слабо. Областныя формы суть *ciber*, *uiver* (читай euver по верхнепѣм. ореогр.), *uver* (чит. üver), ojevaard. Въ поэзіи употребительно *adebar*.

Если сравнить др. верхнепѣм. *odeboro* (Haupt, Zeitsch. V, 325—360); *udebero* (у Граффа), *otivaro* и новоалеман. *ötdifer* (Weinhold, Alem. Gr. 137), то легко замѣтить необъяснимое, но несомнѣнное колебаніе въ 3-мъ и 1-мъ слогѣ. Гласная во 2-мъ слогѣ остается безъ измѣненія; это было i, и оттого перегласовка въ 1-мъ слогѣ за исключеніемъ *ojevaar*, такъ какъ нидерланд. яз. вообще мало развилъ это явленіе.

Этимологія слова, по мнѣнію лейденскаго лингвиста, совершенно темная. Догадка Гримма объ *adebär* ничѣмъ не оправдывается.

Когда эти примѣчанія уже были набраны, А. А. Куникъ передалъ мнѣ только что полученную имъ изъ Лейдена брошюру проф. Фриса (De Vries) подъ заглавіемъ Ἀειφάρ. Авторъ этого изслѣдованія, перепечатаннаго изъ трудовъ амстерд. академіи наукъ, отвергаетъ производство разсматриваемаго названія отъ голландскаго слова и высказываетъ слѣдующія три возраженія: 1) Пеликанъ и аистъ слишкомъ несходны между собою, — пеликана представляютъ себѣ болѣе какъ *гуся*. Въ πελαργός и πελεκάνος смѣшаны только два слова, одинаково начинающіеся. — Но и дру-

[1] При чемъ надобно знать, что v въ голл. = почти ф. Конечно профессоръ Керпъ хочетъ означить только настоящій звукъ о. Г. Куникъ, доискиваясь діалектическихъ формъ, разспрашивалъ по крайней мѣрѣ шестерыхъ голландцевъ, и всѣ они произносили ujefar. Одинъ бельгіецъ изъ Flandre orientale (Blome) утверждалъ, что на его родинѣ говорятъ ojefar, а г. Pinot изъ Французской Фландріи, знавшій голландское названіе, увѣрялъ, что тамъ выговариваютъ ugefar, а не ujefar. Онъ говорилъ «le flamand, c'est ma langue».

гіе столь же древніе народы называютъ то гуся, то аиста, то пеликана именами, происшедшими изъ одного корня. См. между прочимъ соч. Дифенбаха: Origines europaeae. Frankf. 1861, стр. 347: литов. gandras, gandrys (аистъ), ganta (гусь, у Плиніи), англ. gander (гусь, самецъ) и проч. 2) Въ Скандинавіи нѣтъ слѣда никакогерманскаго названія. — Но это ничего не доказываетъ, потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только имъ и могло быть извѣстно. 3) Какъ могло въ словѣ adebar *b* перейти такъ рано въ *f*? — Но надо имѣть въ виду, что и происхожденіе германскаго adebar весьма сомнительно. На стр. 13 т. Фрисъ предполагаетъ древне-сканд. dŷfar отъ dîfar, ссылаясь на англосакс. dniker (пеликанъ), анг. diver (нырокъ). Авторъ позволяетъ себѣ догадку, что писецъ, встрѣтивъ въ подлинникѣ ΔΕΙΦΑΡ, прочелъ ΔΕΙΦΑΡ; но чтобы допустить это, надо бы прежде доказать, что подлинникъ былъ писанъ уставомъ.

4) Уже и Шишковъ въ *Спискѣ кораблей* (ч. I, Спб. 1799, стр. 14) между разными голландскими названіями приводитъ и *Айфаръ*. Такъ какъ голландское названіе, если не съ самаго 9-го столѣтія, то все-таки уже много вѣковъ начинается съ O, то нелишнее будетъ опредѣлить съ возможною точностью нетровскую форму слова. *Ойфаръ* встрѣчается два раза. Въ *Исторіи русскаго флота*, соч. Елагина (Прилож. ч. II, Спб. 1864, стр. 173) мы находимъ подъ № 319 «Списокъ судовъ азовскаго флота». Этотъ списокъ содержитъ только имена кораблей, строившихся отъ 1698 до 1704 г.; слѣдовательно онъ составленъ вѣроятно въ 1705 г. Тамъ же (стр. 174) подъ № 320 — «Списокъ судовъ азовскаго флота съ присвоенными имъ девизами». Здѣсь не означены годы, имена перваго списка почти всѣ повторяются и здѣсь, а между ними и нѣсколько новыхъ, такъ что этотъ списокъ очевидно составленъ немного позднѣе. Въ обоихъ читаемъ *Ойфаръ*.

Айфаръ встрѣчается только подъ № 150 (стр. 51): «Статьи данныя адмиралтейцу Апраксину на Воронежѣ, 1705 года».

Это приказъ, данный Петромъ Великимъ, но подлинникъ не сохранился. По разнымъ спискамъ онъ лучше всего возстано-

вленъ у Елагина, стр. 52. Такъ какъ и князь М. Щербатовъ (Тетрати записныя. Пб. 1777, стр. 3) и Шишковъ въ своихъ спискахъ съ этого документа нашли *Аифаръ*, то надо полагать, что и Петръ по московскому выговору писалъ *Аифаръ*. Вѣроятно, ему извѣстно было изъ святцевъ имя *Айфалъ*[1], которое также могло въ этомъ случаѣ подѣйствовать на его правописаніе. Если принять въ соображеніе всѣ различныя нижнегерманскія формы слова, то придется заключить, что оно первоначально начиналось съ *a*, а не съ *o*; *d* могло очень легко выпасть и у Шведовъ, какъ оно и теперь выпадаетъ у нихъ во многихъ словахъ (А. Куникъ).

---

[1] Айфалъ, бояринъ новгородскій 1398 года. Ист. Карамз. V, 94, 105, прим. 171, 194. (М. Морошкина *Славянскій Именословъ*).

О СЛОВѢ „ШПИЛЬМАНЪ" ВЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Въ ноябрѣ 1875 г., доцентъ Фогтъ читалъ въ Грейфсвальдскомъ ученомъ обществѣ интересное сообщеніе о нѣмецкихъ *шпильманахъ* (потѣшникахъ), которое въ слѣдующемъ году напечатано отдѣльно въ Галле (Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter. Vortrag von Dr. Friedrich Vogt. Halle. 1876.—8⁰, 25 стр. текста и 4 стр. примѣчаній). Предметъ этой брошюры не чуждъ и для насъ, такъ какъ *шпильманы* заходили и на Русь, и названіе ихъ не разъ встрѣчается въ нашей древней письменности. Въ Кормчей 1284 г. говорится между прочимъ «о шпильманѣхъ и о глумціхъ»—«Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ Славянамъ, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ съ приходившими отъ Нѣмцевъ скоморохами»; такъ замѣчаетъ Востоковъ въ своемъ словарѣ, приводя еще слѣдующія выраженія: изъ Прол. XV в. апр. 17: «в тои҃ дн҃ь страсть ст҃го мч҃еника Ардалеона ш'пил'мана игреца», и изъ Златостр. XVI в.: «аще бо быша шпил'мани і"ніи игреци відѣли свое ремество бес прибытка». Названіе *шпильманъ* для насъ тѣмъ любопытнѣе, что можетъ-быть оно оставило за собою слѣдъ въ языкѣ, въ сокращенной народной формѣ *шпынь*; слово это часто является въ нашей литературѣ прошлаго вѣка и еще въ началѣ нынѣшняго, въ смыслѣ *балагуръ*, *насмѣшникъ*; оно дало отъ себя производныя: *шпынство*, *шпынять*. Академическій словарь подъ словомъ *тпынь* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного документа 1636 года о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ: «во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ *шпыни*, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ» (*Акты Археогр. эксп.* III, 402); при чемъ разсматриваемое названіе объяснено словами:

шутъ, *балагуръ*. Такъ переводитъ славянскій словарь Алексѣева и самое слово *шпилманъ*, прибавляя изъ Кормчей еще и глаголъ *шпилманити*. Академія же, а за нею Даль, дополняютъ примѣры на слово *шпынь* пословицею: «Шутъ не шутъ, а хорошій *шпынь*». Даль сближаетъ это имя съ словомъ *шпень* (шпенекъ), *шпинь*, но едва ли справедливо, такъ какъ послѣднее, очевидно, само въ родствѣ съ латинскими spina (нѣчто острое, шип) и по своему значенію слишкомъ далеко отъ первоначальнаго понятія, связаннаго съ названіемъ *шпынь* (=шутникъ, балагуръ). Что это слово вѣрнѣе производить отъ *шпильманъ*, можно заключить изъ попадающагося въ нашей письменности древняго сокращенія нѣмецкаго термина въ *шпиль*: оно приведено Миклошичемъ въ словарѣ его, съ объясненіемъ: histrio, въ выраженіи «ласкавьци, шьпилѥве праздьнословьци», гдѣ второе названіе не что иное, какъ урѣзанное *шпильманъ*. Приспособляясь къ русской фонетикѣ, *шпиль* легко могло обратиться въ *шпынь*: даже въ коренныхъ русскихъ словахъ *и* нерѣдко переходитъ въ *ы*, а *л* и *н* могутъ замѣнять другъ друга (ср. для примѣра скрыпка вм. скрипка и маненько вм. маленько)[1].

Замѣчательно, что въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, недостаетъ своихъ словъ для означенія людей, которыхъ ремесло — потѣшать другихъ; въ Св. Писаніи употреблено слово *смѣхотворство* (Ефес. 5, 4), составленное отъ *смѣхотворъ*; въ древней письменности встрѣчается еще: *глумецъ*, *игрецъ*, *лицедѣй*, но все это искуственно составленныя слова; гораздо болѣе распространены въ языкѣ названія иностраннаго происхожденія: *шпынь*, *скоморохъ*, *скомрахъ* (отъ гот. scamari. ср. сканд. skämta, шутить), *балагуръ* (восточное или западное? ср. точить балы), *гаеръ* (нѣм. Geiger), паяцъ (фр. paillasse), наконецъ *фокусникъ*, *штукарь*. Слово *шутъ*—повидимому наше собственное, но такъ какъ оно не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ, то вѣроятно перешло къ намъ отъ какого ни-

---

[1] *Филолог. Разысканія*, II, 327, 328.

будь сосѣдняго народа. Рейфъ считаетъ его персидскимъ (choukt), но нельзя не имѣть въ виду и готскаго гл. suthjan забавлять.

Но что такое были собственно нѣмецкіе *шпильманы?* Это объясняетъ намъ брошюра г. Фогта. Шпильманы составляли въ средніе вѣка обширный классъ бездомныхъ людей, которые, странствуя, забавляли народъ всякими потѣшными искусствами и жили добровольными подаяніями за свои труды. Къ числу ихъ принадлежали плясуны, силачи, бойцы, вожаки медвѣдей, музыканты и наконецъ пѣвцы. Еще у древнихъ Римлянъ потѣшники всякаго рода слились въ одно сословіе, joculatores или joculares, переродившееся у Французовъ въ jongleurs, а у Нѣмцевъ въ Spielleute (Spil первоначально означало забаву вообще). Сюда вошли мало по малу и національные пѣвцы, которые нѣкогда, до введенія христіанства, занимали почетное мѣсто въ обществѣ, а потомъ, подвергшись гоненію церкви, потеряли свое значеніе. Не прежде 12-го вѣка, когда вслѣдствіе крестовыхъ походовъ свѣтское направленіе сдѣлалось господствующимъ въ литературѣ, образованные между шпильманами пріобрѣли болѣе выдающееся положеніе и снова стали играть нѣкоторую роль въ домахъ знатныхъ и при дворахъ. Имъ поручали напр. обученіе дѣтей музыкѣ; къ разряду ихъ принадлежали и стихотворцы, снискивавшіе себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ. Они въ пѣсняхъ своихъ брали сторону того, кто имъ платилъ, противъ его соперника, восхваляли заслуги или подвиги, распространяли добрую или дурную славу. Самымъ обыкновеннымъ способомъ вознагражденія ихъ служили подарки платьемъ; лучшіе принимали только новую одежду, другіе довольствовались и поношенною. Были у нихъ также пѣсни то нравоучительнаго, то эпическаго содержанія; особенно цѣнились небольшіе, часто комическіе разсказы въ стихахъ, въ родѣ французскихъ fabliaux, пущенныхъ въ ходъ жонглерами, которые значительную часть ихъ почерпали изъ неистощимаго запаса восточныхъ и греческихъ сказаній. Высшею цѣлью стремленій шпильмановъ былъ конечно почетный пріемъ въ кругу вельможъ или у владѣтельныхъ особъ,

гдѣ они играли роль въ торжественныхъ случаяхъ и украшали пиръ своимъ пѣніемъ или игрою на струнахъ. Отъ названія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ инструментомъ была скрыпка (Geige), могло произойти существующее у насъ до сихъ поръ, хотя съ другимъ оттѣнкомъ смысла, слово *гаеръ*[1]. Наконецъ, шпильманы могли служить посредниками для любовныхъ сношеній рыцарей съ ихъ возлюбленными, нерѣдко встрѣчавшихъ неодолимыя препятствія.

Во время крестовыхъ походовъ шпильманы, въ качествѣ музыкантовъ или вообще потѣшниковъ, сопровождали армію въ святую землю, и возвратившись, разсказывали по пути чудеса, которыя тамъ видѣли или слыхали; до насъ дошли нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ въ стихотворной формѣ, представляющихъ пеструю смѣсь христіанской легенды, народныхъ сказаній и вымысловъ самого поэта съ цвѣтистыми картинами Востока; самымъ характеристическимъ изъ этихъ произведеній фантазіи шпильмановъ является одинъ варіантъ извѣстной повѣсти о Соломонѣ и Морольтѣ. Рядомъ съ избранною категоріей шпильмановъ, которые имѣли доступъ къ знатнымъ, стояла масса менѣе счастливыхъ служителей искуства, жившихъ такъ-сказать на большой дорогѣ, принужденныхъ искать себѣ въ городахъ и селахъ публики болѣе благодарной, нежели щедрой. Завися отъ добровольной благостыни своихъ зрителей и слушателей, классъ шпильмановъ вообще не пользовался уваженіемъ: это видно между прочимъ изъ относившихся къ нимъ предписаній закона; такъ напр. за ними не признавалось право наслѣдства внѣ ихъ сословія, т. е. шпильманъ могъ наслѣдовать отцу только въ томъ случаѣ, если послѣдній уже принадлежалъ и самъ къ этому званію. Само собой разумѣется однакожъ, что тѣ изъ шпильмановъ, которые выдвигались впередъ своимъ талантомъ и были вхожи въ дома знатныхъ, стояли въ общемъ мнѣніи выше и, благодаря своимъ покровителямъ, пользовались разными преимуществами.

---

[1] Надо помнить, что слово Geiger (скрыпачъ) въ устахъ большей части коренныхъ Нѣмцевъ звучитъ какъ Gaiger.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА[1].

Преподаваніе роднаго языка составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогики. По другимъ отраслямъ знанія преподаватель имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріалъ готовый, очерченный опредѣленными границами; вопросъ только въ томъ, какъ лучше передать этотъ матеріалъ. Напротивъ, въ отношеніи къ родному языку надобно напередъ опредѣлить, что именно должно быть предметомъ преподаванія — только ли умѣніе владѣть языкомъ, или и знаніе его законовъ, сверхъ того — въ какой мѣрѣ нужно сообщить это знаніе, или наконецъ — не лучше ли употребить отечественный языкъ только какъ орудіе для развитія умственныхъ способностей, для передачи множества полезныхъ свѣдѣній разнаго рода. Оттого-то обученіе родному языку оставляетъ преподавателю болѣе произвола нежели всякая другая отрасль знаній и требуетъ отъ него соединенія весьма многихъ условій.

Неудивительно, что въ странахъ, опередившихся наше отечество на поприщѣ образованія и въ области педагогики, вопросъ объ этомъ предметѣ давно возбуждаетъ жаркіе споры. Особенно въ Германіи онъ вызвалъ цѣлую, очень обширную вѣтвь педагогической литературы. Хотя, несмотря на то, и тамъ дѣло еще до сихъ поръ не рѣшено общимъ соглашеніемъ, однакожъ все-таки въ Германіи составилось уже мнѣніе, которому слѣдуетъ большинство преподавателей.

---

[1] Эта статья, писанная въ 1855 г., печатается здѣсь съ сокращеніями.

Принятыя ими основанія проникли и къ намъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ учебниковъ русскаго языка, изданныхъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе; даже и изъ старыхъ руководствъ нѣкоторыя были отчасти передѣланы по новому взгляду. Этимъ успѣхомъ мы много обязаны книгѣ г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка», напечатанной въ 1844 году. Точка зрѣнія его видна изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: «Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ, каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ». Конечно, хорошо всякое дѣло вести самостоятельно, примѣняясь къ потребностямъ своего отечества; однакожъ для рѣшенія вопроса, равно относящагося ко всѣмъ образованнымъ народамъ, нельзя же не принять въ соображеніе того, что было передумано и высказано о немъ прежде у просвѣщеннѣйшихъ націй. Руководствуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, разсмотримъ: 1) можно ли дѣтей учить языку безъ грамматическихъ объясненій; 2) если нельзя, то должно ли грамматику преподавать систематически, какъ самостоятельный предметъ ученія, или только въ приложеніи къ практикѣ, и 3) въ грамматическомъ преподаваніи языка съ чего начинать: съ предложенія или съ отдѣльныхъ словъ?

Многимъ кажется, что можно и даже должно дѣтей учить языку вовсе безъ грамматики. Этотъ взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ сильный авторитетъ Якова Гримма. Г. Буслаевъ въ своей книгѣ (ч. I, стр. 84) привелъ цѣликомъ мнѣніе знаменитаго филолога, высказанное имъ въ предисловіи къ первому изданію (1818) Deutsche Grammatik. Это мнѣніе навлекло на Гримма строгую критику, и онъ въ предисловіи ко второму изданію своей грамматики (1822) такъ оговорился: «Я выразилъ живое сожалѣніе объ искаженіи нѣмецкой грамматики въ нашихъ школахъ, о негодности книгъ, которыя полагаются въ основаніе уроковъ. Если повидимому я въ нѣкоторыхъ положеніяхъ своихъ пошелъ слишкомъ далеко (хотя я нападалъ на безсмысленное первона-

чальное преподаваніе и вовсе не осуждалъ разумнаго употребленія грамматики въ высшихъ классахъ), то надѣюсь, что меня освободятъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, и совѣтую благомыслящимъ педагогамъ посмотрѣть, какъ поступаютъ въ преподаваніи отечественнаго языка другія родственныя намъ націи, часто превосходящія насъ практическимъ смысломъ, — Англичане, Голландцы, Датчане и Шведы». Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что Англичане, почти не имѣющіе грамматики, находятся по этому предмету въ исключительномъ положеніи. Изъ остальныхъ, названныхъ Гриммомъ народовъ, мы всего ближе знакомы со Шведами: у нихъ прежде дѣйствительно не учили родному языку, но въ послѣднія десятилѣтія это признано важнымъ недостаткомъ народнаго воспитанія, и шведскій языкъ стали вводить въ кругъ обученія юношества. Вообще германскіе народы на материкѣ принимаютъ Нѣмцевъ за образецъ въ педагогикѣ и готовы заимствовать у нихъ всякое нововведеніе въ этой области.

Изъ приведенныхъ словъ Гримма видно, что онъ вооружался не столько противъ самаго преподаванія грамматики, сколько противъ превратной въ этомъ дѣлѣ методы. Это становится еще яснѣе изъ замѣчанія, которымъ кончалось его прежнее мнѣніе: «Такъ какъ нѣтъ грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапамятной древности: то обученіе грамматикѣ можетъ быть только строго-ученое» [1]. (1).

Разумѣется, самое первоначальное обученіе должно быть чисто-практическое: ребенку необходимо прежде всего пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи и письмѣ, т. е. списываніи; первое руководство со стороны учителя ограничивается именованіемъ буквъ и указаніемъ ихъ произношенія. Однакожъ — замѣтимъ — самое

[1] О препод. отеч. языка, I, 86.

разложеніе словъ на отдѣльные звуки и изображеніе этихъ звуковъ видимыми знаками есть уже первый шагъ къ анализу языка. Дитя, открывъ, что одинъ и тотъ же звукъ, напр. і, означается различными способами, захочетъ узнать причину этой странности, а какъ удовлетворите вы его, не объяснивъ различія буквъ гласныхъ и согласныхъ? Съ этимъ вы уже прямо вступите въ область грамматики. Избѣгать ея долго, при послѣдующихъ успѣхахъ учащагося, можно бы развѣ только насильственно, заглушивъ въ немъ всякое движеніе мысли. При упражненіяхъ въ письмѣ подъ диктовку, ребенокъ, ошибаясь и слыша ваши поправки, будетъ спрашивать: отчего? зачѣмъ? Тогда вамъ будетъ предстоять одно изъ двухъ: или придумывать такія объясненія, которыя, не превышая дѣтскихъ понятій, служили бы ученику руководствомъ въ дальнѣйшихъ его упражненіяхъ, или на всѣ вопросы любознательности отвѣчать диктаторски: такъ должно, такъ принято! Хотя бы ребенокъ былъ одаренъ необыкновенною памятью для наглядnаго ученія, однакожъ, при послѣднемъ способѣ, его успѣхи были бы, во-первыхъ, чисто-механическіе, безплодные для умственнаго развитія; во-вторыхъ, чрезвычайно неполные, потому что во многихъ случаяхъ онъ безъ правилъ все-таки не научился бы давать словамъ надлежащую форму. Сверхъ того вы рисковали бы пріучить его дѣйствовать безсознательно, не давать себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Трудность обойтись безъ грамматики еще увеличится, когда для учащагося придетъ пора писать что-нибудь отъ себя. При свободномъ употребленіи слова на письмѣ онъ будетъ безпрестанно нуждаться въ наставленіяхъ, въ руководствѣ, а безъ нихъ будетъ ходить ощупью.

Вотъ мысли, извлекаемыя изъ опыта: теперь взглянемъ на предметъ со стороны умозрѣнія. Если въ каждомъ дѣлѣ, даже механическомъ, для успѣшнаго производства нужны правила и указанія, то какъ обойтись безъ нихъ, въ возрастѣ пробужденія умственныхъ силъ, при употребленіи языка, орудія мысли? Положимъ, что вы хотѣли бы выучить ребенка какому-нибудь

механическому искуству, наприм. искуству клеить разные вещицы изъ картона. Вы бы конечно не удовольствовались показаніемъ ему формъ, которыя онъ долженъ производить, но познакомили бы его также съ разными пріемами и съ нѣкоторыми математическими фигурами; вы требовали бы отъ ученика своего, чтобъ онъ работалъ аккуратно, не дѣлалъ напр. острыхъ угловъ вмѣсто прямыхъ; чтобъ онъ умѣлъ вамъ сказать, зачѣмъ сдѣлалъ такъ, а не иначе. Очевидно, что безъ такой отчетности не можетъ быть ничего путнаго въ трудѣ человѣка. Короче, практика, чтобъ быть хорошею, должна быть прежде всего разумною, или другими словами, ни въ чемъ хорошая практика не возможна безъ нѣкоторой теоріи, безъ руководящей мысли.

Напрасно многихъ пугаетъ слово «теорія»: оно сдѣлалось страшнымъ отъ злоупотребленія, но въ сущности нѣтъ никакого человѣческаго дѣла безъ правилъ, которыя можно извлечь изъ него, безъ законовъ, на которыхъ оно основывается. Безъ теоріи поваръ не состряпаетъ ни одного соуса, портной не сдѣлаетъ ни одного шва. Какъ же можно въ такомъ предметѣ, который служитъ только оболочкою мысли — въ языкѣ — отвергать необходимость ея присутствія и руководства для употребленія его? Можно ли отлагать ея помощь до будущаго, отдаленнаго времени, когда эта помощь должна облегчать каждый шагъ?

Языкъ и мысль — одно; законы языка — плодъ здраваго человѣческаго смысла, а не глубокихъ ученыхъ соображеній или выдумокъ. Этимъ орудіемъ человѣкъ начинаетъ владѣть, едва только пробудятся его умственныя силы; необразованный крестьянинъ пользуется имъ наравнѣ съ утонченнымъ горожаниномъ. Дитя усвоиваетъ себѣ языкъ не механически: прислушиваясь къ рѣчи другихъ, пріобрѣтая запасъ словъ, оно ими распоряжается самостоятельно, измѣняетъ ихъ окончанія смотря по надобности, и хотя не во всѣхъ случаяхъ даетъ имъ надлежащую форму, но вообще обнаруживаетъ въ этомъ удивительное чутье и пониманіе, да и въ самыхъ ошибкахъ своихъ выказываетъ постоянное стремленіе къ правильности, къ соблюденію

неизмѣнныхъ началъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? что логика, а съ нею и грамматика отвѣчаютъ прирожденной потребности человѣка. Начиная говорить, дитя безсознательно осуществляетъ тайные, кроющіеся въ умѣ его, но въ каждый мигъ рѣчи присущіе ему законы языка. Остается только привести эти законы въ сознаніе, назвать каждое понятіе настоящимъ его именемъ. Уровень дѣтскаго разумѣнія совсѣмъ не такъ низокъ, какъ часто полагаютъ. Ребенокъ можетъ понять весьма многое, если только оно будетъ предложено ему въ доступной формѣ и съ его точки зрѣнія. Конечно, каждый педагогъ въ своей дѣятельности встрѣчалъ случаи, когда дѣти поражали его своею понятливостью и заставляли усомниться, всякій ли взрослый на ихъ мѣстѣ показалъ бы столько разумѣнія. Какъ же ребенку лѣтъ 9 или 10 не понять основныхъ требованій ума, выражающихся въ формахъ родного слова? Такимъ образомъ грамматическія объясненія, до нѣкоторой степени, являются уже рано неразлучными спутниками практическаго обученія языку. (2).

Но въ какой именно мѣрѣ и какъ должно преподавать грамматику дѣтямъ? Если подъ нею разумѣть составленный по образцу латинской грамматики учебникъ съ мудреными опредѣленіями, съ тонкимъ дробленіемъ понятій, съ таблицами склоненій и спряженій, съ исчисленіемъ всякихъ мелочныхъ правилъ и всѣхъ исключеній изъ нихъ, то мы рѣшительно говоримъ: лучше обойтись безъ всякой грамматики при первоначальномъ обученіи языку. Мы считаемъ на первый случай достаточнымъ объяснить ученику одни самыя крупныя, въ глаза бросающіяся явленія языка. Назовите это грамматикой или приготовленіемъ къ ней, или какъ угодно иначе: намъ кажется это необходимымъ основаніемъ сознательнаго ученія родного слова. Но и такая грамматика, по нашему мнѣнію, должна быть преподаваема не сама по себѣ, т. е. не независимо отъ практики, а въ непрерывной связи съ разборомъ примѣровъ и съ упражненіями. Однакожъ—чтобы понятія вытекали одно изъ другого и чтобъ можно было переходить отъ легкаго къ болѣе трудному, нужна

же какая-нибудь послѣдовательность. Для достиженія ея пусть учитель начнетъ съ составленія небольшого курса примѣровъ, изъ которыхъ можно бъ было извлечь въ послѣдовательномъ порядкѣ самыя существенныя основанія теоріи языка: природный тактъ и опытность разумнаго преподавателя лучше всего укажутъ ему, изъ чего должны составиться эти основанія, какъ далеко надобно итти въ объясненіяхъ и какъ упростить каждое толкованіе.

Начинать ли объясненіе теоріи языка съ отдѣльныхъ словъ,— съ частей рѣчи, какъ дѣлалось прежде, или съ состава предложенія, какъ по большей части поступаютъ нынче, согласно съ любимой методой новѣйшихъ германскихъ педагоговъ? Признаемся, при всемъ желаніи слѣдовать за успѣхами времени, мы до сихъ поръ не могли убѣдиться въ преимуществѣ послѣдняго способа, который гораздо отвлеченнѣе, сложнѣе перваго и требуетъ бо́льшаго умственнаго развитія. Конечно, съ даровитымъ ученикомъ можно безъ затрудненія начать и предложеніемъ; но ребенку обыкновенному трудно растолковать даже, что́ такое предложеніе: какъ же объяснить ему, что́ значитъ опредѣленіе, дополненіе и особливо обстоятельство? Все это—философія рѣчи, самыя отвлеченныя понятія, требующія особеннаго углубленія мысли въ отношенія словъ, тогда какъ чисто-грамматическія объясненія, опираясь отчасти на форму словъ, на ихъ внѣшніе признаки и примѣты, гораздо доступнѣе уму дитяти. Ясно какъ день, что грамматика, или точнѣе, такъ называемыя этимологія, относится къ ученію о предложеніи какъ низшее къ высшему, какъ простое къ сложному. Извѣстный германскій педагогъ Дистервегъ, стараясь подкрѣпить мысль, что въ теоріи языка надобно начинать съ предложенія, доказываетъ, что оно есть не общее что-нибудь, не отвлеченное, а *конкретное*, хотя имѣющее свои части или члены и потому допускающее расложеніе[1]. Кажется, гораздо легче было бы дойти до истины, противопоставивъ не

[1] Wegweiser. I, 483.

конкретное отвлеченному, а простое сложному: каждое слово, отдѣльно взятое, также конкретно, но оно передъ предложеніемъ имѣетъ еще преимущество простоты (3). Начиная говорить, ребенокъ сперва произноситъ только первый слогъ каждаго слова, потомъ цѣлыя, но отдѣльныя слова — и медленно, съ большою постепенностью, переходитъ къ фразамъ; принимаясь учить его читать и писать, мы также поневолѣ знакомимъ его прежде съ отдѣльными буквами, потомъ со складами, далѣе съ цѣлыми словами и наконецъ уже переходимъ къ фразамъ. Почему же не слѣдовать этому естественному порядку и въ объясненіи законовъ языка? Развѣ разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ помѣшаетъ позднѣе занимать ученика предложеніями?

Намъ кажется, что новая метода, начинающая ученіе грамматики съ предложенія, произошла отъ превратнаго пониманія дѣтской природы. Чувствовали надобность въ измѣненіи старой методы; но вмѣсто того, чтобы упростить грамматику, дали ей обратный ходъ, и навязали уму дитяти то, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія. Какъ водится, Русскіе въ этомъ случаѣ увлеклись примѣромъ Нѣмцевъ. Теперь начинаютъ у насъ смотрѣть на дѣло иначе: мы знаемъ нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ, которые уже не считаютъ удобнымъ приступать къ грамматикѣ съ предложенія; нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались намъ, что пока они слѣдовали этому порядку, ученики ихъ очень мало успѣвали. Но большею частію учебники русскаго языка, появившіеся у насъ въ послѣднія десятилѣтія, составлены на нѣмецкій образецъ—одними по убѣжденію или на вѣру, а другими потому, что они считали себя вынужденными сдѣлать уступку современности. При всемъ томъ эти учебники могутъ значительно облегчить задачу преподаванія, если только умѣть ими пользоваться. Въ нихъ то̀ особенно хорошо, что правила извлекаются изъ предшествующихъ примѣровъ. Однимъ только грѣшатъ нѣкоторые изъ составителей: какъ бы наученные горькимъ опытомъ, они предполагаютъ въ ученикахъ баснословную тупость: распространяютъ на пяти страницахъ то, что можно бы растол-

ковать на одной, истощаются въ повтореніяхъ и до безконечности плодятъ примѣры тамъ, гдѣ для уразумѣнія дѣла довольно было бы двухъ или трехъ. Это — настоящее испытаніе для терпѣнія ученика; онъ утомляется, скучаетъ, и на грамматику употребляется гораздо болѣе времени, нежели на сколько она въ сущности должна бы имѣть право.

Главнымъ распространителемъ этой методы надобно признать Вурста, котораго «Praktische Sprachdenklehre» въ теченіе 20-ти лѣтъ была издаваема 60 разъ; по образцу ея составлены и нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ учебниковъ. Вурстъ принялъ въ основаніе идеи Беккера объ организмѣ языка, хотѣлъ ввести ихъ въ кругъ школьнаго преподаванія и построилъ систему, которую онъ назначалъ для дѣтей отъ 7-ми до 14-тилѣтняго возраста. Знаменитое въ свое время сочиненіе Беккера *Организмъ языка* составило эпоху въ исторіи языкоученія. Прежде на языкъ смотрѣли какъ на что-то намѣренно и сознательно изобрѣтенное человѣкомъ; Беккеръ (хотя и неосновательно) представлялъ себѣ языкъ какъ органическое цѣлое, необходимо проистекшее изъ самой природы мыслящаго духа человѣческаго въ силу кроющагося въ немъ закона творчества. Отсюда мысль начинать объясненіе языка съ предложенія, какъ органическаго цѣлаго, — мысль остроумная, но не вытекающая прямо изъ основного положенія Беккера и въ примѣненіи неудобная. Что касается грамматики Вурста, построенной на началахъ Беккерова ученія, то изъ предыдущаго уже видно, въ чемъ заключаются недостатки этого руководства: по своему искуственному расположенію оно слишкомъ мудрено, а по принятой авторомъ методѣ оно убійственно-скучно для живого ребенка, преслѣдуя его на каждомъ шагу ненужными объясненіями и примѣрами, принуждая по образцу безсвязныхъ и бездушныхъ предложеній сочинять другія. Оттого эта книжка была въ самой Германіи осуждаема многими, которые особенно не признавали ея годною для начинающихъ (4).

Противники грамматики безусловно отвергаютъ упражненіе

учениковъ въ склоненіи и спряженіи словъ родного языка. «Это, говорятъ они, совершенно излишне, потому что всякій Русскій съ дѣтства уже по слуху знаетъ, какія окончанія давать словамъ». Конечно, подобныя упражненія не должны производиться на счетъ другихъ болѣе существенныхъ занятій. Но за злоупотребленіе вещи слѣдуетъ ли осуждать самую вещь? Упражненія въ склоненіи и спряженіи представляютъ ту полезную сторону, что пріучаютъ ребенка къ размышленію и вниманію. Притомъ нельзя утверждать, чтобъ дитя по инстинкту давало всѣмъ словамъ правильныя окончанія, особливо когда на этихъ окончаніяхъ нѣтъ ударенія. Такія упражненія бываютъ особенно полезны, когда дѣлаются на письмѣ: во-первыхъ, они знакомятъ со всѣми формами даннаго слова въ совокупности; во-вторыхъ, они ускоряютъ успѣхи въ правописаніи (5).

Хотя мы и указали на этимологію, какъ на область, въ предѣлахъ которой должны вращаться первоначальныя объясненія, однакожъ этимъ мы не налагаемъ на учителя обязанности съ педантическою строгостью оставаться въ предназначенной рамкѣ: напротивъ, думаемъ, что онъ долженъ свободно пользоваться всякимъ случаемъ для расширенія и уясненія понятій ребенка, а для того касаться иногда и управленія словъ и другихъ сторонъ языка, собственно относящихся уже къ синтаксису, — если разумѣніе ихъ доступно возрасту учащагося. Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ строчномъ разграниченіи разныхъ частей теоріи языка, а въ томъ, чтобы предлагаемыя ученику объясненія были дѣйствительными объясненіями и не превышали степени его развитія.

Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется вполнѣ опредѣленное понятіе. Когда терминъ вамъ не нравится какъ нарицательное имя, смотрите на него какъ на имя собственное, и онъ будетъ выполнять свое назначеніе. Поэтому мы не видимъ надобности изгонять, наприм., даже названія *части рѣчи*, вмѣсто котораго стали гово-

рять: *разряды словъ* (Wortarten). Старый, хотя и дурной терминъ лучше новаго, неизвѣстнаго въ наукѣ. Нѣмцы не сознали этой истины: учебники ихъ испещрены новыми терминами, хотя и очень замысловатыми, но тѣмъ неудобными, что въ преподаваніи произошла отъ нихъ путаница. Другое дѣло — самая разработка теоріи роднаго слова: въ этомъ отношеніи наша грамматика конечно заставляетъ желать еще очень многаго; но такой преходящій недостатокъ нисколько не можетъ служить доводомъ противъ самой грамматики. Чѣмъ менѣе будутъ пренебрегать ею, тѣмъ болѣе можно ожидать для нея успѣховъ.

Мы показали, изъ чего долженъ образоваться первоначальный остовъ всего теорическаго ученія языка; этихъ начатковъ будетъ достаточно ребенку на долгое время. На послѣдующіе годы останется забота все далѣе развивать знаніе языка на основаніи практики. Въ начертаніи плана первоначальнаго преподаванія мы съ намѣреніемъ ограничились самыми общими указаніями: въ подробностяхъ и даже болѣе существенныхъ дополненіяхъ каждый преподаватель долженъ руководствоваться своимъ собственнымъ размышленіемъ. Жалокъ тотъ учитель, который не можетъ обойтись безъ готоваго руководства. Какъ бы хороша ни была метода, она должна видоизмѣняться какъ по способностямъ учениковъ, такъ и по личности самого преподавателя; но рѣдко ребенокъ бываетъ такъ обиженъ природою, чтобъ онъ не былъ въ состояніи понять самыхъ простыхъ законовъ рѣчи. Человѣкъ родится съ даромъ слова, и какъ скоро настанетъ пора ученія, онъ не можетъ стоять внѣ сферы понятій, ощутительно связанныхъ съ формами слова.

Изъ всего предыдущаго видно, что мы въ преподаваніи роднаго языка не хотѣли бы допустить никакой односторонности: мы не считаемъ достаточною одну практику, но не желаемъ и преобладанія теоріи; мы совѣтуемъ только въ основаніе сознательнаго изученія отечественнаго языка заблаговременно полагать знакомство съ существеннѣйшими началами этимологіи. Въ твердомъ знаніи роднаго языка мы видимъ не средство только,

но цѣль важную для всякаго образованнаго человѣка, вполнѣ понимающаго значеніе двухъ великихъ идей: отечество и слово. Заключимъ прекраснымъ замѣчаніемъ швейцарскаго мыслителя[1]: «Грамматическое преподаваніе, если оно заключается въ психологическомъ и простомъ объясненіи не *правилъ*, какъ всегда говорятъ, а *фактовъ* роднаго языка, составляетъ, вмѣстѣ съ преподаваніемъ закона Божія (эти двѣ отрасли ученія въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою), истинную основу *образованности* всякаго народа. Общество, которое не чувствуетъ своей религіи и не знаетъ своего языка, — находится внѣ условій настоящаго просвѣщенія».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Нѣмецкій ученый Кёрперъ въ изданной имъ Исторіи педагогики также говоритъ о господствующемъ у Нѣмцевъ разногласіи по этому предмету и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ шаткость своего собственнаго мнѣнія. «Преподаваніе нѣмецкаго языка, говоритъ онъ, составляетъ въ настоящее время крестъ нашихъ училищъ; оно закономъ введено въ ихъ учебный курсъ, а между тѣмъ никто хорошенько не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Грамматика или чтеніе — вотъ лозунгъ противоположныхъ партій. Нѣмецкой грамматикой долго занимались съ большимъ усердіемъ; потомъ возникли скромныя сомнѣнія въ ея пользѣ, а теперь хотятъ рѣшительно устранить ее. То, кажется, несомнѣнно, что собственнаго языка не изучаютъ грамматически, это противно природѣ» (противно природѣ было бы начать изученіемъ грамматики знакомство съ своимъ языкомъ, но почему, говоря на немъ, нельзя вникать въ его законы — это непонятно). «Дитя должно въ то время, какъ оно говоритъ, размышлять о своей рѣчи, безпрестанно повѣрять, наблюдать и поправлять само себя — это невоз-

[1] Vinet. Chrestomathie française pour la jeunesse et l'âge mûr. Lettre à m r. André Gindroz, p. XI.

можно» (кто же, не лишенный здраваго смысла, можетъ и требовать этого?). «Къ тому присоединяются гибельный хаосъ въ терминологіи, пошлость и пустота упражненій, незрѣлость самой грамматики, такъ какъ у насъ нѣтъ даже общепринятой ороографіи, и наконецъ тяжелыя отвлеченности опредѣленій, которыми какъ пугалами преподаваніе начинается». (Все это доказываетъ только, что нѣмецкому языку учатъ *не такъ*, какъ слѣдуетъ, а не то, что его вовсе не слѣдуетъ преподавать. Но посмотримъ, къ какому неожиданному заключенію авторъ наконецъ приходитъ:) «Съ другой стороны преподаванія роднаго языка нельзя будетъ устранить совершенно, *такъ-какъ* (?) *нужна же терминологія*, почему всего вѣрнѣе держаться середины, соединяя это преподаваніе съ чтеніемъ. Много читать и упражняться — вотъ единственная плодотворная метода; при этомъ необходимѣйшія объясненія и больше ничего» (Th. Körner, Geschichte der Pädagogik, Leipzig. 1857, стр. 315). Въ какой мѣрѣ мы согласны съ этимъ послѣднимъ выводомъ, видно будетъ изъ продолженія нашей статьи.

2) Гегель говоритъ: «Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія грамматики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніе грамматики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопонятны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопонятнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же грамматическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начинаемъ мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ». (О препод. от. яз. 1, 39).

3) Дистервегъ въ своемъ Wegweiser говоритъ: «Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извле-

ченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія». (О преп. от. яз. I, 64). Намъ кажется, что этотъ силлогизмъ не вѣренъ, потому что посылка его, хотя и справедлива, къ дѣлу непримѣнима: ребенку еще *неизвѣстно* то, изъ чего должно вытекать понятіе о значеніи опредѣленія, дополненія и обстоятельства.

4) Вурстъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ педагоговъ, издалъ нѣсколько сочиненій по своему предмету, въ томъ числѣ: «Die zwei ersten Lehrjahre», книгу, въ которой онъ по системѣ Бёнеке предлагаетъ общій планъ ученія для низшаго, элементарнаго класса школъ. Здѣсь онъ старается дать образцы наглядпаго преподаванія и предметомъ разговоровъ съ ученпками избираетъ домъ, какъ жилище человѣка. Сущпость методы заключается въ наименованіи, классификаціи и изображеніи предметовъ. Все это въ идеѣ превосходно, но при обширности, какую авторъ слишкомъ педантически даетъ каждому объясненію, — должно быть очень утомительно для дѣтей. Критику грамматики Вурста можно найти въ книгѣ г. Буслаева, ч. I, стр. 54. Тутъ выраженъ отчасти другой взглядъ на дѣло, но также неблагопріятный для Вурстовой методы.

5) Мы Русскіе можемъ о нашемъ правописаніи сказать то же, что Нѣмцы говорятъ о своемъ: «Наше письмо неправильно, а все неправильное изучается съ трудомъ. Потому-то и правописаніе требуетъ много времени и много упражненія: однихъ правилъ недостаточно. Рядомъ съ правиломъ: *Пиши что слышишь*, становится другое: *Не пиши что слышишь*. За правиломъ: *Держись словопроизводства*, слѣдуетъ другое: *Не всегда держись производства*, а соображайся съ *обычаемъ*. Отсюда объясняется трудность выучиться такъ называемому правописанію, а равно желаніе ученыхъ и преподавателей подчинить орографію опредѣленнымъ законамъ. Желаніе это само по себѣ похвально; однако въ школахъ мы должны учить писать только такъ, какъ всѣми

принято. Школѣ не нужно нововведеній, хотя бы они были дѣйствительными улучшеніями: она должна готовить для жизни въ ея настоящемъ видѣ. Учитель, который заставляетъ учениковъ своихъ отступать отъ общихъ обычаевъ своей націи, доказываетъ явное непониманіе своего положенія и задачи элементарнаго преподаванія. Итакъ, несмотря на ясное сознаніе несовершенства и отчасти произвола нашей ороографіи, мы остаемся при обычаѣ. Послѣдній ведетъ за собою положительныя правила, соблюденіе которыхъ ученикъ долженъ въ полномъ смыслѣ *изучить*. Это предполагаетъ много разнообразныхъ упражненій, а они не должны дѣлаться безъ размышленія, безъ многосторонихъ усилій» (Diesterweg, Wegw. I, 506).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I.

Дополненія и замѣтки къ «Толковому словарю» Даля.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и покойнымъ В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ *Толковый Словарь*, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми. Сверхъ того, сюда включены также нѣкоторыя слова, собранныя и обязательно доставленныя мнѣ А. К. Жизневскимъ изъ Твери; они отмѣчены поставленною въ скобкахъ буквою Ж. Приношу здѣсь мою признательность какъ ему, такъ и другому просвѣщенному лицу, имя котораго означено буквою Г при словахъ, въ разное время имъ сообщенныхъ въ мою коллекцію, часто съ запросомъ о ихъ значеніи или происхожденіи[1]. Удареніе ставлю вообще только тамъ, гдѣ оно

[1] Слова, въ первый разъ заносимыя въ настоящее 3-е изданіе *Фил. Раз.* отмѣчаю цифрою 1, какъ ссылкою на это примѣчаніе.

можетъ казаться сомнительнымъ. При ссылкахъ на Рейфа, я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ, не ручные словари покойнаго лексикографа *), а большой его этимологическій словарь, изданный въ 1835 году.

Нелишнимъ считаю прибавить, что въ X-мъ томѣ *Сборника Отд. р. яз. и сл.* напечатаны дополненія къ словарю Даля, записанныя П. В. Шейномъ, а въ XI томѣ того же изданія дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова.

АЛУЧА (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго приготовляется варенье.

АНТОНОВЪ ОГОНЬ *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ (feu d'Antoine, Antonius-feuer) первоначально называлась воспалительная рожа, которая въ 11-мъ вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

БАДЕМЪ [1]. Родъ крупныхъ орѣховъ, которые водятся въ Крыму: «орѣховъ бадемъ, уродившихся въ изобиліи, на ялтинскомъ базарѣ вовсе нѣтъ, а орѣхи фундуки стоятъ 20 коп. за фунтъ» (газетная замѣтка).

БАЛОВА [1], Коршунъ. (Орл. губ.).

БАТАРЬ. «Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь» (изъ Тамб. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

БЕЗТАКТНЫЙ [1], Пропущ.

БИРЪ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи (*Воен. статист. обозрѣніе Бессар.*).

БЛАГОРОДСТВОВАТЬ (Ж.). (Моск.).

БОГОМИЛЪ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литератур* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

БОЁКЪ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *кадочка*, а кожа, которою обѣ части соединяются— *путце*).

БОКОВУША [1]. *Въ Л.* **) I, 5.

БОМЪ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь).

---

*) Погибшаго такъ трагически 26 сент. 1872 г. въ Карлсруэ отъ руки домашняго убійцы (См. *Гражданинъ* этого года, № 22).

**) Т. е. *Въ Лысахъ*, соч. Печерскаго (П. И. Мельникова).

БОСОЙ *. *Босая лошадь* — такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обувѣстая лошадь*. (Послѣднее означено у Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. *(Военно-статист. обозр. Пск. г.)*.

БОЯРЫШАШЪ. Человѣкъ, не происходящій отъ дворянскаго сословія, но достигшій низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

БРАТЕ́НЕКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. «Мы съ нимъ *братъ-дѣти*». (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бо́рошно* (ржаная мука), которое есть и у Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *бо́рошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ надо было присоединить *багажъ*: «Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ». (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

БРУСНИЦА [1]. Зачерпывалъ брусницу. *А. К.* *) II, 29.

БУБУХАЛИ-ПУШКИ. *Война и Миръ*. IV, 318.

БУСЬЕТЪ. (Волог.) плѣснѣетъ.

БѢЛИЗНА (Г.). Рыба въ Кіевской губерніи. См. отчетъ кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

БѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛО́КЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВА́ЛУХЪ [1]. У Даля ошибочно: *ва́лахъ*. Такой формы нѣтъ.

ВАРНАКЪ [1]. Бѣглый каторжный. *Въ Л.* I, 190.

ВЕЛИЧУРКА (Г.). Родъ гречневой крупы (изъ «Офиціальнаго торговаго прейсъ-куранта С.-Пбургской биржи при финансовомъ обозрѣніи 1880 г., № 23.

ВЕРЕВОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО (Г.). Слѣдующіе сорта́ веревокъ, приготовляемые между прочимъ въ Ржевѣ, не упомянуты въ словарѣ Даля: *канавная, логлинъ, сахарникъ, стеклень, хриптинка*.

ВЕРЕТЕНИ́ЦА *. «Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе; такъ называется: 1) мѣдяница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ молюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel». (Замѣтка Л. И. Шренка)

*) Т. е. *Анна Каренина*, соч. гр. Л. Толстаго.

ВЕРХОВОЙ *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки* = мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, т. II, стр. 187).

ВЖИКАТЬ. Коса вжикала. *А. К.* II, 28.

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ. (Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово).

ВЗДОРИЧКЪ. Пропущено у Даля, хотя происходящій отъ этого имени глаголъ *вздорничать* поставленъ на своемъ мѣстѣ.

ВЗО́РОДЪ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

ВИДЪ *. «Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,— называется или называлось: *съ видомъ*». (*Вост.* Аксак., стр. 150).

ВИ́ХОРНИЧАТЬ. Быть легкомысленнымъ, напр. часто мѣнять мѣсто службы. (Ряз. губ. Данк. у.).

ВОВКУЛАКА * (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская форма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ; форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ «*вукòдлак*». *Длака*, серб. = во́лосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

ВОДА *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая* —, глубь; *сочная*, *жирная* —, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая* —, мелкая; *живая* —, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

ВОДОВИ́КЪ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). Водовица, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. (*Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

ВОНОПОЛИЦА. Еще форма словъ *водополь* и *водополье*.

ВО́ЗЕРО, ВОКО́ШКО *). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) слышится призвукъ *в* передъ начальнымъ *о* во всѣхъ словахъ.

ВОЗЖАТЬСЯ [1]. Возиться. *Въ Л.* I, 386.

ВОЛОПЁРЪ. Рослый и дюжій, но лѣнивый парень.

ВОЛО́СЕЦЪ. (Снб.). Волосатикъ.

---

*) Само собою разумѣется, что эти слова помѣщаются здѣсь не для включенія въ словарь, а только ради приложеннаго къ нимъ замѣчанія, — какъ нѣкоторыя другія ради сопровождающаго ихъ поясненія или примѣра.

ВОЛЧОКЪ (Г.). Въ объяснит. запискѣ къ смѣтѣ расходовъ Департ. неокл. сборовъ на 1879 г., на стр. 2, при исчисленіи расходовъ на починку испортившихся контрольныхъ снарядовъ по винокуренію, говорится: на замѣну мелкихъ частей, какъ-то: *волчковъ* и т. д. У Даля слово *волчокъ* въ этомъ смыслѣ не находится.

ВОЛОШСКІЙ [1], Употребл. какъ нарицательное прилагат., напр. въ названіи извѣстнаго рода орѣховъ *волошскіе*, то же, что *грецкіе*. Таково же значеніе перваго слога въ германскомъ Wallnuss (vallnot), гдѣ val сокращ. изъ ср. верхненѣм. walh, древн. walah, инв. welsch = иностранный, особенно франц., итал., вообще романскій. Этотъ орѣхъ, родомъ изъ Кашемира, къ Нѣмцамъ первоначально вывезенъ былъ изъ Италіи и Франціи (Weigand. D. WB.).

ВООДУШЕВЛЕНІЕ. Пропущено у Даля, такъ же какъ и въ академич. словаряхъ.

ВОРОТЪ * (ЖК.). Двое дѣтей, а третій *на вороту*. (Новг.).

ВСЕСТОРОННІЙ, ВСЕУСЛЫШАНІЕ. } Пропущены.

ВСКЛОКОЧЕННЫЙ. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по Гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

ВСПЫРСКИВАТЬ. «Жаворонки вспырскивали». (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у Даля означено только подъ *прыскать*.

ВСТРЕПЫХАЛАСЬ, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

ВЧИНИТЬСЯ * (ЖК.). *Вчинился* не въ свое дѣло. (Иск.).

ВЫВОДЪ *, Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту родимымъ.

ВЫРЕЗУБЪ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ. Cephalus при вопрос. знакѣ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. П. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: «Сург. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii, и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или, какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводитъ названія *вырезубъ* и *вырѣзъ*, не объясняя ихъ».

выточки [1]. Перешивая, сдѣлала выточки не на мѣстѣ. *А. К.* II, 44.

вѣкуши (*Ж.*). Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учатъ дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха*, *вѣковушка*.

вятка [1]. Есть у Даля въ значеніи толпы, кучи, ватаги. Употреблено нѣсколько иначе въ замѣткѣ, означенной ниже подъ словомъ *слямъ*.

галера *. На Днѣстрѣ паро́мъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. (*Воен. статист. обозр. Бессарабіи*).

гицель [1]. «На наемъ гицеля для отравленія собакъ 120 руб.» (*Нов. Время* 1880 г., № 1642, корреспонденція изъ Нѣжина). Что это за слово? не отъ нѣмецк. ли Hetzer—ferarum captator? (см. Словарь братьевъ Гриммовъ). Конечное *ч* могло перейти въ *л*, такъ же, какъ напр. въ словѣ дрягиль (träger).

глаголь [1]. Висѣлица въ формѣ буквы Г. Изъ актовъ, относящихся къ эпохѣ Пугачевщины.

головашка. Носокъ лаптя. См. лапоть.

голомена́ми *. Попеременно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ).

голомень * или **голомя** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Саввант. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

голомысый *. Не только безбородый, но вообще голый, обнаженный, напр. голомысое дерево, т. е. безъ листьевъ (ср. древ. гола(м)усый).

гомозиться *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

гоньѣщикъ. Занимающійся гоньбою.

гоношить *. (*Ж.*). Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.).

горлодранецъ. То же, что горлодеръ.

горлюна́, раст. Bunias orientalis. У Даля и въ Бот. словарѣ Анненкова *Гарлупникъ*.

горянщина *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя въ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

гремячъ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

гречи́ще. Поле, съ котораго снята греча (у Даля ошибочно: гре́чица).

грибьё, собират. имя.

грива *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Сиб.).

грыдоровать. Вм. *гравировать*, въ 18-мъ вѣкѣ. Одно изъ многихъ

словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари. См. выше въ этой книгѣ (стр. 292) замѣтку *о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ р. языка*.

дáденъ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать*. Такимъ же образомъ говорится: *отдаденъ*, *продаденъ*. (Смол. губ.).

дань. Царь любитъ дань (народ. поговорка).

дача *. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: «Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строевого лѣсу. Лѣсная дача*». Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.: *У него дурная, неудобная, безобразная дача*, т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

демьянка *. Огородный овощъ, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб. въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадиджаномъ*, а въ средней Россіи болѣе извѣстенъ подъ именемъ *баклажана* или *подложана* (solanum melangena, ducamara, pomme d'amour).

десятина *. Подъ этимъ словомъ пропущены у Даля названія *тридцатка*, *сороковая* и *сотенная*, которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

джутъ [1]. По поводу частыхъ газетныхъ толковъ о джутовыхъ мѣшкахъ собраны мною слѣдующія свѣдѣнія. Jute (слово бенгальскаго языка) означаетъ растеніе изъ рода tiliaceae Corchorus, различные виды котораго съ незапамятныхъ временъ воздѣлываются въ Восточной Индіи ради добыванія волоконъ и отчасти въ нашу. Нынѣ C. capsularis въ особенности сильно разводится въ Индіи, на Малайскихъ островахъ, въ южномъ Китаѣ и даже въ Алжиріи. Употребляется собственно для волоконъ лубъ растенія, и тамъ, гдѣ его родина, джутъ исконно служилъ на изготовленіе веревокъ и тканей. Наибольшее количество его вывозится изъ Калькутты въ сыромъ видѣ. Въ Европѣ онъ вошелъ въ употребленіе съ 50-хъ годовъ, когда Крымская война лишила Англичанъ привоза русской конопли; потребность въ немъ еще усилилась во время американской междоусобицы за недостаткомъ хлопчатки. Теперь матеріи изъ джута, а также мѣшки, выдѣлываются на фабрикахъ, какъ въ Великобританіи (преимущественно въ Шотландіи), такъ и на материкѣ. Джутовые мѣшки идутъ къ намъ, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ Англіи.

дикасится — ведетъ себя какъ дикій.

доловатый. *Рожь доловатая* — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

домбра. Варганъ. У Даля есть *домра́* съ значеніемъ: «азіатская балалайка съ проволочными струнами».

домнешты. Бессарабскія яблоки.

дороговь *. (Ряз.). Дороговизна.

доро́жка *. (Нейш.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

достаканъ, достоканъ. Другая форма словъ: *доскань, доскансць* и сокращ. *стаканъ**) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дщань*) **). «Кубки золоченые и не золоченые съ пупышками, травами и достокановымъ дѣломъ». (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481). «Кувшины бочки, ендовы, достаканы» (тамъ же, т. VII, стр. 4).

достодолжный, достославный, достохвальный, достоуважаемый, досточтимый. Всѣ эти слова пропущены Далемъ.

дужка [1], часть грудинки у птицы, должно несомнѣнно стоять подъ словомъ *дуга*, а не подъ *душа*, гдѣ оно написано *душка*, съ прибавленіемъ въ скобкахъ въ видѣ вопроса: *дужка*.

душевой надѣлъ [1]. Надѣлъ на душу.

душь [1], ж. р., въ значеніи дождеобразнаго или струевого обливанія, а не душъ, м. р.

дыба *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак. Н., Т. III, стр. 629.

дымка *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

дѣловитый, дѣловитость, *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

дядька *. Дядя (Смол. губ.).

егорій *. У Даля ошибка въ пословицѣ: «Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадушку». Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одонушко, небольшой скирдъ.

ербойзъ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: «То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной Россіи и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), назы-

*) Какъ замѣчено и Далемъ подъ сл. *стаканъ*; но въ своемъ мѣстѣ слово *достаканъ* не занесено у него. Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло*. Тутъ сходство звуковъ случайное. Стаканы были сперва не стеклянные. Слово же *стекло* готскаго происхожденія.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *тчанъ*.

ваются «gerboise», по-нѣмецки и англійски «jerboa»; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное» *).

ЕРМОЛАФІЯ (отъ ирмологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня.

ЖАЛЕЙКА. Дудка изъ камыша (у Даля есть, но ошибочно занесено въ своемъ мѣстѣ и *желейка*).

ЖА́МКИ, ЖА́МОЧКИ [1]. (Ряз. губ.). Пряники.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium, oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейхъ).

ЖМУТОКЪ. (Изъ муром. легенды, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Стар. и народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться* — замѣшкаться. *Позвольте итти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. «Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*», т. е. стачка (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: «Изъ Парижа»).

ЗАБѢЖКА [1]. Малый пароходъ. *Въ Л.* I, 142.

ЗАВА́РЪ [1]. (Г.) «Еще во время крѣпостного права во всѣхъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Пермской губерніи хозяйственные расчеты велись по «заварамъ», имѣющимъ то отличіе отъ періода гражданскаго года, что началомъ завара считается не январь мѣсяцъ, а май». По представленію мѣстнаго губ. присутствія министръ финансовъ въ 1877 г. ходатайствовалъ о сохраненіи этого срока и для взноса выкупныхъ платежей.

ЗАВѢСЫ [1]. (Ряз. губ.). Передникъ, подвязанный подъ мышки.

ЗАГОЖЕЧКА [1]. (Новг.) **), кукушка. Надо закусить хлѣба соли, чтобъ кукушка не закуковала. По понятію народному, кто въ первый разъ услышитъ голосъ кукушки на тощій желудокъ, тому будутъ предстоять бѣды и напасти. (П.). У Даля *загозка*, безъ означенія мѣстности. Нельзя при этомъ не вспомнить зегзицу Слова о полку Игоревѣ.

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. «Ахъ вороны, заколянились! кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой». (*Война и Миръ*, IV, 298).

---

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ, гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т. V, стр. 385.

**) Слова, означенныя здѣсь въ началѣ словомъ *Новг.*, а въ концѣ буквою П., доставлены въ 1878 г. во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ членомъ Новгородскаго статистическаго комитета О. О. Пардолоцкимъ.

ЗАКОРУЗЛЫЙ, или ЗАСКОРУЗЛЫЙ. (У Даля только глаголъ *заскорузнуть*.

ЗАЛИЧИТЬ [1]. (Ряз.). Вынимая кирпичи изъ печи, ихъ сортируютъ и кладутъ такъ, что бѣлые остаются сзади и не бываютъ видны за красными, помѣщаемыми впереди. Тогда говорятъ, что «кирпичи заличены».

ЗАНОСЫ *. *Спб. Вѣд.* 1867, № 297. Судеб. хрон.

ЗАПАСЪ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матня и два крыла. (*Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

ЗАПИСЬ *. (Въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). Обыкновенно помѣщенное въ концѣ рукописи свѣдѣніе о томъ, кто ее составлялъ или переписывалъ, и о времени ея происхожденія. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

ЗАПЛЕЧИКИ [1]. (Типогр. терм.). Разстояніе между буквами. *Р. Вѣстн.* 1872, май, стр. 336.

ЗАПЛОТЬ *. «Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются». (Допес. кн. Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. штаба).

ЗАСИДКИ *. «Темные осенніе вечера установили между рабочимъ населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ «засидокъ», т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи... Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября». (*Русс. Инв.* 1866, № 232). У Нѣмцевъ Lichtbraten.

ЗАСТАВА * (Нейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверстію ризца, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ризца. Этимъ же именемъ *(заставой)* называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ проруби, чрезъ которую вытягиваютъ зимніе невода.

ЗАСТАВКА [1]. Точиѣе чѣмъ у Даля можетъ быть опредѣлено такъ: живописное украшеніе, помѣщаемое въ началѣ рукописи или книги, или передъ началомъ каждой статьи, входящей въ составъ ихъ.

ЗАСЫПКА [1]. *Въ Л.* I, 376.

ЗАШИБАТЬСЯ хмелемъ. Запивать. *Въ Л.* I, 27).

ЗЕЛЕНУХА (собир.). Зеленые плоды, ягоды и проч.

ЗМЕТЬ (сѣверн.). Фасонъ.

ЗОЛА *. Пропущена поговорка: «Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору» (не пропускать срока для сѣва).

ЗРАЗЫ (Г.). Извѣстное польское кушанье, весьма употребительное и въ Россіи. *Зразы* рубленые.

ИЗАРБАТЪ. У Рейфа: «brocart, étoffe de soie brochée d'or». Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и проч., стр. 30).

«Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ».
(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: «Моя изба съ краю, я ничего не знаю».

ИЖИВАТЬ *. (Ж.). *Ижживаю* третьяго мужа.

ИЛКА. Особенный сортъ темной глины.

ИЗГАРЬ. Употреб. и переносно, для означенія износившейся, негодной вещи, напр, одежды, или принадлежностей старой телѣги.

ИЗМОРЪ. (Ж.). Ледъ *измóромъ* пойдетъ. (Твер.), — то же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ итти.

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Бусл. *Ист. Грам.* II, § 219).

КАЛИБЕРЪ *. Извозчикъ съ дрожками особаго устройства. (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫШКА. (пашни). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V. 89.

КАНЬГА *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у Даля не нуженъ.

КАПЦУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у Даля; у Рейфа же *Капцунъ* (Харрзаш).

КАФТЫРЬ. *Въ Л.* I, 334.

КЕЛЕЙНИЦЫ (Ж). Дѣвки, имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.).

КЕНЕСИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

КИНЗА. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл. въ пищу за Кавказомъ.

КИПЕННЫЙ (отъ кипень — пѣна). Сѣдой какъ лунь.

КИРЗА. У Даля: «верхній слой земли, почва». Но это слово имѣетъ

еще и совершенно другое значеніе: грубое сукно *киперное*, gefeperteѣ Тиф, т. е. тканое вкось (нѣм. kirsei, англ. kersey, фр. créseau).

кйты. Кулки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у подножья учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астр.).

кичкиры (чикчиры?). «Любуясь... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами» (*Война и Миръ*. V, 194).

кладки* (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

кладышъ. Кладеный баранъ.

клеванный. Проворный, смѣтливый. *Въ Л.* I, 274.

клёвъ* (рыбы). «... я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бываетъ не значительный: я разумѣю клёвъ крупной рыбы». (Аксак. *Воспом.* стр. 197).

клюка. Перепльть въ клюкахъ *Въ Л.* I, 160.

книксенъ. Пропущено.

кобура, или кабура*. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

козно (?). Въ козны играть. *Въ Л.* I, 142.

коккуй. Купало, сельская игра 23 іюля. (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. фин. Kokko.

колбовый пирогъ. Этого названія, какъ и вообще прилаг. колбовый, нѣтъ въ словарѣ Даля. Такъ называется довольно извѣстный въ русской кухнѣ круглый пирогъ. Корень слова вѣроятно тотъ же, что въ словѣ коло = кругъ.

колодезина. «Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезину и осматриваетъ голову улья». (*Война и Миръ*, V, 84).

колоколецъ* (*К.*). Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.).

колча*. «... проѣхали по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ». *Война и Миръ*, IV, 256.

колъ. Въ поговоркѣ: «ни кола, ни двора» *колъ* имѣетъ значеніе, въ словарѣ Даля необъясненное. «Это — полоса пахотной земли, шириною въ двѣ сажени. Слѣдовательно не имѣть *кола* значитъ не имѣть пашни... Итакъ приведенная поговорка употребляется въ крестьянскомъ быту для означенія человѣка, *неимѣющаго недвижимаго имущества* и живущаго личнымъ трудомъ, а вовсе не въ смыслѣ *дурного хозяина*, какъ утверждаетъ Даль». Авторъ замѣтки, откуда взяты эти строки, г. Александръ Борзенка, объясняетъ, что въ селахъ нѣкоторыхъ мѣ-

стностей Ярославской губ. земля измѣряется кольями, что тамъ слѣдов. *колъ* имѣетъ первоначальное значеніе мѣры для распредѣленія земли и что названіе мѣры перенесено на отмѣряемое пространство. (Выписано мною изъ *Москов. Вѣдом.* конца 1870-хъ годовъ, но къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія года и нумера газеты). Выше, стр. 38, уже указано на ту странность, что Даль помѣстилъ слово *колъ* не въ гнѣздѣ глагола *колоть*, какъ явно слѣдовало, а отдѣльно, и притомъ пріурочилъ къ нему глаголъ *колыть*, который относится совершенно къ другому корню.

концессія[1]. Предоставленіе правительствомъ права на какое-либо общественное, особенно желѣзно-дорожное предпріятіе.

копа (Бѣлорус.). Шестьдесятъ.

копань. *Въ Л.* I, 266.

конейщикъ. По толкованію Мертваго (см. его, «Автографич. Записки» въ *Р. Архивѣ* 1867, стр. 21), такъ назывались въ Пугачевщину конные вооруженные люди, получавшіе отъ правительства по копейкѣ въ день жалованья. Руничъ же въ своихъ Запискахъ (*Р. Старина* 1870 г., № 10, стр. 344) говоритъ, что копейщики были такъ названы по своимъ копьямъ. Они поступали въ эти отряды добровольно изъ казенныхъ крестьянъ.

корень. Не означены выраженія: десятина остается на корню, лошадь въ корню.

корешокъ[1]. У Даля не показано значеніе этого слова въ переплетномъ дѣлѣ: «книга въ корешкѣ».

коромысликъ. (*Моск. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло*. По объясненію Л. И. Шренка: «сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis» *).

кóрточки (Г.) «Золото и серебро въ корточкахъ и зернахъ». (Отчетъ Госуд. Контроля по исполненію росписи 1875 г., стр. 620).

косовочина. Неровность на гладкомъ мѣстѣ, маленькій косогоръ.

косякъ * **кобылицъ**. «... уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка». (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

котлубáни *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

*) Насѣкомое изъ рода стрекозы. По-фински стрекоза, довольно сходно съ русскимъ словомъ нашего текста, называется: *Sudenkorento* (волчье коромысло). Ahlqvist.

КОТЛЯНЫЙ *. Темносиній.

КОТОЧЕКЪ *. Баранья кость, съ одного конца заостренная, употребляемая для искапья въ головѣ.

КОШАКЪ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

КОШИРНЫЙ. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1856, № 277, о Бердичевѣ). У Даля *коширa* = овечій хлѣвъ.

КОШЬБА вм. **КОСЬБА**. (Ж.). Записано въ сельцѣ Некуновѣ. Корчевскаго уѣзда (Твер. губ.), при впаденіи Дубны въ Волгу.

КРАСНАЯ ЛОЗА. (Г.). Кусты въ Кіевской губерніи. (См. отчетъ Кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

КРАСНОПЕРКА. Высшій сортъ пшеницы.

КРАСНОРЯДЕЦЪ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара. (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

КРАСНЫ *, вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

КРЕНЬ. «Самый кренъ», т. е. развалъ ярмарки (Ниж. Новг.).

КРУТИГОЛОВКА (пташка). Junx torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

КРУША. Спб. Вѣд. 1865, № 155.

КРѢПОСТНИКЪ. Сочувствующій крѣпостному праву.

КРЮЧОКЪ *. «Вышивъ лишній крючокъ на тычкѣ». (*Война и Миръ*, IV, 224).

КУБАНЪ (Рязан.). Рыболовная снасть.

КУБЫШЪ (Г.). Въ 1877 г. разсматривалось въ Госуд. Совѣтѣ представленіе объ исключеніи изъ Свода Законовъ нѣкоторыхъ статей лѣсного устава, гдѣ въ ст. 588 сказано: «Сіи же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы... при удобреніи полей жженіемъ кубышей и суковъ». Слово *кубышь* въ словарѣ Даля не находится.

КУЛАКЪ *. «Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями». (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, Фельетонъ). Кулакъ самъ не имѣетъ ни капитала, ни лавки.

КУРОЛЕСИТЬ. Собственно, пѣть kyrie eleison = Господи помилуй, но получило значеніе: поступать странно, проказить. «Что онъ тамъ накуролесилъ!»

КУТЕЙНИКЪ. «... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками». (Акс. *Восп.* стр. 127).

КУХТАТЬСЯ. Не показано значеніе, когда говорятъ про погоду: *кухтается*, т. е. хмурится, становится пасмурно передъ дождемъ.

ЛАДЫ *. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушникомъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ послужить безъ перемѣны нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну *пряжку*, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надо въ *растъ*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, изъ *растоваго лыка*; зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛЁДЕНЬ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. «... летѣли съ высокой горы... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же какъ и коньки». (Акс. *Восп.* 94).

ЛЕЛЯВА [1] (Ряз. губ.), канюка. (У Даля только: леляка).

ЛИКОВАТЬСЯ [1]. У старообр. Прикасаться взаимно лицами. *Въ Л.* I, 160.

ЛЛЕНОЙ, ЛЛЕНОЙ [1]. Льняной. (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 36).

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУКАШЪ [1]. По Далю *лу́кашъ* и значитъ волкъ, бирюкъ; въ скобкахъ, при вопросительныхъ знакахъ, оно сближено съ лукавый и съ греч. λύκος = волкъ. Съ послѣднимъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ слово *лука́шъ* сродни, но значитъ оно: охотникъ на волковъ, иногда приманивающій ихъ подражаніемъ ихъ вою. Въ 1882 г., когда отъ множества волковъ особенно страдала Финляндія, туда, въ окрестности города Або, вызвано было десять псковскихъ и новгородскихъ лукашей, которые вполнѣ оправдали свою славу, помогая туземцамъ въ истребленіи дерзкаго звѣря. Имъ было между прочимъ поручено обучить нѣсколько финскихъ крестьянъ своимъ пріемамъ. (См. Morgonbladet 1882, №№ 6 и 7). «Недавно одному изъ этихъ охотниковъ, Якиму Иванову Изотову, за успѣшную дѣятельность, по представленію финляндскаго сената, высочайше пожалована сере-

бряная медаль съ надписью «за полезную дѣятельность», для ношенія на груди на станиславской лентѣ». (*Новое Время* 1883 г., № 2529).

лу́коть [1] (Новг.). Деревяшка у сохи. (П.).

лутошливый (?). Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

лучиться вм. *случаться* (Ряз.).

лучо́къ. «... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу». (Акс. *Восп.* 15).

льга *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу=не въ мочь (или не въ пользу?).

льгота *. У Ломоносова и у Державина=свобода, благосостояніе.

лѣчуха (у Рейфа лечуха). Растеніе: sanicula europaea; sanicle, luzerne.

мажёнка * (сѣверн.). Четверикъ.

майна [1] (?) «...спасъ утопавшаго въ майнѣ большой Невы крестьянина». (*Нов. Время* 1880, № 1548).

мангалы *. Огромные коши, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою. (Закавк.).

мара́кулъ [1] (отъ umbraculum = абажуръ). Одно изъ весьма употребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ при Дворѣ словъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны конечно малограмотной прислугѣ, но между тѣмъ находятся тамъ въ общемъ обращеніи.

мастовье [1] (Г.). Родъ кожи. (Изъ товарнаго прейсъ-куранта подъ рубрикою: *Кожи*).

материкъ *. «Прудъ надулся и весь поснѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ».—«...вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка» (Акс. *Восп.* 97, 99).

медвѣжникъ. Насѣкомъ. Bombylius (asile velu, bourdon), «родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ». (Л. И. Шренкъ).

медо́вичъ. «Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича». (Акс. *С. Хр.*, 92).

межеумокъ [1]. Хрящъ самый грубый холстъ (см. также Величурка). Въ значеніи лодки извѣстныхъ размѣровъ на Волгѣ произносится и *межеумокъ*. Эта лодка сидитъ не глубоко, можетъ ходить и въ межень.

мездра *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мяздра* отъ *мясо*.

мелюсь. Второстепенный сортъ сахару.

МЕРЕЯ *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда*, *мереда*?

МЕТАНІЕ. Родъ поклоновъ у раскольниковъ. (*Въ Л.* I, 160). Кажется, авторъ ошибается, считая это слово греческимъ.

МЕТАТЬ ПАРЪ. Вспахивать паровое поле, но не весною только, какъ сказано у Даля.

МЕТЫЛЬ. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину «метыль то же, что *мотыль:* гной (см. *Лексик. Кутейкій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса». (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

МИЛЛІАРДЪ (не записано ни въ одинъ словарь).

МІРОВОЗЗРѢНІЕ, МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. Пропущено.

МОЛЁКЪ [1] (Г.), моль. Самая мелкая рыба. То же, что малёкъ.

МОЛОЖЕ́НКА [1] (Новг.) нѣженка. (П.).

МОНИТОРЪ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверстіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

МО́РУШКА * (Ж.). Большая смертность. На дѣтей *морушка*. (Твер.).

МОРИ́Ц *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки касел. мѣстъ*, Астрах. губ.). См. *Мурчуг*.

МОТЫЛЬ. Гной. *И. Г. Р.* II, прим. 256. См. *метыль*. (Въ ак. сл. есть *мотыло*, — помётъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено.

МУРЧУ́ГЪ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчуг* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (что мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): «Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ». — «Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мурчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ». (*Соч. Держ.*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: «плыть по Москвѣ рѣкѣ *мурчу-*

ями. Не плывите *мурчугами:* я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою». (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

МУХОБРОДЫ. Смѣшанное латышское населеніе за Динабургомъ, около Крейцбурга, имѣнія барона Корфа.

МШЕНЫЙ [1] (мшаный?). Мшеными срубами. *Въ Л.* I, 363.

МЫКАТЬ *. Собственно *мчать.* (См. сказку *Бова Королевичъ*).

МЫСЬ *. Бѣлка (Псков. губ. Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9. У Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

МЯТУСИТЬ (Ж.). Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.).

НАБРОСОКЪ, НАКИДОКЪ. Эскизъ.

НАВОДЬ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

НАВЬЕ [1] (одного корня съ гл. ныть, ср. чеш. unavení).

НАГОНЩИКЪ [1]. (Г.). Кто нагоняетъ шину на ободъ. (Изъ печатнаго отчета московскихъ больницъ, гдѣ больные распредѣлены по занятіямъ или ремесламъ).

НАДИТЬ [1] (сѣверн.). Точить соху.

НАМЕТКА * (футитокъ). *Накидывать наметку*, т. е. дѣлать промѣръ.

НАПЫЗЫКЪ. Родъ полотна.

НАПЛЫВЪ [1] (Ряз. г.). Употреб. еще въ смыслѣ болѣзненнаго ожирѣнія человѣка.

НАРОХТИТЬСЯ. См. у Даля *нарохтиться.* «... прошохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиреніствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ». (Акс. *Сем. Хр.*, 113).

НАСЛАНЬЕ. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье*, первая холера (Сарат.).

НАСОСНИКЪ [1] (Г.). Кто начакиваетъ воду. (См. нагонщикъ).

НАСТРЫКАТЬСЯ [1] *А. К.* II, 25.

НАСТЪ. Поставлено Даломъ совершенно произвольно подъ гл. наступать.

НЕВОЛЯ *. *За неволю:* «Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску, ты ей за неволю повѣришь». (*См. Хр.*, стр. 114).

НЕДОСТАВАТЬ. Глаголъ этотъ пропущенъ какъ въ академическомъ словарѣ, такъ и у Даля, но, кажется, долженъ стоять особо въ своей отрицательной формѣ. Не мѣшало бы присовокупить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго имени.

НЕЖИТЬ *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

НЕПОМѢСТНЫЙ. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

НЕПРАВЫЙ — о человѣкѣ съ прирожденнымъ недостаткомъ умственнымъ или тѣлеснымъ.

НЕ́РАБОТЬ. (Ряз. губ.). Собир. о дворовыхъ людяхъ.

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С. М. Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА *. (Пейп.). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НОСОКЛЕЙКА. (Ж.). Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.).

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУ́ЖИНЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НЪТИ, множ. *Быть въ нытяхъ.* (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178. 188 и 194).

ОБНИМАТЬ [1]. NB. При этомъ глаголѣ въ словарѣ Даля поставлена невозможная по своей безобразной неправильности форма: «объемлить».

ОБОПРЪТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ Далемъ въ толкованіи глагола *опрять.* Надобно прибавить: *обопрълый*, *обопрълость.*

ОБРОДЪ [1] (Ряз. губ.). Необыкновенно обильный урожай на плоды и т. п. У Даля есть только гл. ободиться, и прил. ободный.

ОБТЁРХАТЬСЯ [1]. Обноситься. Помѣщено неправильно подъ словомъ *обтирать.* За начало слѣдуетъ принять неупотр. *тёрхать*, значеніе котораго видно изъ подобозвучнаго *дёргать.* У Даля другое удареніе: *обтерха́ться.*

ОБУХЪ *. «По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами». (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОБЫДЁННЫЙ. Вотъ еще случай правильнаго употребленія: обыденный хлѣбъ, квасъ (еще не успѣвшій скиснуться), обыденная сметана.

ОВСЕНЬ. Это слово записано Далемъ подъ буквою *А*, что́ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; къ тому же и самъ онъ, при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овсень.* См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо Даль поставилъ подъ А слово *абаполъ*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную орѳографію Областной Словарь).

огнева *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова ко́была).

одиконъ [1], *Въ Л.* I, 47.

односельчанинъ. Пропущено. Употребляется невѣрно вм. *односелецъ*, ибо *односельчанинъ* образовано отъ *сельцо*, слѣдовательно можетъ означать только крестьянина того же сельца, а не села.

озаглавить, озаголовить. Дать заглавіе. *Озаглавленный*.

олёхъ, олешникъ. Пропущено.

омченинъ. (житель Мценска, иначе Мченянинъ).

ондрёцъ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна. Ср. у Даля *андрецъ* и *одръ*.

ондухъ (духъ). *Въ Л.* I, 278.

опростоволоситься. Пропущено.

опѣнять, опѣняемый. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

оранжерея *. Должно быть опредѣлено точнѣе: строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

ослонъ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолонъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолонъ* же есть русская народная форма слова *столпъ*.

ослядь [1]. Изъ Записокъ по р. грамматикѣ, проф. Потебни, II, 329. У Даля: ослед.

остречье. (Пейп.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

отбой [1] (Г.). У Даля не отмѣчено значенія, какое получаетъ это слово на коннозаводскомъ языкѣ. Въ Пруссіи берется плата за каждую случку; у насъ за три случки до отбою.

отверница. «Въ стихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]». *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 262. Ср. Востокова *Словарь Ц.-сл. яз.* Отвьрьница, противное.

относиться къ чему-либо такъ или иначе. (Напр. сочувственно или враждебно). Это значеніе глагола упущено Далемъ изъ виду.

отреченныя книги. См. Пыпина *Исторія слав. литературъ*, стр. 62 и д.

отъятой. Пропащій, неисправимый.

охинѣть *. Разбогатѣть. *(Оп. Обл. Словаря)*. Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у Даля вопросительнымъ знакомъ, под-

тверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѢ: «охинѣеши бо скоро богатствомъ». (*Соч.* его, т. V, стр. 661).

ОХРЕЯНЪ *. «Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: «Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ». У Даля *охрелнъ* = лѣнтяй; неотесаный, неуклюжій, грубый.

НАДЛЁНОКЪ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другого дерева сѣмени.

НАЗВУКЪ. (Nachhall). «...произносились съ носовымъ назвукомъ». П. Лавровскій въ *Зап. Ак. Н.*, т. VIII, № 3, стр. 34.

НАЗЕМКА (позёмка). Земляника.

НАЗНОГТЬ [1]. Mikl. Vergl. Gramm. II, 360: vielleicht nicht der rechte nagel.

НАЗОРИ [1]. Сѣверное сіяніе. *Въ Л.* I, 284.

НАЛЕЯ. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго Завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

НАНДУСЬ (отъ pente douce). См. примѣчаніе къ слову маракулъ.

НАРЕНЫЙ ЗАЛОГЪ *: «переломали не нареный залогъ» (Акс. *С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у Даля, между прочимъ, значеніе: «вынаханое и запущеное поле, брошеное на нѣсколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло»; но ни *переломать*, ни *нареный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

НАСКА, ПОСКИМИТЬСЯ. Народныя формы вм. церковныхъ, греческихъ: *наска*, *посхимиться*.

НАТАРЕНЪ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: «Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ» и т. д.

НЁНДУСЬ. Тонкій берегъ, вообще тонкое мѣсто). (Ср. у Даля *пёнусъ*).

ПЕРЕЛЮСТРАЦІЯ, ПЕРЕЛЮСТРОВАТЬ (нѣм. perlustration, perlustriren — просмотръ, просматривать). Эти выраженія употреблялись въ 18-мъ столѣтіи въ отношеніи къ письмамъ, которыя по распоряженію правительства вскрывались на почтѣ, и встрѣчается часто въ *Дневникѣ* Храповицкаго. Дмитріевъ также говоритъ: «двѣ перелюстрованныя реляціи отъ нашего посла». (*Взглядъ на мою жизнь*, стр. 196).

перéметень. Вьюга.

перемúнка [1]. Вм. пирамидка. См. подъ словомъ Маракулъ.

переучетъ. Повторенный учетъ.

пиджакъ. (Англ. Peajacket = толстая шерстяная куртка, какую носятъ матросы и проч. Словарь Вебстера).

плеха. Презрит. Женщина дурнаго поведенія.

поберúги. (Ж). Побирухи. (Новгр.).

повѣлка. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общества.

поваре́шка. (Новг.). Родъ піявки. величиной съ вершокъ, имѣющей круглую головку и круглый хвостъ, къ концу постепенно отончяющійся и напослѣдокъ остроконечный. (П.).

повозиться *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: «Крестьяне обѣщали повозиться», т. е. повозить хлѣбъ.

погода *. Употребляется и во множ. числѣ въ слѣдующемъ присловьи: «Семь погодъ на дворѣ; сѣетъ, вѣетъ, кутитъ, мутитъ, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ».

подзёмка. (Рязан.). Метель снизу.

подзорщикъ [1]. Лазутчикъ. См. Соч. Держ. V. Переписка во время Пугачевщины.

подкряковая утка [1].

подкустарники. (Ж.). Легковые извозчики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.).

подлинникъ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подль*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подль* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *дльгъ*, *дль* (подлъгъ, подъль, см. Словарь Востокова).

подожокъ: «слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)». *С. Хр.*, стр. 35.

подорожникъ *: «напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ». *Сем. Хр.*, стр. 228.

подсохъ. У Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

подхлюстать (напр. платье). Запачкать снизу.

подхожій. «Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

подъеферивать. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

подъѣздъ *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

подъѣзжачій *. *Зап.* Держ. (*Русск. Бес.*), стр. 23.

подымать * (Ик.). Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.).

покладаться. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

поклажное. Приданое со стороны жениха.

покось *. Выраженіе: «въ одномъ покосѣ» употребляется въ смыслѣ: въ одномъ положеніи.

поле [1] (Г). «Охотничья собака двухъ полей». У Даля не объяснено это выраженіе. По словамъ И. С. Тургенева, оно означаетъ что собака уже два года была на охотѣ, и имѣетъ не менѣе трехъ лѣтъ отъ роду. (Изъ частнаго письма окт. 1876 г.).

полка, сущ. отъ гл. *полóть*.

полотняная церковь [1]. *Въ Л.* I, 47.

полтина *. Состоитъ, по мнѣнію Даля, изъ двухъ словъ *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово. *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). На самомъ дѣлѣ *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полоть* или *полть*, которое собственно значитъ *половина*.

полустáнокъ. Станція на ж. д., безъ станціоннаго дома, у которой поѣздъ останавливается на самое короткое время на пріема пассажировъ.

полъ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ* = половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ*, *полка*, *полати*? Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)* котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій*, *плать*, *платно*, *поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (=полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola=плоскость: Murko).

полъ-имени. Одно крестное имя безъ отчества. Замѣчаніе извозчика о добромъ его хозяинѣ: «Никогда не назоветъ человѣка въ *полъ-имени*,—всегда повеличаетъ» (т. е. назоветъ и по отчеству).

полый *. Открытый: полая дверь, полое окно (СѢв.). Пустой. Оттуда: *полоумный;* это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у Даля. Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу*—, это одно начинается съ *поло*—.

помошникъ (отъ *мол*ъ). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *пóмощь, помóщье*).

пообличиться [1]. *Въ Л.* I, 367.

порядковый. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

посадчикъ [1] (Г.). Кто сажаетъ деревья. (См. нагонщикъ) или еще: Рабочій укладывающій кирпичъ въ обжигательную печь на кирпичныхъ заводахъ.

посказульщикъ. Значитъ въ Сибири то же, что олонец. *сказитель*, слово, вовсе не извѣстное тамъ даже олонецкимъ переселенцамъ. (Слышано отъ С. И. Гуляева).

пращеванье (кукурузы). Окучиванье. «По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до пращеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября». (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.*).

препаровочная (отъ гл. препаровать, сущ. препаровка). Часть анатомическаго театра. (*Спб. Вѣдом.* 1871, № 307. Фельетонъ).

преступникъ * (мн. преступникй). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

приводецъ. Вождь: «чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ». (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791; стр. 339). «Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ». (Державинъ, *Читал. оды*; см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

пригрезиться. Пропущено.

проверзá [1] (Новгор.). То же, что проверзины. Послѣднее слово есть у Даля.

происходить *. Пропущено народное значеніе слова: итти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. «Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». (*С. Хр.*, стр. 220).

простокваша *. Должно, кажется, стоять не подъ прилаг. *простой*, а подъ глаг. *простоять*: простоемъ квасться. Такъ думалъ Павскій.

простоплетка. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника) и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ. (Данк. у.).

просылать, прослать.

ПРОТЕРЕТЬ ВРЕМЯ вм. потерять время. (Смол.).

ПРОШОХАТЬ. См. нарохтиться.

ПРУТКИ. Спицы (напр. для вязанья).

ПУСКЪ [1]. . . «Поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками». *А. К.* II, 166.

ПУСТОВАТЬ. Быть пустымъ, вакантнымъ, напр. каоедра пустуетъ.

ПУЩИ. (множ.). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра—особенно ниже Бендеръ,—о которые по временамъ разбиваются суда. (*Воен.-стат. обозр. Бессар.*).

ПѢСТУНОШЪ. Молодой медвѣдь, который, по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

ПѢТУХЪ [1]. Перья, насаженныя на палку для чистки мебели отъ пыли.

ПѢШКА́МИ, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм. *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. над. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: «Верхи пошли, пѣши вернулись».

РАЖО́ *. Много.

РАЗБИВНОЙ ШРИФТЪ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

РАЗБРАЖИВАТЬСЯ *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: «Русакъ уже до половины затерся (переплялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*». (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: «Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія».

РАЗВРАТЪ *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

РАЗВЯЗА [1]. *А. К.* II, 167.

РАЗДОБЫТЬСЯ чѣмъ. Достать, припасти что.

РАЗДРОБЬ, ж. р. (не *раздробъ* м.). Напр. продажа въ раздробь.

РАЗРѢЗЪ *. Итти съ чѣмъ-нибудь въ разрѣзъ.

РАЗСТРѢЛЯТЬ (Ж.). Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*.

РАМЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 138.

РАМА. Во многихъ мѣстахъ своего словаря Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо*=плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *раменье*, *обрамленье*, *край*. Но доказательствъ на это предпо-

*) Это значеніе слѣдуетъ занести въ словарь при объясненіи гл. *затереться*.

ложеніе не приведено. Ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch. стр. 589.

РАСПОБЫЧИТЬ (?) **МЯСО.** Разрѣзать на части, что̀ въ одно кушанье, что̀ въ другое. (Карсунскій у.).

РАСТУШКА. Извѣстное орудіе для рисованья.

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія, клубъ и т. п.).

РОСЕВОЙ [1] (Г.). Овесъ. Изъ объявленія о цѣнахъ на разные роды хлѣба и другіе съѣстные припасы въ Орлѣ.

РОСЛЫЙ *. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО́ *. Сыро. Ряз. губ.).

РУКА [1] (Новг.). Съ рукой стоять — обычай, издревле служившій для содержанія православнаго духовенства въ городѣ Валдаѣ, но отмѣненный самимъ духовенствомъ въ 1852 г. Въ великомъ посту, послѣ молитвъ по причащеніи, протоіерей или очередной священникъ выходилъ изъ алтаря съ крестомъ, рядомъ съ нимъ становились другіе священники и потомъ причтъ по порядку съ дѣтьми муж. пола, сторожъ церковный и даже тѣ, кто ему помогалъ въ присмотрѣ за церковью, причастникъ, прикладываясь къ кресту, надѣляли каждаго по усмотрѣнію. (П.).

РУШИТЬ *. Препятствовать. *Не рушь* = пускай: *не рушь говорить; не рушь идетъ.* (Смол.).

РЫБЕШКА [1]. *Въ Л.* I, 325.

РЫНО́КЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ.* Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. рӣс, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода; см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, Т. V, стр. 558).

РЪДОЧЬ [1]. Не только полотно, но также напр. рѣдкій въ полѣ овесъ.

РѢШЕТИНА (и РѢШЕТИ́НА). Latte pièce de bois mince pour porter la tuile; cribie, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

РЮМЪ. Пѣвчая птица изъ породы жаворонковъ (Alauda alpestris).

САЙДА [1] (Г.). Родъ рыбы въ Бѣломъ морѣ (свѣдѣніе изъ Мзени).

САКМА *. Означаетъ также часть рѣчного берега, которая заливается водою.

САЛМА. Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ. Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рождсніе Гремиславы*. Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожнова въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

САМОУПРАВЛЕНІЕ. Пропущено.

САМОХОТКА. (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

САХОТА. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи. У Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

СВИТА [1] (Г.). Въ журналѣ комиссіи о тюремномъ преобразованіи (1877—1878 гг.) относительно ссылки на каторгу, при упоминаніи серебро-свинцовыхъ рудниковъ, сказано: «Возстановленіе цѣлыхъ *свитъ*, затопленныхъ» и т. д. Слово *свита* въ этомъ значеніи не объяснено Далемъ.

СЕЙЧАСЪ. Не только въ Москвѣ, какъ показано у Даля, но и во всей средней, а можетъ-быть и южной Россіи, имѣетъ кромѣ своего общаго значенія, еще другое: теперь, въ настоящее время, напр. «Онъ служитъ сейчасъ по выборамъ». — «Церковнымъ старостой сейчасъ такой-то».

СВОДИТЬСЯ — на что, къ чему.

СЕЛЯВА *. Небольшая вкусная рыбка, въ родѣ рямушки, добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. (*Воен.-стат. обозр. Пск. г.*, стр. 112).

СЕРЕНЬ. Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 422). — «Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осеренить: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались». (То же, т. VII, стр. XIV).

СИДКА * (Ж.). *На сидку, на высидку* (въ тюрьмѣ).

СИЛО [1]. *А. К.* II, 137.

СКВОЗНОЙ (Ж.). *На сквозныхъ*, — на долгихъ, въ противоположность слову: на сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.).

СКОЛОТИТЬСЯ [1]. Сколочусь по времени съ денжонками. *Въ Л.* I, 34.

СКОРЛОЗУБЕЦЪ (царскіе кудри, Fritillaria imperialis). *С. Хр.*, стр. 19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Словарѣ* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ*.

СКРЫЖАНЕЛЬ. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у Даля.

СКРУТА (Сѣверн.). Приданое.

СЛАВНУКЪ (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

СЛАВУ́ТНИЦА (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

СЛАМЪ [1]. По Далю то же, что *слазъ* = отступное, плата, которую беретъ кто-либо, уступая права свои другому. Иначе объяснено это слово въ одной замѣткѣ о книжномъ аукціонѣ; «Маклаки торговцы покупаютъ продаваемое имущество компаніей или, по употребляемому ими выраженію, *въ сламу*»... «... Если на продажу является посторонній покупатель, то компанія маклаковъ предлагаетъ ему тотчасъ же итти съ ними въ сламъ или взять отступного и не торговаться». (*Спбург. Вѣдом.* 1870, № 36).

СЛАНЕЦЪ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

СМАРДЪ (вм. смрадъ?). Туманъ происходящій отъ гари.

СНЫТКА [1]. *А. К.* II, 48.

СОБЛИСТАТЬ. «Соблещетъ молнія мечу». (*Соч.* Ломон., ода 15, строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III).

СОКО́ЛЬНИКЪ. (въ Галиціи). Hieranium pilosella.

СОКЪ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Востокова, доносчикъ. Ср. серб. cȍk = сыщикъ (Ausfinder), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; поль. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (ссочить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять. (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Курской губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. поль.: soczyć (osoczyć) = травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и Далемъ съ объясненіемъ: «манить, выманить... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ» и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм.*, при чемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. «Можетъ-быть», прибавляетъ Даль, «здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ», т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сокъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *сѣкаты* = искать). Ср. англ. seek, шв. söka, герм. suchen, поль. szukać. По Шлейхеру, ср. гот. sak, лит. sak

yti (dicere), нѣм. sag (*Зап. А. Н.* VIII, прил. 2, стр. 19, 20). Тамъ же о глаг. *искати* (др.-нѣм. eis-cô-n).

СОЛНОПЁКЪ. Припекъ солнечный. *Сидѣть на солнопекѣ.*

СОРОВЩИКЪ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.). Самое слово *соръ* одного корня съ извѣстнымъ глаголомъ, какъ *боръ* съ гл. *брать*.

СОРОКОНУДЪ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять подъ *сорока*; это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (lanius excubitor). Слово *нудъ* встрѣчается также въ *страхонудъ* и сродни съ гл. *нудить* (ср. чеш. nudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити:* «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы». (Іоан. X, 12).

СТАВЕШОКЪ [1]. *Въ Л.* I, 73—74.

СТАВЛЕНЫЙ МЕДЪ. «... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду». (*Сем. Хр.*, стр. 12).

СТАНЫЙ. То же, что *статочный, стальй*.

СТАРИ́ЦА *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ, которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусьми *(полоусьми?)* старицами. (Н. Даниловскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

СТАТОВЬЁ. Тканье полотенъ. (*Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129).

СТЕНЬ *. *Записать на стень*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

СТЕРЖЕНЬ *. Употребл. въ значеніи *шкворень*. (Ряз. губ. Скоп. у.).

СТОЧНЫЙ (иногда не отъ *стекать*, а отъ *стокать, сткать*). Тканый: «сточный поясъ». (*Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр. 386).

СТРЕКОЗИ́ТЬСЯ — шалить, рѣзвиться, напр. о скотѣ.

СТРѢЛКА *. Главный стволъ у луковицы и чеснока, на которомъ бываютъ сѣмена (?).

СТРЮ́ЦКІЙ (иногда *стрюцкóй*). Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ это слово иногда въ презрительномъ значеніи подьячаго, мелкаго чиновника или вообще дрянного человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко. У Даля *стрюкомъ* (Костром.) = ключомъ, струею. Однажды, въ Ряжскѣ, на желѣзно-дорожной станціи, мужикъ при мнѣ назвалъ *стрюцкимъ* мальчишку, который ловко и плутовски увернулся и убѣжалъ, когда тотъ ловилъ его. (Нѣм. streichen, шв. stryk?).

СТУШЕВАТЬСЯ [1]. Сдѣлаться незамѣтнымъ, исчезнуть.

СТЯГЪ СВѢЖИНЫ [1]. *Въ Л.* I, 380.

СУГИБЕЛЬ [1]. Крутой поворотъ въ оврагѣ. Тург. II, 115.

СУЕРЫЖНИЧАТЬ (Ж.). Безъ толку ругаться. (Твер.).

СУКНОВАЛКА. Сукональня.

СУЛОЙ (и **СУВОЙ**) *. «Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п., разводитъ сильнѣйшее волненіе, жесточайшую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулосмъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами». (Л. И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).

СУМАКЪ ИЛИ СУМАХЪ. Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова № 1193.

СУМАЧЁЙ. Разносчикъ разнаго мелкаго товара по деревнямъ для продажи.

СУСАКЪ, СУСАТОКЪ. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.

СУ́ТОЛИЩЕ. Крылова *Зритель*. Ч. I («Ночи»), стр. 149.

СУТЫРЬ [1]. *Въ Л.* I, 297.

СХОДНЫЙ *. ...«Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).

СѢДЛОВИНА. Углубленіе въ горной грядѣ. (*Соврем. Лѣтопись* 1869, № 23, «Изъ Екатеринбурга»).

СЪЮТИТЬ. Собрать воедино.

СЪМЕНИТЬ *, **ЗАСЪМЕНИТЬ**. Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.

ТАЛІЯ (Г.). Число ударовъ маятника въ одинъ часъ (*Гусевъ*. Часовое мастерство. Нижн. Новг. 1870. Стр. 7).

ТАМЫРЪ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

ТАРАКАЛЬНИКЪ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано: «лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерди, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ». (Замѣтка М. И. Броссе).

ТАРАРУ́Й. Прозвище кн. Хованскаго. (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.*, соч. Н. Г. Устрялова).

ТАРАТЫ. На — пойдетъ. *Въ Л.* I, 132.

ТАРЕЛКА *. «Не въ своей тарелкѣ». Эта поговорка помѣщена подъ

сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія; не лишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а — состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ — мѣсто, занимаемое сидящимъ за столомъ, и наконецъ блюдце, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится. (Dict. de la langue fr., par E. Littré, t. I).

ТАРЫНЬ (или *накипень*). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр. въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина, ледникъ, глетчеръ въ Сибири называется *тарамъ*.

ТЕЛЯТНЯ. Комната въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ берутъ оспу отъ телятъ.

ТЕНЬ. Упоминается нѣсколько разъ подъ сл. *коса*, приводится также подъ гл. *теньжать*, но въ своемъ мѣстѣ его нѣтъ.

ТЕПЛИЦА. См. оранжерея.

ТЕСТЬ*. Въ косвенныхъ над. ед. числа *е* выпадаетъ: *тетя*, *тетю* (Смол. губ.).

ТЕША*. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

ТИВУНЬ[1]. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1868. Кн. I. Русск. нар. пѣсни собр. Шейномъ. № 52.

ТИГУСИТЬ[1]. Мучить.

ТИТУЛЪ[1]. Просьба по титулѣ, т. е. просьба, въ началѣ которой прописывается въ извѣстной формѣ обращеніе къ Государю, а затѣмъ идутъ пункты, и въ концѣ каждаго часть подписи просителя.

ТОЛОКА*. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока.* (Воронеж.). *Въ толокъ будемъ поньче пахать* (т. е. тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толоки* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207. Это же слово см. ниже въ отдѣлѣ подъ цыфрою IV.

ТОНКОНОГЪ, Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ, такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич. Словарь* Н. Анненкова, №№ 604, 749, 1045 и 1046.

ТОПОРНЫЯ БАРКИ (Г.). Суда запрещенныя, на которыя наложена двойная пошлина (*Лѣсной уставъ*, ст. 685).

ТОПОТАТЬ[1]. Бить землю ногами, оставаясь на мѣстѣ (?).

ТОПЧАЧОКЪ. Россійскій — вашъ. *А. К.* II, 154. У Даля *топчанъ*.

ТОРБАНЪ [1] (инструментъ). *Въ Л.* I, 380.

ТОУРИТЬ (Казан., Симб.). Уставить, нялить: «Увидя Марсъ, тоурить взоры». (Держ. *На пріобр. Крыма, Соч.* его, Т. I, стр. 183). У Даля записано *тоуриться*, какъ слово моск. и владим. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

ТОЧАТЬ [1]. У Даля, тачать.

ТРЁШНИКЪ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка.

ТРЫНКА. 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

ТРУНЁРДА. Неповоротливая женщина.

ТРЫНКА. *Въ Л.* I, 375.

ТРЫНЬ-ТРАВА. Можетъ быть отъ древняго *тръкъ*-терн*ъ*.

ТРЕЩИНА. Мякина (около Краснаго холма).

ТРЫКЪ *. Модникъ, вѣтреникъ. *(Оп. Обл. Словаря).* Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

«И льстя съѣдаго трыка».

ТУЗЛУКЪ *. «И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ». (*С. Хр.*, стр. 24). У Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры; да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: «украшенье на поясѣ».

ТУНБАСЪ. Транспортное судно. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ТУНЬЮ. Напрасно. «Чтобъ деньги не пошли тунью». Гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ «о народномъ образованіи». *Отеч. Зап.* 1874, сент.).

ТУРСУКЪ *. *Сем. Хр.*, стр. 26: «мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги». По Далю, — «малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ».

ТУРЫ́ШКА *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты. (У Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

ТЫЛЬЧАКЪ. Болѣзнь худосочія у лошадей, при которой у нихъ на шеѣ дѣлаются ранки. Лѣченіе: сжигаютъ ящерицу и даютъ пепелъ внутрь. (Слышано отъ князя В. Р. Долгорукаго).

ТЯГА [1] (охотн.). *А. К.* II, 253.

УВО́ЩЬЕ. Лѣкарство.

УДОЧЕРЯТЬ, УДОЧЕРЕНЬЕ (Г.). Терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: *усыновлять, усыновленіе*, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ Опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство Государственнымъ совѣтомъ. Съ филологиче-

ской точки зрѣнія новое слово это такъ же хорошо, какъ слово *замужество* въ отличіе отъ *женитьба*. Если бъ руководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ этихъ выраженій, ибо во франц. и нѣмецк. есть только le mariage, die Heirath. Между тѣмъ для отверженія словъ *удочерять, удочереные* нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: *adoptare, adoptio*. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны.

УЗДНЙ. Дворяне горскихъ народовъ въ Кизлярѣ (См. Указатель къ «Матеріаламъ» П. Г. Буткова).

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ*, ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., «скотинѣ въ сухое лѣто умора». (Ряз. губ., Данк. уѣзда).

УНОСЛЪЖДАТЬ, УНОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать; опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЗА́ (тат.). То же, что *рамазанъ*, постъ, продолжающійся одинъ лунный мѣсяцъ, когда магометане не пьютъ и не ѣдятъ отъ восхода до заката солнца «Казанскіе Татары держать уразу́». (Пупаревъ).

УРАЛЪ *. Нариц. названіе горнаго хребта въ Зап. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса). Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ*.

УРСЙ. Кучи (напр. рыбы) на Уралѣ.

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: «Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жерноновъ». (*Сем. Хр.*, стр. 45).

УХНУТЬ [1]. «Сколько ухнуло состояній!» (Суворинъ въ Фельет. *Спб. Вѣдом.* 13 октября 1874 г.).

УЧАСТЛИВЫЙ [1]. Пропущено.

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. Р. В.*, т. II, стр. 274).

ФАРИСЪ — витязь.

ФАРШЪ, ФАРШИРОВАТЬ [1].

ФОРТЕЛЬ [1] (простор.). Преимущество или барышъ.

ФУНДУКЪ (Татар. = corylus tuberosa). Родъ большого орѣха въ Крыму.

хамовники [1]. Мастера, приготовляющіе для царскаго обихода, *бѣлую казну*, т. е. полотна, скатерти и т. п. (У Даля есть, но не совсѣмъ такъ объяснено).

хартута (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго дѣлаютъ варенье.

хлунь. Мягкое мясо у птицъ и вообще животныхъ.

хлѣбосолецъ. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ. (Моск.). Латин. hospes.

хозъ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.

хроминкъ [1] (Г.). (Изъ торговаго прейсъ-куранта, рядомъ съ сѣрою, пинатомъ и т. п.), подъ рубрикой: Москотильные товары. См. Величурка.

хрусталикъ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

цвѣтокъ. Виньетка. *Кашка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмутороканскомъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

цугундеръ [1]. «Ну, я разумѣется тотчасъ его подъ цугундеръ». (Соч. Тургенева. М. 1880. Т. V, *Дымъ*, стр. 65). Для объясненія этого слова я совѣтовался со многими. Одинъ говорилъ, что оно значитъ: «на расправу», другой — «для взысканія»; третій утверждалъ, что оно первоначально означаетъ «веревку для вздергиванья собакъ». Наконецъ, самъ Иванъ Сергѣевичъ, на мой вопросъ, сообщилъ, что онъ слышалъ это слово отъ кавалеристовъ и что подъ цугундеромъ разумѣется какой-то способъ усмиренія лошадей. Мы съ покойнымъ ак. Шифнеромъ, большимъ охотникомъ до этимологическихъ разслѣдованій, много толковали о происхожденіи этого слова, но ни до чего вѣрнаго не дознались. Между прочимъ мы предполагали, не происходитъ ли оно отъ возможнаго нѣмец. выраженія: zu hunger, которое могло употребляться въ нѣмецкой арміи, во время напр. Семилѣтней войны, при назначеніи или угрозѣ наказанія на хлѣбъ и на воду. Звукъ *г* очень легко могъ перейти у Русскихъ въ *д* сходно съ другими случаями этого рода (kringel = крендель и т. п.).

цѣлóкъ. Итти цѣлкóмъ, по цѣлкý, т. е. не по проложенной дорогѣ. (*Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).

цѣпенѣть. Пропущено.

чаврíный, ая. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).

чала [1]. Растеніе на Кавказѣ. Въ м. Зугдиди производились опыты употребленія въ кормъ лошадямъ рѣзанаго сѣна и чалы.

ЧЕКЪ, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ. check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: «Чека, Фран.».

ЧЕМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ. Ср. Фр. S.-marre.

ЧЕРВЛЯКЪ [1]. *Въ Л.* I, 5.

ЧЕРНАЯ РЫБА *. Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).

ЧЕЧЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 266.

ЧМА́РИТЬ. Кое-какъ пробиваться. (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧОХЪ [1]. Не вѣрилъ ни въ —, ни въ смерть. *А. К.* II, 145.

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу. (Ряз. губ. Скоп. у.).

ЧУХИ́. Городки (игра).

ШАКАТЬ [1]. Шакаютъ утки особой разновидности, называемыя *шакунами*; обыкновенныя же крякаютъ. Шакуны отличаются еще тѣмъ, что не ходятъ въ воду.

ШАМАТОНЪ [1]. «Пускай онъ будетъ солдать, а не шаматонъ въ гвардіи!». (Пушкинъ. *Кап. Д.*, изд. Анн. V, 319).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. у Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШЕ́РЕШЬ, ШЕРО́ШЬ (Твер. губ.). Ср. у Даля *шерóхъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и прил. *шершавый* и глаг. *шершить* (шуршить произносится неправильно).

ШЕРШЕВКА. Тоже, что шершенка.

ШЕ́РШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИБАЙ [1]. Мелкій торговецъ. Шибайныя лавки. (Воронежъ).

ШИБЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНЕ́ЦЪ. Бубенчикъ. (Арх.).

ШЛЮНИКЪ. Родились шлюниками. *А. К.* III, 219.

ШПАРИЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПЕКОВАТЬ. Пропущено.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами. *(Дополн. къ Оп. Обл. Сл.)* «Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить». (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШПУНТЪ * — столярный инструментъ.

ШТОЛЬНА [1]. Горизонтальный ходъ въ копи, выходящій отверстіемъ

на свѣтъ; если же онъ идетъ весь подъ землею, то называется штрекомъ.

штыкъ-юнкеръ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

шука́ть * — не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмосковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были Французы; въ разсказѣ о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шука́ло* въ смыслѣ мародера.

шура́ *, Талый, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

щи́нокъ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

эндивій. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

эстрагонъ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска. (Ф. П. Рупрехтъ).

ютовое производство (*Москов. Вѣдом.* 1878, № 143, перед. статья). Конечно то же, что позднѣе принято называть *джутовымъ*. См. выше *джутъ*.

ягунъ. То же, что сгунъ. См. у Даля.

ядовитый [1], Съѣдобный. (Ряз. губ.).

ямща. Бревно. «По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній словые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и дранницами». *(Военно-стат. обозр. Бессарабіи).*

II.

Слова Областнаго Словаря, сходныя съ скандинавскими[1].

Въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря найдено мною довольно много словъ, болѣе или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ случаяхъ можно утвердительно сказать, что русское слово заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограничиться только признаніемъ общаго происхожденія словъ славянской породы съ словами скандинавскаго (или и вообще германскаго) семейства языковъ. Должно однакоже замѣтить, что тѣ изъ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, которыя собраны въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, особенно въ Архангельской, по большей части очевидно почерпнуты изъ этихъ языковъ.

Для нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ есть соотвѣтственныя въ двухъ или трехъ скандинавскихъ языкахъ. Въ такомъ случаѣ я избираю тотъ языкъ, въ которомъ оказывается слово самое близкое къ нашему, или отмѣчаю вообще *скандинавское* происхожденіе, если приводимое иноплеменное слово одинаково въ трехъ главныхъ языкахъ этой вѣтви, т. е. *исландскомъ* (или древне-норвежскомъ), *шведскомъ* и *датскомъ*. Исландскій, какъ древнѣйшій по своимъ формамъ, всѣхъ ближе къ первоначальному, впрочемъ не сохранившемуся общему языку скандинавскихъ народовъ, и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда можно колебаться въ выборѣ слова

[1] Писано по вызову 2-го Отдѣленія Ак. Н. въ 1852 году.

того или другого, я предпочитаю исландскій. Четвертый отдѣлъ составляетъ народный норвежскій языкъ, содержащій въ себѣ также значительное количество словъ, которыя могутъ служить къ объясненію русскихъ.

Въ числѣ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, есть такія, которыя представляютъ родство съ словами и другихъ германскихъ языковъ: я отмѣтилъ ихъ равнымъ образомъ, такъ какъ исключить ихъ совершенно не было достаточнаго основанія. Однакожъ, если слово находится и въ другомъ германскомъ языкѣ, но у насъ гораздо ближе подходитъ къ скандинавскому, то оно такъ и означается мною.

Слова, которыя, по моему мнѣнію, дѣйствительно происходятъ отъ *скандинавскихъ* корней, отмѣчаю я звѣздочкою. При изслѣдованіи ихъ сравнивалъ я русскій языкъ и съ другими славянскими нарѣчіями.

Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ видно, что число скандинавскихъ реченій, вошедшихъ въ составъ мѣстныхъ говоровъ Россіи, вообще незначительно: если сосчитать въ изданномъ Словарѣ всѣ слова несомнѣнно скандинавскаго происхожденія, то ихъ окажется едва ли болѣе 40. Этимъ подтверждается высказанное уже прежде мнѣніе, что сношенія древней Руси съ Скандинавскимъ Сѣверомъ мало оставили слѣдовъ въ языкѣ ея народа. Но такое заключеніе нисколько не уменьшаетъ важности изученія скандинавскихъ нарѣчій для изслѣдованія языка русскаго: какъ ни мало онъ отъ нихъ заимствовалъ, однакожъ онъ находится съ ними въ весьма близкомъ родствѣ этимологическомъ, и для полнаго разумѣнія начала и состава множества русскихъ словъ нельзя обойтись безъ помощи языковъ скандинавскихъ. Остается опредѣлить точнѣе отношеніе, которое дѣйствительно существуетъ — впрочемъ наиболѣе съ лексической стороны — между нашимъ языкомъ и скандинавскими. При этомъ нельзя не вспомнить, что еще Добровскій считалъ языки древне-норвежскій, датскій и шведскій тѣми изъ германскихъ нарѣчій, которыя представляютъ наиболѣе сходства съ славянскимъ.

АЛАЛА (вздоръ, бредъ [1]), **АЛАЛЫКА** (непонятно говорящій), **АЛАЛЫКАТЬ**: *сканд.* lalla, говорить съ трудомъ, непонятно. Ср. *нѣм.* lallen, *греч.* λαλέιν, *латин.* lallare. Дор. ἀλαλά — воинскій крикъ, вообще крикъ, гамъ.

АНКА (галка): *шв.* anka, домашняя утка (Финское ankka, имѣющее то же значеніе, безъ сомнѣнія взято изъ шведскаго языка).

АРТЬ (толкъ, смѣтливость): *шв.* art, качество, нравъ; удача, сила, талантъ; *нѣм.* Art.

БАТЬ: *исл.* bátr, лодка.

БАУЛЬ (бочка): *шв.* bål, большая чаша, тазъ и т. п.; *анг.* bowl.

БЛЕКАВО (блѣдно): *шв.* blek, блѣдный.

БОНДЫРЬ (бочаръ): *шв.* (tunn-) bindare, обручникъ; *нѣм.* (Fass-) Binder.

БОТВА: *шв.* beta, свекла; *нѣм.* Beete. Ср. *латин.* beta.

БОТИ́НКЪ: *шв.* båt, лодка; *нѣм.* Boot, въ разныхъ видахъ встрѣчающееся во всѣхъ германскихъ языкахъ.

БУДКА: *исл.* bud, шалашъ. Ср. *нѣм.* Bude (корень bua, строить); *пол.* budować, строить.

БУЛГА (тревога), **БУЛГАТИТЬ** (тревожить): *исл.* bilgja, волна; *дат.* bølge, волноваться (говоря о морѣ).—*Примѣч.* Скандинавское *y* произносится какъ нѣмецкое *ü*. Датское *ø* есть то же, что нѣм. и шв. *ö*.

БУЛДЫГА (безпокойный человѣкъ): *дат.* и *анг.* bold, смѣлый.

БУЛЬБУШКИ: *шв.* bubbla, водяной пузырь. *Нѣм.* bubbeln.

БУНТЬ (множество хлѣба въ кулякъ): *шв.* bunt, пукъ, связка. *Нѣм.* Bund.

БУРАВЕЛЬ: *шв.* borr, буравъ. *Нѣм.* Bohrer.

БУРАКЪ* (корзина изъ сосновой драни): *шв.* burk, банка, буракъ, коробка.

БУРЛИТЬ: *шв.* porla, кипѣть, бить ключемъ, бурлить.

ВАЖАТЬ (вѣшать): *шв.* väga, вѣсить. *Нѣм.* Wage.

ГАРВА* (сѣть для ловли семги): *сканд.* garn, сѣть.

ГРИДНЯ* (свадебная комната): *исл.* grid, домъ, хоромы.

ГУГАЛА (качели): *шв.* gunga, качель. Ср. *хорут.* gúgati, качать.

ДРОТЬ, ДРОТЬ (проволока): *шв.* trâd (нить; jern-trâd, проволока). *Нѣм.* Drath, котораго первоначальное значеніе тоже *нить*. (Шв. jern = желѣзо).

---

[1] Значеніе русскаго слова отмѣчаю въ скобкахъ только тогда, когда оно болѣе или менѣе отступаетъ отъ значенія сходнаго иноязычнаго слова.

ЕЛАХА (пиво): *сканд.* öl, пиво. Ср. *анг.* ale, *нѣм.* Ael, *фр.* aile. Сюда же должно отнести областныя слова: Алания, Алаха.

ИКЛЫ (клыки, ногти у пѣтуха): *сканд.* klo, коготь. Ср. *нѣм.* Klaue.

ИКОТА: *шв.* hicka, икать. *Нѣм.* hicken.

ИНЪ (онъ, иной): *исл.* hinn, онъ, тотъ.

КАКОРКА, КАКУРА, КОКОРА (ватрушка, пышка, лепешка) и проч. *исл.* kaka, пирогъ. Ср. *анг.* kake, *нѣм.* Kuchen.

КАЛДЫКА (хромой), КАЛДЫХАТЬ, КОЛТЫНОГІЙ, КОЛДЫХАТЬ: *шв.* halta, хромать.

КАРГА (ворона); *дат.* krage, ворона. Ср. *анг.* crow, *нѣм.* Krähe.

КАРИТЬ,-СЯ (выговаривать, жаловаться): *исл.* kaera, жаловаться, звать въ судъ. Ср. *лат.* qveri.

КЕРБЬ * (связка льну): *шв.* kärfve, связка, снопъ; *фин.* kerpo, связка изъ листьевъ или прутьевъ.

КЛЕЙКО * (клеймо): *исл.* kleima, пятно.

КЛИПЪ (подводный рифъ): *шв.* klippa, скала, особливо въ морѣ. *Нѣм.* Klippe.

КЛИТЬ (клѣть): *исл.* klefi, кладовая.

КЛЮКА (крюка): *шв.* krycka, посохъ, костыль. *Нѣм.* Krücke.

Примѣчаніе. Слово колымага, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть скандинавское, съ намѣреніемъ пропущено мною въ этомъ спискѣ. Я не могу согласиться съ авторомъ *Филологическихъ Наблюденій*, который говоритъ (Разсужд. II, отд. 1-е, § 30): «Имя колымага (=hvëlvagn) сложено изъ скандинавскаго hvël, колесо, и vagn, повозка, и собственно значитъ: повозка на колесахъ». Сложное hvelvagn въ скандинавскихъ языкахъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, потому что слово vagn само по себѣ уже означаетъ повозку *на колесахъ*. Притомъ слово коло есть чисто-славянское, и для объясненія его нѣтъ надобности прибѣгать къ посредству иноязычнаго hvel. Въ церковносл. колимогъ зн. шатеръ, куща (Вост.) въ древ.-русс. иногда зн. станъ. (Ипат. 158: «И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы»). Шафарикъ думаетъ, что это—сложное слово, въ которомъ первая половина *серб.* кола=(возъ), а вторая *латыш.* mahja=домъ. (*Слав. древности*, т. I, кн. 2, стр. 25).

КОНДА * (смолистая внутренность сосны): *шв.* kåda, *исл.* qvoda, смола. *Примѣч.* Шведское å соотвѣтствуетъ нашему *о*.

КОТУКЪ (шалашъ), КУТЪ, КУТЬ, КУТНИКЪ, КУТОКЪ (уголъ): *исл.* kot, хижина; —kota, чуланъ, уголъ. Фин. kota, хижина; —koti, жи-

лище. Ср. *анг.* cottage, *нѣм.* Hütte, *русс.* хата. — Сюда же можно отнести: Катухъ; сверхъ того: Закута съ его производными.

КРАМАРЪ*, *исл.* kramari, торговецъ. КРАМЪ*, *исл.* kram, мелкій товаръ. } Ср. *нѣм.* Kram, Krämer.

КУЛЯ: *шв.* kula, пуля.

КУМКА (чайная чашка безъ блюдечка). Въ скандинавскихъ языкахъ подобное слово встрѣчается только въ сложномъ видѣ (*шв.* spilkum, полоскательная чашка); но въ нѣмецкомъ слово Kumme означаетъ вообще глубокій сосудъ, лаханку. Ср. *греч.* κύμβη; κύβρα и *русс.* кубокъ.

ЛАВА, ЛАВЫ (плотъ, мостки): *шв.* lafve, нары, полокъ; *фин.* lawa, нары, помостъ; — lawo, полокъ.

ЛАГОДИТЬ, ЛАДИТЬ, -СЯ, ЛАДКА: *исл.* laga, устраивать, приготовлять, исправлять. *Фин.* laitta, съ тѣми же значеніями.

ЛАДЬЯ, ЛОДЬЯ: *шв.* lodja, а также и *фин.* lotja заимствованы у Русскихъ.

ЛАЙКА, ЛАЙКО (собака, воркунъ): *исл.* lái, хулить, охуждать.

ЛАПИКЪ, ЛАПИТЬ: *исл.* lappa, ставить заплатки.

ЛАРЬ (сундукъ): *исл.* lar, ящикъ, шкатулка; *фин.* laari конечно заимствовано.

ЛОГЪ (ровъ, оврагъ), *исл.* lág, углубленіе въ землѣ, ложбина.

ЛЯГА (ляжка): *исл.* leggr, лядвея. *Анг.* leg.

МЕРЁДА*, МЕРЕТА, МОРДА (рыболовная снасть): *шв.* mjärde; *фин.* merta есть слово заимствованное[1]. Сюда же должно отнести слово: Нёрша, составленное изъ мерёжа съ перемѣною *ж* на *ш* и *м* на *н* (какъ въ словахъ: клейно, нимо и др.

МОЛВИТЬ: *исл.* maela, говорить; *шв.* mål, языкъ, рѣчь.

МУСЛЯТЬ* (мочить слюною): *исл.* musla, брать въ ротъ (вмѣсто munsla, отъ munnr, ротъ).

НЯМА (яма въ рѣкѣ): *исл.* nama, яма, рудникъ.

ОТЛОСТИТЬ (прибить): *исл.* liosta, бить, колотить. Сюда же можно отнести слова: лóскать и лощить.

ПАЛИ (сван): *шв.* pâle, шестъ, свая; *нижнес-нѣм.* Paal. Ср. *лат.* palus и сходныя слова въ другихъ языкахъ.

ПАСМА (мотушка льняныхъ нитокъ): *шв.* pasma, мотокъ. Судя по

[1] По мнѣнію г. Альквиста это слово, первоначально финское, заимствов. Русскими и Шведами: merta — маленькая рыболовная снасть, плетеная изъ ивовыхъ вѣтвей.

тому, что это слово находится въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, тогда какъ изъ скандинавскихъ языковъ одинъ шведскій принялъ его, надобно заключить, что оно перешло не отъ Шведовъ къ намъ, а скорѣе наоборотъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ является и первообразное слово (пасъ = поясъ), которое теперь оказывается и въ русскихъ областныхъ словахъ: Опасъ, Опаска.

РАСКЕПИНА (щель): *исл.* skepia, дѣлить, раздѣлять. До сихъ поръ корнѣ, заключающемся въ этомъ словѣ, можно было догадываться только по слову: раскепъ или правильнѣе: разскепъ. Ясно, что отъ того же корня произошелъ нашъ глаголъ щепать съ своими производными. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается онъ иногда и въ видѣ: скепать.

РУДА́ (кровь, что-нибудь грязное), **РУДИТЬ,-СЯ, РУДНЫЙ, РУДЫЙ**: *исл.* ryda, обмазывать, пачкать; обагрять кровію.

РУДО́Й (рыжій), **РУДѢТЬ** (краснѣть), **РУДЯНОЙ** (грязный): *исл.* raudr, красный;—rod, краснота. Ср. *анг.* red, *нѣм.* roth, *прусс.* рдѣть.

РЮЖА*, РЮЗА: *дат.* ruse, рыболовная сѣть. Финское rysä заимствовано изъ скандин. языковъ [1]. Ср. *нѣм.* Reuse:

РЮМАТЬ*, РЮМА (плакать): *исл.* rymia, ревѣть, кричать.

СКЕЯ* (анбаръ, погребъ): *исл.* skiar, пристройка для сушенія чего-либо.

СКИВА*, СКИНА: *исл.* skifa, ломоть. пластина.

СТРЫНКА, СТРЫНЯ (горшокъ, ларчикъ): *исл.* skrin, сундучокъ, ящикъ. Ср. *лат.* scrinium.

СЛЯЧА: *шв.* slask, слякоть.

СНАЧИТЬ (взять): *нар.-норв.* snaka, схватить, утащить; — snak, жадный. Ср. *анг.* to snatch.

СНИДОВАТЬ, СНѢДОВАТЬ (закусывать, обѣдать), **СНѢДАТЬ, СНѢДАНЬЕ**: *исл.* snád пища, яство. Дифенбахъ въ своемъ Сравнительномъ Словарѣ готскаго языка признаетъ случайнымъ сходство между древне-славянскимъ снѣдь и древне-норвежск. snád. Если, однакожъ, принять въ расчетъ, что это слово съ тѣмъ же значеніемъ не встрѣчается въ другихъ германскихъ языкахъ и что они равнымъ образомъ не представляютъ корня, изъ котораго бы оно естественно проистекало, то является вопросъ: не отъ Славянъ ли заимствовано Норманнами имя snád вмѣстѣ съ глаголомъ snaeda (исл.), кушать? Правда, въ англо-

[1] Такъ и по мнѣнію г. Альквиста, который поясняетъ, что *rysä* — такая же снасть, какъ и верша, но бо́льшаго размѣра и сдѣланная изъ сѣти.

сакс. есть слова: snoed, кусокъ и snoedan, подкрѣплять пищею, но и это, кажется, не даетъ права производить древненорв. snáð отъ готскаго глагола sneithan, рѣзать, — какъ сдѣлалъ Дифенбахъ, вообще слишкомъ нестрогій въ выборѣ сближаемыхъ имъ реченій. Приведенныя областныя слова совершенно сходятся съ польскими: sniadać, завтракать, и sniadanie, завтракъ. Славянское происхожденіе ихъ такъ очевидно, что мысль г. Сабинина, будто снѣдь есть слово скандинавское не требуетъ опроверженія.

снота * (догадка, смѣта): *исл.* snotr, благоразумный, искусный; *дат.* snu, хитрый, и snedig, лукавый. Ср. *гот.* snutrs, *англо-сакс.* snoter, *нижне-нѣм.* snöe и пр. *Нар.-норв.* глаголъ snu seg, который собственно значитъ — повертываться, но также употребляется въ смыслѣ: приноравливаться, хитрить, заставляетъ предполагать, что показанныя здѣсь германскія слова находятся въ связи съ обще-скандинавскимъ глаголомъ snua (sno, snoe), вертѣть, вертѣться, быстро двигаться; а этотъ глаголъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ сновать (Акад. Сл. «ходить, летать и плавать туда и сюда») и сноваться («соваться, бродить туда и сюда»). Родство тѣмъ болѣе несомнѣнное, что какъ скандинавскій, такъ и славянскій глаголъ имѣютъ еще другое однородное значеніе; напр. *шв.* sno, крутить, сучить (нитку и т. п.). Все сказанное позволяетъ догадываться, что слово снота собственно и первоначально должно значить изворотливость, хотя по законамъ нашего языка и не можетъ оно стоять въ прямомъ соотношеніи съ гл. сновать.

спи́ца * (спичка), спицыны (деревянные гвозди): *нар.-норв.* spik или spika, узенькій отколокъ дерева, тычинка, также лучина. Ср. *шв.* spik, гвоздь; *нижне-нѣм.* spiker, гвоздь; *голл.* spyker, гвоздь, клинъ; *анг.* spike, острый конецъ, гвоздь. Замѣчательно, что хотя во всѣхъ этихъ словахъ обнаруживается одинъ и тотъ же корень, но между германскими языками собственно только народный норвежскій представляетъ слово, которое совершенно подходитъ къ нашему спица или, въ общепринятомъ языкѣ, спичка. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе и *исл.* spita, деревянный гвоздь, щепка; нельзя также не имѣть въ виду и *нѣм.* Spitze, въ которомъ однакожъ внутреннее сходство съ нашимъ словомъ ограничивается только общимъ понятіемъ острія. Отъ Spitze прямѣе произошло у насъ другое слово, именно шпицъ, остроконечный верхъ.

спретъ * (гадкій человѣкъ): *шв.* sprätt, франтъ, щеголь. *Исл.* spreyta, gestibus superbus.

стегá, стежка (просѣлокъ, тропинка): *исл.* stigr, тропинка. Ср. *гот.* staiga, *древне-верх.-нѣм.* stega. Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій едва ли не одно русское удержало въ этомъ словѣ коренную букву *г* безъ измѣненія въ *з* или въ *ж*.

стогъ: *исл.* stackr, куча. Это слово, встрѣчающееся почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, получило въ нихъ смыслъ, по большей части ограниченный понятіемъ сѣна, но въ нашемъ областномъ, такъ же какъ въ польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, оно наравнѣ съ древне-норвежскимъ stack удерживаетъ общее значеніе кучи. Въ нынѣшнихъ скандинавскихъ языкахъ оно приняло средній смыслъ, означая вообще стоящую въ полѣ кладь сѣна, соломы, ржи и т. п.

стодъ * (идолъ): *шв.* stod, статуя. Ср. *греч.* στόα.

страдá, страда (рабочая пора, тяжелая работа), **страдать** (трудиться), **страдовать, страдомый** и проч.: *исл.* strita, работать съ усиліемъ, *нар.-норв.* strita, таскать, носить тяжести; справлять тяжелую работу;—stritarbeid, тяжелая работа, для которой требуется одна сила, безъ всякаго искуства. Ср. *латыш.* strahdaht, работать, быть прилежнымъ.

стягъ * (колъ): *исл.* stiak, колъ; *дат.* stage. Ср. *древне-нѣм.* stekko, колъ, свая; *ново-нѣм.* Stock, палка. Какъ наши слова: колъ, тычина происходятъ отъ колоть, тыкать, такъ и германское стягъ образовалось отъ однозначащихъ глаголовъ *нѣм.* stechen и stecken. Хотя въ значеніи *знамя, хоругвь* это слово извѣстно и западнымъ Славянамъ («Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго, стр. 153), однакожъ трудно не признать его иноплеменнымъ, такъ какъ оно въ славянскихъ нарѣчіяхъ стоитъ совершенно одиноко, не имѣя въ нихъ корня и не давъ отъ себя производныхъ. Понятіе о *водруженіи* знамени объясняетъ намъ связь обоихъ повидимому разнородныхъ значеній разсматриваемаго слова [1].

сусолить (пить медленно, сосать), **сусликъ, сусля** (кто пьетъ понемногу) и проч.: *нар.-норв.* susla, плескать, болтать (мѣшая жидкость); — susl, пачкотня, бурда. Хотя *сканд.* susla по смыслу

---

[1] Въ значеніи *знамя* слово *стягъ* ближе соотвѣтствуетъ германскому, отъ того же корня происходящему Stange, stenge, steng и т. п., шестъ, палка, древко, и гласная нашего слова въ этомъ случаѣ есть собственно *а*.

и не совпадаетъ съ русскимъ «сусолить, суслить», однакожъ нельзя отвергать нѣкотораго между ними родства, даже и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ показанное здѣсь сходство и областная форма сусолить заставляютъ сомнѣваться, чтобы Рейфъ правильно производилъ глаголъ *суслить* отъ *сосать*, хотя первый, въ областномъ языкѣ, и принимаетъ иногда значеніе второго.

сырка́ (виноградный уксусъ): *сканд.* sur, кислый.

таловать (воровать): *исл.* stal, прош. врем. отъ гл. stela, воровать. Ср. *англо-сакс.* stalu, *старо-нѣм.* stala и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. *Таловать* можетъ соотвѣтствовать чужеплеменному s-tal точно такъ же какъ напр. глаголы тыкать, прыгать, относятся къ однозначащимъ съ ними s-ticka, s-pringa (нв.).

творилка (квашня). Смыслъ этого слова прямо истекаетъ изъ второго значенія глагола *творить*, какъ оно показано въ академическомъ словарѣ: «Разводить, размѣшивать въ водѣ. *Творить* известь. — *Творить хлѣбъ или квашню:* зн. смѣшивать муку съ водою». — Съ глаголомъ *творить* въ этомъ значеніи разительное сходство представляетъ датскій гл. tvœre, разводить, мѣшать что-либо сухое во влажномъ, напр. «tvœre Mel i Vand» (растворять муку въ водѣ) — смѣшивать муку съ водою; въ исл. языкѣ Þvarí означаетъ скатанное комками тѣсто. Ср. русское *растворъ*, смѣшеніе чего-либо сухого съ влажнымъ или одной влажности съ другою (акад. слов.). Это указаніе можетъ служить къ объясненію областныхъ словъ: тварь — мокрый и крупный снѣгъ, и творогъ — начинка. Въ послѣднемъ находимъ общеупотребительное слово съ перемѣною смысла, основанною на сходствѣ предметовъ (ср. творожная начинка) и оно съ другой стороны сближается съ нѣмецкимъ qvarg и qvark, означающимъ: 1) творогъ въ общепринятомъ смыслѣ и 2) мягкую грязь и вообще всякую влажную нечистоту (*сред.-нѣм.* twark). Родство звука dv съ tv, какъ и съ zw, въ германскихъ языкахъ подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ приведенномъ датскомъ словѣ tvœre нельзя не признать близкой связи съ слѣдующими германскими глаголами, значащими также переворачивать, мѣшать: *сред.-нѣм.* twern (прош. twar), *древ.-верх.-нѣм.* dweran, *ново-верх.-нѣм.* zweren, откуда пошли второобразные: *англ.* twirl, *ново-нѣм.* zwirlen и qverlen и проч., а отъ нихъ составились, съ зна-

чешемъ мѣшалки, чумички имена: *англо-сакс.* thvyril, *среднемѣм.* twirel, *ново-нѣм.* qviril и zwirl, *дат.* tvœre, *нар.-норв.* tvara или tvare. Ср. еще *нар.-норв.* tverel, пахтальная кирка. Къ этимъ словамъ, по формѣ и по происхожденію, хотя и не совсѣмъ по значенію, но все-таки также съ главною идеею мѣшанія, подходятъ русскія: общеупотребительное творило и областное творилка[1]. Трудно рѣшить, какимъ образомъ творило въ областномъ языкѣ могло получить значеніе «поддона, на который ставятся ушаты», и потому можно предполагать, что это слово въ простонародномъ обиходѣ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ, служащій переходомъ къ показанному въ Обл. Словарѣ мѣстному значенію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творило дѣйствительно является въ другомъ значеніи: тамъ оно по большей части означаетъ форму, въ которой окончательно сгущается сыръ, а мѣстами и вообще форму, образъ (отъ гл. творить въ смыслѣ *образовать*); у Поляковъ оно сверхъ того значитъ: горшокъ для тѣста. (Ср. русс. обл. творилка[2]).

Примѣчаніе. Изъ соображенія обоихъ значеній русскаго глагола *творить* возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи они находятся между собою и которое изъ нихъ надобно признать первоначальнымъ? Вопроса этого нельзя рѣшить безъ помощи другихъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ являются соотвѣтствующія слова того же корня. Древнѣйшимъ видомъ его надлежитъ принять *санскритское* tvar, спѣшить, скоро дѣлать[3]. Въ латышскомъ языкѣ tvert значитъ хватать, схватывать. Въ чешскомъ и польскомъ *творить* имѣетъ

[1] Суффиксъ l во многихъ индо-европейскихъ языкахъ служитъ къ образованію словъ, означающихъ орудіе, средство. Ср. *греч.* πτίλο ὀπτίλο, *лат.* vinculum, speculum, *нѣм.* Schlüssel, Stachel и проч.

[2] Въ повѣсти Д. В. Григоровича: *Смедовская долина.* (*Соврем.* 1852, № 1, Отд. I, стр. 106) употреблено слово *тварня.* Желательно было бы принять въ соображеніе и это слово при разсмотрѣніи производныхъ отъ гл. *творить*; но къ сожалѣнію я нигдѣ не могъ найти указанія, что̀ значитъ тварня, котораго нѣтъ и въ Словарѣ Даля. Очень полезно было бы, если бъ авторы повѣстей, взятыхъ изъ простонароднаго и вообще изъ провинціальнаго быта, присовокупляли къ нимъ объясненіе словъ, неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.

[3] Г. Миклошичъ въ Radices linguae Slovenicae v. d. ошибочно принималъ корнемъ слова творить *санскр.* tu, *facere.* Ср. у Боппа въ Glossarium Sanscritum корень तॄ (твар), festinare... ratione habita, radicem चॄ (чар) et ire facere significare.

смыслъ — давать образъ или видъ: вотъ, кажется, исходная точка обоихъ значеній русскаго глагола; и основное понятіе, въ которомъ оба они соединяются, можно выразить такъ: посредствомъ быстраго движенія рукъ производить что-либо, имѣющее образъ; а отсюда уже проистекло болѣе отвлеченное значеніе этого глагола. Такъ и въ германскихъ языкахъ глаг. schaffen, *сканд.* skapa, творить, заимствованъ отъ идеи: образъ. (Ср. *анг.* shape, *шв.* skapnad — видъ, образъ). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творить значитъ также *строить* (греч. κτίζειν созидать, создавать). Такимъ образомъ въ славянскомъ глаголѣ соединились всѣ тѣ понятія, которыя въ разныхъ языкахъ отдѣльно послужили основаніемъ для выраженія идеи creare.

трудиться (долго и тяжко хворать): *исл.* trauda, принуждать, затруднять; *нар.-норв.* traute, продолжительный и тяжкій трудъ.

туляться (прятаться): *дат.* dølge (прош. dulgte), скрывать. Ср. *исл.* dulá, покрывало, duldr, скрытый.

тынъ (плетень): *исл.* tun, селеніе, дворъ, застроенное мѣсто. Ср. *англо-сакс.* tun, ограда; *анг.* town, городъ. По мнѣнію Шафарика, тынъ — первоначально кельтское слово. (*Сл. Древн.* т. I, кн. II, стр. 206).

утельга (тюленья самка). Это слово утверждаетъ меня въ догадкѣ, что въ имени *тюлень* буква *ю* не есть первоначальная, а замѣнила собою гласную *е* (ср. для примѣра плюсна и плесна). *Тюлень* должно быть въ родствѣ съ *теля*, *теленокъ*, что не покажется страннымъ, когда мы вспомнимъ, что по-латыни vitulus значитъ и теленокъ и тюлень (ученый терминъ: phoca vitulina), да и на многихъ современныхъ языкахъ *тюлень* называется *морскимъ теленкомъ*, напр. по-польски cielę morskie, *фр.* veau marin, *нѣм.* Meerkalb. Въ польскомъ языкѣ cielę и безъ прибавленія morskie употребляется въ смыслѣ: *тюлень*. Тотъ же корень встрѣчается, въ этомъ послѣднемъ значеніи, и въ скандинавскихъ языкахъ (*исл.* selr, *шв.* själ), а равно въ *анг.* (seal) и въ *англо-сакс.* (syle). По всему сказанному трудно согласиться съ Павскимъ, чтобы слово *тюлень* передѣлано было изъ *анг.* seal (*Фил. Набл.* II, А., стр. 146); такъ и въ реченіи *утельга* нельзя признать чуждаго происхожденія.

хватино, хватюга (хватъ), хватско (мастерски): *исл.* прил. hvatr (сред. р. hvatt), бойкій, смѣлый, проворный.

хвилый: *исл.* qvilli, хилость, безсиліе.

ХРАКЪ (харканье, харкота): *исл.* hraki въ томъ же значеніи.

ХРАПЪ: *исл.* hrappr, буйный, наглый.

ХРИДА (человѣкъ, по неряшеству измокшій и проч.): *исл.* hrydia плевать, харкать; прил. hrydiulegr, грязный, гадкій.

ХРИЗА (высокая, худая женщина): *оскр.*. krça, испитой, болѣзненный.

ХРУПЪ, ХРУПНИКЪ, ХРУПЫ, ХРУПЬЕ: *исл.* hrae, изорванная вещь, ветошка.

ХУТРА, ХУТРО, ХУТРОВАТЬ; того же корня въ *сканд.* языкахъ foder, но слово *хутра* ближе къ однозначущему *нѣм.* Futter, подкладка, мѣхъ, а въ архитект. внутренняя обшивка или обдѣлка. Ср. *пол.* futro, futrować.

ШКАЛИКЪ*, ШКАЛЬЧИКЪ: *исл.* skál, чаша, чарка. Ср. *нѣм.* Schale.

ШКЕВЕНЬ, вм. штевень (см. общій акад. слов.): *исл.* stafn, *дат.* stavn, носъ у корабля, также корма. Наше слово взято вѣроятно съ *голл.* steven, килевая балка.

ШКУ́РА (древесная кора). Корень ska, sku въ герман. языкахъ вообще означаетъ покрышку, верхній слой. Оттуда и *шв.* skara, сѣѣговая *кора* (настъ); skorpa, корка хлѣбная, земляная кора и т. п. Ср. *древнс-нѣм.* schur, мѣхъ, шкура, *пол.* skórka и *рус.* скорнякъ.

ШКУРАТЬ (о птицахъ: быстро спускаться): *сканд.* skur, ливень, сильный градъ. Ср. *нижне-нѣм.* schur; вообще сильное, мгновенное движеніе.

ШКУРЯТЬ (прогонять): слово того же корня. Ср. *нѣм.* schüren, *древснѣм.* skurian, толкать, вышибать. Гриммъ принимаетъ готскій глаголъ skiuràn, impellere, trudere. Сюда же надобно отнести междометіе: шкырь.

ШЛЕНЬКАТЬ (ѣхать слабой рысцой), **ШЛЕНЬКОМЪ, ШЛЫНДАТЬ, ШЛЯНДАТЬ**: *исл.* slen, slenta, безсиліе, лѣнь, *шв.* slentra, шляндать, шататься; ср. *нѣм.* slendern.

ШЛЯХЪ* (дорога): *исл.* slog, тропа, слѣдъ. Ср. *нѣм.* Schlich, Schleichweg, и *пол.* szlak, szlad, откуда русское вѣроятно и заимствовано.

ШЛЯЧА: см. объясненіе слова **сляча** — слякоть.

ШНУРИТЬ, ШНУРЪ: *исл.* snura, черта, тесемка, вѣроятно въ сродствѣ съ гл. snua, сучить, крутить. Въ смыслѣ шнурить употребляется и у Нѣмцевъ schnüren.

ШНЫРА, ШНЫРИТЬ, ШНЫРЪ,-Ь, ШНЫХАРИТЬ: *исл.* snudra, обнюхивать по-собачьи; ср. *нѣм.* schnurren, скитаться, ища пропитанія; или отъ другого корня *нар.-норв.* snurre se, кружиться, вер-

тѣться. Для слова шныхарить можно привести также *шв.* snoka, рыться, шарить, искать.

шняка * (лодка извѣстныхъ размѣровъ для рыбной ловли): *исл.* snâkr, др.-слав. смокъ, собственно змѣя, также родъ мореходнаго судна; иначе sneckia, легкое судно.

шпакъ (скворецъ): *сканд.* spak въ древности значило умный, мудрый, а нынѣ смирный, ручной; оттуда *нар.-норв.* spekt, способность говорить (въ старину мудрость). Ср. *анг.* to speak, говорить, и *древне-нѣм.* spacht, говоръ, крикъ, птичье пѣнье; *голл.* spekt, дятелъ.

шпигорь *: *дат.* spiger, большой гвоздь.

штопорить, штопырить: *шв.* stoppa, затыкать, штопать. *Нѣм.* stopfen, *лат.* stipare и проч.

шукать: *шв.* söka, искать. Ср. *нѣм.* suchen, *пол.* szukać. Глаголъ шука́ть, записанный въ Курской губ., слышалъ я и въ окрестностяхъ самой Москвы (близъ Угрѣшскаго монастыря), гдѣ крестьяне часто употребляли его, разсказывая мнѣ о насиліяхъ Французовъ въ 1812 году и называя мародеровъ, дѣлавшихъ по деревнямъ поиски, шука́лами (шука́ло).

шхоуть, шкоутъ: *шв.* skuta. Ср. *голл.* schuyt, извѣстнаго рода судно. Здѣсь заимствованіе произошло конечно изъ голландскаго языка.

щвель, щелина: *исл.* skilia, раздѣлять, разлучить; — skil (*нар.-норв.* skjel), отверстіе въ ткани (при тканьѣ).

щиро (искренно): *шв.* skär, чистый, неподдѣльный. Ср. *пол.* szczery.

юркій, юроватый, юрово, юровый: *шв.* ur, рѣзвый, живой.

ялая, яловка, яловый: *исл.* gêld, *нѣм.* gelt; неплодный; о коровѣ: не дающая молока, нетель (шв. gall-ko). *Дат.* gold, безплодный, пустой, порожній.

яро (шибко), **яровать** (кипѣть), **яроватый, ярыга** (работникъ), **ярый** (сердитый, сильный): *исл.* errinn, бойкій, пылкій, сильный, работящій, или: aer, ярый, бѣшеный.

ящикъ (четвероугольное пространство на бахчѣ; четырехколесная телѣга). Рейфъ производитъ это слово отъ гл. *ять*, а Павскій (II, А. 71) говоритъ только, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ имени *ящъ*, но не доискивается происхожденія слова. Оно въ первоначальномъ видѣ находится въ германскихъ нарѣчіяхъ, но всего ближе къ нашему является въ языкахъ скандинавскихъ. *Дат.* aeske, *шв.* ask, *исл.* eski, или askr значитъ именно: ящикъ, коробка и т. п. Ср. *нѣм.* asch, горшокъ, и *пол.* jaszcz, jaszczyk, посудина для масла, творогу и проч.

III.

Слова Областного Словаря, сходныя съ финскими.

Вообще словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка, отыскалось въ Словарѣ довольно много. Большая часть финскихъ словъ собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ; замѣчательно однакожъ, что нѣкоторыя подслушаны и въ среднихъ великороссійскихъ. Вопросъ объ отношеніи финскаго языка не только къ русскому, но и вообще къ индоевропейскимъ еще мало разработанъ, и самое знакомство европейскихъ филологовъ съ этимъ замѣчательнымъ языкомъ началось недавно. Но при изслѣдованіи русскаго языка необходимо принимать въ соображеніе и финскій, который даже и въ грамматическомъ отношеніи можетъ представить нѣкоторыя интересныя сближенія съ первымъ. Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ реченіи Областнаго Словаря, которое поражаетъ финскимъ образованіемъ своимъ, хотя по корню оно и русское, именно о нарѣчіи сравнительной степени: бережѣе. Его едва ли можно выводить изъ какого-нибудь прилагательнаго: въ сравнительную степень возведено тутъ существит. берегъ, въ чемъ удостовѣряетъ финское rannemmalla (первоначально rantampa-lla), образованное отъ дательнаго падежа существительнаго имени ranta (берегъ = шв. strand). Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены какъ слова, явно взятыя у Финновъ, такъ и немногія другія, которыя представляютъ только этимологическое родство или о которыхъ трудно сказать, кто у кого заимствовалъ.

АЛАНЬ (низменное мѣсто): *фин.* alanko, (отъ частицы ala, означающей низъ и соотвѣствующей нашему предлогу *подъ*).

ВАГА (сила): *фин.* wäki, сила.

ВАРАКА (каменная гора): waara, каменная гора, скала.

ВАРАТОКЪ: wari, кипятокъ.

ВИЦА: witsa, розга. Здѣсь чуть ли не финское слово заимствовано отъ русскаго.

ГИРВАСЪ: hirwas, оленій самецъ.

ЗУЙ (мальчикъ, готовящій кушанье для промышленниковъ): syödä, ѣсть (фин. y = нѣм. ü); syö — онъ ѣстъ.

КАНКА, КАНЪ (пид. пѣтухъ, курица): kana, курица.

КЕНДА (песчаный возвышенный берегъ озера): kentta, возвышенное невоздѣланное поле.

КЕРСТА (могила): kirstu, ящикъ, тюрьма, вѣроятно съ герм. kiste.

КЕХТАТЬ (желать, много ѣсть): käkeä, желать, стараться; или kéhdata, не стыдиться, не скучать что дѣлать.

КИПАКА (каменный берегъ, гладкій камень, выходящій изъ моря): можетъ быть, отъ гл. kippata, скакать: kipakka значитъ быстрый, стремительный.

КИРЗА (верхній слой земли): kirsiä, вскапывать поверхность земли; kirsi, ледяная кора, ледъ въ землѣ (подина).

КОБРА (пригоршня): kopra, ладонь, горсть.

КОНГА (сосновый рудовый лѣсъ): honka, pinus silvestris matura.

КУККУЙ (мясной пирогъ при свадьбахъ): kala-kukko, пирогъ съ рыбой (kala = рыба; для kukko ср. нѣм. Kuchen, шв. kaka, пирогъ).

КУЛЕНИЯ (деревня, Костром.): kylä, деревня.

ЛАМБА, ЛАМБИНА (небольшое озеро): lampi, небольшое озеро.

ЛАХТА: lahti, заливъ морской.

ЛЕЙМА: lehmä, корова.

ЛЕМБОЙ (чортъ): lempo, злой духъ, сынъ миѳологическаго героя Ка́левы.

ЛУЗИКЪ: lusikka, ложка. Впроч. Ф. lusikka явно заимствовано отъ *ложка* [1].

---

[1] Это русское слово перешло къ Финнамъ вмѣстѣ съ самою вещью, т. е. съ деревянными ложками, которыя еще и теперь въ большомъ количествѣ ввозятся въ Финляндію и формою своею совершенно отличны отъ туземной финской ложки, которой названіе было *kuéri*. Въ сѣв. губерніяхъ Русскіе повидимому приняли финскую форму слова *ложка* (Альквистъ).

ЛѢКА (счетъ), ЛѢЧИТЬ (считать): luku, число, счетъ; lukea считать.

МЯНДА (верхніе слои сосны; лѣсъ): mänty, pinus silvestris.

НЕГЛА (лиственница): negla (nekla, neula), игла, хвоя.

НОРИЛО (шестъ, которымъ продѣваютъ подо льдомъ веревку): nuora, веревка.

ПАВНА (болото): pauni, лужа, небольшое озеро.

ПАЛЕПИНА, ПАЛЪ, ПАЛЫ, ПАЛЬ: palo, выжженное мѣсто. Трудно опредѣлить, происходятъ ли эти слова отъ финскаго глагола palaa, горѣть, или отъ русскаго палить. Такъ какъ они употребляются не въ однѣхъ губерніяхъ, гдѣ народонаселеніе отчасти финское, то нѣтъ достаточнаго основанія признать ихъ иноязычными.

ПАХТУСЪ (комъ масла изъ сметаны): paksu, густой, и гл. pahtaa, сгущать, давать свернуться. Отсюда видно, что нашъ глаголъ пахтать — финскаго происхожденія. Здѣсь должно замѣтить и областное слово опахтанье.

ПЕРТЬ (жилая карельская изба): pirtti, черная изба, баня.

ПЕХТИЛЬ,-ЛО, ПИТКИЛЬ (шестъ, неповоротливый человѣкъ): petkeli и pötkeli, шестъ.

ПОЙГА (малютка): poika, мальчикъ, сынъ.

ПУДАСЪ: pudas, рѣчной заливъ, рукавъ, проливъ.

ПУРГА, ПУРЬГА: pyry, мятель, вьюга, и purku, сугробъ снѣжный.

ПЯККОЙ: pieksu, сапоги особаго рода.

РАВГА: rauhanen, желѣзá.

РАГА: raha, деньги.

РОВГА, РОВДА, РОВКА: routa, ледъ въ землѣ.

РОПАКА,-КЪ, РУПАКА (стоячая льдина, ледъ): ropakko, грязь по дорогамъ, кóлоть.

РОПАСЪ (ледяной бугоръ): rapa, грязь, вообще что-нибудь ломкое и разсыпающееся.

РЕМОКЪ,-ОХА,-ОХЪ,-ОЯНИНА,-УШКИ; РЯМОКЪ,-МКИ,-МОЖНИКЪ,-МУГА (лоскутъ, тряпка): rämä, вещь изодранная и негодная.

РЯМЪ, РЕМА, РЕМНИКЪ. (топкое мѣсто, поросшее мохомъ и кустарникомъ): rämet, болотистое мѣсто.

РЯНДА: räntä, мокрый снѣгъ.

РЯСÁ (мокрота, слякоть, топкое мѣсто): räisy, топкая земля.

РЯСКИ (изодр. платье): rätti, лохмотье, тряпка, или räpä, изодранное платье.

САЛМА: salmi, проливъ, иногда заливъ.

САРГА: sarja, тонкая и длинная дранница, употребляемая въ рыболовныхъ снастяхъ и т. п.

СЕЛЬГА (высокое пахотное мѣсто въ лѣсу): selkä, хребетъ; оттуда вообще — возвышенное, болѣе видное мѣсто.

СИКА: sika, свинья.

ХВАСТАТЬ, (говорить, лгать), ХВАСТЛИВЫЙ, ХВАСТУНЪ: haastaa, говорить, нагло говорить, хвастать.

ХОВАТЬ: haudata, зарывать, хоронить.

Глаголы хвастать и ховать, извѣстные и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу заимствованныхъ словъ, но помѣщены здѣсь только какъ сходные съ финскими по корню.

ХОВРА (неповоротливая, непонятливая женщина): houru, глупый, полоумный.

ХОЗЯТЬ: hosua, бить, колотить.

ХОНГА, ХОНОЖНИКЪ: honka, сосна. Ср. выше конга.

ХОРА (некладеный баранъ или олень): oro, жеребецъ, вепрь (кладеный). Ср. *чеш.* oř, voř, конь, жеребецъ (Н. Некрасова *Краледв. рукопись*, стр. 82 и 188), и *англ.* horse.

ХОРТЬ (борзой кобель, ловчій песъ): hurtta, охотничья собака, иногда волкъ; также рослый мущина. Профессоръ Альквистъ, приводя названное фин. слово, эст. hurt и лив. kurta, полагаетъ, что оно въ этихъ языкахъ заимствовано изъ русскаго или литов. (kurtas [1]). Дѣйствительно, слово этого корня очень распространено въ славянскихъ нарѣчіяхъ: црк.-сл. хртъ; др.-чеш. chrt (жен. р. chrtice), польск. chart, хорут. hert, серб. хр̏т или рт и т. д., почему и Шимкевичъ внесъ это имя въ свой *Корнесловъ*. Юнгманъ сближаетъ его съ нѣм. hurtig, но едва ли справедливо: послѣднее скорѣе пріурочивается къ анг. to hurt, франц. heurter, и нѣм. глаг. hurten (stossen).

ХУХНАРИКЪ (гвоздь у лошадиной подковы): huhmari, большая ступка, родъ жернова.

ШИРА hiiri, мышь.

ШИШЪ, ШИШКО, ШИШИГА, ШИШИГАНЪ (домовой, бѣсъ). Только въ мидѣ догадки можно здѣсь привести имя Hiisi, которымъ у Финновъ, по преданіямъ язычества, называется также злой духъ бѣсъ.

---

[1] Dr. August Ahlqvist. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors 1875. Стр. 2.

юнда (мережа особеннаго устройства): juoni (неопр. падежъ juonta), длинная рыболовная сѣть.

юрко, юркій, юръ (покато, скользко, быстрина): jyrkkä, крутой. Весьма вѣроятно, что въ основѣ этого слова только видоизмѣненіе другого, болѣе распространеннаго въ русскомъ языкѣ корня — *яр* (ярый, яркій, яръ), ибо сущ. *яръ* имѣетъ значеніе крутизны, стремнины, такъ же какъ и слово *юръ* въ общеупотребительномъ выраженіи: «на самомъ юру».

ялань, яланка (голое пространство земли между лѣсомъ, прогалина; то же что алань): alanko, низменное мѣсто. Ср. выше алань.

Если въ послѣднихъ листахъ Областного Словаря, сравнительно съ первою половиною его, оказалось не много финскихъ словъ, причиною надобно признать то, что буквы *ф ц ч ш щ* совершенно чужды финскому языку.

IV.

Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ.

акула. Еще въ первомъ изданіи Словаря Россійской Академіи это слово признано скандинавскимъ; тамъ сказано: «названіе, отъ исландскаго или норвежскаго наименованія *гакколь* нашими поморянами принятое». Дѣйствительно, исл. hákall, нар.-норвеж. haakall значитъ squalus carcharias. Различіе между русскимъ и скандинавскими реченіями состоитъ только въ томъ, что у насъ акулою называютъ вообще породу squalus, а hákall означаетъ особый видъ ея, отличающійся огромностью (squalus carcharias — акула исполинская, морской песъ, людоѣдъ, мокой). По мнѣнію Бьёрна-Гальдорсена [1], исландскому слову hákall соотвѣтствуетъ датское havkalv, морской теленокъ, но это едва ли справедливо: havkalv = sökalv = тюлень [2].

безмѣнъ (тюрк. батманъ — мѣра = 7—10—25 фунтовъ: тонкую веревку для вѣшанья на небольшихъ вѣсахъ не пудами, а батманами, называютъ батманникомъ. (*Изв. 2-го Отд. А. Н.* Мат. II, 30). Швед. besman, др.-нив. bismari, bisman, дат. bismer, нѣм. besemen (по словарю бр. Гриммъ этотъ родъ вѣсовъ употребителенъ въ голштинскихъ хозяйствахъ); лит. bėzmėnas; поль bezmian, przeźmian, чеш. přezmen. Повидимому это — тюрк. слово, заимствованное Русскими, а отъ нихъ путемъ тор-

---

[1] Biörn Haldorsen, Lexicon islandico-latino-danicum, Havniae, 1814.

[2] По Фрицнеру, др.-норвежская форма есть hákarl (Fritzner, Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania 1867).

говли распространившееся далѣе на западъ. Ср. ниже замѣтку о статьяхъ шведскаго ученаго, г. Тамма.

БУЗА́. Напитокъ, дѣлаемый въ Египтѣ изъ маисоваго хлѣба, положеннаго въ воду: особенно употребителенъ у Нубійцевъ и Негровъ, но его пьютъ также кавказскіе народы. Отчизна его—едва ли не страна около Ганга. (Записано въ 1852 г. со словъ знаменитаго оріенталиста, покойнаго гельсингфорсскаго проф. Валлі́на).

ЕЖЪ, ИГЛА. Два имени одного корня: въ германскихъ языкахъ eg, egg (исл.) означаетъ наоборотъ иглу, острее, а igel (нѣм.)—ежа. Ср. нѣм. Egel или Igel (Blutegel), піявица, Ecke—уголъ; исл. igull, iglda, ежъ, iglaz, щетиниться. Корень этихъ словъ, котораго первое значеніе—что-то острое, острокопечное, чрезвычайно распространенъ по всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ: ἀκή — острее, лат. acus — игла, шв. egg — лезвее, англосакс. ecged — острый и т. д.

ЗАБОТА. Откуда это слово, неизвѣстное въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Не въ родствѣ ли оно съ глаголомъ *зобать?* Недавно одинъ извозчикъ, лужскій уроженецъ, жаловался мнѣ на дурной путь. Я замѣтилъ шутя, что вѣдь это дѣло лошадей. «А объ лошадяхъ-то, отвѣчалъ онъ, кто же *зо́бется?* Мы же!» Это значеніе глагола *зобаться* показано и въ академическомъ «Опытѣ областнаго словаря»; кромѣ того мы находимъ тамъ, что и глаголъ *зобать* употребляется иногда въ смыслѣ искать, и далѣе *зобачиться* вм. *заботиться*, что́ какъ будто бросаетъ свѣтъ и на происхожденіе этого послѣдняго, столь загадочнаго слова.

КАРЕТА. У однихъ Датчанъ слово karreet употребляется совершенно въ томъ же значеніи, какъ наше названіе закрытаго со всѣхъ сторонъ экипажа. У Нѣмцевъ die Carrete нынѣ болѣе не употребительно, но прежде означало небольшую коляску: по свидѣтельству Аделунга, это слово въ его время еще употреблялось въ презрительномъ смыслѣ для означенія дурной, жалкой повозки. Оно первоначально образовалось въ итал. языкѣ (carreta, carretta), какъ уменьшительное имени carro (отъ лат. currus), и означало всякую небольшую повозку. На среднелатинскомъ языкѣ carreta, carreda — двуколесная телѣжка.

КНУТЪ. По замѣчанію Шевырева (*Истор. Русс. Слов.*, т. I, стр. 90) это слово шведское; но по-шведски knut значитъ узелъ, и слѣдовательно по смыслу нѣтъ собственно прямого соотношенія

между обоими однозвучными именами. Приводимыя Шевыревымъ въ примѣчаніи 68-мъ выраженія: få knut — быть биту кнутомъ, и ge knut — бить кнутомъ, явно заимствованы Шведами изъ русскаго языка. Наше слово *кнутъ* удобнѣе было бы пріурочить къ исландскому глаголу knýta, который иногда значитъ — бить кнутомъ, flagellare. Ср. нѣм. Knüttel; нижне-сакс. knutten, вязать, и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.

колачъ (калачъ). Правильнѣе писать *колачъ*, какъ пишутъ Сербы и какъ писалъ Ломоносовъ. Въ словарѣ Караджича объяснено: «когда идутъ въ гости къ другу или родственнику, то всегда въ котомкѣ кромѣ деревянной фляжки надобно имѣть и колачъ (т. е. пшеничный хлѣбъ); когда же возвращаются отъ пріятеля, то опять отправляющемуся оттуда надобно приготовить такой колачъ. Потому и говорятъ: южнымъ святкамъ и пріятельскому колачу не надобно радоваться (ибо пріятель принесетъ одинъ колачъ, а съѣстъ нѣсколько, и опять ему надобно приготовить колачъ въ дорогу)». Что касается до значенія слова, то у Караджича сказано: eine Art radförmiges Brot. Нѣтъ сомнѣнія, что оно происходитъ отъ *коло*, кругъ, колесо; итакъ оно по корню совершенно однозначаще съ германскимъ *Kringel*, происходящимъ отъ древне-нѣмецкаго *kring* (кругъ), которое впослѣдствіи потеряло начальное *k* и въ этомъ видѣ сохранило значеніе кольца. Въ исландскомъ языкѣ оно удержалось съ гортанною *k* или *h* передъ *r* (kringr или hringr); kring осталось и въ другихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ существ. или предлога: *вокругъ*. Наше *крендель* составилось изъ нѣмецкаго провинціальнаго *krengel*: измѣненіе *r* въ *d* послѣ *n* у насъ естественно; такъ простой народъ и дѣти вмѣсто *ангелъ* часто произносятъ: *анделъ*.

миръ и міръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимологически оба слова тожественны. Употребленіе ихъ весьма точно разграничено, но въ собственныхъ именахъ лицъ и городовъ оно еще колеблется. Чаще пишутъ въ такихъ именахъ *і*, но едва ли не правильнѣе было бы писать: *Владимиръ*, *Житомиръ*, и вотъ на какомъ основаніи. Обыкновенно здѣсь представляютъ себѣ *міръ* въ значеніи свѣта (mundus), но вѣрнѣе принять тутъ еще третье значеніе, именно значеніе, выражаемое въ другой формѣ тѣхъ же именъ окончаніемъ *славъ*. Владимиръ то же, что Владиславъ, Станимиръ — Станиславъ, Болемиръ — Болеславъ;

такихъ именъ можно насчитать до 70-и. Древнѣйшая ц.-сл. форма — *мыръ*, гдѣ *ы* вѣроятно имѣлъ еще звукъ *ə̄*. Въ германскихъ и кельтскихъ именахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ слогъ *mar* (съ долгимъ а), сходно съ которымъ первоначально звучало, вѣроятно, и славянское *миръ*. (Изъ замѣтки, доставленной А. А. Куникомъ).

настежь. Хорут. stesaj, сущ. ж. р. — протяженіе, распространеніе, отъ гл. stesati, расширять, растягивать: duri so na stesaj odprte, дверь отперта настежь, т. е. во всю ширину (Murko). У насъ соотвѣтствующій глаголъ *стегать* значитъ не то, не сходное его значеніе видно изъ сложныхъ: *застегивать*, *разстегивать*.

обидѣть. Обыкновенно считаютъ это слово составленнымъ изъ глагола *видѣть* и предлога *объ* (см. Словарь Рейфа и *Корнеслов*ъ Шимкевича). Съ перваго взгляда это очень правдоподобно: по общему закону здѣсь губная *в* могла выпасть послѣ принадлежащей къ буквамъ того же органа *б*, какъ въ словахъ *обязывать*, *обернуть* и многихъ другихъ. Но если бъ такъ было, то отчего же страдательное причастіе получило бы форму *обиженъ*, а не *обиднъ*, а неопредѣленное наклоненіе несовершеннаго вида форму *обижать*, а не *обидать*—по образцу простыхъ словъ: *видѣнъ*[1], *видать*. Въ невѣрности приведеннаго мнѣнія о составѣ разсматриваемаго слова еще болѣе убѣждаютъ родственные языки. Въ народномъ норвежскомъ находимъ слово *Obyde* (или ubyde) досажденіе, оскорбленіе, порча, вредъ[2]. Въ литовскомъ *Abyda* — неправда, насиліе, и глаголъ *abydìti*, несправедливо поступать, обижать. Отсюда ясно видно, что нашъ глаголъ произошелъ отъ первообразнаго сущ. *обида* и что поэтому въ старину правильнѣе писали *обидить*. Ср. сербское *обѣдити*, *обидити* или *обиједити* — несправедливо обвинять.

скатерть. Можетъ быть, съ сред.-в.-нѣм. Scheter, Schetter = тонкая бумажная матерія (Weigand, D. WB.). Впрочемъ и у Ил-

---

[1] Мимоходомъ замѣчу, что это слово пишу я такимъ образомъ только какъ неупотребительное причастіе и отличаю его отъ прилагательнаго *виденъ*, *видна*, *видно*, въ которомъ *ѣ* не могло бы выпасть и гдѣ слѣдовательно гласная въ окончаніи мужескаго рода есть бѣглая *е*. Такъ же неосновательно пишутъ *болнъ* вмѣсто *боленъ*, гдѣ тоже вставлена гласная *е* (*больной*).

[2] Ordbog over det norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850, и 2-е изд. этой книги: Norsk Ordbog, Christ. 1873.

лирійцевъ skatert, у Галичанъ скатерка, скатеръ, въ Малор. скатертина, скатерныця. А. А. Шифнеръ указываетъ еще на хорв. skator = шатеръ.

СОЛОМА. Др.-сл. слама въ родствѣ съ герм. Halm, нар.-норв. helma, halma. — Ср. лат. calamus; *семь* съ греч. hepta, и предл. *со* съ латин. *cum* (санскр. сан.).

СТРЕКАТЬ. Ср. исл. striuka, бить, ударять, также бѣжать. (Ср. дать стречка). Въ первомъ значеніи еще употребляется глаголъ strikia, а въ послѣднемъ strika и stroka.. Швед. ge stryk, поколотить.

СТРОКА. Ср. нар.-норв. stroka, черта, длинный рядъ; нижне-нѣм. strak, анг. straight, прямой; нѣм. strecken, простирать.

СТРЯПЧІЙ. Какое основное понятіе скрывается въ этомъ сущ. и въ глаголѣ *стряпать*, отъ котораго оно несомнѣнно происходитъ? По нѣкоторымъ случаямъ употребленія этого глагола въ старинномъ языкѣ видно, что онъ значилъ: дѣятельно исполнять какую-нибудь работу, справлять дѣло, должность, хлопотать. («Онъ человѣкъ добрый, и ямскую стряпню стряпать можетъ», *Акты Юрид.* 287, или: «да у доспѣха стряпаютъ дѣти князя Щетинина», *И. Г. Р.* III, прим. 98). Подтвержденіе тому находимъ въ литовскихъ словахъ: *stropus* — прилежный, усердный, проворный, и *stropti* — быть проворнымъ, усерднымъ.

СУДНО, СУДКИ, ПОСУДА. Др.-сл. сѫдъ, соудъ, пол. sąd, другія сл.-нар. sud, орудіе, instrumentum. Ср. исл. sud (сплоченныя доски, бокъ корабля).

СУДЪ (iudicium). Др.-сл. сѫдъ. Корень этого слова, повидимому, обнаруживается въ гот. sundro, нов.-верх.-нѣм. sonder, исл. sundr, анг.-сакс. sunder, зн. врозь: ибо что первоначально значитъ судить? разбирать; ср. греч. κρίνειν, нѣм. urtheilen, entscheiden, нв. skipa (lag) отъ исл. skeria, раздѣлять, щепать. Въ лѣтописи *Судъ* (въ зн. пролива Константинопольскаго [1]) есть вѣроятно германское sund = проливъ. Это sund, по весьма распространенному мнѣнію, въ родствѣ съ гл. schwimmen (J. Grimm, Gram. II, 479; ср. Weigand D. Wb., стр. 845, и Fick, Indogerm. Wb., 3-е изд. Germ. Spr., 895), но вопросъ: не справедливѣе ли

[1] Ольга говоритъ посламъ изъ Царяграда: «тако же постоими у мене въ Почаинѣ, якоже азъ въ Суду» (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 26, и Ист. Г. Р., изд. Слепина, I, 169).

пріурочивается и оно къ корню sundr, такъ какъ существенное свойство пролива — раздѣлять два берега.

толокá. Слово это неизвѣстно въ нашемъ образованномъ языкѣ; оно заимствовано здѣсь изъ Областного Словаря и замѣчательно тѣмъ, что указываетъ на весьма древній обычай въ сельскомъ быту, распространенный — какъ видно изъ другихъ языковъ — въ большей части европейскаго Сѣвера — у литовско-латышскаго племени, у Поляковъ и у Финновъ. По областному Словарю вотъ объясненіе этого слова: «Общинная, такъ сказать, уборка хлѣба или сѣна, принадлежащихъ одному хозяину, чрезъ приглашенныхъ къ нему сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ». Въ Литовскомъ словарѣ Нессельмана читаемъ слѣдующія любопытныя замѣчанія при словѣ *Talkà:* «Всякій пиръ по окончаніи работы, выполненной при помощи многихъ, которыхъ нельзя вознаградить деньгами; — особенно пиръ по окончаніи жатвы, на который приглашаются всѣ, добровольно помогавшіе другъ другу въ работѣ. По окончаніи какой-нибудь постройки хозяинъ также задаетъ *Talkà.* Можетъ-быть, *Talkà* первоначально означаетъ не пиръ, а самую помощь взаимную и добровольную: въ этомъ я не могъ удостовѣриться». Штендеръ въ своемъ латышскомъ лексиконѣ подъ словомъ *Talks* говоритъ: «Множество созванныхъ вмѣстѣ работниковъ обоего пола, которыхъ по окончаніи работы усердно угощаютъ (die nach der Arbeit brav traktiret werden)». Мнѣ самому случилось быть въ одномъ курляндскомъ имѣніи въ день такой *толоки* при окончаніи уборки хлѣба; за нѣсколько времени до того видѣлъ я подобный обычай, разумѣется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ Финляндіи, гдѣ онъ повсемѣстно извѣстенъ подъ именемъ *talkko:* это, по словамъ Ренвалля, пирушка для работниковъ (epulum operariorum copiose collectorum; см. Lexicon linguae finnicae). Работникамъ въ поле безпрестанно выносятъ водку и пиво, а послѣ обильнаго ужина день кончается пляскою. А. А. Шифнеръ передалъ мнѣ еще мадьяр. названіе kaláka, вѣроятно также заимствованное у Славянъ.

У Поляковъ (см. словарь Линде) tłuka означаетъ какъ самую уборку плодовъ или хлѣба, такъ и пирушку при окончаніи жатвы. Есть въ польскомъ языкѣ еще и слово tłoka, — родъ повинности, барщина, чему соотвѣтствуетъ у Хорутанъ и Хорватовъ *tlaka* — въ томъ же значеніи — иначе *robota* у первыхъ и *robija* у послѣднихъ (см. словари Мурко и Карад-

жича). Въ дополненіе приведу, что и въ нашемъ академическомъ словарѣ церковно-славянскаго и общеупотребительнаго языка подъ словомъ *Толóка* есть между прочимъ такое объясненіе: «поголовная высылка на работу всѣхъ крестьянъ». Что же касается до указанія Областного Словаря, гдѣ это же слово помѣщено съ другимъ ударепіемъ, то тамъ оно отнесено къ губерніямъ Курской, Псковской, Смоленской и Тверской. Конечно, найдутся и другія мѣстности, гдѣ соблюдается тотъ же обычай съ тѣмъ же названіемъ.

Спрашивается: у котораго же изъ трехъ племенъ—славянскаго, латышско-литовскаго, или финскаго, обычай этотъ является первобытнымъ, а съ нимъ и самое слово туземнымъ? Такъ какъ оно у Финновъ и Литовцевъ не находится въ органической связи ни съ какими другими словами, напротивъ у Славянъ составляетъ одну изъ отраслей общаго языкамъ ихъ корня, то слѣдуетъ кажется признать, что слово это, а слѣдовательно и обычай — происхожденія славянскаго. Въ языкахъ Славянъ это названіе представляется не безсмысленнымъ звукомъ, а состоитъ въ явномъ родствѣ съ глаголомъ *толочь* (къ гнѣзду котораго оно и отнесено въ словарѣ Даля) или точнѣе *толочься*, который у Поляковъ (tłuc się) и у Чеховъ (tlauc) значитъ суетиться, возиться, съ другими толкаться. Отсюда видно, что первоначальное значеніе слова *толока* не пиръ, а работа, справляемая многими вмѣстѣ. Такимъ образомъ названіе talka, talks, talkko, стоящее уединенно въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ и финскомъ, находитъ себѣ объясненіе только въ нарѣчіяхъ славянскихъ[1].

ТРАВА, ТРАВИТЬ. Объясн. Востокова: тровати, трую, то же что травити, трявлю = кормить, кормиться въ переносн. смыслѣ. Отъ того трава, собств. кормъ, какъ въ греч. βοτάνη отъ βοτός, кормъ. (Вост. *Ф. Набл.*, Фрейз. рукоп. 54).

УПОВАТЬ. Павскій думаетъ, что это слово въ родствѣ съ нѣмец. hoffen, шв. hopp, анг. hope. Но въ др.-сл. есть *пвати*, *пѣвати* = полагаться. Слѣд. корень, нашего глагола — *пв*, а *у* есть предлогъ. Корень *пв* образовалъ въ чеш. и поль. *певный* — вѣрный, надежный.

---

[1] Въ Дополненіи къ Обл. Словарю показано еще любопытное значеніе слова *толока* въ Иск. и Тверек губ.—шумъ толпы, гомонъ. Ср. также выше стр. 565.

ХОМУТЪ. Общеславянское слово, издавна заимствованное Нѣмцами въ формахъ kummet, kummt, komat и т. п., и Финнами — hamutsa — въ Карелiи. Ср. названiе чешскаго города Kommotau (т. е. Хомутово).

ШЛЯПА. На швабскомъ нарѣчiи der Schapp значитъ: родъ маленькой, обыкновенно кожаной шапки. На верхне-нѣм. die Schlappe—шапка, чепецъ (Heyse). Аделунгъ подъ словомъ Schlepppe говоритъ, что въ Баварiи женскiй головной уборъ особеннаго устройства называется Schlepppe.

ШУБА. Польск. szuba въ томъ же значенiи, серб. шуба, родъ женскаго широкаго платья. Слово это взято съ нѣмецкаго: Schaube въ верх. Германiи означаетъ длинное верхнее платье, покрывающее все тѣло и употребляемое лицами обоего пола; Nacht-Schaube — халатъ; Regen-Schaube, дождевой плащъ; того же корня франц. jupe, итал. giubba—юбка и особое мужское платье; исп. chopa. Ср. араб. джубба. Изъ русскаго *шуба* Нѣмцы, забывъ происхожденiе этого слова, составили свое Schuppenpelz (енотовая шуба)

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СРАВНИТЕЛЬНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О СЛАВЯНСКИХЪ И СКАНДИНАВСКИХЪ СЛОВАХЪ.

Въ послѣднее десятилѣтіе филологія въ Швеціи получила необыкновенное развитіе: съ одной стороны оно обнаруживается въ изученіи мѣстныхъ нарѣчій, съ другой въ расширеніи границъ сравнительной лингвистики, въ изученіи и такихъ языковъ, которые прежде оставались совершенно въ сторонѣ. Какъ въ области исторіи Шведы въ настоящее время обратили вниманіе на Россію, такъ и въ филологіи нѣсколько молодыхъ ученыхъ пристально занялись славянщиной. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются труды доцента Упсальскаго университета г. Тамма (Fredr. Tamm), который въ 1874 году издалъ для полученія степени доктора начало шведскаго этимологическаго словаря. Въ «Ежегодникѣ (årsskrift)» названнаго университета за 1881 и 1882 гг. онъ напечаталъ два любопытныя изслѣдованія: 1) «Шведскія слова, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ» и 2) «Славянскія слова, заимствовавшія изъ скандинавскихъ языковъ». (Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken. — Slaviska lånord från nordiska språk).

Сообщу нѣсколько замѣчаній объ обѣихъ статьяхъ и предварительно упомяну, что подъ балтійскими авторъ разумѣетъ языки литовскій, латышскій и древне-прусскій. Во всѣхъ своихъ сравненіяхъ онъ строго соблюдаетъ научные пріемы сравнитель-

наго языкознанія, обращаетъ особенное вниманіе на законы передвижки звуковъ и на основаніи ихъ рѣшаетъ, должно ли слово считаться родственнымъ или заимствованнымъ. Надо отдать полную справедливость осторожности г. Тамма въ его выводахъ. Мнѣ показалось только, что въ числѣ соображеній, которыми онъ руководствуется для рѣшенія вопроса о заимствованіи словъ, недостаетъ одного: именно степени вѣроятія, чтобы слово, по самому значенію своему, могло быть заимствовано. Такъ напр. едва ли на этомъ основаніи можетъ быть справедливо заключеніе (I, стр. 38), что Германцы заняли у Славянъ слово mark, шв. märg, передѣлавъ по-своему славянское мозгъ. Въ большей части случаевъ, однакожъ, тамъ гдѣ нѣтъ полной достовѣрности, г. Таммъ воздерживается отъ положительнаго вывода о томъ, какому языку первоначально принадлежало данное слово.

Первая изъ двухъ выше названныхъ мною статей распадается на 4 отдѣла: я приведу здѣсь заглавія ихъ и при каждомъ исчислю отнесенныя къ нему шведскія слова съ означеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ словъ, русскихъ или другихъ славян. языковъ, тамъ гдѣ это для ясности окажется нужнымъ. Сверхъ того надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ словъ г. Таммъ считаетъ первоначально принадлежащими другимъ народамъ, но перешедшими на западъ чрезъ посредство Славянъ.

I. Слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ славянскихъ языковъ: bulvan (первон. мадьяр.), lodja (ладья), pasma, prestaf (приставъ), torg, tulubb, besman (безменъ), droska, gräns (граница), gurka (огурецъ), juft, kalesch, kantschu (канчукъ, первон. турецк.), karbas (первон. восточн.), knut, krabat (kroat. hrvat), masurka, piska (бичъ), pitschaft (печать), präm (паромъ), riska (рыжикъ), siska (чижъ), sobel, steglitsa (щеголь), stepp, tolk, ulan; имена собств.: Polen (съ производными), Pommern, Svante.

II. Слова, сходныя съ славянскими, но которыхъ тожество съ послѣдними не можетъ быть доказано:

Järpe (pol. jarząbek, рябчикъ), mörk (меркнуть), bister (быстръ), brits (чеш. přites), pistol, rapphöna (рябчикъ), smärta (смерть), katten (катъ = палачъ).

III. Слова сомнительнаго происхожденія, которыхъ существованіе у Германцевъ и Славянъ по законамъ согласныхъ звуковъ указываетъ на заимствованіе:

Humle (хмель), kant (кутъ = уголъ), karp, katt (котъ), trumma (труба), köpa (купить), läka (лѣчить), lök (лукъ), plog (плугъ), silke (шелкъ), skatt (скотъ), stolpe (столпъ), stork (стерхъ, др.-сл. стръкъ), särk (сорочка, др.-сл. срака), dolk (чеш. tulich), körsnär (корзно), sink (цинкъ), trapp (дрофа).

IV. Другія слова сомнительнаго происхожденія, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ:

Stuga (изба, истба), barr (боръ), gren (серб. грана), lax (лосось), märg (мозгъ), sadel (сѣдло), sik (сигъ), sill (сельдь), stack (стогъ), vax (воскъ), älg (лось), drummel (лит. drimelis), dâre (дурь), grobian, kaja (пол. kawa, рус. кавица), lindarе (линь), stagg (лит. stegė, рыба).

Уже при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эти списки трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласиться съ авторомъ насчетъ взаимнаго отношенія сопоставленныхъ словъ. Едва ли можно напр. сомнѣваться, что слова stork и dolk не германскими народами заимствованы у Славянъ, а скорѣе наоборотъ. Подобно тому, мы склонны думать, что слово грубьянъ, по своему образованію, не можетъ быть славянскимъ: какъ могъ суффиксъ анъ, янъ быть такимъ образомъ придан прилагательному грубый? Такъ же точно наше слово пищаль конечно составлено изъ pistol, а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Таммъ. Впрочемъ, касательно нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ самъ онъ такого же мнѣнія. Напр. о словѣ sill (сельдь) онъ, послѣ развитія многихъ звуковыхъ соображеній, которыя могли бы привести къ различнымъ выводамъ, весьма справедливо замѣчаетъ: «Здѣсь, какъ часто бываетъ, одного изслѣдованія языка недостаточно:

нужна помощь культурной исторіи, чтобы ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Мы напомнимъ только, что большинство славянскихъ народовъ не живутъ подобно скандинавскимъ у моря и потому не могутъ заниматься рыболовствомъ. Въ этомъ заключается, конечно, сильная поддержка тому мнѣнію, что слово sill всего вѣроятнѣе наше туземное, у Славянъ же чужое».

Увлеченіе сходствомъ звуковъ у г. Тамма рѣдко, но онъ не вполнѣ избѣгъ его. Такъ подъ словомъ Polen онъ вѣрно объясняетъ происхожденіе названія народа отъ поле и сближаетъ его съ шведскимъ именемъ города и области Falun (др.-шв. fala= равнина, степь), но затѣмъ онъ идетъ далѣе и подъ тотъ же корень подводитъ не только нѣм. feld, но и сканд. fjell (скала) и южно-слав. планина, польск. płonina (безплодная земля), малор. полонина, и находитъ, что эти формы относятся къ слову поле, какъ солонина къ соль (I, 16). Намъ кажется, что поль. płonina совсѣмъ другаго корня. Płon', płonia знач. прорубь, польское, płonic'— изсушать, płonny — безплодный, тощій. Слово płonina и пр. конечно въ родствѣ съ прилаг. *полый* (открытый, пустой; ср. слова: пологрудый, полоумный). Это заставляетъ насъ отнести къ тому же корню и приведенныя польскія слова.

Въ недоразумѣніе другого рода впадаетъ г. Таммъ относительно слова безменъ (I, 7), распространеннаго въ разныхъ видоизмѣненіяхъ у скандинавскихъ и балтійскихъ народовъ, а отчасти и у Нѣмцевъ. Г. Таммъ, по примѣру польскаго ученаго Кольберга, увлекаясь тою самою народною этимологіей, на основаніи которой слово это получило свою славянскую форму, считаетъ его составленнымъ изъ корня мѣнъ и предлога безъ. «Названіе, говоритъ онъ, конечно происходитъ отъ того, что безменомъ вѣсятъ безъ перемѣны гирь». Давно уже мною высказано предположеніе, что слово безменъ восточнаго происхожденія и что начало его кроется въ тюркскомъ батманъ, употребительномъ въ южной и восточной Россіи и означающемъ мѣру вѣса въ нѣсколько фунтовъ, почему батманникомъ называется тонкая веревка, служащая для вѣшанья на небольшихъ

вѣсахъ батманами[1]. Важнымъ подкрѣпленіемъ этого мнѣнія служитъ то, что въ Вологодской губ. (а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ) и самое слово безменъ нѣкогда означало условную мѣру вѣса, которая по всей зырянской сторонѣ равнялась 12 фунтамъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ названной губерніи это слово и до сихъ поръ еще извѣстно въ томъ же значеніи. Въ актахъ же яренскаго архива найдены между прочимъ слѣдующія выраженія: «Покралъ 30 локóтъ холсту, да десетъ безмѣнъ масла.— Масла коровья шесть безмѣнъ да шесть безмѣнъ прядени холщевово» (1653 г.)[2].

Слово дрожки (шв. droska), употребительное по всей Германіи и въ скандинавскихъ странахъ, по мнѣнію г. Тамма, возникло у Русскихъ и отъ нихъ перешло въ западную Европу. Замѣчу однакожъ, что слово дрогá, отъ котораго оно образовано, заимствовано вѣроятно отъ польскаго drąg, зн. шестъ, рычагъ. Его уменьшительная форма обратилась въ названіе нашего легкаго экипажа. Это названіе перешло къ Полякамъ отъ насъ и получило у нихъ не свойственную ихъ языку форму dorożka, точно такъ же какъ наше слово дрога не русскаго склада: у насъ оно должно бы было получить форму другъ, если бъ образовалось самостоятельно, по законамъ нашей фонетики, соотвѣтственно ц.-сл. дрѫгъ или польск. drąg. Слово другъ, въ этомъ значеніи, само по себѣ, у насъ не существуетъ, но дало начало глаголу водрузить (ц.-сл. вьдрѫзити). Употребительное въ Малороссіи, въ Галиціи и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ дрюкъ, дрючокъ и дрýкъ, дручокъ (колъ, шестъ, рычагъ) тоже не русскаго происхожденія. По поводу слова дрожки я переписывался съ И. С. Соломоновскимъ, какъ жителемъ Привислинскаго края, и онъ между про-

---

[1] См. выше, стр. 589, и издававшіяся при Извѣстіяхъ II Отдѣленія Ак. Наукъ Матеріалы I, 30. Даль въ словарѣ своемъ упоминаетъ о крымскомъ, закавказскомъ, саратовскомъ, казанскомъ даже тамбовскомъ и тверскомъ батманѣ и также признаетъ тожество этого слова съ нашимъ безменомъ.

[2] Матеріалы I, 120, 121.

чимъ сообщилъ мнѣ, что по-польски drążki (множ. отъ drążek) зн. оглобли. Это польское названіе необходимой принадлежности нашего экипажа могло также служить основаніемъ къ происхожденію его названія. Что касается самаго слова hołoble (по нашему оглобля), то изъ свѣдѣній г. Соломоновскаго оказывается, что оно въ Польшѣ мало извѣстно и, по показанію нѣкоторыхъ, означаетъ нашу русскую дугу; въ Малороссіи же оно ходитъ въ формѣ *гóлобля* съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и у насъ. Это подаетъ мнѣ поводъ думать, не слѣдуетъ ли искать его начала въ нѣмецкомъ gabel, названіи такого рода упряжи? per metathesin оно могло получить употребительную въ Малороссіи форму, а оттуда перейти въ новой передѣлкѣ къ намъ. Любопытно замѣчаніе г. Соломоновскаго о словѣ dorożka. «Такъ, пишетъ онъ, называютъ здѣсь извозчиковъ-лихачей. Въ отдѣльности ни одинъ видъ экипажа не носитъ этого названія; равнымъ образомъ ни кучеръ, ни лошади не называются dorożka. Какъ въ русскихъ городахъ кричатъ: извозчикъ! или: вольный! такъ въ Варшавѣ кричатъ: dorożka! Такъ и называютъ: dorożka № 1, dorożka № 2 и т. д. Но это значитъ не экипажъ, не кучеръ, не лошадь, а все вмѣстѣ. Образованіе этого слова весьма странное. Въ польск. языкѣ, полногласія нѣтъ, а здѣсь ого упорно сохраняется, что̀ заставляетъ признать здѣсь do за предлогъ. Какъ ни странно, но иначе нельзя объяснить этимологіи этого слова, какъ разложивъ его на два: do и rożka. Говорятъ, что встарину курсъ извозчиковъ въ Варшавѣ считался только по прямой линіи до перваго поворота или до̀ угла, по-польски do rożka (rożek, rog = уголъ)».

Наше паромъ то же что pram, слово употребительное у Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Голландцевъ: г. Таммъ полагаетъ, что Славяне первоначально передѣлали его изъ древне-нѣм. farm и что оно у обоихъ племенъ возникло изъ одного корня (fara, fahren).

Слово цинкъ объясняется остроумнымъ соображеніемъ, что означаемый имъ металлъ, котораго особенно много въ Силезіи,

этомъ искони славянскомъ краѣ, такъ названъ былъ по сходству его съ оловомъ (Zinn), къ нѣмецкому имени котораго прибавленъ суффиксъ ek (I, 34).

Любопытно указаніе, что знаменитое въ шведской исторіи имя Svante (Svante Sture) произошло отъ др.-слав. свѧтъ и заимствовано отъ Вендовъ. Образцомъ для этого заимствованія послужило вѣроятно имя Святополкъ, которое носилъ во 2-й половинѣ XIII-го столѣтія судья въ Остроготіи. Онъ былъ, какъ полагаютъ, датскаго происхожденія, внукъ короля Вольдемара II: этимъ и объясняется, почему онъ получилъ вендское имя.

Перехожу ко второй статьѣ. Въ ней три отдѣла:

I. Славянскія слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ. Сюда отнесены: ящикъ (шв. ask), берковецъ (Björkö), будка (исл. búd, отъ bua), хватъ (исл. hvatr), гридинъ (исл. gríd), ябединкъ (исл. embœtti), якорь, ершъ, карити, кербь, кипа, костеръ, крюкъ, лягаratuboga (чеш.), ретязь (малор.), сайда, сельдь, скатъ (рыба), скирдъ, спудъ, стятъ, стодъ, стрѣнъ (др.-слав. = clavus quo regitur gubernaculum), судъ (др.-рус. = проливъ), шкеры, шнека, тіунъ, треска, варягъ, витязь.

II. Славянскія слова, которыя могутъ быть выводимы изъ скандинавскихъ языковъ, но могутъ также быть объясняемы другими германскими формами:

блекнуть, холмъ, дамба, гомонъ, папарей, нута (др.-слав.), плотъ, пудъ, рюжа, сима, стулъ, щелокъ.

III. Славянскія слова, происхожденіе которыхъ отъ сканд. языковъ сомнительно или должно быть совершенно отвергнуто:

анка, буракъ, дротъ, гугать, ярь, кнутъ, корзина, куликать, книга, ларь, лава, луда, rząp (поль.), сигъ, скиба, судорога, штыкъ, вышь.

Слово берковецъ, по мнѣнію г. Тамма, заимствовано у Шведовъ и происходитъ отъ др. сканд. слова, входящаго въ со-

ставъ названія bjarkeyar-rettr (біаркскій законъ). Русское должно было, слѣдовательно, первоначально означать шведскую мѣру вѣса skeppund, бывшую въ употребленіи у шведскихъ купцовъ на основаніи торговаго устава (björköarätt) и равнявшуюся 400 фунтамъ (= 10 пудамъ). Приведенное же здѣсь названіе устава можетъ быть производимо отъ имени процвѣтавшаго тысячу лѣтъ тому назадъ шведскаго торговаго города, упоминаемаго Адамомъ Бременскимъ подъ именемъ Birca и находившагося на островѣ Björkö на озерѣ Меларѣ. Не невозможно, что этотъ городъ, по своей важности для торговли, сдѣлался исходнымъ пунктомъ торговаго устава, распространившагося впослѣдствіи по всему скандинавскому сѣверу, подобно тому какъ въ позднѣйшее время городъ Висбю на о. Готландѣ далъ начало морскому уставу. для нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ. Что же касается самаго имени острова Björkö, то оно очень просто объясняется словомъ: björk (береза), весьма обыкновенною составною частью названій мѣстъ въ Швеціи. Весьма вѣроятно, что такъ произошло латинское Birca. Русское берковецъ могло явиться еще въ то отдаленное время, когда соотвѣтствующее ему слово означало ту же мѣру вѣса въ самомъ шведскомъ городѣ Birca, который еще сохранялъ свое торговое значеніе въ эпоху основанія Русскаго государства.

Предположеніе о заимствованіи слова хватъ (сканд. hvatr) правдоподобно, такъ какъ значеніе его довольно далеко отъ понятія хватать, и притомъ имена дѣятелей рѣдко образуются отъ одного коренного слога глагола безъ другаго суффикса.

Вмѣсто ябедникъ, какъ второобразнаго, слѣдовало поставить ябеда.

Ершъ, ляга, карити скорѣе родственныя; чѣмъ заимствованныя слова. Это относится особенно къ слову карити, корень котораго далъ такъ много отраслей въ славянскихъ языкахъ (ср. русск. кара, покорить, покорный, укоръ, перекоръ). При этомъ словѣ г. Таммъ ссылается на меня (см. выше, стр. 574), думая, что я считаю его образованнымъ отъ сканд.

kœra жаловаться, но я только сблизилъ оба слова, какъ имѣющія общее происхожденіе, не отмѣтивъ нашего глагола звѣздочкою, условнымъ знакомъ, принятымъ мною для словъ, по моему мнѣнію заимствованныхъ.

Чеш. ratuboga приведено въ формѣ, невозможной уже потому, что у Чеховъ нѣтъ звука g. Чеш. форма слова была бы ratiboha, но и въ ней оно неизвѣстно тѣмъ Чехамъ, которыхъ я о томъ спрашивалъ. Г. Таммъ ссылается на Рица, который считаетъ это слово первоначально вестготскимъ и говоритъ, что оно, благодаря англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ-экономистамъ, пріобрѣло почти общеевропейскую извѣстность. Въ Fremdwörterbuch Гейзе оно дѣйствительно нашло мѣсто, но въ Россіи никто его не знаетъ.

При словѣ сельдь дополняется то, что сказано о немъ въ первой статьѣ. Г. Тамма поражаетъ русская форма (съ *ль*), тогда какъ основная славянская форма селдь; для объясненія этого онъ видитъ въ нашемъ словѣ «позднѣйшую форму, выведенную изъ уменьшительнаго селедка, которое, по его мнѣнію, составлено изъ болѣе древней, согласной съ другими славянскими формами: селедь». Отъ вниманія г. Тамма ускользнуло, что здѣсь буква *ь* послѣ *л* вставлена просто по требованію произношенія или фонетической ороографіи, такъ какъ мягкое окончаніе (дь) дѣйствуетъ и на смягченіе предыдущихъ звуковъ (см. выше, стр. 297, 302, 322). При другихъ согласныхъ, смягчающихся подъ вліяніемъ послѣдующей мягкой, *ь* обыкновенно не пишется, напр. въ словахъ смерть, вервь, твердь (хотя мы произносимъ сьмерьть, верьвь), но буква *л* находится въ исключительномъ положеніи и мягкое ея произношеніе всегда означается на письмѣ[1] (о чемъ подробно изложено мною въ своемъ мѣстѣ.

Сомнительно, чтобы слово шкеры первоначально заимствовано было отъ Нѣмцевъ, какъ заключаетъ г. Таммъ по русской

[1] Исключая случай удвоенія звука *л* (аллея, хотя произносимъ альлея).

формѣ, исходной съ шв. skär (произн. шеръ), отъ которой конечно происходитъ это названіе. Съ береговыми скалами Русскіе безъ сомнѣнія познакомились въ Финскомъ заливѣ, почему всего проще принять, что и слово заимствовано отъ финляндскихъ Шведовъ; произнесено же оно съ прибавленіемъ гортаннаго звука, который русскіе грамотные люди видѣли на письмѣ и безъ котораго считали воспроизведеніе слова неполнымъ. Надо припомнить, что въ шв. языкѣ sk передъ мягкою гласной нѣкогда произносилось не какъ ш, а какъ два отдѣльные звука (ск), что отчасти еще и нынѣ продолжается на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря, а у Русскихъ вм. ск легко могло явиться шк, тѣмъ болѣе что названія мѣстъ и урочищъ Финляндіи издавна воспроизводятся у нихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, какъ болѣе для нихъ привычной, напр. Нейштадтъ, Нейшлотъ, вм. Нюстадъ, Нюслотъ. Въ послѣднемъ имени мы видимъ также смѣшеніе нѣмецкаго элемента съ шведскимъ (шлотъ, а не шлосъ). Подобно слову *шкеры* (или *шхеры*) образовались также рус. слова: шканъ (отъ сканд. skaff, skåp, гол. schap и пр.), шкаликъ, серб. шкипъ (schiff)[1] и т. п.

Въ тожествѣ словъ: viking и *витязь* нельзя, кажется, сомнѣваться; переходъ k въ t явленіе весьма обыкновенное даже въ предѣлахъ самаго русскаго языка, напр. паужъ — паутина, искецъ (отъ искать). Ср. др.-сл. людьстіи (отъ людьскый), нѣм. kranich, шв. trana, также франц. tabatière отъ tabac (встарину говорили tabaquière; см. Dictionnaire de Littré).

Холмъ признается заимствованнымъ изъ герм. языковъ, и г. Таммъ находитъ страннымъ мнѣніе Маценауэра, что это слово по происхожденію общее Славянамъ и Германцамъ. «Прежде, говоритъ онъ, надо доказать, что славянское х можетъ исходить прямо отъ индоевр. k». Выраженіе нѣсколько странное, такъ какъ г. Таммъ не исключаетъ же слав. языковъ изъ индоевроп. семьи. Въ примѣръ такого соотвѣтствія мы съ своей стороны

[1] Ср. мою замѣтку о географическихъ именахъ Финляндіи въ Современникѣ 1844 г. (т. XXXIII, стр. 146—149.

приведемъ хладъ, отвѣчающій германскому kalt, cold, — хлопать, klopfen, klappa, — холопъ, knapp, — хвостъ quast и т. д.

Дамба отъ Damm. Прибавленіе звука б послѣ м въ этомъ случаѣ не единственный примѣръ такого звукового обращенія съ иностранными словами: такимъ же образомъ отъ Stamm образовано штамба и глаг. штамбовать.

Объясненіе слова гóмонъ съ помощію готскаго сложнаго ga-man, состоящаго изъ слова man, человѣкъ, и предл. ga, кажется мнѣ рѣшительно неудачнымъ. Болѣе правдоподобно сближеніе гомóнъ (удареніе на послѣднемъ слогѣ) съ шведскимъ gamman (веселье).

Напарей (напарье, напалье) — техническое, мало извѣстное слово (означающее большой буравъ) приводитъ г. Тамма къ догадкамъ о происхожденіи германскаго nafar, nafvare, naber, въ разборъ которыхъ входить считаю излишнимъ.

Симá, бечевка, снурокъ, употребляемый въ рыболовствѣ, также родъ пружины исл. simi, вѣроятно перешло къ намъ изъ Норвегіи отъ sima, того же значенія.

Щелокъ. Г. Таммъ, согласно съ Маценауэромъ, считаетъ это слово въ родствѣ съ исл. skola[1], шв. skölja, полоскать, и сходнымъ по основному понятію, съ нѣм. lauge, исл. laug, означающимъ купанье, воду для мытья. На это можно возразить, что и у Нѣмцевъ основное понятіе слова lauge толкуется различно: г. Таммъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Вейганду, но въ словарѣ бр. Гриммовъ находимъ совсѣмъ другое: «dem worte scheint der begriff des brennenden zu grunde zu liegen und die nächste verwandschaft mit lauch und lohe stattzufinden». Что касается нашего щелокъ, то я считаю это слово чисто-русскимъ и остаюсь при мнѣніи, выраженномъ мною выше (стр. 399 и 436), именно, что въ корнѣ его, сходно

[1] Skola, исл., зн. мыть, но рядомъ съ нимъ г. Маценауэръ ставитъ шв. skolla, исл. skalda, имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе и значеніе: опалить, ошпарить.

съ существеннымъ признакомъ означаемаго имъ предмета, кроется понятіе разложенія (щелокъ означаетъ собственно растворъ солей, вытяжку изъ золы растеній, а затѣмъ уже отваръ золы, растворъ кипятку на золѣ). Основной корень тотъ же, что въ словѣ щель (означающемъ также раздѣленіе, — отверстіе, трещину, разсѣлину, откуда и ущелье), но этотъ же корень является еще съ придачею гортаннаго звука въ глаголѣ щелкáть (раздроблять со звукомъ) и щёлкать (производить этотъ звукъ). Это придаточное к находится и въ словѣ щелокъ, гдѣ послѣдній слогъ отнюдь не есть суффиксъ, какъ видно изъ второобразнаго слова щелочь и изъ того, что *о* не пропадаетъ въ косвенныхъ падежахъ. Слово щель, очевидно, въ родствѣ съ сканд. skilja (раздѣлять, различать), а къ тому же корню относится и skall — рѣзкій звукъ. Подъ нѣм. словомъ schallen Вейгандъ говоритъ, что для объясненія его должно предположить болѣе древній корешой глаголъ skilan, въ которомъ первоначально заключалось понятіе громкаго звука отъ раздробленія и раскалыванія (der laute ton des trennens und spaltens), что́ какъ нельзя болѣе сходится съ двоякимъ значеніемъ нашего, близкаго по звукамъ глагола щелкать. Почти то же самое Вейгандъ говоритъ подъ словомъ schall и приводитъ др.-сканд. слова skil, skël = trennung, öffnung.

Словомъ щелокъ кончается 2-й отдѣлъ статьи г. Тамма о славянскихъ заимствованныхъ словахъ. Разсмотрѣніе остальнаго повело бы насъ слишкомъ далеко.

Заключимъ замѣчаніемъ, что г. Таммъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшилъ свою задачу успѣшно; въ другихъ, хотя ему рѣшеніе представлявшихся вопросовъ и не вполнѣ удалось, тѣмъ не менѣе онъ доставилъ значительный матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области сравнительнаго языкознанія и заслуживаетъ благодарность за свои попытки, въ которыхъ мы желаемъ видѣть только начало болѣе обширныхъ трудовъ въ томъ же отдѣлкѣ лингвистики.

V.

Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго.

Еще Ломоносовъ замѣтилъ, что у насъ много словъ польскаго происхожденія, которыя «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками» [1]. Надо прибавить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ мы приняли путемъ кіевскихъ школъ, развивавшихся, какъ извѣстно, подъ польскимъ вліяніемъ. Но наши заимствованія изъ польскаго до сихъ поръ мало обращали на себя вниманія. Здѣсь является чуть ли не первая попытка собрать ихъ въ алфавитномъ порядкѣ; вѣроятно, списокъ этотъ можетъ быть со временемъ еще значительно распространенъ. Возможно также, что, при дальнѣйшихъ соображеніяхъ, нѣсколько словъ придется изъ него выкинуть. Само собою разумѣется, что сюда занесены только слова общеизвѣстныя, съ исключеніемъ тѣхъ, которыя употребительны только въ западныхъ губерніяхъ или въ Малороссіи. Не помѣщены здѣсь также и тѣ слова польскаго происхожденія, которыя когда-то употреблялись Русскими, но теперь уже забыты. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ такимъ заимствованіямъ, каковы напр. слова: *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать) [2];

[1] Акад. рук. Лом. № 112, стр. 12.

[2] Соловьева *Ист. Россіи* XV, 186, 250, 308.

сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ смыслѣ («Фортеція правды»).

АРЕНДА (arenda, aręda; нв. arrende, отъ ср.-латин. arenda). Перешло къ намъ чрезъ остзейскія провинціи, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ Польши, а потомъ Швеціи.

БЕКЕШЪ (bekiesza, мадьяр. bekes).

БЕРДЫШЪ (berdysz, отъ франц. pertuisane).

БЛЯХА (blacha, отъ нѣм. Blech).

БРИЧКА (bryczka).

БРЫЖЖЙ (bryże = первон. пестрое шитье, обшивка со складками на платьѣ).

БУДКА (budka, buda; budować, строить).

БУЛКА (bułka, bułka).

БУНТЪ (bunt, союзъ).

ВАХТМИСТРЪ (wachmistrz).

ВЕНЗЕЛЬ (węzel = узелъ). Замѣчательно однакожъ, что польское слово węzel не употребляется Поляками въ смыслѣ вензель; въ этомъ значеніи у нихъ ходитъ слово cyfra (ср. chiffre).

ВЕРША (wierza).

ВИЛЬЧУРА (wilczura = волчья шуба).

ВИНТЪ (gwint).

ВИРША (wierz = versus).

ГАЕРЪ (по Рейфу, поль. gaier [?] отъ итал. gaio, веселый; ср. франц. gaillard). Вѣрнѣе, кажется, указанное выше, на стр. 517, производство слова ГАЕРЪ отъ нѣм. geiger.

ГАРНЕЦЪ (garniec).

ГАРУСЪ (harus или arus, родъ матеріи).

ГВАЛТЪ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ).

ГЕРБЪ (herb).

ГОНТЪ (gont).

ГУРТЪ (hurt = стадо); гуртомъ (hurtem).

ДОСКОНАЛЬНО (doskonalny).

ДЫМКА (dyma, турецкая бумажная матерія).

ДЫШЛО (dyszel, отъ нѣм. Deichsel).

ЗБРУЯ, или СБРУЯ (zbroj, zbroja).

КАНДАЛЫ (kajdan; ср. гайтанъ).

КАРНЕТКА (skarpeta, szkarpeta).

КИВЕРЪ (kiwior, по Рейфу съ венгерскаго).

КЛУМБА (kląb drzew, съ англ. clump).
КО́ЗЛЫ (kozły).
КОЗЫРЬ (kozera).
КОЛБАСА (kiełbasa).
КОЛЕТЪ (kolet).
КОЛЯСКА (kolaska). По мнѣнію иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré), это — славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ calèche, и т. п.
КОМНАТА (komnata; др.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata).
КОФТА (koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія).
КОШТЪ (koszt).
КРАХМАЛЪ (krochmal; отъ нѣм. Kraftmehl).
КУБОКЪ (kubek).
КУХАРКА (kucharka).
КУХМИСТРЪ (kuchmistrz).
КУХНЯ (kuchnia).
ЛЯДУНКА (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ, отъ нѣм. Ladung).
МАЕТНОСТЬ (majętność, имущество, имѣніе).
МЕТРИКА (metryka).
МУЗЫКА (muzyka).
МУШТРОВАТЬ (mustrować, учить войско).
МѢЩАНИНЪ (mieszczanin, отъ miasto, городъ).
ОГЛОБЛЯ (hołoble, отъ нѣм. Gabel, Gabeldeichsel). См. выше, стр. 602.
ОГУЛОМЪ, ОГУЛЬНЫЙ (ogół, ogółem).
ПАНИБРАТЪ (panie bracie, pan brat).
ПАШПОРТЪ (paszport).
ПОГОНЪ, ПОГОНЧИКЪ (pogon вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ). Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Р. Арх.*, 1863, изд. 1, стр. 278).
ПОЧЕВАТЬ (сущ. poczta = почесть, приношеніе).
ПОЧТА (poczta).
ПРЕДМЕТЪ (przedmiot).
ПРЕДМѢСТЬЕ (przedmieście: miasto = городъ).
РАТУША (ratusz, отъ нѣм. Rathhaus).
РИСОВАТЬ (rysować, отъ нѣм. reiszen).
РИСУНОКЪ (rysunek).
РОЖА (болѣзнь: польс. róża имѣетъ оба значенія — роза и рожа).
РОТМИСТРЪ (rotmistrz, отъ нѣм. Rittmeister).
РЫДВАНЪ (rydwan).

РЫНОКЪ (rynek).
РЫЦАРЬ (rycerz).
СЕЙМЪ (sejm).
СЛЕСАРЬ (slosarz, нѣм. Schlösser).
ТАЧКА (tak, taczki).
ТЕМЛЯКЪ (temblak).
ТУЗЪ (tus, нѣм. Daus).
ФИГЛЯРЪ (figlar, figel, ударъ).
ФИЛЁНКА (filunk, нѣм. Füllung).
ФИНТИТЬ (fint, хитрецъ).
ФОЛЬГА (folga, отъ лат. folium).
ФОРТЕЛЬ (fortel, хитрость, уловка).
ФОРТОЧКА (fortka, foteczka).
ФРАНТЪ (frant).
ФУКАТЬ (fukać).
ЦЕХЪ (cech).
ЦЫРЮЛЬНИКЪ (cyrulik, отъ лат. chirurgus).
ЦЫФРА (cyfra).
ШАЛЬБЕРНЬ (szalbierz, плутъ, обманщикъ).
ШАРОВАРЫ (szarowary, отъ тюрк. szalwar).
ШЕРЕНГА (szereg).
ШКАТУЛКА (szatuła).
ШКВОРЕНЬ (sworzeń).
ШКОЛА (szkoła).
ШЛЕЯ (szla, szleia).
ШЛЫКЪ (szłyk).
ШЛЯХЪ (szlak).
ШОМПОЛЪ (stępel).
ШОРЫ (szory).
ШТЫКЪ (sztych, что въ старину значило bayonette), не отъ нѣм. ли Stichel?).
ШУБА (szuba). Ср. выше стр.
ШУЛЕРЪ (szuler).
ЩЕГОЛЬ (szczegol = особнякъ).

---

[1] Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.

УКАЗАТЕЛИ

КЪ

МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Указатель именъ и предметовъ.

Аасенъ. См. Осенъ.

Аблесимовъ. Его отношеніе къ народной рѣчи 6.

Або, городъ 277.

Адамсъ, Эд. Его «Географическій Словотолкователь» на англ. языкѣ 262.

Адолунгъ. Его словарь 75. 177. 183. 193. 200. 207. 212. 218. 220. 225. 228. 230. 241. 590.

Анстъ, птица 504 и сл.

Академія Испанская. См. Испанская.

Академія la Crusca. См. la Crusca.

Академія наукъ. Ея словари 28. 133. 200. 215. 232. 371.

Академія Россійская 173. Ея словарь. 200. Ея отношеніе къ Карамзинскому слогу 89.

Академія Французская. См. Французская.

Академія Шведская. См. Шведская.

Акіандеръ, М., покойный финляндскій профессс. 366. Его «Utdrag ur Ryska Annaler» 269. 271.

Аксаковъ, С. Т. Языкъ его 20. О словахъ его сочиненій, не помѣщенныхъ въ словарѣ Даля 47.

Александровъ, А. 422.

Альквистъ, проф. Гельсингфорскаго университета. О названіи города Сердоболя 268. Другія его замѣтки 547. 575. 576. 585. 587.

Аристофанъ 223.

Археографическая комиссія. По поводу изданія ею текста псковской лѣтописи 284.

Базилевскій 269.

Беккеръ, авторъ «Организма языка» 528.

Бельманъ, швед. поэтъ 189.

Бенлэвъ, филологъ По поводу ударенія 453 и сл. 466. 467.

Бенфей. Объ удареніи 455.

Бернгарди, фил. О его взглядѣ на удареніе 454.

Берцеліусъ 189.

Бесковъ, баронъ, секретарь Шведской академіи. Его записка и свѣдѣнія о немъ 174 и слл.

Бестужевъ, А. (Марлинскій). Его отзывъ о Карамзинѣ 62.

Бётлингъ, От. Ник., ак. Его статья: «Beiträge zur Russischen Grammatik». Его замѣчаніе объ умягченіи гласныхъ передъ мягкимъ звукомъ 297. 349. 301.

и слл. 349. Сошелся въ одномъ сужденіи съ Костыремъ 307. Замѣчаніе о глаголахъ *мыть* и *крыть*. О буквахъ въ русскомъ языкѣ 309. О гласныхъ звукахъ 310 и д. О звукѣ *ѣ* 314. О произношеніи звука *о* 315. О производствѣ слова *слюна* 317. Объ умягченіи согласныхъ 311 и слл. 322. Объ удареніи Санскрита 452.

Билярскій, П. С., акад. Его мнѣніе объ основныхъ формахъ глагола 367.

Биргеръ Ярлъ, шв. король 268.

Бломъ, бельг. проф. 513.

Богдановичъ, И. Ѳ. Его отношеніе къ народной рѣчи 6.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А., проф. Его изслѣдованіе о резьянскомъ нарѣчіи 480 и слл.

Бонгіотъ 93.

Боппъ, филол. 320. По поводу ударенія 452 и слл. 467.

Брандтъ, Р. Ѳ. Его трудъ объ удареніи 391. 396.

Брюкке 338. 344. 347. 352.

Брянцевъ, профессс. Москов. универ. 119.

Буастъ, состав. французскаго словаря 228.

Бунинъ, Петръ, граверъ, ученикъ Шонсбека 293.

Буслаевъ, Ѳ. И., ак. 289. 355. 485. 492. 521. 533. Его Историческая грамматика 16. 43. 502. Его отзывъ о значеніи Карамзина 63.

Бутковъ, П. Г., ак. Его предположеніе о словѣ: Ока 270.

Бушманъ. По поводу ударенія 452.

Бѣрнъ-Гальдорсенъ 589.

Бѣлинскій, В. Г. Его замѣчаніе о языкѣ Фонъ-Визина 69.

Бѣлявскій, Е. Разборъ его грамматики 485.

Бюффонъ 105. Его Естественная Исторія, перев. Румовскаго и Лепехина 109. 127. Переводъ А. Ф. Малиновскаго и Карамзина 127.

Валлинъ, шведскій писатель 184.

Валлинъ, гельсинг. проф. 590.

Вебстеръ, америк. Его англійскій словарь 56.

Вейгандъ 338.

Верещагинъ 162. 163. 269.

Виландъ. Его отзывъ о французскомъ языкѣ 136. О словахъ не употребляемыхъ новѣйшими писателями 207.

Вильменъ. Отзывъ его о коллективномъ академическомъ трудѣ 246.

Вокса (Вокша), рѣка 270.

Воронцовъ, гр. М. Л. 294.

Востоковъ, А. Х., академикъ 133. 344. 345. 478. 491. 516. О его переводѣ сербскихъ пѣсенъ и объ изученіи состава русскаго народнаго стиха 7. Его грамматика. Замѣчаніе о залогахъ 42. Его трудъ по дополнительному тому Областнаго словаря 133. Его Церковно-Славянскій словарь 283. Его 10 различій глаголовъ. О подвижномъ удареніи 355. 385. 390.

Вурстъ, педагогъ 528. 533.

Гаагъ, Фридр. См. Хаагъ.

Гагбергъ, проф. Лундскаго университета. Ему поручила Шведская академія редакцію словаря 189. Его работы по составленію словаря 190.

Гагедорнъ 208.

Галленбергъ, швед. писатель 189.

Гансъ-Саксъ. Его знач. для яз. 208. 224.

Гатцукъ. Его статья «*Очеркъ исторіи книгопечатанія дѣла въ Россіи*». О типографскихъ терминахъ 294—295.

Гёбель, алеман. поэтъ 153.

Гегель 532.

Гейеръ, швед. писатель 184. 189.

Гейзе. «Handwörterbuch der deutschen Sprache» 52. 212. «System der Sprachwissenschaft» 388.

Гейнзіусъ. Его нѣм. словарь 212.

Геллертъ 208.

Гелькке 485.

Географическое общество 47. О присужденіи Константиновской медали за словарь Даля 56.

Герасимовъ, граверъ, ученикъ Шмидта 294.

Гёте 153. По отношенію къ языку 207. 222. 226 и сл.

Гёттлингъ. По поводу ударенія 452.

Гильдебрандтъ 266.

Глинка, Ѳ. Н. О Карамзинѣ 97.

Гоголь, Н. В. Народная стихія въ его прозѣ 7.

Готшодъ. Его образцы пространнаго нѣмецкаго словаря 209. Упр. 152.

Гревингъ, проф. 505.

Грессе, докторъ. Его словарь: «Orbis latinus» 264.

Грочъ, Н. И. О славянскихъ названіяхъ мѣстъ 263. Объ образованіи 1-го лица глагола 354.

Грибоѣдовъ. По отношенію къ народному языку 7. Указаніе Даля на его языкъ 14.

Григоровичъ, Д. В. Слово въ его повѣсти 580.

Гриммъ, Як. 149. 152. 388. 490. 507.

521. 522. По поводу его мыслей о нѣмецкомъ словарѣ 196 и д. Его отзывъ о трудахъ Аделунга и Кампе 208. Его взглядъ на назначеніе словаря 230. О готическомъ шрифтѣ 237. Объ употребленіи большихъ буквъ 240. По поводу приносимыхъ ему въ даръ двухъ богатыхъ собраній словъ 244 — 246. 256.

Гриммы, братья, нѣмецкіе лексикографы. Программа ихъ словаря 196. 215. Объ упрекѣ нѣмецкой критики за ученый характеръ ихъ словаря 230—243.

Гротъ (Groth), Клаусъ. Его брошюра о мѣстныхъ нарѣчіяхъ 152.

Гумбольдъ, Вильг., Фил. 196. Его мнѣніе объ удареніи 452. 454. 455.

Густавъ I, король швед. По поводу вопроса о составленіи словаря 181.

Густавъ III, король швед. Основаніе Академіи при немъ 166. 173. Его завѣщаніе о задачѣ составленія словаря 176 и д. Цѣль при учрежденіи Академіи 188. 189.

Гюнтеръ, нѣм. поэтъ 208.

Давыдовъ, И. И. Его предисловіе къ «Опыту Областнаго Великорусскаго Словаря» 146.

Далинъ. Его шведскіе словари 177.

Даль, В. И. Его взглядъ на значеніе народнаго языка для литературнаго 8. 9. Очеркъ его біографіи 10 и сл. Начало его работъ по словарю 12. Его первая статья о народномъ языкѣ и литературѣ: «Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks» 13. Его статьи и замѣтки по предмету русскаго языка 14. Мнѣніе о несостоятельности нынѣшняго письменнаго языка 16. 17. 18. 20. 24. Неодобреніе появившихся въ 40-хъ годахъ словъ 19. Преувеличенныя требованія и ожиданія отъ народнаго языка 20. 21. О словахъ, придуманныхъ самимъ Далемъ 22. 31. Сознаніе важности славянскихъ языковъ для обогащенія русскаго 25. Объясненіе заглавія Толковаго словаря 26. Значеніе для словаря Дали «Опыта областнаго словаря» 154. Его статья «О нарѣчіяхъ русскаго языка» 27. 28. Правило, какимъ руководствовался Даль при помѣщеніи словъ въ своемъ словарѣ 28. 29. Заимствованія изъ академическаго словаря 30. Отсутствіе теоретическаго начала 30 и сл. Расположеніе словъ «Толковаго словаря» 31. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ 35. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздахъ 36. 37. Неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ 36. 37. Указаніе промаховъ въ его словарѣ 39. Взглядъ Даля на грамматику 41. 44. Объ исключеніи изъ словаря наименованій залоговъ 43. Пропускъ грамматическихъ терминовъ въ словарѣ 43. Своеобразная ороографія 44. Правило о несдваиваніи буквъ. Уступки въ пользу выговора 44. 45. Грамматическія недоразумѣнія 42 и сл. Примѣры въ словарѣ Даля 46 и сл. О порядкѣ размѣщенія словъ и примѣровъ 48. 49 и сл. Недостатокъ системы въ толкованіяхъ 49. 51. 52. О подборѣ синонимовъ 51. Собраніе провинціализмовъ 51. Реальныя, или вещественныя толкованія нѣкоторыхъ словъ 52 и сл. 54. Отзывъ акад. Рупрехта относительно словъ по ботаникѣ 56. Отзывъ ак. Шренка о словахъ по зоологіи 56. 512. О присужденіи Константиновской медали за словарь 56. Два личныя достоинства Даля въ исполненіи своей задачи по составленію словаря 58 и сл. Объ академической наградѣ 60. Дополненія и замѣтки къ «Толковому словарю» 535 — 570. Объ «Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря» 27. Его объясненіе пословицы о лыкѣ 253. По поводу разсмотрѣнія слова *кремль* и *кромъ* 281 и д. Недостатокъ обозначеній въ его словарѣ при глаголахъ 370. Его мнѣніе о различіи ударенія по мѣстностямъ 471. По поводу слова *аистъ* 512.

Даниловскій. П. Я. Его изслѣдованіе о рыболовствѣ въ Россіи 47. Собиралъ мѣстныя слова въ Арх. губ. 155.

Даніилъ Заточникъ. О народной рѣчи въ его словѣ 5.

Данъ (Dann) 255.

Датское Ученое Общество. См. Королевское Общество.

Дашкова, княг. Е. Р. Изд. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» 130.

Дашковъ, Д. В. По поводу книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ 98. 90. Указалъ на галлицизмы Шишкова 92. Взглядъ его на славянскій и русскій языки 108. Отзывъ о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи 114. Признавалъ Карамзина своимъ учителемъ 115.

Дельвигъ, баронъ А. А. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ 7.

Денортъ. Его «Plattdeutsches Wörterb.» 134.

Державинъ, Гавр. Ром. 240. Его

отношеніе къ народной рѣчи. О'пведеніи народнаго языка въ оду 6. Указаніе Даля на языкъ Державина 314. Правильное употребленіе слова *тьма* 43. Уп. 268.

Джонсонъ 177. 181. О составленіи датскаго словаря по его идеѣ 245.

Дистервегъ, педагогъ 526. 533.

Дифонбахъ. Его «Сравнительный готскій словарь» 318. 514.

Діомедъ, древній грамматистъ. Объ ударепіи 452.

Дмитровскій, А. А. Разборъ его статьи 498 и слл.

Дмитровскій, И. А. Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по изданію «Зрителя» 78.

Дмитріевъ, И. И. Въ перепискѣ съ нимъ Карамзина свидѣтельство о дружескихъ отношеніяхъ Карамзина съ Подшиваловымъ 71. Замѣчаніе о славяномапахъ 76. Отзывъ о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи 114. Уп. 83.

Добровскій, Іос. Его грамматика 387. О герман. нарѣчіяхъ, какъ болѣе сходныхъ съ славянскимъ 572.

Дорнъ, Б. А., ак., 273. О происхожденіи слова *войлокъ* 436.

Дуэ, шведскій посланникъ въ Петербургѣ 266.

Дюканжъ. Его глоссарій 201. 237.

Екатерина II, императрица. По поводу раздѣленія исторіи нашего книжнаго языка на два періода 114. По поводу доказательства Макарова о необходимости новыхъ словъ для новыхъ понятій 98. «Похвальное сй слово» 105.

Елагинъ. Его «Исторія русскаго флота». По поводу слова Ойфаръ 514.

Елагинъ, И. П. По отношенію къ славянскимъ реченіямъ и оборотамъ 76. 91. Языкъ его переводовъ 107. Ученикъ Ломоносова, по словамъ Дмитріева 114.

Елисавета Петровна, императрица 2. Патріотическое при ней движеніе; его отраженіе въ литературѣ 3.

Желтовъ. Его переводъ соч. Heyse «System der Sprachwissenschaft» 388.

Жизневскій, А. К. Доставилъ собраніе словъ 535.

Жолли, нѣмец. филологъ 485.

Жуковскій, В. А. Указаніе Даля на его языкъ въ «Напутномъ словѣ» 14. Его замѣтка о способѣ выраженія Даля 15. 16.

Захаровъ, И. С., членъ Россійской Академіи. По отношенію къ славянизмамъ 76.

Зизаній. Его словарь 507.

Зубовъ, Алексѣй, граверъ, ученикъ Шонебска 292.

Зыбелинъ, проф. Москов. универ. 118.

Измайловъ, Вл. Вас. По поводу его біографической статьи о Подшиваловѣ 73. Отзывъ о немъ Карамзина 88.

Иловайскій, Д. И. О русскихъ названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ 509—511.

Ильинскій, авторъ «Историческаго описанія города Пскова». По поводу разсмотрѣнія слова *кромъ* 281.

Ильмонь, озеро 246 и сл.

Иро, швед. ученый. По составленію словаря 176.

Испанская академія 179. 181.

Кайзлеръ, Л., докторъ. Его брошюра о русскомъ ударепіи 452 и сл. Его ошибка во взглядѣ на законъ русскаго ударенія 456. 461. О свободѣ русскаго ударенія 458 и сл. Сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ 460. Объ энклизѣ и двоякомъ ударепіи 470. 471. Общее замѣчаніе о его трудѣ 473.

Кальтшмидтъ. Его нѣмецкій словарь 212.

Каменевъ 88. 97. 102.

Кампе. Его нѣмецкій словарь 200. 210. 211. О необходимости въ словарѣ стиховъ и о недостаточномъ выписываніи стихотвореній 225.

Каницъ 208.

Кантемиръ, кн. А. Д. Его отношеніе къ народной рѣчи 5. Замѣчаніе Карамзина о немъ, по отношенію къ языку 91.

Кантъ. Языкъ его 220.

Караджичъ, Вукъ Степ. Его Сербскій словарь 591. Его система азбуки, предлож. Сербамъ 308.

Карамзинъ, Н. М. 270 и д. Отношеніе имъ письменнаго языка 3. Нововведенія карамзинской школы и нападенія на нихъ Шишкова 4. Отношеніе Карамзина къ народному языку 5. Особенности его прозы. О вредной сторонѣ грамматики Греча, построенной на карамзинской прозѣ 6. Указаніе Даля на Карамзина въ «Напутномъ словѣ» 14. О нововведеніи новыхъ словъ со временъ Карамзина 18. О выходѣ изъ употребленія любимаго его слова *свѣдать* 19. Карамзинъ, какъ преобра-

зователь языка 62. 64. 65. Отзывъ о немъ А. Бестужева 61. Его «Письма Русскаго путешественника» 62. 73. По поводу воззрѣнія И. А. Лавровскаго на языкъ его сочиненій 64. «Московскій журналъ» 66. 69. 73. 74. 75. 76. 79. 124. Отношеніе къ устарѣлымъ реченіямъ 67. Объ его предшественникахъ относительно языка. Объ отношеніи къ нему Сохацкаго и Подшивалова въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка 71. 72. Стихи, направленные противъ Карамзина: «Ода въ честь мосму другу». О дружескихъ отношеніяхъ съ Подшиваловымъ 72. Замѣчаніе о Карамзинѣ Шторха и Адслунга въ ихъ «Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи». Преслѣдованіе славянизмовъ и галлицизмовъ 75. О началѣ вліянія Карамзина на письменный языкъ 77. О дѣйствіи «Московскаго журнала» на писателей. Изданія, враждебно относившіяся къ «Моск. журн.». Замѣчаніе Карамзина о Ломоносовѣ и Сумароковѣ 78. Отношеніе къ О. Туманскому 80. О вліяніи на другихъ писателей 81. Значеніе связи съ Новиковымъ 83. Первоначальный взглядъ на простонародныя слова 85. Взглядъ современниковъ на карамзинскій способъ изложенія 86. О нелѣпыхъ подражаніяхъ 87. Отзывъ Карамзина объ Княжнинѣ 88. Противники и исловкіе подражатели Карамзина; Россійская Академія 89. Обвиненія Шишкова противъ языка Карамзина 91—99. Пріемы Карамзина при употребленіи необработаннаго литературнаго языка. Его статья: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?» 96. 97. Отзывъ о немъ Макарова. Послѣдователи Карамзина 98. 104. Его слогъ 100—104. Его признаніе Каменеву Его восхищеніе иностранными писателями 102. Его взглядъ на письменный языкъ и разговорную рѣчь 102. Забота о языкѣ своихъ сочиненій 103. О неодобреніи сталистическихъ началъ Ломоносова 104. Оцѣнка заслуги 105. Его взглядъ на церковно-славянскій языкъ 107. О славянской стихіи въ его прозѣ. Удаленіе устарѣлыхъ словъ изъ его сочиненій 108. Объ употребленіи иностранныхъ словъ 109. 111. Сообщалъ прежнимъ словамъ новое значеніе 111. Составленіе новыхъ словъ 112. О его подражателяхъ. Отзывъ о немъ Дашкова 114. Отзывъ Дмитріева о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи 114. Выводы о значеніи Карамзина въ отношеніи къ литературному языку 116. О простотѣ и естественности прозы «Вѣстника Европы» 106. 107. Замѣчаніе о языкѣ изъ его разборовъ 120. Крыловъ противъ Карамзина въ первое время его авторства 131. Переводъ въ «Московскомъ журналѣ» научныхъ терминовъ 109. 110.

Кастрёнъ 271. 272.

Катковъ, М. Н. Его замѣтка о звукѣ ѣ 314. «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка». О соотношеніи долготы съ удареніемъ 469.

Каченовскій, М. Т. По поводу книги Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ 89.

Корнеръ, авторъ исторіи педагогики 531.

Корнъ, лейденскій проф. 513.

Кесслеръ, К. Ѳ., проф. 505.

Кириллъ Туровскій, епископъ. Элементъ народной рѣчи въ его произведеніяхъ 5.

Клири (Cleary) 255.

Клушинъ, А. И. Его комедія: «Смѣхъ и горе». По поводу разсмотрѣнія языка 67. Замѣчаніе П. П. Пекарскаго о журналахъ Крылова и Клушина 78. Какъ товарищъ Крылова по изданію «Зрителя» 79. «С.-Петербургскій Меркурій» 81.

Княжнинъ, Я. Б. Его отношеніе къ народной рѣчи 6.

Колосовъ, М. А. 304.

Колповской, Р. 155.

Колычовъ, воронеж. губернаторъ. Переписка съ нимъ Петра Великаго 504.

Кольбергъ, польскій ученый 600.

Константинъ Багрянородный 506. 508.

Костровъ, Е. И. Его переводъ Оссіана 80.

Костырь, кіевскій ученый. Его «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка 307. «Нигилизмъ еровъ.» 308.

Крамеръ. По поводу употребленія слова: Wörterbuch 200.

Крашенинниковъ 93.

Крейторъ 339—342. 350.

Крумъ, князь болгарскій 285.

Крыловъ, И. А. 90. Его отношеніе къ народной рѣчи. Его «Котѣшина» 6. Противникъ Карамзина 6. 124. Его басни 7. Указаніе Даля на его языкъ 14. О пропускѣ словъ изъ крыловскихъ сочиненій въ словарѣ Даля 46. О языкѣ Крылова 67. Замѣчаніе И. А. Лавровскаго 63. «Почта Духовъ» 67.

70. Предположеніе объ участіи Крылова въ изданіи «Утренніе часы» 71. Изданіе «Зрителя» 78. Товарищъ Крылова по изданію «Зрителя» Клушинъ и ихъ сотрудники 79. Замѣтка Некрасова о журналахъ Крылова и Клушина 79. «С.-Петербургскій Меркурій» 81. По отношенію къ дѣлу улучшенія литературнаго языка 6. 81. 124 и сл. По поводу смѣшенія славянскаго языка съ русскимъ 90. 91.

Кубаревъ. Его статья по поводу слова *кремль* 290 и сл.

Кузмищовъ 155.

Куникъ, А. А., ак. 273. 277. 592. По поводу слова *аистъ* 504 и сл. О неликанѣ 507. 512 и сл.

Лавровскій, И. А., проф. Его замѣчаніе о языкѣ и слогѣ Карамзина 100. 101.

La Crusca, флорент. академія 179. 181 и д. 228.

Ламанскій, В. И., проф. Его замѣтка «О славянскихъ топографическихъ названіяхъ» 261.

Лафатеръ 95. 96. 113.

Левинъ. Его трудъ по составленію датскаго словаря 247.

Лейбницъ 139.

Лонгренъ, шведск. писательница 189.

Леопольдъ, шведск. писатель 174. Членъ Шведской академіи. О его трудахъ по Академіи 153.

Лепехинъ, И. И., ак., непремѣнный секретарь Россійской Акад. 130. 160 и сл. Его переводъ «Естественной Исторіи Бюффона» 109. 127. 128. 130. Сообщилъ преданіе по поводу слова Пермяки 271.

Лепсіусъ. О звукѣ *и* 347.

Лербергъ, акад. 277. 508.

Лескинъ, проф. 344.

Лессингъ. Отношеніе къ нему Карамзина 6.

Леффлеръ, швед. уч. Объ удвоеніи согласныхъ 351—353.

Линде, Самуилъ. Его польскій словарь 225. О словѣ *войлокъ* 399. По поводу слова *аистъ* 504.

Линдестольпе, шведск. писатель. Его предположеніе о собираніи словъ 176.

Линдфорсъ. Его шведско-латинскій словарь 177.

Литке, гр. Ѳ. П., адмиралъ 159. 162.

Литовскій языкъ. О системѣ ударенія 401. Замѣчаніе о немъ Кайслера 405.

Литтрэ, лексикографъ 177.

Ломоносовъ, М. В. 293. Его дѣятельность по отношенію къ языку 3. Его разсужденіе «О пользѣ чтенія книгъ церковныхъ» 3. Ломоносовская теорія письменнаго языка 3. 4. 5. Его низкій штиль 5. 66. Народное выраженіе въ его одѣ «на взятіе Хотина» 5. Его замѣчаніе о единствѣ русскаго народнаго языка 27. Правильное употребленіе слова *языкъ* 43. Его взглядъ на русскій языкъ 60. О языкѣ послѣдующихъ писателей 3. 69. Сужденіе журнала «Зритель» о немъ. Замѣчаніе Карамзина 78 и сл. Сравненіе съ Шишковымъ по употребленію славянскихъ словъ 99. По поводу вопроса объ удареніи 388. О долготѣ слоговъ 457. Объ образованіи формъ глагола отъ 1-го лица 354. 375. О невѣрныхъ удареніяхъ 459. 460. О правописаніи слова *колачъ* 591. О словахъ польскаго происхожденія 609.

Лютеръ. О его языкѣ 208. 222. О введеніи въ словарь важнѣйшихъ словъ изъ его сочиненій 224. О вліяніи его на языкъ 226.

Мадьярскій языкъ. О системѣ ударенія 456.

Майковъ, В. И. Его отношеніе къ народной рѣчи 6.

Макаровъ, И. М. 103. 105. По поводу разбора «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ» 62. 89. Его мнѣніе относительно употребленія церковно-славянской стихіи 108. Мысли о необходимости употребленія иностранныхъ словъ 109. Считалъ Карамзина своимъ учителемъ 115. Отзывъ о дѣятельности Карамзина 97. 104. О необходимости новыхъ словъ для новыхъ понятій 98. Издававшій имъ журналъ: «Московскій Меркурій» 99. Его мнѣніе относительно книжнаго и разговорнаго языка 103.

Макаровъ, Н. П. Его русско-французскій словарь 248—254.

Максимовъ 162. 163.

Малиновскій, Алексѣй Ѳ. Переведено имъ «Духъ Бюффона» 127.

Мардарій, черногорскій монахъ. Напечатано имъ сербскія евангелія 385.

Мартыновъ, И. И. О книгѣ Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ 89.

Маценауэръ 607.

Мерзляковъ, А. Ф. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ 7.

Миклошичъ. Его труды 203. 302.

330. 345. 349. 474. 497. О корнѣ слова *творить* 346. 347. 580.

Миллеръ, Всев. 489.

Мольбекъ. Его датскій словарь 245.

Морицъ. Его нѣмецкій словарь 212.

«Морской Сборникъ», журналъ 47.

Москва. Объ учрежденіи въ ней школъ по польскому образцу 2.

«Москвитянинъ», журналъ. Помѣщенныя въ немъ статьи Даля 14.

Московскій журналъ Карамзина 67. 70—78.

Муравьевъ, М. Н. 17.

Надеждинъ, Н. И. Его разборъ «Филологическихъ наблюденій» Павскаго 308.

Наумовъ, І. Ф. 536.

Нейсъ. Его брошюра подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern wissenschaftlich erklärt» 276.

Несторъ, лѣтописецъ 272.

Новиковъ, Н. И. Его сатирическій журналъ: «Живописецъ» 66. 83.

Нордстремъ 266.

Носовичъ, И. И., составитель бѣлорусскаго словаря 155.

Нѣмцы 269. Объ образованіи ими учено-литературныхъ обществъ съ цѣлію изгнанія чуждыхъ стихій изъ языка 25.

Нюэнстедтъ, Францъ. Его ливонская хроника 505.

Общество любителей Россійской словесности. Его отношеніе къ народности 7. Читанная въ немъ статья Даля: «О русскомъ словарѣ» 14.

Оксеншерна, шведск. писатель 184.

Опицъ, нѣм. писатель 152. 208.

«Опытъ областнаго великорусскаго словаря». О пользѣ его для работъ Даля по его словарю 27. 28. Объ изданіи его 133. 143. Составъ его и значеніе 146 и сл. 150. 154.

Осенъ (Aasen), норвежскій филологъ. Его словарь норвежскаго народнаго языка. Мнѣніе о словахъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ 142 и сл.

Павлищевъ. Его историческій атласъ 269.

Павскій, о. Гер. Петр. 307. 310—313. 390. 490. 494. Его «Филологическія наблюденія» 321 и сл. Его замѣчаніе о произношеніи гласныхъ звуковъ: *с*, *и*, *ѣ* 310 и сл. О произношеніи звуковъ *о* и *а* 316 и сл. О словѣ *слюна* 321. Его замѣчаніе о буквѣ *ч* 328. О произношеніи *і* послѣ *ц* 329. Объ окончаніи *це* 329. О смягченіи *л* 331. О спряженіи глаголовъ 355. 366. Мнѣніе о словѣ *рисунокъ* 402. О происхожденіи слова *рыжикъ* 406. О происхожденіи словъ *красикъ* и *плавикъ* 407. О словѣ *колымага* 574.

Панинъ, Н. И., графъ. Сочиненіе о немъ Фонъ-Визина: «Описаніе житія графа Панина» 67.

Пахомовъ, Мат., переводчикъ. По отношенію къ славянизмамъ 76.

Пекарскій, П. П., акад. Его замѣчаніе о журналахъ Крылова и Клушина 78.

Перовскій, В. А. 11.

Петровъ, А. А., другъ Карамзина. По отношенію къ славянскому языку 76.

Петръ Великій 274. Заимствованіе при немъ иностранныхъ словъ 2. 609. Время послѣ Петра Великаго по отношенію къ языку 5. По поводу слова *Аистъ* 504. По поводу названія *Айфаръ* 508. 514. По дѣлу развитія гравированья въ Россіи 292. 293.

Петръ Мстиславецъ. Напечатано имъ виленское евангеліе 384.

Пикаръ, граверъ 292.

Пино, Франц., проф. 513.

Плавильщиковъ. Сотрудникъ Крылова и Клушина по изд. «Зрителя» 79.

Погодинъ, М. П., акад. Его газета: «Русскій» 14.

Подвысоцкій, А. О. О составленномъ имъ словарѣ Архангельскаго нарѣчія 154 и д.

Подшиваловъ 114. По отношенію къ дѣлу улучшенія литературнаго языка 71. 72 и сл. Усердный послѣдователь Карамзина. О главномъ участіи въ періодическихъ изданіяхъ университетскаго общества. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ 71. О разницѣ между нимъ и Карамзинымъ, какъ стилистами 75. 76. Его журналъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 81. «Сокращенный курсъ Россійскаго слога» 82. и сл.

Поляки и Польскій языкъ 322. О системѣ ударенія 456. 609.

Потебня, А. А., проф. 475.

Поттъ 497.

«Почта Духовъ», журналъ Крылова 67. 70.

Пушкинъ, А. С. Его отношеніе къ народному языку 7. Упрекъ ему Даля

на счетъ языка 14. Стихи изъ него 457.

Раскъ, датчанинъ. Его труды 226.
Рахманиновъ, Ив. Какъ главный издатель журнала «Утренніе часы» 70.
Рейфъ, Ф. И. 40. 318. 321. Его словарь 592. Его смерть 432.
Рицъ, шв. ученый 605.
Ричардсонъ 65. 123. 181.
Ровинскій, Д. Его книга «Русскіе граверы» 292. Доставилъ рукописныя указанія. Тамъ же.
Розенъ. Его санскритскій корнесловъ 203.
Россійская Академія. См. Академія Россійская.
Румовскій, Я. С. Его переводъ Естественной Исторіи Бюффона 108.
Румянцовъ. Его замѣчаніе о типографскихъ терминахъ 294. 295.
Рупрехтъ, Ф. И., ак. Отзывъ его о словарѣ Даля 56.
«Русскій», газета, издаваемая Погодинымъ 14.
Русскій языкъ. Вліяніе эпохи Петра Великаго 2. О развитіи литературнаго 1—9. 18 и сл. 64 и сл. 69. Народный 5—9. 15. 16. 20. 65. 89. Разговорный 101 и сл.
Рыльскій, Іоаннъ. Его замѣчаніе о незнаніи у насъ первобытныхъ именъ мѣстъ, искони заселенныхъ славянскими племенами 263.
Рѣшетниковъ, Анд. Издатель журнала «Дѣло отъ бездѣлья» и составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства 129.
Рюдбергъ, О. С., швед. ученый 266.
Рюдквистъ, филологъ. Его сочиненіе: «Законы шведскаго языка» 190. Главный членъ комитета шведской академіи по изданію словаря. Тамъ-же.

«Санктъ - Петербургскій Вѣстникъ» 75.
Сахаровъ, И. П. По отношенію къ устной поэзіи 7.
Семеновъ, П. П. Его «Географическій и Статистическій словарь» 276.
Сиверсъ, Эд. 339. 350.
Сидоровскій, Ив., свящ., членъ Россійской Акад. Его переводы 76.
Скворцовъ, ученикъ Подшивалова. Изд. имъ: «Сокращенный курсъ Россійскаго слога» Подшивалова 82.
Словарь — Толковый Даля. См. Даль.—Шведскій. См. Шведская акад.—Областной. См. Опытъ области. великорус. — Вебстера, англійскій 56. — Областные, германскіе 133—143.—Братьевъ Гриммовъ. См. Гриммы и Гриммъ, Яковъ. — Аделунга. См. Аделунгъ. — Датскаго Общества Наукъ 246 и сл.— Мольбека и Левина 247—Русско-французскій, Макарова 248. — Татищева 248. — Чешскій, Юнгмана 225.
Снегиревъ, И. М. По отношенію къ устной поэзіи 7. Его объясненіе пословицы о лыкѣ 253.
«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго слова» 67.
Соколовъ, П. И. Его словарь. Объясненіе слова *столъ* 232.
Соломоновскій, И. С. 601. 602.
Сохацкій 120. Заслуга его по улучшенію литературнаго языка 71 и сл. Объ отношеніи его къ Карамзину. Его журналъ: «Иппокрена, или утѣхи любословія» 71.
Спасскій. Изданная имъ книга Большаго чертежа 271. Замѣчаніе о тожествѣ словъ Ильмень и Лиманъ 275.
Сперанскій, М. М. Его программа русскаго словаря 257.
Срезневскій, И. И., акад. Его «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» 194 и сл. 231. Его статья: «о сродствѣ звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ». О звукѣ *і* 314. О произношеніи звука *о* 315. О резьянскомъ нарѣчіи 480.
Стальдеръ. Его швейцарскій словарь 138. 206. 218.
Стефанусъ. Гейнрихъ. Объ удержаніи въ словарѣ непристойныхъ словъ 222.
Стефанъ Баторій 505.
Стоюнинъ, Вл. 366.
Страховъ, профессоръ Московскаго университета 118. 129.
Строевъ, П. М. Опроверженіе догадки Карамзина о происхожденіи слова *кремль* 284.
Струбе 509.
Сумароковъ, А. П. Его отношеніе къ народной рѣчи 6. Замѣчаніе Карамзина о Сумароковѣ по отношенію къ языку 77. По поводу невѣрныхъ ударенія 459. 460.
Суровцовъ 156.
Сядербергъ 509.

Таммъ, Фридр., шведскій ученый 597 и д.
Таузингъ 340.
Тегнеръ, шведскій поэтъ 189.
Толстой, гр. А. К. Его ошибки противъ языка 37.

Томсонъ, дат. филологъ 509.
Тредьяковскій, Василій Кир. 293.
Тумапскій, Федоръ. Его переводъ: «Палефатъ» 76. Его журналъ: «Россійскій магазинъ» 78. 79. Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по журналу «Зритель» 79. Непріязненное отношеніе къ Карамзину 80.
Тургеневъ, И. С. 568.

«Утренніе часы», еженедѣльное изданіе. О языкѣ его и главномъ издателѣ Пв. Рахманиновѣ 70.

Фенелонъ 246.
Фишартъ, нѣм. писатель 222. 224.
Флемингъ, нѣм. писатель 208.
Фогтъ, доцентъ 516.
Фонъ-Визинъ. Ден. Ив. 90—92. Его отношеніе къ народной рѣчи 6. 66. Замѣчанія о его языкѣ 62. 68. 75. 91. 109. Ученикъ Ломоносова, по словамъ Дмитріева 114.
Фортунатовъ 156.
Форчеллини, составитель латинскаго словаря 222.
Фоссъ, нѣм. писатель 210.
Франсёнъ, швед. поэтъ 184.
Французская академія 173 и д. Ея пуризмъ 7. Словарный при ней комитетъ 177. 185. По составленію грамматики 179.
Фрейтагъ, переводчица Гингера и Исланда 10.
Фрисъ, лейден. проф. 513. 514.
Фришъ, нѣм. лексикографъ 229.
Фроммапъ. Дополненное имъ изданіе словаря Шмеллера 140.

Хаагъ, Фридр. 301—303.

Цыгановъ. О народномъ духѣ въ его пѣсняхъ 7.

Чеботаровъ, москов. проф. 119.
Чельгренъ, швед. писатель и членъ Шведской академіи 174.
Чемесовъ, граверъ 294.
«Чтоніе для вкуса, разума и чувствованія», журналъ. О главныхъ сотрудникахъ его, Сохацкомъ и Подшиваловѣ 71. О содержаніи и языкѣ этого изданія 72.

Шафарикъ. Объясненіе слова *коммата* 574. О словѣ *жмк* 561.
Швабскій словарь Шмида. Его этимологическія и историческія замѣч. 139.
Шведская Академія 173. 179. Основаніе и цѣль учрежденія ея 180. Работы по составленію словаря, установленію ороографическихъ правилъ и составленію грамматики 174 и д. Ея вакаціи 180. Обзоръ ея экономическаго положенія 187 и д. О ея дѣйствіяхъ по пепомоществованію литераторамъ 188. Поручила Гагбергу работу по шведскому словарю 189. О первомъ выпускѣ ея словаря 190 и сл. О затрудненіяхъ къ продолженію изданія словаря 191 и сл. Главныя причины медленности 192 и сл. Отказалась отъ суммъ, выдаваемыхъ отъ правительства на изданіе словаря 192.
Шовыревъ, С. П., проф. 102. словѣ *кнутъ* 475.
Шегренъ, акад. 278. 314.
Шейнъ, П. В. 536.
Шекспиръ. Его почитатель Карамзинъ 6.
Шенрокъ, Вл. И., учитель 477.
Шешенинъ, А. К. 155.
Шимкевичъ. Его Корнесловъ 38. 203. 284. 320. 592.
Шифнеръ, А. А., акад. 133. 568.
Шишковъ, А. С. Его нападеніе на карамзинскій слогъ и отрицательное ихъ дѣйствіе 4. Отношеніе къ ц.-сл. языку 8. Его «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» 62. 75. 95. Необходимость знакомства съ книгой Подшивалова: «Сокращенный куресъ Россійскаго слога, изд. Скворцовымъ, для полной оцѣнки «Разсужденія» 87. Объ оцѣнкѣ книги Шишкова 89. Уловка Шишкова въ полемикѣ съ Карамзинымъ и его подражателями 89. Его обвиненія въ отношеніи къ языку Карамзина 90. 91. 92. 93. 94. О введеніи Карамзинымъ новыхъ словъ для новыхъ понятій 97. Ошибка относительно послѣдователей Карамзина 99. Упреки Карамзину за употребленіе французскихъ словъ и сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія 111. 112. 113. По поводу слова *Айфаръ* 514.
Шлейхеръ, Авг. 334. 343. 347. 391.
Шмеллеръ. Его баварскій словарь 139. 206. 218. 237.
Шмидтъ, граверъ 294.
Шмидъ. Его швабскій словарь съ этимологическими и историческими примѣчаніями 140.
Шонобекъ, граверъ 292. 293.
Шренкъ. А. И. 155. 159. 162.
Шренкъ, Л. И., акад. 504. 537. Его отзывъ о словарѣ Даля 56.
Штальдеръ. См. Стальдеръ.
Штилеръ 229.

Шторхъ, акад. Его «Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи» 74.
Штраленбергъ. По поводу слова *аистъ* 505.
Шубертъ. Его подробная карта Россіи 269.
Шуваловъ, И. И. 119.
Шумавскій, чешскій филол. Его мнѣніе о произношеніи 457.
Шютце. Его голштинскій «Idiotikon» 135.

Щекатовъ. Ссылка на его Географическій словарь 271.
Щербатовъ, кн. М. 515.

Эгли, профессоръ, авторъ Географическаго словаря 262. 278—280.
Эминъ, Ф. А. Какъ сотрудникъ Крылова и Клушина по изданію «Зрителя» 78.
Эрбонъ, К. Я. Его замѣтка «О славянскихъ топографическихъ названіяхъ 261. Его мысль о необходимости приводить славянскія имена мѣстъ въ подлинникѣ 263.

Юнгманъ. Его чешскій словарь 225.
Юргевичъ. О названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ 511.

Ягичъ, И. В., акад. 302.
Якимовъ, переводчикъ Иліады 76.
Яновскій, авторъ Словотолкователя 260.

II. Лексическій указатель[1].

1. Русскія слова и имена.

Аба 29.
Або 264. 277.
Абрисъ 437.
Азартъ 22.
Акстъ 504—515.
Айфаръ, Ойфаръ 508. 514.
Алкать 358.
Альдога 273.
Альпы 261.
Аляборъ 147.
Атмосфера 33. 34.
Аура 265.

Батырщикъ 295.
Безалаберный 147.
Безмонъ 600.
Берковецъ 605.
Бечева 56.
Блевать 317.
Блещещь, -утъ 386.
Близорукій 213.
Блистать 385.
Бодрый 50. 51.
Бородино 477.
Бочанъ 505.
Брусника 41.
Буесть 150.
Быза 49.
Быть 19.
Бѣжать 365.
Бѣлуха 261.

Варенье 331.
Варить 281. 321. 413.
Вдовъ, городъ 268.
Вдохновенный 19.
Вдохновлять 19.
Векса, рѣка 270.
Вонденъ 264.
Веселка 492.
Весло 36.
Весь, народъ 271.
Виденъ 475.
Виндау 268.
Витать 15.
Витязь 606.
Вкусы 112.
Вліятельный 22.
Вліять 17. 22.
Вовкулака 29.
Водь, народъ 271.
Возлѣ 497.
Возникновеніе 19.
Войлокъ 399. 436.
Вокша, рѣка 270.
Вотяки 271.
Врачъ 24.
Времонить -ся 150.
Всемѣстный 113.
Всетворящій 113.
Выздоравливать 435.
Выздоровѣть, -леніе 435.
Высокосный 213.

[1] Воспроизводить здѣсь обширный указатель словъ, приложенный ко 2-му изданію этой книги, признано безполезнымъ, такъ какъ большую часть ихъ легко находить то подъ суффиксами, о которыхъ рѣчь идетъ въ статьяхъ объ удареніи, то въ отдѣльныхъ спискахъ словъ, расположенныхъ въ послѣднихъ статьяхъ тома въ азбучномъ порядкѣ. Въ настоящій указатель сочтено достаточнымъ занести только тѣ слова, о которыхъ въ разныхъ мѣстахъ книги разсѣяны отдѣльныя замѣчанія.

Выстрѣлъ 23.
Выть 21.
Вьюпецъ 41.

Гаеръ 517. 519.
Галиція 264.
Галичъ 264.
Гари 269.
Гималай 261.
Глазоемъ 31. 32.
Говоръ 251.
Головня 35.
Голосованье 18.
Голѣмый 76.
Гомонъ 147. 607.
Горизонтъ 32 и сл.
Горнуть 41.
Городище 269. 287. 427.
Городъ 287.
Горшокъ 35.
Гостиница 24.
Гравировать 293.
Градировать 293.
Грамотность 251.
Гремъ 288.
Гридоровать, грыдоровать 292.
Грубьянъ 599.
Гудить 35.
Гуртъ 41.
Гусачиха 30.

Давалагари 261.
Даровитый 18. 22.
Домовой 54.
Достижимый 112.
Драгунъ 447.
Дровни 35.
Дрожки 601.
Дрянцо 492.
Дуно ѥніе 19.
Дуэль 23.
Дышать, -ть 371. 495.
Дышло 38.
Дѣятель 18. 22. 251.

Ермолафія, -ида 125.
Если, естьли 120.

Жаворонокъ 402.
Жаждать 36. 358.
Жаль, сущ. 49.
Желанный 470.
Живодѣтельный 113.
Животворный 112.

Завѣсь 22. 33.
Задатокъ 251.
Замолаживать 12.
Заподозрѣть 22.
Засѣдки 250.

Зачинъ 19.
Здать, зижду 36.
Золонь 479.
Зижду. См. Здать.
Зодчество, -чій 36.
Зыбать 36.
Зыряне 272.

Ижорская земля 273.
Избранный 470.
Изрядный 109.
Ильмонь 149. 274.
Имать 358. 381.
Имѣніе, -вещо 331. 431.
Инокъ 398.
Исконаемыя 110.
Исполать 213.

Кабанъ 43.
Казакъ 40.
Кандалажская губа 275.
Канцы 274.
Капиталъ 22.
Карить 604.
Касса 44.
Кесь 264.
Кивачъ 275.
Классъ 44.
Клеймо 428.
Клинокъ 399.
Клинъ, городъ 277.
Ковалокъ 149.
Колебать, -аю, -лю, -лютъ 358.
Колоть 38.
Колпикъ 512.
Колъ 38. 464.
Колывань 264. 276. 277.
Колыхать 358.
Колѣть 38.
Комиссія 22.
Копда 29.
Копьецо 330.
Коростель 410.
Костеръ 282.
Край, -и 475.
Красикъ 407.
Красная рыба 252.
Кременецъ, Кременчукъ и друг. названія того же корня 286.
Кремень 285 и д.
Кремль 278. 281—291.
Кремникъ 284.
Кремъ 284.
Кресать и кресиво 289.
Крица 35.
Крома, -ка 283.
Кромный 283.
Кромъ 280 и д.
Кромы, городъ 282.
Кромѣ 283.

Кромѣство 283.
Кромѣшній 283.
Крылосъ 213.
Кубокъ 398.
Куверть 23.
Куликъ 406.
Купецъ 23.

Лагерь 24.
Ладога 273.
Ланоть 53.
Леклекъ 512.
Лиманъ 274.
Лишекъ 399.
Ложишь, -ся 382.
Лучекъ 399.
Лыко 253.
Людеревъ 264. 277.
Людь 18.

Маймистъ 272.
Манора 22.
Маниха 159.
Масса 44.
Мастеръ 22.
Маститый 39.
Маца 295.
Матеріалъ, -ный 22.
Матерія 22.
Мебель 111.
Меря, народъ 272.
Миновать 322.
Міріады 84.
Миръ 489.
Міроколица 31. 32.
Міръ 489.
Младенецъ 405.
Младенчественный 113.
Мордва 272.
Мочь 381.
Мужикъ, -чье 406.
Музыка 22.
Мурома 272.
Мыло 489.
Мянда 29.

Навье 149.
Надобно 19.
Налой 213.
Намостъ 112.
Наплясаться 251.
Настроеніе 18.
Насущный 18. 251.
Насылка 31.
Научный 18. 22.
Небоземъ 32.
Нева 149. 273.
Негоціантъ 24.
Немыслимый 17.
Неясыть 507.
Нива 273.
Носъ 229.
Нравственный 111.
Пѣщечко 43.

Обитать 15.
Обитель 410.
Обиходный 15.
Обознаться 14.
Обручь 437.
Общеполезный 113.
Общественность 113.
Объемлютъ 37.
Обыденный 15.
Обыкновенный 19.
Оврагъ 447.
Оглобля 602.
Озоръ 32.
Ока 270.
Оказія 22.
Оный 109.
Опоскъ 147.
Опознаться 14.
Опойчина 148.
Опрѣснокъ 402.
Опѣнять и опѣняемый 113.
Орать 370.
Орѣховъ, -вецъ, -шекъ 267. 511.
Осеслокъ 402.
Оскомина 147.
Отдохновеніе 19.
Отель 24.

Паземка 317.
Паникадило 213.
Паровозъ 22.
Паромъ 602.
Партикулярный 23.
Пасмо 428.
Пахать 157.
Переворотъ 94.
Пермь 271.
Перси 281.
Печать 18. 252.
Пинега 270.
Пищаль 599.
Плавикъ 407.
Планина 600.
Платьице 331. 431.
Плевать 317. 320.
Плоскогорье 18.
Плясать 20.
Повытчикъ 21.
Подволокъ 38.
Подина 150.
Подлинный 497.
Подлый 109.
Подлѣ 496.
Подраздѣленіе 110.
Поединокъ 23.

Полѣно 35.
Постъ 49.
Потолокъ 38.
Потребность 94. 111.
Починъ 19. 22. 252.
Предокъ 398.
Представитель 22.
Преобразованіе 24.
Преткновеніе 19.
Преуспѣяніе 19.
Приборы (мебель) 111.
Прикосновеніе 19.
Примѣчаніе 19.
Принципъ 23.
Притолокъ 38.
Пробѣлъ 18.
Прозябеніе 94.
Промышленность, -ый, -икъ 112.
Просвира 213.
Просторъ 39.
Проходимецъ 19.
Проявленіе 18.
Пунсонъ 295.
Путевой 252.
Пѣшій 43 и сл.
Пѣшкомъ 43.

Разбирать 252.
Разборъ 19.
Развитіе 94. 111.
Раковоръ 264. 276.
Рало 490.
Рисунокъ 402.
Рознь 18. 252.
Ругодивъ 264. 276.
Рукобитье 54.
Рыжикъ, -чекъ 406.
Рынокъ 399.
Рычагъ 148.
Рѣчникъ 200.
Ряжекъ, Рясскъ 274.
Ряса 149. 273.

Садишь, -ся 382.
Сальный, сальность 17.
Самъ третей 471.
Сани 491.
Саркое Село 213. 268.
Свиристель 410.
Сводиться 252.
Своячинища 414.
Свѣдать, -нъ 19.
Сдержанность 18. 22.
Сей 109.
Сердоболь 268.
Сестра, названіе рѣки 267.
Сидѣть 34. 39.
Скомить и скомлѣть 14
Скоморохъ 517.
Славянофилъ 76.
Славянчизна 114.
Сланоцъ 150. 404.
Словарь 200.
Словникъ 200.
Сложиться 18.
Слюна 321.
Смолоду 475.
Содѣлывать 19.
Создать 496.
Соловки 149.
Соломинка 418.
Сопоставленіе 18.
Сорадованіе 19.
Спать 366.
Споспѣшествовать 19.
Спѣшить 471.
Станъ 24.
Стекольна, вм. Стокгольмъ 213. 268.
Стелька 48.
Стеля 288.
Стерхъ 505. 599.
Стлать, стелютъ 381.
Сто 479.
Стогъ 148. 464.
Стоить, стóятъ 45.
Столешница 232.
Столъ 228. 232.
Столя и стеля 288.
Сторонникъ 18.
Страда 147.
Страдалецъ 147.
Страдаль 147.
Страдать 147. 358.
Строй 18.
Строка 253.
Стрѣлять 23.
Суванто 269.
Суть, сущ. и. 19.
Сущность 19.
Сфера 84.
Сдѣлка 492.
Сдѣло 490.
Сѣсть 39.

Тварня 580.
Творить 382.
Творчество 18.
Торедорщикъ 295.
Ткать 51. 52.
Тлакъ 38.
Тло 39. 148.
Тлѣнъ 38.
Толокъ (тлакъ) 38.
Толочить 38. 39.
Траурь 49.
Третій. Третьяго-дня 317. 471.
Тротуаръ 112.
Туга 149.

Угомонить 147.

Узьерва 269.
Уповодъ 21.
Упоминаніе, -новеніе 19.
Упражняться, -еніе 69. 109.
Усовершенствовать 113.
Устюгъ 270.
Утонченный, -ость 94.
Утопія 40.
Учинить 109.

Фактъ 111.
Фартукъ 23.
Фасонъ 22.
Фортеція, петровское слово 23.
Фрыштыкъ 23.

Халатъ 447.
Хватъ 604.
Хлопокъ 398.
Холмогоры 269.
Хотѣть 365. 381.
Хромать 358.

Царское Село 213.
Цвѣтъ 53.
Цинкъ 602.
Цѣна 322.
Цѣпъ } 38.
Цѣпь }

Человѣчный 113.
Черная рыба 252.
Чернохвостъ 505. 512.
Чертогъ 447.
Чинить 382.
Чтеньицо 431.
Чувствованіе 19.
Чугунка 21.

Шансы 17.
Шило, -ьце 489.
Шировары 213.
Шкеры 605.
Шлотбургъ 274.
Шпильманъ 517.
Шпынь 517.
Штадтъ, штатъ 44.
Штанба 295.
Шутъ 517.

Щелкать 436.
Щелокъ 399. 436. 607.
Щель 436.
Щиколотокъ 402.

Эксплуатація 23.

Юнецъ 40.

Якорь 270.

2. Иностранныя слова и имена.

Aalto, фин. 273.
Abenteuer, нѣм. 212.
Abêr 507.
Adebar, нѣм. 507. 513.
Ἀειφάρ 506.
Armbrust, нѣм. 212.

Battitore, ит. 295.
Boden 38.

Cordilleras do los Andes 261.
Culbuter, фр. 221.
Culotte, фр. 221.

Durchfall, нѣм. 221.

Eichorn, нѣм. 212.
Erzgebirge, нѣм. 261.

Fenster, нѣм. 214.
Flegma, пол. 322.
Φλέω 319.

Gradieren 293.

Halle, нѣм. 264.
Hallein, нѣм. 264.
Hallstadt, нѣм. 264.
Hölle, нѣм. 213.
Hose, нѣм. 221.

Ingermanland 273.
Ingrikot, фин. 273.

Joki, фин. 267. 270.

Kalma, фин. 269.
Kammer, нѣм. 214.
Kivi, фин. 275.
Κρημνός 290.

Laatoka, фин. 273.
Lahti, фин. 275.
Lexicon, лат. 201.
Λίμνη 275.
Lichtbraten, нѣм. 250.

Maulwurf, нѣм. 213.
Mont-Blanc, фр. 261.

Neuhausen, нѣм. 265.
Newo, фин. 149. 273.
Nyenskans, шв. 274.
Nöteborg, шв. 267.

Oiovâr, голл. 507.
Ojlik, татар. 436.

Πελεκάνος 506. 513.
Pforte, нѣм. 214.
Πλέω 319.

Quotidien, фр. 251.

Raja, фин. 267.
Rajajoki, фин. 267.
Râjis, сскр. 267.
Riss, нѣм. 437.
Rysować, пол. 436.
Rysunek, пол. 437.

Schellen, нѣм. 436.
Schneekoppe, нѣм. 261.
Sierra Nevada, исп. 261.
Skilja, швед. 436. 608.
Sned, sneda, шв. 387.
Snedker, snedig, дат. 387.
Sneida, исл. 387.
Sněžka, чеш. 261.
Snide, норв. 387.
Snöhätta, шв. 261.
Snowdon, вель. 261.
Sortawala, фин. 268.
Speien, нѣм. 317.
Spelmann, нѣм. 518.
Splauju, латыш. 318.
Spuo, латин. 317.
Stock, нѣм. 148.
Sünde, нѣм. 213.
Suvanto, фин. 269.
Systerbäck, швед. 267.

Taufe, нѣм. 213.
Tiratore, ит. 295.

Violo, нѣм. 214.

Wobon, нѣм. 52.
Wuoksi, фин. 270.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	св. 7	вгляда	взгляда
123	св. 15	смылѣ	смыслѣ
153	сн. 17	*разъздъ*	*разъѣздъ*
261	сн. 4	Гималаай	Гималай
336	сн. 15	тѣсненіе	стѣсненіе
431	св. 5	форму *еце платьсце*	форму *ице платьице*
—	св. 6	*имньеце, чтеньсце* или съ удар.	*имньице, чтеньице* или *ицо́* съ удар.
491	св. 13	*па́варъ*	*по́варъ*

BINDING SECT. NOV 24 1978

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
2027
G7
1885a
t.1
pt.2

Grot, IAkov Karlovich
Filologicheskiia razyskaniia
IA

(22)